ЛЮДЕНДОРФ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ 1914—1918

ТОМ ПЕРВЫЙ

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Высший Военный Редакционный Совет.

Москва, Смоленский бул., 53.

П Е Ч А Т А Ю Т С Я:

„ИНОСТРАННЫЕ АРМИИ".

Под ред. т. Рыбакова, В. Сухова и Н. Троицкого. 25 п. л. с 12 схем., 18 карт. и 11 рис.

Справочник для комсостава о вооруженных силах капиталистических государств — Англии, Японии, Германии, Америки, Франции, Прибалтийских государств, Китая и др., всего 21 государство. В качестве введения статья Павловича, Вельтман: „Пред угрозой будущих войн". В справочнике отдельно статьи о воздушном морском флота. Незаменимое пособие для ком. и политсостава.

ШЛИФФЕН. „Канны". Перев. под ред. А. Е. Снесарева, 15 п. л.

Классический труд германской военной литературы, на котором воспитывались целые поколения военных людей. Идеи Шлиффена были положены в основу плана военных действий Германии в минувшую Мировую войну.

Дж. ФУЛЛЕР. „Танки в великой войне 1914-1918 г.г." Перев. с англ. под ред. В. Ф. Новицкого—22½ п. л. с 12 рис. и 9 черт. в тек. и 9 план. сраж. и 1 карта.

Книга содержит историю возникновения танка, его постепенного развития и боевой работы на западном фронте мировой войны. Описания сражений, в которых танки принимали участие, говорят о солидной мощи этого нового боевого средства и намечают перспективы его крупного влияния на способы ведения войны будущего.

А. А. ФРАЙС и К. Д. ВЕСТ.

„Химическая Война". Пер. с англ. члена Арткома М. Н. Соболева. 20⅐ п. л. с 121 рис. в тек.

Один из ценных трудов зарубежной литературы по применению химических средств борьбы. Заключает в себе полные сведения по природе удушливых газов и по применению их в современной войне. Богато иллюстрирован фотограф. снимками, чертежами и таблицами. Особенный интерес труду придает участие автора (Фрайс) в рядах американских войск в последнюю войну.

С. БАСОВ-ВЕРХОЯНЦЕВ.

„Расея". Иллюстрации.

Подготовляемая к печати сатира популярного автора „Конька-Скакунка" и других сатирических вещей содержит в себе полную историю России от призвания варягов до наших дней.

А. А. ПОЛИВАНОВ.

Мемуары. Под ред. А. М. Зайончковского с предис. Мих. Павловича.

Воспоминания автора охватывают период его деятельности в должности военного министра в царской армии.

ЛУКИН-АНТОНОВ.

Из истории революционных войн.

Это один из наших серьезных марксистских трудов, охватывающий историю революционных войн, главным образом связанных с историей Англии. Автор в своем исследовании доходит до Наполеоновского периода.

В. НЬЮБОЛЬД.

Как Европа вооружалась к войне. 1871—1914.

Один из активнейших вождей британской коммунистической партии т. Ньюбольд одновременно является автором интересно написанной книги о развитии военной промышленности в Европе.

Заказы адресовать в Высший Военный Редакционный Совет.

При покупке не менее 10 экз. скидка 20%, при покупке не менее 50 экз., воинскими частями и учреждениями, расположенными вне Москвы, скидка 30%. Книгопродавцам обычная скидка.

ЛМ
193

Э. ЛЮДЕНДОРФ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ 1914—1918 г. г.

ПЕРЕВОД С 5-го НЕМЕЦКОГО ИЗД. ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. СВЕЧИНА

ТОМ ПЕРВЫЙ

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1923

Главлит № 9410.
Тираж 7.000 экз.
В. В. Р. С. № 762.
Типография
„Красная Печать",
Мосполигр. Москва.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПУБЛИЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
БИБЛИОТЕКА
1143169 М

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Воспоминания Людендорфа имеют ряд положительных и отрицательных качеств. Автор, являясь одним из виднейших деятелей германского генерального штаба, дает яркие образы его оперативной и организационной работы. В этом—главное достоинство книги. С особым интересом следует остановиться на организационной работе германского генерального штаба, вылившейся в строго продуманную империалистическую систему ведения большой войны. Нет никакого сомнения, что здесь мы для текущей своей военной работы почерпнем много полезного.

Что же касается до рассуждений Людендорфа на политические темы, до его патриотической лирики, то здесь автор является типичным представителем ограниченного и самоуверенного германского генералитета. Людендорф не в состоянии, несмотря на свои личные качества вождя и *военного теоретика* подняться выше обывательских представлений о существе развертывавшихся вокруг него мировых событий. Вместо того, чтобы искать корни поражения германской армии в столкновении молодого, но еще не успевшего окрепнуть германского империализма с более зрелыми и сильными английским и, главным образом, американским—Людендорф упорно ищет эту причину в «зловредной пропаганде» и пр. На этих отрицательных сторонах мемуаров Людендорфа не стоило бы останавливаться, если бы в них не были заложены корни его сегодняшнего политического credo. В настоящее время Людендорф является одним из активных *вожаков германского фашизма*. В любезном посвящении к зарубежному русскому изданию своих мемуаров он братски протянул руку врангелевским белогвардейцам. Через Баварский Орден он самыми тесными нитями связался с французской плутократией. Эти факты с достаточной полнотою освещают действительную ценность тех страниц мемуаров Людендорфа, где он распинается о национальной добродетели, о заслугах германских помещиков и о прочих юнкерских благоглупостях.

Тем не менее положительные качества мемуаров Людендорфа превышают отрицательные. На ряду с трудами Фалькенгайна и Шварте труд Людендорфа отвечает текущим запросам передовой военной мысли, ибо огромные массы воюющих и необычайный рост военной техники на передний план выдвинули проблемы *организационного* порядка. В этой же области германский генеральный штаб, отраженный ярко и выпукло мемуарами Людендорфа, стоит на одном из первых мест.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Военную карьеру Людендорфа постигла такая же катастрофа, которая выпала и на долю величайших полководцев—Ганнибала и Наполеона. Однако, несмотря на то, что на отдельных решениях, проведенных в жизнь Людендорфом, лежит печать гениальности, несмотря на то, что частные победы Людендорфа по своему об'ему и блеску превосходят успехи, имеющиеся в активе других великих полководцев, мы не думаем, что будущий историк сопоставит Людендорфа с именами величайших военных гениев. Людендорф—идеальный оператор; у него можно многому поучиться: его оперативная мысль отливается в ясную, отчетливую форму. Оценка обстановки Людендорфом, принятие решения, проведение его в жизнь получают чисто классическую чеканку. И тем не менее, Людендорф нам дает не образец ведения войны, а только высокозаконченные детали военного искусства. Он находится в слишком значительном противоречии с духом эпохи, чтобы создать ценное, при гигантском масштабе задач мировой войны. Скорее его следует сравнить со «скоропалительным» королем шведским Карлом XII.

«Два-три сраженья разыграть,
Конечно, может он с успехом,
К врагу на ужин прискакать,
Ответствовать на бомбу смехом,
. . . . . .
Свалить, как нынче, казака
И обменять на руку руку.
. . . . . .
Как полк, вертеться он судьбу
Принудить хочет барабаном.
Он слеп, упрям, нетерпелив,
И легкомыслен, и кичлив,
Бог весть, какому счастью верит,
Он силы новые врага
Успехом прошлым только мерит—
Сломить ему свои рога».

Разумеется, эта характеристика Карла XII, которую Пушкин вкладывает в уста Мазепы, далека от справедливой, беспристрастной оценки шведского полководца. У Карла XII были огромные достоинства военного вождя. Но ему не дано было правильно оценивать силы его противников; он хромал, как политик, он ставил несоразмерные своим силам военные цели, он за сто лет до Наполеона, не имея в руках тех материальных предпосылок, которые создались в эпоху великой французской революции, попытался применить ту стратегию сокрушения, которая так пышно расцвела в руках Наполеона и Мольтке,—в результате—Полтава.

Заметим, что сравнение с Карлом XII нисколько не умаляет значение изучения хода военной мысли Людендорфа: Карл XII был не только разбит Петром Великим, но и явился учителем, наставником в военном искусстве Петра и русской армии. Людендорф также остается несравненным учителем, хотя его успехи образуют только блестящую рамку, особенно оттеняющую окончательный провал.

Вся карьера Людендорфа—это ряд нарвских побед на пути к Полтавскому разгрому. Понятие о том, что надо по одежке протягивать ножки, доступно Людендорфу только в сфере узко оперативной и тактической. В политике и высшей стратегии Людендорф мало считается с реальными возможностями, с эпохой, и стремится к высшим достижениям. В общем руководстве войной он не знает меры, а ведь Гете справедливо утверждал, что только в правильной мере познается мастер.

Вопрос об отношении стратегии к политике всегда был слабым пунктом прусского генерального штаба. Еще при старом Мольтке был ряд острых столкновений с Бисмарком; если железному канцлеру удалось сохранить равновесие между стратегией и политикой, то это оказалось не под силу его слабым преемникам под бурным натиском Людендорфа. Он свел значение политики до роли простого орудия войны, последняя стала самоцелью, и геройские усилия немецких солдат в глазах широких масс в тылу и на фронте постепенно стали утрачивать смысл.

Фалькенгайн, которого сменил Людендорф на посту ответственного руководителя войны, в техническом отношении, как вождь, значительно уступал последнему. Но он гораздо яснее понимал, что полное сокрушение врага в данных условиях недостижимо, что борьбу надо вести на время, кто дольше выдержит, и соответственно надо ставить германским армиям ограниченные задачи; мировая война слагалась в таких условиях, что надо было не замышлять смертельные удары врагу, а улучшать свое положение в возможных пределах. Стратегия ограниченных целей, которую Клаузевиц полагал необходимым сохранить наравне с наполеоновской стратегией сокрушения и согласно которой составлял в 1830 году план войны с Францией, признавалась другими пережитком XVIII

века, отрицанием наполеоновского военного искусства, подвергалась в прусском генеральном штабе гонению,—и все ошибки Людендорфа связаны с ее последовательным отрицанием.

Людендорф отчетливо сознает свою ответственность в политических вопросах, связанных с войной, и уделяет в своих воспоминаниях много места политике. Это, может быть, наименее искренние страницы воспоминаний. Большие ошибки допущены были Людендорфом по отношению к русской революции, явившейся неожиданным, огромным выигрышем для германской стратегии. Брест-литовские переговоры, выступления ближайшего сотрудника Людендорфа — Гофмана, только усиливавшие впечатление, которое производили на германских рабочих речи Л. Д. Троцкого,—один из неудачнейших шагов германского высшего военного командования. Людендорф не сумел воспользоваться русской революцией ни для заключения мира ни для создания более выгодных условий дальнейшего ведения войны. Его мысль в этом отношении не прояснилась и после обрушившейся на Германию катастрофы.

Было бы безнадежным делом опровергать в примечаниях заблуждения Людендорфа, относящиеся к высшей стратегии и политике. Пришлось бы оспаривать слишком много.

Весь труд Людендорфа крепко спаян одним юнкерско-консервативным мировоззрением, весь он представляет одно стройное архитектурное сооружение. Этот монолит должен быть представлен читателю в непосредственном виде. Только немногие фактические ошибки Людендорфа в изложении событий оговариваются редакцией. Из песни слова не выкинешь.

Воспоминания Людендорфа представляют труд, без которого нельзя изучать ни общего хода мировой войны ни большинства отдельных операций. Каждый строевой начальник найдет в нем глубоко ценные для командования на войне мысли. Наибольшую цену представляет развиваемый Людендорфом ход полководческого мышления при обдумывании операции. В то же время «Воспоминания» представляют исторический документ, стоящий в центре всех материалов по мировой войне.

«Воспоминания» заключают об'яснения успехов, на которых надо учиться. Но в них есть и элемент оправдания своей роли в окончательной катастрофе, и читатель должен быть подготовлен критически в них разбираться.

А. Свечин.

Мой образ мыслей и действий.

I.

Внезапное нападение на Льеж открыло ряд германских побед. Дело было смело задумано и дерзко выполнено.

Огромный результат осенней кампании на восточном фронте 1914 и 1915 г.г., а также летней 1916 года превзошли все подвиги в истории всех времен. Они поставили величайшие требования как к вождям, так и к войскам. Русские войска были на много сильнее, чем сражавшиеся против них германские и австро-венгерские армии.

Война, которую с 29-го августа 1916 года, со дня нашего вступления в высшее командование, пришлось вести генерал-фельдмаршалу фон-Гинденбургу и мне, принадлежит к самым трудным во всей мировой истории. Более ужасной и более потрясающей еще никогда не видел земной шар. Германия, со слабыми союзниками, должна была бороться против подавляющих сил всего мира. Надо было принимать невероятно тяжелые решения. Они вытекали с принудительной последовательностью из общей обстановки, из нашего понимания войны и из сущности этой войны.

Армии и флоты боролись друг с другом, как и раньше, но боевые силы и военные средства сильно увеличились. Народы же иначе относились к этой войне, чем к предыдущим; они стояли сомкнутой массой позади своих боевых сил и подпирали их. Только Франция уже представляла подобную картину в 1870—71 г.г.

В этой войне уже нельзя было отличить, где начиналась мощь армии и флота и где кончалась мощь народа. И вооруженные силы и народ составляли одно целое. Мир увидал войну народов в буквальном смысле этого слова. С этой об'единенной мощью стояли друг против друга самые могущественные государства нашей планеты. К борьбе против неприятельских вооруженных сил на огромных фронтах и далеких морях присоединилась борьба с психикой и жизненными силами вражеских народов, с целью их развалить и обессилить.

Вести войну и давать бои, имея численное превосходство, легко и связано с малым риском. Но ни генерал-фельдмаршал ни я ни разу не

попали в такое положение в течение первых трех лет войны. Таким образом, нам не оставалось другого выхода, как вести войну, как это нам диктовал долг и наша совесть, и брать на свою ответственность то, что мы считали необходимым для достижения победы. Успех в то время был на нашей стороне.

В марте 1918 года мы перешли в наступление при столь выгодном соотношении сил, как это ни разу еще не представлялось в эту войну для Германии. Но этих сил оказалось достаточно только для больших побед, а не для быстрого общего решения. Германия стала ослабевать, в то время как противник усиливался.

II.

Эта мировая война, война народов, пред'являла к нам, немцам, невероятные требования и давила нас всей своей тяжестью. Чтобы выиграть войну, каждый из нас в отдельности должен был отдать последнее. Мы должны были в прямом смысле слова бороться до последней капли крови и пота и притом сохранять бодрость и стремление к победе. Это тяжелое требование было обязательно, несмотря на нужду, которую создавал нам противник, несмотря на ломящуюся к нам неприятельскую пропаганду, которая была столь сильна, хотя внешне и оставалась незаметной.

Как дуб растет, пустивши корни в германскую почву, так армия и флот питаются и поддерживаются своим отечеством. Они живут своей родиной и черпают из нее свои силы. Они являются потребителями, но не производителями, и должны вести борьбу теми духовными, материальными и психическими силами, которые дает им родина. Эти силы были нужны армии и флоту, чтобы победить, чтобы верно выполнить свой долг, чтобы самоотверженно жертвовать собою в ежедневной борьбе и в испытаниях войны. Они одни могли обеспечить Германии окончательный успех. Этими силами отечество вело титаническую борьбу со всем миром при помощи союзников и используя, в соответствии с международным правом, средства занятых областей.

Следовательно, родина должна была постоянно давать армии и флоту новую духовную упругость, людей, военное снаряжение и беспрерывно их обновлять и возрождать.

Твердость духа и воля к войне должны были закрепляться на родине. Горе нам, если здесь произойдет ущерб. Чем дольше длилась война, тем грознее увеличивалась здесь опасность, и одновременно тем больше становилась потребность армии в духовной и нравственной поддержке.

Персональные и материальные силы отечества должны были быть до крайности напряжены и предоставлены для ведения войны.

Для родины это были все весьма трудные задачи. Родина служила не только фундаментом, на котором покоились наши славные боевые силы

и в котором нельзя было допустить ни малейшей трещины, но также источником, который должен был содержаться прозрачным и чистым и в то же время мощным, чтобы он мог укреплять нервы армии и флота и вновь возрождать их силы. Народ нуждался во внутренней устойчивости, она одна делала его способным продолжительное время отдавать свои силы армии и флоту. Народные и боевые силы так тесно внутренне переплелись между собой, что стали нераздельными. Боеспособность частей на фронте была в тесной зависимости от боеспособности народа внутри страны. На родине создались работа и жизнь для войны, едва ли имевшие когда-либо место в истории. Правительство и ответственный имперский канцлер должны были руководить этой жизнью и работой и блюсти их полное цветение.

Рядом с этим вырастала вторая крупная задача ведения войны: ведение борьбы на внутреннем неприятельском фронте. Неужели Германия не должна была прибегнуть к этому могучему средству борьбы, действие которого она ежедневно испытывала на себе? Неужели не надо было подтачивать моральные устои неприятельских народов, как этого, к сожалению, так успешно достигал у нас противник? Эту борьбу надлежало вести, во-первых, из родины через нейтральные государства и, во-вторых, через линию фронта. Правда, германская пропаганда не располагала могущественным вспомогательным средством — продовольственной блокадой населения неприятельских государств.

Служа делу народа, правительству предстояло разрешить трудную задачу, чтобы счастливо окончить войну. Ни к одному германскому правительству не предъявлялось больших требований, чем те, которые явились, когда императору были предоставлены сплоченные силы германской нации для победы на полях сражения и для борьбы против духа и настроения неприятельских народов. Работа и действия правительства приобрели решающее для войны значение. Никогда еще так не требовалось, чтобы правительство, рейхстаг и народ всецело отдались идее войны. Силы для ведения войны исходили из родины и изливались на неприятельском фронте.

Великая цель—притти к заключению мира, могла быть достигнута только энергичным ведением войны. Таким образом, правительство, работая для войны, прокладывало одновременно пути к миру, непосредственное заключение которого являлось следующей великой задачей.

Вскоре после нашего вступления в верховное командование, генерал-фельдмаршал и я выяснили положение и сообщили имперскому канцлеру наши воззрения на потребности, как армии, так и флота, и выяснили вытекающие из этого задачи для страны. Мы призывали его к совместной работе по войне и были полны надежд, несмотря на угрожающую серьезность положения.

Правительство приветствовало наше вступление в высшее командование. Мы с полным доверием пошли ему навстречу. Но вскоре два мировоззрения, представляющие взгляды правительства и наши, начали вести борьбу друг против друга. Это противоречие было для нас тяжелым разочарованием и невероятным бременем.

В Берлине не могли усвоить наших представлений о военной необходимости; там не было той железной воли, которая охватывала бы весь народ и сводила бы всю жизнь, все думы к одной мысли: война и победа. Великие демократии Антанты постигли это. Твердая сила воли Гамбетты в 1870—71 г.г., Клемансо и Ллойд-Джорджа в эту войну заставила их народы отдать свои силы для достижения победы. Эти целесообразные усилия Антанты и ее решимость уничтожить нас не были в полной своей остроте поняты нашим правительством. В этом нельзя сомневаться. Вместо того, чтобы сосредоточить для войны все находящиеся в распоряжении силы и довести их до крайнего напряжения с целью достичь мира на поле сражения, что обусловливалось сущностью войны, в Берлине избрали другой путь. Все больше и больше говорили о примирении и соглашении; народ не получал сильного воинственного импульса. В Берлине предполагали или обольщались следующим: вражеские народы жадно прислушиваются к словам, сулящим примирение, и принудят свои правительства к заключению мира. Так мало знали в Берлине дух вражеских народов и их правительств, с их сильным национальным чувством и стальной волей. Берлин ничему не научился из истории прошлого. Чувствовалась только собственная немощь по отношению к психике противника, утрачивалась надежда на победу, и мы упирались в тупик. Стремление к миру превышало желание биться для победы. Но найти дорогу к миру, при наличности желания противника уничтожить нас, было невозможно. А время—повести народ по трудной дороге победы—было упущено.

Рейхстаг и народ, в большей их части, горячо желали итти по такому пути, но не будучи направлены на него, покатились вместе с правительством по наклонной плоскости. Существеннейшие вопросы войны все больше и больше отодвигались в сторону. Внутренняя политика и мысли о собственном я их заглушили. Так случилось на несчастье отечества.

Возможно, что революция, которая теперь потрясает всю Европу, приведет к новому мировому устройству и создаст более чистые взгляды и чувства у народов на справедливость и примирение человечества. Однако, условия перемирия и заключения мира противоречат таким взглядам. Во всяком случае, во то время, когда я был первым генерал-квартирмейстером, мир еще не изменился.

Верховное командование придерживалось той же точки зрения, которую высказал президент Вильсон в ноябре 1918 года, когда он про-

водил большую программу американского флота: он считал неблагоразумным, если бы Америка при составлении своей программы флота считалась с будущей мировой политикой, когда относительно этой мировой политики еще не последовало никакого решения.

В ноябре же 1918 года в том же смысле писал председатель солдатского комитета четвертой армии:

«Возможно, что в некоторых головах революция конструируется из идеалов. Но кто стоял лицом к лицу с противником, должен признать, что миросозерцание Антанты в данный момент еще проникнуто материализмом».

Теперь это ясно удивленному и обманутому в своих идеалах миру. Но одураченный германский народ расплачивается за этот обман своей жизнью.

Верховное командование руководилось взглядом, что пусть мир сначала переменится, и тогда мы сможем положить оружие и думать о соглашении. В противном случае можно было с уверенностью сказать вперед, что мы понесем ущерб. Пальма мира не является оружием против меча. Пока люди и, в частности, наши противники оставались таковыми, каким человечество было до сих пор, и для немцев, и во всяком случае для генерала-фельдмаршала, и для меня, как ответственных военных вождей, это означало крепко держать в руках меч и постоянно его вновь оттачивать.

В виду этого нашей серьезнейшей обязанностью по отношению к правительству было решительно добиваться удовлетворения требований, пред'являемых войной, на которые мы могли иметь правильный взгляд.

Во всех случаях верховное командование обращалось к властям, установленным конституцией. Война в каждый момент требовала от нас быстрых и широких решений, настойчиво требовалась решительность. Но в Берлине оставались в привычной колее. Ответы, даже по важнейшим вопросам, задерживались иногда по неделям. Необыкновенная волокита берлинских властей и непонимание ими требований войны обостряли тон сношений. Мы сожалели об этом. Но у нас был пожар в душе. Быстрота действий была необходима, так как надо было предотвратить непоправимое зло.

В мирное время голос правительства был решающим для всех властей. Министерство иностранных дел чувствовало себя стоящим выше всякой критики. Государственные правители с трудом могли привыкнуть к мысли, что с началом войны высшее военное командование образовало новый центр, который не только разделял ответственность с государственным канцлером, но и выносил на себе невероятные трудности. Высшее командование тем решительнее должно было действовать, чем менее решительности оно встречало в Берлине. Мне было

бы очень приятно, если бы и правительство ясно сознало это из предшествующего периода. Положение генералов фон-Мольтке и фон-Фалькенгайна по отношению к правительству было в сущности таковым же, как положение генерала-фельдмаршала и мое. Правительство шло своей дорогой и не считалось с пожеланиями высшего командования, раз оно что-либо наметило выполнить. Но не исполнялось многое из того, на что указывалось, как на неотложное и необходимое, в интересах ведения войны.

В некоторые вопросы высшему командованию пришлось вмешиваться уже с самого начала войны. В ущерб ведению войны, исключительно самодеятельности военного ведомства были предоставлены широкие вопросы печати, цензуры, борьба с неприятельским шпионажем и саботажем внутри страны, а также обезвреживание сил, работавших во время войны с целью опрокинуть государственный порядок. Неясность в компетенции и недостаток личного состава тормозили инициативу соответственных учреждений. Глубокое чувство ответственности толкнуло генеральный штаб на творческую работу. Генеральный штаб был в состоянии раньше других учреждений покрыть недостаток в личном составе хорошо образованными офицерами запаса. Благодаря этому, руководство перешло в руки генерального штаба. Осуществление же часто оставалось в руках гражданских властей. Граница, за которой компетенция отходила целиком к ответственным властям, была неясна. Трения были неизбежны. Этого бы не было, если бы внутри страны было установлено ясное и решительное управление, о чем часто ходатайствовало верховное командование.

III.

Когда я был первым генерал-квартирмейстером, на меня лично часто выпадала обязанность отстаивать перед правительством требования верховного командования.

О личностях и партиях в политике я не заботился. Те партии, которые все время твердили о соглашении, вместо того, чтобы развивать в нации волю к войне, не шли навстречу пред'являемым высшим командованием требованиям. Правительство было с ними согласно. Таким образом, правительство и партии большинства были заодно и внутренне не признавали меня, с моими солдатскими мыслями и хотением.

Ясно, что я находил больше сторонников в тех партиях, которые подобно мне считали, что, при наличности воли противника уничтожить нас, соглашение невозможно, и в виду этого стояли за необходимое развитие энергии в ведении войны. Я никогда к ним не обращался, но они доверяли мне. Это было ориентирующееся вправо меньшинство. Благодаря этому, другие партии признали меня «реакционером», хотя я думал только о ведении войны. Если бы соответственные взгляды были

представлены в демократических партиях, то я нашел бы сторонников и в их среде, и тогда, вероятно, правые об'явили бы меня «демократом», что, между прочим, со стороны правых имело место довольно часто.

Но я ни «реакционер» ни «демократ». Я стою единственно за благосостояние, за культурное процветание и за национальную силу германского народа, за авторитет и порядок. На эти столбы опирается будущее отечества. Во время войны моею целью были: крайняя энергия в ведении войны и обеспечение военных интересов и столь же важных экономических возможностей также и на период после войны.

Бездействие руководителей государства в некоторых вопросах создавало для меня нежелательное положение. Недоброжелатели, а иногда и слишком усердные друзья все более втягивали меня в партийные разногласия, без малейшей с моей стороны к тому склонности, без каких-либо моих выступлений. Мои действия вырывались из общей последовательности и искажались. То, что я делал, то, что я говорил, приобретало неприсущее им освещение. Неясные, ни на чем не основанные утверждения получали дальнейшее распространение. Со своим солдатским, открытым мышлением я сначала ограничивался одним пожатием плечами: это было столь несущественно по сравнению с великой задачей, над которой я работал. Позднее я сожалел об этих явлениях, но не мог ничего изменить. Я неоднократно повторял печати просьбу—мною не заниматься. Я был к тому же слишком занят, чтобы самому занять определенное положение. Мне нехватало также «кафедры», с которой я мог бы высказываться. Кроме того, я ожидал от германского народа большего понимания жестокой действительности. Правительству же удобно было иметь громоотвод. Вместо того, чтобы выступить в мою защиту, оно ничего не делало против начавшейся травли, выставляло меня диктатором, примешивало ко всему верховное командование и обостряло тем самым настроение по отношению ко мне. Это общая картина. Имперские канцлеры, доктор Михаэлис и граф фон-Гертлинг были далеки от такой политики, но тяжелое несчастье уже нагрянуло. При том положении, которое я занимал, это имело последствием беду для всей нации.

На верховное командование, и в частности лично на меня, возлагалась все большая ответственность за всякое зло. Так, например, со мной связали и всю неизбежную тяжесть, все несообразности германской продовольственной системы, на меня указывали, как на ее инициатора и виновника. Но ни генерал-квартирмейстер, ни генерал-интендант, ни я не имели никакого отношения к заготовке продовольствия для страны. Оно всецело находилось в руках военного министерства и продовольственного управления, созданного на время войны.

После моего ухода, социал-демократические вожди возлагали на меня ответственность за нарушение командующими корпусными округами права собраний.

Это уже находилось совершенно вне моей компетенции.

Вот, может быть, еще более характерный случай.

Зимой 1916—17 г.г. на меня выпали заботы, вызванные расстройством транспорта и недостатком угля. Главная ошибка заключалась в том, что до моего вступления в верховное командование об этом недостаточно заботились. В феврале 1917 года я настоял на установлении должности комиссара по углю. К сожалению, сразу не нашлось подходящего лица. Лишь позднее последовало подходящее назначение. Летом 1917 года верховным командованием 50.000 углекопов было уволено с фронта. В зиму 1917—18 г.г. отопление домов обстояло более удовлетворительно, чем в предыдущую. Верховное командование достигло этого решительными мерами, однако, его не только не поблагодарили, но и не отнесли это улучшение на его счет, хотя верховное командование в нем несомненно было более повинно, чем в кризисе предыдущей зимы. Признание этой заслуги не отвечало ходу мышления тех, которые возбуждали против меня недовольство, а также лиц, которым была известна истина и которые тем не менее пассивно относились к кампании против меня.

При огромной ответственности, которая лежала на мне, я жаждал окончания военных действий; иначе это и быть не могло. Я часто высказывался в этом смысле. Однако, нужно было достигнуть таких условий мира, которые обеспечивали бы жизненные интересы отечества. В противном случае война была проиграна. Я считал мир возможным только в таком случае, если бы у противника мирные настроения также брали верх. Одностороннее подчеркивание нашей готовности к миру представлялось мне опасным.

У меня было убеждение, что если о мире говорить и жаждать его всем сердцем, то мира долго не удастся добиться. Пасифистская мысль о «соглашательском мире» у многих была оружием против нас же. Многие искренне думали, что стремление к нему свидетельствует о высоком идеализме, который до сих пор еще не нашел себе осуществления в этом мире борьбы. Но знали ли защитники такого мира, что и противник одного с ними мнения? А если нет, то не было ли ясно, что распространением идеи, что мир соглашения может быть заключен нами в любой момент, накликалось огромное несчастье: если брать людей таковыми, какие они есть, эта мысль решительно ослабляла волю к войне, которую надо было всемерно укреплять. Они заставляли наш народ жаждать мира, но не вызвали стремления к миру у противника. Они этим только воздвигали препятствия на пути к миру, так как Антанта оценивала наше положение и его использовала; они этим затрудняли также и стремление высшего командования сделать противника склонным к миру теми средствами, которые одни ведут к нему на войне. Несмотря на весь свой идеализм, они виновны в несчастии отечества.

Неприятель держал себя так, что я не знаю ни одного момента, коим мы могли бы воспользоваться для заключения умеренного, справедливого и безобидного мира. Все, что по этому поводу распространялось устно и в печати—неверно. Правительство ни разу не указало высшему командованию на возможность заключить мир.

Конечно, мы в любой момент могли бы заключить такой мир, какой нам пришлось заключить теперь. Но какой имперский канцлер, какой государственный человек, какой по-немецки мыслящий деятель остановил бы на нем свой выбор? Возможности другого мира не представлялось, это должны были твердо знать, и раз война уже началась, мы должны были бороться до победного конца.

Граф Чернин, хотя и утаивает правду, в конце-концов сходится со мной во взглядах. В своей речи 11 декабря 1918 года он сказал:

«Положение было все время таково, что мы могли бы предложить мир, связанный с крупными потерями, в особенно для нас выгодный момент войны, и тогда могли бы иметь, может быть, надежду, что противник на него пойдет. Но чем блестящее были военные успехи, тем требовательнее становились германские военные, и менее всего было возможно после крупной победы склонить их к политике отречения.

В общем, я полагаю, что за все течение этой войны момент, в который такая попытка действительно имела бы возможность успеха, представился только один раз, а именно после знаменитого сражения у Горлицы» [1]).

Сражение у Горлицы было в мае 1915 года. Таким образом, позднее, по мнению графа Чернина, возможность заключить мир не представлялась даже при условии значительных жертв. Но если бы такая возможность представлялась действительно в мае 1915 года или позднее, не только все германские военные, но весь германский народ отклонил бы такой мир, пока он в гордой вере в себя чувствовал силы для борьбы! Государственные люди должны были бы закалять эту самоуверенность и эти силы, чтобы сделать отечество способным одержать победу и спасти его от поражения с его неизмеримыми потерями. Воля неприятеля не давала нам возможности выбора среднего пути; в таком случае наше желание или нежелание мира не играло никакой роли. Воля же противника еще не была сломлена; если бы этого удалось окончательно добиться военной победой, то тогда дипломаты могли бы говорить о безобидном мире, если бы они тогда этого еще продолжали желать.

---

[1]) Прорыв фронта на Дунайце весной 1915 г. (*Прим. редакц.*)

IV.

Генерал-фельдмаршал и я проработали четыре года в полной гармонии, как будто бы были одним человеком. Я видел с глубоким внутренним удовлетворением, что он становится для германского народа идеальным о б р а з о м этой войны и каждому отдельному немцу представляется олицетворением победы.

Генерал-фельдмаршал предоставлял мне разделять его славу. 2-го октября 1917 года, на празднестве семидесятилетия дня его рождения, он облек это особенно глубоко прочувствованными словами.

Полководец несет ответственность. Он ответственен перед всем миром и, что еще тяжелее, перед самим собою, перед своею армией и отечеством. Как начальник штаба и первый генерал-квартирмейстер, я разделял с ним ответственность и отдавал себе в этом все время ясный отчет. Я отвечаю за все свои действия.

Наши стратегические и тактические взгляды совершенно сливались и сама собою отсюда вытекала гармоническая, основанная на взаимном доверии, работа. Выяснив вопросы с моими сотрудниками, я коротко и ясно докладывал генерал-фельдмаршалу мои мысли относительно обстановки и руководства всеми операциями, делая при этом вполне конкретные предложения. Я получал то удовлетворение, что генерал-фельдмаршал, начиная от Танненберга и до моего ухода в октябре 1918 года, всегда соглашался с моим мышлением и одобрял мои проекты приказов.

Мы одинаково смотрели на характер этой войны народов и на вытекавшие из него следствия. Одинаковы были и наши взгляды на заключение мира. Генерал-фельдмаршал, как и я, стремился обеспечить жизнь германского народа от новых нападений. Он, как и я, лично выступал по этим вопросам.

Те, которым авторитет генерала-фельдмаршала стоял и в будущем мог стоять поперек дороги к достижению эгоистических целей, пробовали провести грань между генерал-фельдмаршалом и мною. Его личности не решались затрагивать и обращали свои усилия против меня. Пытались установить различие между мышлением и действиями генерал-фельдмаршала и моими: он олицетворял доброе начало, я—злое. Те, которые это распространяли, должны были бы, по крайней мере, заставлять генерал-фельдмаршала хотя бы разделять ответственность за это мнимое зло, иначе они подрывали его положение и делали из него человека, не обладающего теми высокими качествами, которые они у него предполагали и которые действительно были ему присущи.

Слава генерал-фельдмаршала крепко укоренилась в сердцах германского народа.

Я его глубоко почитал, верно ему служил и ценил его высокий образ мыслей, его преданность императору, его готовность брать на себя ответственность.

V.

Моя жизнь была работой для отечества, для императора и для армии. В течение четырех лет военных действий я жил только для войны.

Мои дни текли размеренно. Пока я был начальником штаба на востоке и непосредственно руководил войсками, все приноравливалось к требованиям военной обстановки.

Будучи первым генерал-квартирмейстером, в спокойные периоды, около 8 час. утра я был уже на службе. Генерал-фельдмаршал приходил, приблизительно, часом позже, и мы коротко обменивались мыслями о военных событиях, о предположениях и о текущих вопросах.

В 12 часов мы шли на доклад к его императорскому величеству.

Ровно в час был завтрак, продолжавшийся от половины до трех четвертей часа. Около половины четвертого я был опять в своем кабинете. В восемь часов мы обедали, и затем, после полуторачасового перерыва, работа продолжалась до двенадцати или до часу ночи.

Это однообразие редко нарушалось. Даже в течение четырех или пяти дней, которые я находился в отпуску во время войны, я не был свободен от служебных дел.

Со всеми частями фронта и со ставками союзников я был соединен телефонами и телеграфами. Армии присылали утром и вечером срочные донесения, а об особых событиях доносили немедленно.

Начальник полевого телеграфа на восточном фронте, полковник Леман, а позднее начальник полевого телеграфа всех армий генерал-майор Гессе помогали мне предусмотрительно и надежно. Телеграфные части штаба главнокомандующего восточным фронтом, под командой капитана Маркау, и полевая телеграфная дирекция, под управлением почтового советника Онезорге, обслуживавшие связь, работали прекрасно.

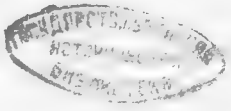
С одной стороны, было необходимо отдавать себе ясный отчет во всех событиях на огромных фронтах, а с другой стороны, надо было взять на себя огромное бремя—непосредственно чувствовать биение пульса боя. Высшее командование должно было немедленно узнавать о всех важных событиях; слишком часто, при недостатке резервов, приходилось непосредственно принимать чреватые последствиями решения.

Общее руководство операциями, заботы об армии и о военном напряжении родины занимали первое место среди других работ. Военно-политические программные вопросы стояли на втором плане.

Часы занятий заполнялись личной работой, докладами подчиненных мне начальников отделений и управлений и переговорами.

Я с особым удовольствием и удовлетворением вспоминаю совместную службу и товарищескую жизнь как в моем штабе на востоке, так и в ставке.

При огромной нагрузке в работе и при тяжелой ответственности, выпавших на меня, я мог использовать, как сотрудников, только людей



прямых и с инициативой; я требовал, чтобы они без утайки высказывали мне свое мнение, что они делали подчас вполне откровенно. Наша совместная работа была основана на взаимном личном доверии. Мои сотрудники гордо и надежно были преданы мне. Они были моими самоотверженными и самодеятельными помощниками, проникнутыми высоким чувством долга. Конечно, решение зависело от меня, так как ответственность исключала всякое промедление. Война требовала быстрого хода дел. Но в моих решениях не было произвола, и я никого не обижал, когда мне приходилось отклонять предложения моих сотрудников. В тех случаях, когда различные варианты являлись равноценными, я всегда прилагал старания отдать дань уважения отклоняемому мнению, не оставляя никакой неясности.

Меня радовали слава и доброе имя моих сотрудников. Я всегда утверждал и говорю и теперь еще, что война имела такой огромный размах и пред'являла столь великие требования, что одному человеку ответить на них было невозможно. Оставался широкий простор, на котором могли блистать мои сотрудники.

На востоке мой первый сотрудник, тогда подполковник, теперь генерал-майор Гофман, был чрезвычайно одаренным, прокладывающим дорогу вперед офицером. Насколько я его ценил, как солдата, видно из того, что, когда в августе 1916 года я был назначен в ставку, я предложил его своим заместителем. На этом посту он заявил себя так же блестяще, как и раньше, когда он был моим старшим офицером генерального штаба.

В ставку, для оперативной работы, я взял подполковника Ветцеля. Я знал и ценил его уже раньше. Он прекрасно знал западный фронт. Он там выдвинулся, будучи старшим офицером генерального штаба и начальником штаба III армейского корпуса, и особенно отличился под Верденом. Это был настоящий преданный солдат, с твердым характером, с богатой инициативой, восприимчивый, точный в работе,—он был для меня незаменимым дорогим помощником. К сожалению, мы в сентябре 1918 года расстались, сохранив взаимное уважение; это было вызвано той причиной, что мне пришлось произвести в штабе новую группировку, чтобы обеспечить себе немного больше отдыха.

За подполковником Ветцелем следовали полковник Гейэ и майор фон-Штюльпнагель, который долгое время служил у меня в отделении в Берлине. Они обладали твердым, открытым солдатским характером. С ними я пережил самое тяжелое время, которое может пережить солдат, когда выяснилось, что в военном отношении войну мы выиграть не можем. Расставаться с ними в этот момент было для меня самым тяжелым испытанием.

Организационные вопросы находились преимущественно в ведении майоров фон-Фоллард-Бокельберга, баронов фон-дем-Бусше и Франерта,

людей невероятной трудоспособности, с большой дальновидностью и творческой инициативой. Результаты их работ были значительны.

Трое из моих сотрудников особенно часто выступали перед обществом. Это входило в круг их обязанностей.

Полковник Бауэр, выдающаяся личность, видел, как и я, в отношениях нашей родины к войне основную предпосылку для конечного успеха и неустанно стремился поддержать и поднять работу тыла на войну. Ему принадлежит требование широкого развития артиллерии. Ему приходилось отстаивать размер материальных ресурсов, которые страна выделяла из своего потребления на армию, и для этого отдавать себе ясный отчет, из общения с фабрикатами и рабочими, об общей производительности промышленности. Круг его ведения был связан с работой военного министерства. Его сотрудничество и мнения представлялись очень ценными для верховного командования в военно-хозяйственных и многих тактических вопросах.

Начальником политического отдела был генерал фон-Бартеверфер. Это был спокойный и ясно мыслящий офицер и горячий патриот. Следить за военной политикой вражеских и нейтральных стран и вступать по вытекающим отсюда вопросам в сношения с имперским канцлером— было важной задачей генерального штаба действующей армии. То же надлежит сказать о политических вопросах в оккупированных областях, поскольку они касались верховного командования. Вопрос о границах, которые должны были создаваться, как следствие войны, имел существенное значение для дальнейшего обеспечения отечества в военном отношении, и разработка его представляла важный отдел работы верховного командования. Политическое отделение вело всю переписку по вопросам, связанным с заключением мира.

Третьим был подполковник Николаи, сотрудник, проникнутый чувством долга, железного прилежания, имевший организационное дарование. Его задачи были особенно разносторонни, может быть, даже слишком разносторонними. Его круг ведения вырос органически. На обязанности подполковника Николаи лежало военное руководство печатью, и, в тесной связи с этим, наблюдение и поддержание настроения внутри страны и в армии, поскольку это было достижимо для военного ведомства. Для успешного разрешения обеих задач, требовалась совместная работа с имперскими властями, добиться которой нам не удалось. В виду этого руководство прессой и ориентировка оказались осуществленными только частично нашими силами.

Военная цензура руководилась также подполковником Николаи и его органами. Цензура, конечно, никого не могла удовлетворить, но это лежит в существе этого, к сожалению, неизбежного на войне зла. Я мог только сожалеть, что эта функция выпала на верховное командование, так как другие ведомства воздерживались брать ее в свое ведение.

Вторым обширным кругом работы подполковника Николаи являлась агентурная разведка и борьба со шпионажем, связанная с наблюдением за сношениями по почте, телеграфу и телефону и с ограничениями при переезде границы и при пересылке почты, борьба с экономическим шпионажем и саботажем. Подполковник Николаи своей разведкой хорошо обслуживал высшее командование. Отсутствие верных данных лежит в существе войны. Противник, располагавший несравнимо сильнейшими средствами, также никогда не знал, что мы собираемся делать. Нам всегда удавалась внезапность, за исключением 15 июля 1918 года, но тогда мы сами облегчили ему задачу раскрытия нашего плана. Оценка и разработка данных о противнике для использования их при оперативной работе составляла задачу отделения «иностранные армии», во главе которого стоял майор фон-Раух, опытный и кропотливый офицер генерального штаба. Он был на высоте своей ответственной задачи. И в этом отношении работы генерального штаба дали такие успешные результаты, какие только можно ожидать. Я имел в своем штабе еще много других надежных сотрудников: назову полковников фон-Тишовица и фон-Мерца, майоров—фон-Вальдова, Кранца, фон-Гарбоу, Гофмана, Бартенверфера и Мутса, капитанов — Вефера, Габриэля, Гейфа, фон-Фишера-Трейенфельда, фон-Гослера, фон-Позека и многих других.

Чиновники и низший персонал стояли также на должной высоте.

Особенно по-товарищески протекали обеды и завтраки, происходившие в широком кругу. Генерал-фельдмаршал любил веселые, оживленные разговоры. Я охотно принимал в них участие, но беседовал также и по служебным делам. Само собою разумеется, при этом строго соблюдалось—не обсуждать здесь оперативных мероприятий.

Посетители являлись часто в столовую или только в служебный кабинет. Иногда они являлись в особенно критические моменты. Я помню, как в октябре 1914 года господа, прибывшие с поездом с подарками, оживленно говорили о предстоящем взятии Варшавы в то время, когда я уже обдумывал отступление. В таких случаях гости бывали тяжелым бременем для нервов.

У проезжавших офицеров различных родов оружия, из дивизий со всех частей фронта мы иногда лучше ориентировались, как действительно обстоят дела в армии, чем из пространных официальных донесений. Я придавал особенно большое значение тесной связи с фронтом, почерпал из нее много указаний и соображений, которые всегда потом разрабатывал. Эти военные визиты всегда мне были особенно дороги и ценны.

Часто являлись представители правительства из Берлина и от союзных держав. Имперский канцлер фон-Бетман-Гольвег посетил нас первый раз осенью 1914 года в Познани, и затем в феврале 1915 года в Лётцене. И последующие имперские канцлеры часто являлись к нам.

Иногда мы принимали членов парламента. У меня всегда оставалось впечатление, что им нравилось у нас, к какой бы партии они ни принадлежали. В беседе с ними, как и с другими частными лицами, я всегда был весьма сдержан в оценке военного положения и в выражении моих воззрений на заключение мира.

Иногда к нам приезжали также представители крупной и тяжелой индустрии, представители торговли, профессиональных и предпринимательских союзов, и приглашались к столу. Появлялись нейтральные военные атташе, офицеры, командированные из нейтральных стран для посещения фронта, отечественные и иностранные корреспонденты, а также представители печати, науки и искусства. К столу главнокомандующего востоком особенно часто являлись представители всех частей Восточной и Западной Пруссии.

В числе немецких гостей перебывало много представителей владетельных династий. Особенной честью для нас, конечно, являлось посещение его императорским величеством. Разговор шел столь же непринужденно, как и всегда, и у нас было чувство, что его императорское величество с удовольствием пребывает у нас.

Мне еще потому были особенно удобны эти приемы гостей за столом, что тут мне представлялся случай обсудить различные очередные вопросы. Я выгадывал, таким образом, больше времени для других военных задач.

VI.

Управление войсками требует воли и предвидения, но оно требует также господства над огромным армейским организмом, которое может быть достигнуто и удержано только путем железной работы. Необходимо еще большее—это понимание психики войск и особенностей противника. Этого уже работой достигнуть нельзя; такое понимание, как и бесконечно многое другое, зависит исключительно от личности. Значение невесомых элементов возрастает с величиной задач. Доверие и вера в победу связывают вождей и войска.

При нашей чрезвычайно трудной задаче штабы фронтов и армий делили с нами работу, проявляя самодеятельность и сознательность. Между нами происходил живой обмен мнениями, но на решении останавливались мы. Верховное командование должно было также следить за однообразием понимания и приводить к единству в бесконечно многих вопросах, из которых слагается жизнь армии. Это являлось особенно важным при многочисленных перегруппировках войсковых частей.

За этими необходимыми ограничениями войсковые начальники в их круге ведения были самостоятельны. Самостоятельность получала большее развитие при наступлении, чем при позиционной войне и при обороне. Естественно, бывали такие тактические положения, когда в от-

дельных распоряжениях взгляды частных начальников расходились с верховным командованием. Решение в таких случаях часто оставалось за частными начальниками. В этих случаях я испытывал душевное беспокойство: если частные начальники имели успех, то я радовался, если же они терпели поражение, то я чувствовал на себе его бремя.

Больше всего я ценил устные сообщения и сбор непосредственных впечатлений. Я охотно ездил на фронт, и в должности первого генерал-квартирмейстера пользовался отдельным поездом, приспособленным для работы и для телеграфной связи. Служба во время поездки не прерывалась. На определенных станциях я принимал обычные срочные донесения, как и в главной квартире, и, в случае необходимости, можно было вступить в сношения со всем миром.

Мои личные отношения со штабами и войсками были хороши. Мне оказывали доверие.

Особенно охотно я вспоминаю свои поездки в главную квартиру германского кронпринца. Кронпринц проявлял много понимания военного дела и ставил умные, дельные вопросы. Он любил солдат и заботился о войсках. Он не был сторонником войны и стоял за мир. Это верно, хотя многие и утверждают противное. Кронпринц постоянно сожалел о том, что он был недостаточно подготовлен к своему назначению — быть в будущем императором, и прилагал все усилия, чтобы восполнить свои пробелы. В разрез с моим мнением, он считал себя более слабым, чем мог бы быть специалист на его посту. В связи с этим он составил докладную записку и передал ее своему царственному отцу и имперскому канцлеру. Кронпринцу вредили его откровенные выступления: он стоял выше, чем можно было заключить по ним.

Начальник штаба фронта германского кронпринца, полковник граф фон-Шуленбург, ясномыслящий и работоспособный офицер, служил мне хорошей и надежной опорой.

Я также часто бывал в штабе фронта кронпринца Рупрехта Баварского. Начальник штаба, предусмотрительный и исключительно работоспособный генерал фон-Куль, был знаком мне еще с юношеских лет. Я мог только удивляться его спокойствию даже в самых тяжелых положениях.

Это заняло бы слишком много места, если бы я стал очерчивать все штабы фронтов и армий. Я упомяну еще о генерале фон-Лосберге. Этот выдающийся офицер и организатор оказал большие услуги отечеству и армии. Его доверие мне было особенно ценно.

Когда я находился в штабах на фронте, начальники штабов делали мне доклады об обстановке. На докладе присутствовали и командующие армиями. Начальники штабов высказывались столь же откровенно, как и мои сотрудники в ставке. Им было известно, что я интересовался их личным мнением и что мне нужно было ясное освещение, а не декорация

потемкинской деревни. Иногда армиям приходилось напоминать, что надлежит доносить об'ективную истину, неблагоприятные данные передавать так же точно, как и благоприятные.

За докладом следовало обсуждение, в котором командующие армиями принимали участие, если они сами не брали на себя труд сделать доклад, за что я им бывал особенно благодарен. Присутствие командующих армиями на докладе, вошедшее в норму, давало мне возможность обсудить совместно с ними многие вопросы.

Мои сношения с армиями не ограничивались еженедельными поездками. Каждое утро я разговаривал по телефону с начальниками штабов армий и выслушивал их опасения и надежды. Они часто обращались с просьбами. Они знали, что, если я мог помочь, то просьба их будет удовлетворена. Приходилось ободрять начальников штабов, и у меня оставалось впечатление, что они с большей надеждой возвращаются к своим трудным задачам. За так называемым зеленым сукном [1]) можно было иногда об'ективнее обозреть стратегическое и тактическое положение, чем на месте под влиянием сильных личных впечатлений.

При разговорах по телефону дело сводилось к ориентировке. Приказания отдавались при этом только в экстренных случаях и всегда затем еще раз точно повторялись в письменной форме штабам армий.

Само собой разумеется, что разговор со мною докладывался командующим армиями и фронтами. К передаче командных функций в руки начальников штабов я был абсолютно не склонен. Да и командующие обладали для этого слишком самостоятельным характером.

Мне известны лишь единичные случаи, когда, со ссылкою на авторитет верховного командования, отдавались распоряжения, на которые бы я никогда не согласился. Когда мне становилось об этом известно, я принимал резкие меры.

На боевые участки и в штабы армий, где я не мог лично следить за событиями, верховное командование высылало для осведомления офицеров генерального штаба, чтобы непосредственно с места получать по возможности ясную картину действий.

Смена лиц на высших должностях была неизбежна. Перемены в командном составе производились по докладу начальника военного кабинета, а в генеральном штабе — по докладу начальника генерального штаба действующих армий. По существу так же было и в мирное время. В единичных случаях смена высших начальников возбуждалась и верховным командованием.

Такие перемены являлись необходимыми, чтобы поставить особенно опытных офицеров туда, куда переносился центр тяжести боевых опера-

[1]) **Т.-е. в кабинете.** (*Прим. редакц.*)

ций. Это облегчало руководство операциями, приносило пользу войскам и сохраняло человеческие жизни.

Во время особенно длительных боев, в особенности, когда они протекали неудачно, приходилось сменять начальников штабов армий. Нервы этих лиц были беспрерывно невероятно напряжены и не могли выдерживать продолжительное время. Штабы отработанных в бою корпусов замещались на фронте другими. Смена вредила делу, но наносимый ею ущерб можно было сгладить. Целый штаб армии не мог быть сменен, с этим были бы связаны слишком большие трения в бесконечно многих вопросах, особенно в снабжении армии. Другого выхода не оставалось, кроме персональных смен. Вызываемое этим беспокойство надо было рассматривать, как неизбежное зло.

Иногда, для избежания ущерба в управлении войсками, увольнение командующих и начальников штабов армий происходило по предложению верховного командования. Естественный упадок энергии у некоторых лиц в виду продолжительности войны вполне понятен. К нашему счастью, это были совершенно единичные случаи. При всей добросовестности нельзя было не поступать жестоко и даже обойтись без несправедливости. Я предоставлял им широкое поле для оправданий, но если дело от оставления их страдало, то я чувствовал себя виновным, и никто не мог освободить меня от упреков, которые я себе делал.

Под сильным впечатлением событий 8 августа 1918 года я просил генерал-фельдмаршала уволить меня. Конечно, к концу войны тяжелое разочарование захватило и меня, однако, я продолжал справляться со своими нервами.

Льеж.

I.

Штурм этой крепости самое дорогое воспоминание из всей моей солдатской жизни. Это было непосредственным действием, в котором я мог драться, как рядовой боец.

При возникновении войны я был командиром бригады в Страсбурге. Я долгое время служил в генеральном штабе. Под конец, т.-е. с марта 1904 г. по январь 1913 г., я работал с короткими перерывами в отделении по стратегическому развертыванию и был назначен его начальником. Я получил представление о нашей подготовке к войне и о соотношении сил наших и противников. Моей главной работой было стратегическое развертывание по указаниям начальника генерального штаба.

Стратегическое развертывание, состоявшееся в августе 1914 года, создалось на почве идей генерала графа фон-Шлиффена, одного из величайших солдат, которого когда-либо знал мир. Его план был составлен на тот случай если Франция не уважит нейтралитет Бельгии, или если Бельгия присоединится к Франции. При этих предпосылках вторжение в Бельгию главных сил германской армии получалось естественно. Всякая другая операция парализовалась бы постоянной угрозой из Бельгии правому флангу германской армии и исключала бы возможность быстрой развязки с Францией. А такая развязка была необходима, чтобы иметь возможность своевременно отвратить большую опасность русского вторжения в сердце Германии. Наступление на Россию и оборона на Западе при существующей обстановке заранее означали бы, как это показали многочисленные военные игры, затяжную войну и были в виду этого забракованы генералом графом фон-Шлиффеном.

Мысли графа фон-Шлиффена были применены к делу лишь после того, как не осталось никакого сомнения в поведении Бельгии и Франции. Насколько генерал фон-Мольтке вступал в сношения с имперским канцлером фон-Бетманом по вопросу о движении через Бельгию, я не знаю [1]). Мы все были убеждены в правильности шлиффеновского развертывания. В нейтралитет Бельгии никто не верил.

При невыгодах нашего военно-политического положения, в центре Европы, с врагами со всех сторон, нам приходилось учитывать значительное превосходство неприятеля; мы должны были вооружаться, если не хотели добровольно дать себя задушить. Что побуждало Россию к

[1]) **Я установил, что имперский канцлер был осведомлен.**

войне, и потому она беспрерывно усиливала свою армию, было известно. Россия хотела окончательно ослабить Австро-Венгрию и приобрести полное господство на Балканах. Во Франции с новой силой ожила мысль о реванше, старые германские имперские провинции должны были вновь стать французскими. События во Франции и введение там трехлетней воинской повинности не оставляли никаких сомнений в господствующих там намерениях. Англия с завистью смотрела на расцвет нашей промышленности, на дешевизну нашей работы и на наше железное прилежание. При этом Германия была самой сильной континентальной державой в Европе. К тому же она имела хороший и быстро развивающийся флот. Это заставляло Англию бояться за свое мировое господство. Англо-сакс почувствовал угрозу своей барской жизни. Английское правительство сосредоточило в Северном море и канале свои морские силы, центр тяжести которых еще недавно лежал в Средиземном море. Угрожающая речь Ллойд-Джорджа от 21-го июля 1911 года бросала слабый свет на намерения Англии, которые она исключительно удачно скрывала. Все с большею уверенностью надо было рассчитывать, что мы будем вынуждены к войне и что это будет война, подобной которой еще не было на свете. Недооценка вероятных сил противников, имевшая место в невоенных германских кругах, была опасна.

Еще в последний час, осенью 1912 года, когда исчезло всякое сомнение в неприятельских намерениях и когда среди войск, сознававших свой германский долг, шла напряженная работа с железным прилежанием, я составил план значительного усиления боевых сил, который шел навстречу желаниям благоразумной части народа и проницательных парламентских партий. Мне удалось побудить генерала фон-Мольтке обратиться с этим планом к имперскому канцлеру. Последний, вероятно, также считал положение весьма серьезным, так как он сразу выразил свое согласие. Имперский канцлер уполномочил военного министра разработать соответственный проект, но не ввел в свою политику хотя бы небольшие изменения, чтобы сделать ее более ясной, чтобы более определенно поставить ее цели и чтобы правильно учесть психику народов. А этот вывод для себя он должен был бы сделать. Миллиардный проект по своему происхождению не носил агрессивного характера, но только сглаживал самые сильные несоответствия и позволял действительно осуществить всеобщую воинскую повинность. Все еще оставались тысячи военнообязанных, которые не отбывали воинской повинности. Требовалось не только количественное увеличение армии, но преимущественно усиление наших крепостей и материальных средств. Все это дали, но мое крайне настойчиво заявленное пожелание, чтобы были сформированы три новых армейских корпуса, не было исполнено. О них даже не был возбужден вопрос. За это последовала жестокая расплата. Корпусов нехватало к началу войны, а при новых формированиях, которые мы дол-

жны были выставить осенью 1914 года, обнаружились все невыгодные последствия импровизации. Позднее новые формирования с самого начала получали более сильные кадры, но зато они ослабляли уже существующие части, которые должны были для этой цели выделять значительный личный состав.

Прежде еще, чем весь проект был окончательно проведен, я получил назначение в Дюссельдорф на должность командира 39-го пехотного полка. В этом назначении сыграла роль моя настойчивость в требовании этих трех корпусов.

II.

Служба в строю—живая работа. Оживленное общение и постоянная непосредственная совместная работа с людьми и для людей, которые были вверены моему надзору, обучение офицеров, унтер-офицеров и солдат, военное воспитание юношей и превращение их в мужей,—все это после долголетней кабинетной работы меня особенно привлекало. Тринадцать лет я не нес строевой службы. Проверка обучения новобранцев занимала теперь первое место в моей службе в полку. Когда я был молодым офицером в восьмидесятых годах прошлого столетия, семь раз мне вверялось обучение новобранцев, а именно: в 57-м пехотном полку в старом Везеле и в морской пехоте в Вильгельмсгафене и в Киле. Позднее я еще несколько недель нес службу в 8-м лейб-гренадерском полку в Франкфурте-на-Одере и с 1898 по 1900 г. командовал ротой 61 пехотного полка в Торне. Это для меня незабвенное время. Теперь в Дюссельдорфе я радовался всему тому, что удержалось с того времени.

Я видел, как будущая война приближалась большими шагами, и тем сознательнее ощущал всю тяжесть ответственности, которая лежала на мне, как на командире полка. В различных обращениях к корпусу офицеров полка, я им указывал на всю серьезность настоящего времени. В армии я видел основу обеспечения Германии и ее будущего, а также утверждение внутреннего спокойствия. Что армию надлежит воспитывать в таком направлении, это в 1913 году еще, слава богу, не встречало ни малейших возражений.

Дисциплина, распространявшаяся на офицеров и солдат, представляла для меня фундамент, на котором только и можно было создать боевую подготовку армии. Она могла быть достигнута только при более продолжительном сроке службы. Только то, что вошло в плоть и кровь закаленного дисциплиной человека, будет твердо сохраняться годами и переживет разлагающее влияние боя и сильные душевные испытания продолжительной войны. Хорошее обучение мирного времени должно было искупить нашу меньшую численность, которую приходилось учитывать, какая бы война нам ни предстояла.

Я ставил себе задачей воспитать в сплоченной дисциплиной части самодеятельных и охотно устремляющихся к ответственности солдат. Дисциплина не должна мертвить характер, а, наоборот, его укреплять. Она должна создавать общую размерную работу, ведущую к одной цели и отбрасывающую на второй план всякие помыслы о собственной особе. Целью является победа. То, что от человека требуется в бою, не подлежит описанию. Великий подвиг поднять людей для перебежки под неприятельским огнем, а это еще далеко не самое трудное дело. Какое стремление к ответственности и какую невероятную решимость надо иметь, чтобы себя и других вести и посылать на смерть. Это бесконечно трудное дело, о тяжести которого никто не может судить, кто сам не принимал в нем участия.

Помимо заботы о людях и подготовки унтер-офицеров для их дальнейшего предназначения, особенно важной задачей для меня являлась дальнейшая подготовка корпуса офицеров и воспитание офицерской молодежи. Офицерский кадр мирного времени остается, тогда как офицеры запаса, унтер-офицеры и солдаты меняются. Офицерский кадр является, таким образом, носителем духа армии. Как всякий человек, занимающий руководящее положение, офицер должен знать великие дела и историю своего отечества. Ничто не может быть без значительного ущерба вырвано из общей исторической связи. Офицер, поддерживаемый унтер-офицерами, превращается в серьезный момент в защитника государственного порядка—это никто не должен был забывать. В этом заключается главное основание замкнутости офицерского корпуса и тесно связанного с этим удаления офицеров от политической жизни.

Я старался ознакомить моих офицеров с характером современной войны. Я стремился укрепить в них уверенность в своих силах, необходимую, чтобы справиться с их тяжелыми задачами. Однако, самоуверенность не должна была переходить через край.

Я с большим рвением посвятил себя обучению полка и получил удовлетворение, так как полк постоял за себя перед лицом противника. Мне доставило большую радость, когда во время войны я был зачислен в списки полка, а затем был назначен его шефом. После моего увольнения полк сохранил мое имя. Я горжусь пехотным полком имени генерала Людендорфа.

Я прибыл в Страсбург в апреле 1914 года. В это время генерал фон-Деймлинг установил там энергичный темп военной жизни. Положение командира бригады резко отличалось от положения командира полка в Дюссельдорфе. Недоставало непосредственной совместной жизни с солдатами и офицерами. Моя работа заключалась в области обучения. Перед войной я успел получить удовольствие представить начальству мою бригаду на учебном плацу под Бичем.

На очереди стояло мое назначение в большой генеральный штаб обер-квартирмейстером. Я все время продолжал принимать участие в работах генерального штаба. В мае я был участником поездки генерального штаба, начавшейся в Фрейбурге в Брисгау и закончившейся в Кельне. В этой поездке принимал также участие его императорское высочество кронпринц германский. Он серьезно и с большим усердием работал над своей задачей и одновременно обнаружил правильное военное понимание и глазомер в крупных вопросах. В августе я должен был принять участие в так называемой «мучной поездке». В этой поездке должно было, на фундаменте стратегического задания, обсуждаться снабжение одной армии.

Нота, пред'явленная в конце июля Австро-Венгрией Сербии, встревожила и меня в Страсбурге. Никто не мог оспаривать степень ее серьезности. Скоро война стала неизбежной. Дипломатия поставила германскую армию перед бесконечно трудной задачей. Я с большим напряжением взирал на Берлин и почувствовал теперь, что находился в стороне от всех крупных событий.

III.

1-го августа была об'явлена мобилизация. Моя жена немедленно уехала в Берлин, так как семьи офицеров и чиновников должны были сейчас же покинуть Страсбург. В течение четырех лет войны мы не могли устроить собственный угол. Я редко имел возможность видеть жену, и то как-то на лету. В эти серьезные годы я не существовал для семьи, так как все мое время связывалось службой.

Рано утром 2-го августа я отправился со своими лошадьми через Кельн в Ахен, и к вечеру прибыл туда. По мобилизации я был назначен обер-квартермейстером штаба 2-й армии. Командиром 2-й армии был генерал фон-Бюлов, а начальником штаба—генерал фон-Лауенштейн.

Сначала я прибыл к генералу фон-Эммиху, которому была поставлена задача с несколькими наскоро мобилизованными смешанными пехотными бригадами, которые еще не пополнились до полного штата военного времени, захватить внезапным ударом крепость Льеж. Это должно было открыть свободный путь армии в глубь Бельгии.

Я разместился в Ахене в гостинице «Унион».

Рано утром 3-го августа сюда прибыл генерал фон-Эммих. Я встретился с ним первый раз. Глубокое уважение связывало меня до самой его смерти с этим выдающимся солдатом. Начальником его штаба был полковник граф фон-Ламбсдорф, проявивший себя, как в боях под Льежем, так и в дальнейшем, выдающимся офицером.

Рано утром 4-го августа мы перешли через бельгийскую границу. В этот момент в Берлине рейхстаг патриотически демонстрировал свою солидарность с правительством, и после прочтения тронной речи, присутствующие вожди партий пожатием руки дали императору обет верно-

сти на светлые и темные дни. В тот же день я принимал участие в первом бою под Визэ у самой голландской границы. Было совершенно ясно, что Бельгия уже давно готовилась встретить наше вступление. Дороги были планомерно разрушены и забаррикадированы, насколько это достижимо при настойчивой работе. На юго-западной границе Бельгии мы не обнаружили и следов подобных заграждений. Почему Бельгия не принимала подобных же мер против Франции?

Удастся ли нам захватить неповрежденными мосты у Визэ—было для нас вопросом особой важности. Я отправился туда с кавалерийским корпусом фон-дер-Марвица, который был предназначен для этой цели. Он медленно продвигался вперед, так как одна засека за другой загромождали дорогу. По моему предложению вперед была выслана рота самокатчиков. Вскоре два самокатчика возвратились и доложили, что рота в'ехала в Визэ и была там полностью уничтожена. Я направился туда с двумя солдатами, и к моей радости нашел там роту невредимой, только ее командир был тяжело ранен выстрелом с другого берега Мааса. Воспоминание об этом маленьком эпизоде послужило мне на пользу в будущем. Я стал менее восприимчив к «татарским» или, как говорили позднее, к «этапным» слухам.

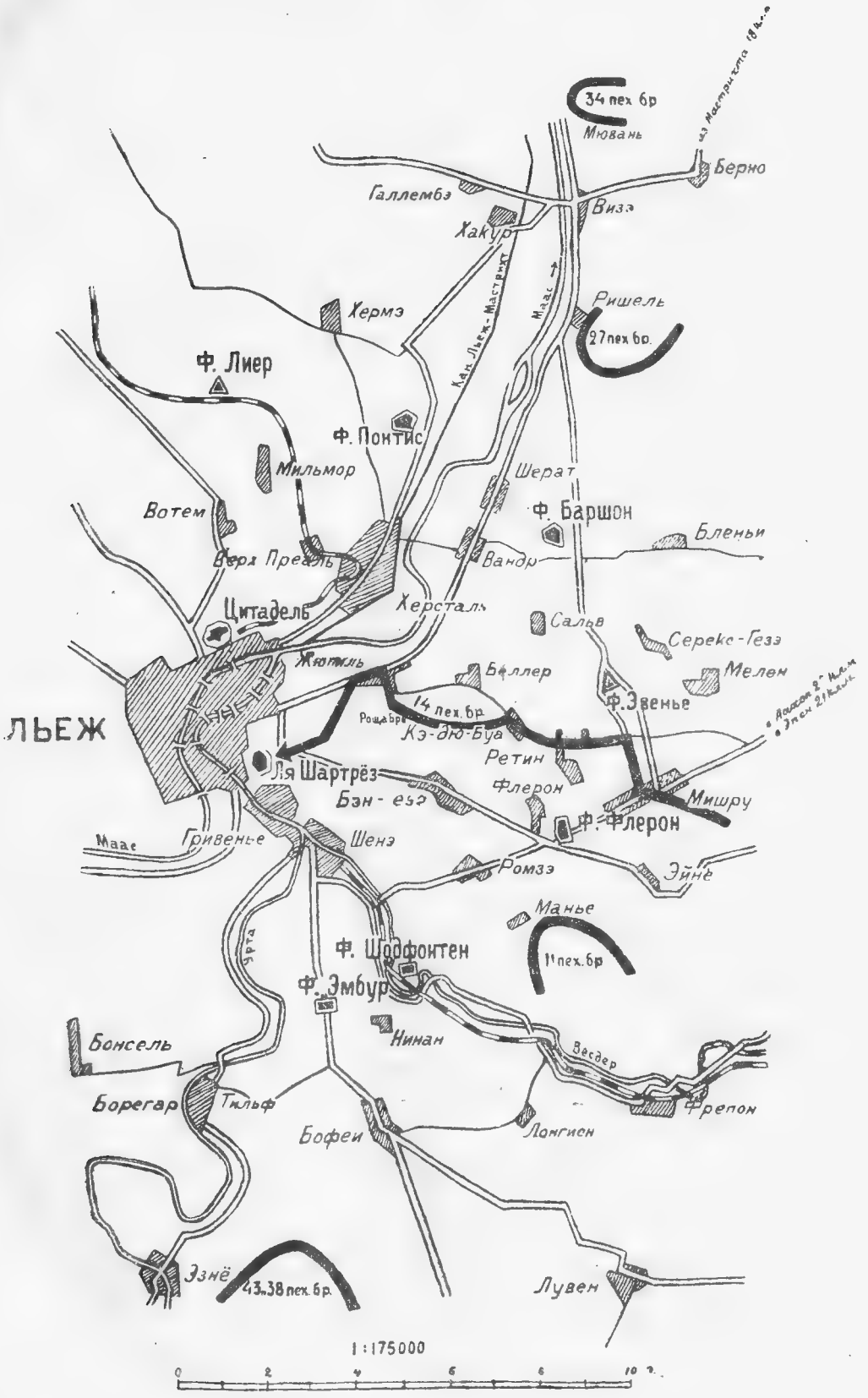
Чудные огромные мосты через Маас у Визэ были разрушены: Бельгия вступила в войну.

К вечеру я был в Гервэ, это был мой первый ночлег на неприятельской территории. Мы ночевали в какой-то гостинице против вокзала. Все было в исправности, и мы спокойно легли спать. Среди ночи я проснулся от оживленной перестрелки, стреляли также и в наш дом.—Партизанская война в Бельгии началась. На следующий день она завязалась повсеместно и решительно повлияла на то озлобление, которое в течение первых лет характеризовало войну на западе, в противность настроению, господствовавшему на востоке. Бельгийское правительство взяло на себя тяжелую ответственность, оно планомерно организовало народную войну. Гражданская гвардия [1]), которая в мирное время имела на руках оружие и мундирную одежду, могла выступать то в одном, то в другом одеянии. В начале войны и бельгийские солдаты захватили в свои ранцы штатские костюмы. На северо-восточном фронте Льежа в окопах у форта Баршон я видел валяющиеся мундиры, которые оставили сражавшиеся там солдаты.

Такой способ войны не отвечает принятым военным обычаям. Поэтому нельзя ставить в вину нашим войскам, когда они резко реагировали на это. Конечно, невинным приходилось расплачиваться вместе с виновными, но вообще «бельгийские зверства»—это исключительно искусная, утонченно выдуманная и распространенная легенда. Эти зверства должны быть поставлены на счет одному бельгийскому правительству. Я

[1]) Ополчение, которое в 1914 г. не было мобилизовано бельгийским правительством. *(Прим. редакц.).*

Схема 1. Льеж Положение к вечеру 6 го Августа 1914 г



выступил в поход с идеями рыцарского и гуманного ведения войны. Эта партизанская война была отвратительна всякому солдату. Я, с моим солдатским пониманием, испытывал тяжелое разочарование.

IV.

Высланные вперед к Льежу бригады должны были решить трудную задачу. Это было подвигом—прорваться внутрь современной крепости через линию фортов. Войска чувствовали себя подавленными. Из разговоров с офицерами я сделал вывод, что уверенность в удачный исход этой операции очень слаба.

В ночь с 5-го на 6-е августа началось наступление к Льежу через линию укреплений. Общий ход событий под Льежем описан в особой монографии генерального штаба, изданной Шталингом в Ольденбурге. Повторять его здесь не входит в мои намерения, я собираюсь описать только мои личные переживания.

Около полуночи с 5-го на 6-е августа генерал фон-Эммих отбыл из Гервэ. Мы поехали верхом на сборный пункт 14-й пехотной бригады, а генерал-майор фон-Вуссов отправился в Мишру, расположенное в двух или трех километрах от Флерона. В глубокую темную ночь, на дороге, которая могла быть непосредственно обстреляна с форта, собирались войска. Образ действий не отличался военной сноровкой. Тут же находились походные кухни, с которыми еще не привыкли обращаться и которые потом так благословляли. В это скопление попало несколько выстрелов из какого-то дома, находившегося к югу от дороги. Завязались стычки, но форт молчал, и это было божественное чудо. Около часа началось наступление. Оно направлялось севернее форта Флерон, через Ретин за линию фортов и затем на прилегающие к городу высоты Шартрез. Туда мы должны были прибыть ранним утром. Остальные бригады, которым предстояло прорвать линию фортов в других местах, должны были одновременно достигнуть города.

Штаб генерала фон-Эммиха находился ближе к хвосту нашей походной колонны. Неожиданно колонна остановилась на продолжительное время. Я стал вдоль нее пробираться вперед. Для остановки не было никаких оснований, наоборот, можно было только сожалеть о той оценке обстановки, которая ее вызвала. Я лично был по существу только бродягой на поле сражения, мне никто не был подчинен, и я должен был лишь осведомлять о событиях у Льежа мой штаб армии, который прибывал позже, а также согласовать мероприятия генерала фон-Эммиха с ожидаемыми распоряжениями генерала фон-Бюлова. Само собою разумеется, я двинул вперед походную колонну и сам остался в ее голове. Между тем, связь с передовыми частями утратилась. Мы пришли в Ретин в полной темноте, с трудом разбирая дорогу. Связь с передовыми ча-

стями все еще не восстанавливалась. Я вышел из деревни с головой колонны по ошибочному направлению. Навстречу раздались выстрелы. Справа и слева повалились люди. Я никогда не забуду звука удара пуль в человеческие тела. Мы сделали несколько перебежек в направлении невидимого противника, огонь которого становился оживленнее. В темноте было не легко ориентироваться. Но не могло быть никакого сомнения в том, что мы взяли неправильное направление. Приходилось возвращаться из сферы огня, что было досадно. Солдаты могли подумать, что я испугался. Но другого исхода не было, на карте стояла более крупная ставка. Я пополз назад и отдал солдатам приказ отходить до опушки деревни.

В Ретине я нашел правильную дорогу. Здесь я увидал конного вестового генерала фон-Вуссова с его лошадью. Он предполагал, что генерал убит. С небольшой кучкой следовавших за мною, я взял правильное направление и пошел по шоссе в Ке-Дю-Буа. Вдруг передо мной блеснул огонь. Картечь просвистала вдоль дороги. Мы остались невредимы. Через несколько шагов мы наткнулись на кучу убитых и раненых немецких солдат. Это была головная застава с генералом фон-Вуссовым; в нее, вероятно, попал один из предшествовавших выстрелов картечью. Я собрал постепенно подходивших солдат 4 егерского батальона и 27 пех. полка и решил вступить в командование бригадой. Прежде всего, надлежало покончить с орудиями, которые обстреливали дорогу. Капитаны генерального штаба фон-Гарбоу и Бринкман с несколькими храбрыми людьми через изгороди и дворы по обе стороны шоссе пробрались к орудиям. Сильное прикрытие сдалось. Дальнейшая дорога была свободна.

Мы продолжали наступление и вскоре достигли Ке-дю-Буа, где начался сильный бой за дома. Постепенно светало. Оба капитана генерального штаба, командир 4-го егерского батальона майор фон-Маркард, командир 2-го дивизиона 4-го полевого артиллерийского полка майор де-Грейф и его замечательный ад'ютант поручик Нейде, несколько солдат и я шагали впереди. Одна полевая гаубица, к которой впоследствии присоединилась вторая, продвигалась наравне с нами; она очищала улицы и стреляла в дома направо и налево. Таким образом мы медленно продвигались вперед. Мне часто приходилось напоминать солдатам, которые медлили продвигаться, чтобы они не оставляли меня одного итти вперед. Наконец, деревня осталась позади нас. Впрочем, все население бежало. Здесь мы вели бой с регулярными бельгийскими войсками.

При выходе из деревни мы увидали в направлении Мааса колонну, шедшую в направлении на Льеж. Я надеялся, что это 27-ая пехотная бригада. Но это оказались бельгийцы, которые вместо того, чтобы нас атаковать, потеряв голову, отходили за Маас. Потребовалось много времени, чтобы уяснить себе обстановку. Тем временем находившееся при мне ядро постепенно усиливалось подходившими отсталыми. Прорыв

линии фортов удался. 165-й пехотный полк со своим выдающимся командиром, тогда еще полковником фон- Овеном, продвигался в полном порядке. Прибыл генерал фон-Эммих. Наступление на Шартрез продолжалось.

В предположении, что атаковавшей южнее 11-й пехотной бригаде также удалось пробиться, генерал фон- Эммих предоставил в мое распоряжение и ее части. Дальнейшее движение обошлось без происшествий. Из долины Мааса мы начали подниматься на высоты восточного Шартрез на виду укреплений северного фронта Льежа. Когда бригада заняла высоту, было уже около 2-х часов. Орудия были наведены на город. Изредка давалось по одному выстрелу, отчасти как сигнал для других бригад, отчасти, чтобы сделать более сговорчивыми коменданта и город. Я должен был экономить боевые припасы, так как их оставалось немного. Войска были изнурены, сильно измотавшись в бою. Офицеры остались без лошадей. Походные кухни отстали. Я дал бригаде отдохнуть и покормиться, поскольку оказалось возможным, путем реквизиции в ближайших домах.

Генерал фон-Эммих скоро опять догнал бригаду. С высот восточнее Шартрез, на которых мы находились, открывался великолепный вид на город. Он лежал у наших ног. На другом берегу Мааса возвышалась цитадель. Неожиданно там развернулся белый флаг. Генерал фон-Эммих хотел командировать туда парламентера. Я предложил обождать прибытия парламентеров противника, но генерал фон-Эммих остался при своем решении. Капитан Гарбоу поскакал в город. Он возвратился в 7 часов вечера: белый флаг был поднят вопреки воле коменданта. Для вступления в Льеж было уже слишком поздно. Предстояла тяжелая ночь.

Тем временем я устраивал бригаду. Положение было необычайно серьезным. О других бригадах, в том числе и об 11-й, не было никаких сведений. Ординарцы не смогли пробиться. Становилось все очевиднее, что бригада была единственной, которая находилась внутри пояса фортов, и была отрезана от внешнего мира. Мы должны были рассчитывать на контр-атаки противника. Особенно затрудняла нас наличность приблизительно тысячи бельгийских пленных. Когда выяснилось, что расположенное рядом с нами старое укрепление Шартрез не занято, я отослал туда пленных под конвоем одной роты. Ротный командир, вероятно, усомнился в моем рассудке.

Нервность войск с наступлением темноты сильно повысилась. Я прошел вдоль фронта и призывал людей к спокойствию и выдержке. Слова: «Завтра утром мы будем в Льеже», подбодрили их.

Генерал фон-Эммих со своим штабом ночевал в маленькой крестьянской избе.

Я никогда не забуду ночи с 6-го на 7-е августа. Было холодно, мои вещи остались позади, майор фон-Маркард дал мне свою накидку.

Я напряженно прислушивался, не слышно ли где-нибудь боя. Я все еще надеялся, что хоть одна бригада пробьется через линию фортов. Но было совершенно тихо, только каждые полчаса раздавался выстрел из гаубицы по городу. Напряжение становилось невыносимым. В 10 часов вечера я отдал приказ роте егерей капитана Отта занять мосты через Маас в Льеже, чтобы иметь их в своих руках для дальнейшего наступления. и чтобы выдвинуть вперед охранение бригады. Капитан посмотрел на меня, но пошел. Рота достигла своей цели без боя. Донесений от нее не поступило.

Наступило утро. Я пошел к генералу фон-Эммиху и обсудил с ним обстановку. Решение наступать оставалось в полной силе. Но часа начала действий генерал фон-Эммих еще не наметил. Я занялся некоторым улучшением расположения бригады и пробовал достигнуть пути, по которому ожидалось наступление 11-й бригады. Но очень скоро был получен приказ от генерала фон-Эммиха о наступлении. Полковник фон-Овен образовал авангард. Остальные части бригады и пленные следовали на известном расстоянии; генерал фон- Эммих со своим штабом и я со штабом бригады шли в голове. Во время наступления многие находившиеся поблизости бельгийские солдаты сдавались. Полковник Овен должен был занять цитадель. Но поступившие сведения о противнике заставили его отказаться от этого, и он двинулся в северо-западную часть города и расположился у выхода из него в направлении на форт Лонсен. Предполагая, что цитадель находится в руках полковника фон-Овена, я вскочил с бригадным ад'ютантом в бельгийский автомобиль и поехал туда. Когда я приблизился, там не было ни одного германского солдата. Цитадель еще находилась в руках противника. Я постучал в запертые ворота. Ворота открыли изнутри и по моему требованию находившиеся там две сотни бельгийцев сдались.

Вслед за тем подошла бригада, заняла цитадель и я ее немедленно приспособил к обороне.

Этим закончилась задача, которую я сам на себя возложил. Теперь я мог просить генерала фон-Эммиха меня отпустить. Я предполагал выйти из крепости тем же путем, каким я в нее вошел, поставить штаб армии в известность о всем происшедшем, отыскать остальные бригады и руководить развертыванием артиллерии против фортов. Я еще находился в цитадели, когда туда прибыло несколько сот пленных германцев, которые были уже освобождены. Голова 34-й пехотной бригады прорвалась на западный берег Мааса, но затем бой прекратился. Прорвавшиеся части были взяты в плен. Тогда же прибыла 11-я пехотная бригада и позднее еще 27-я, так что, когда я оставил генерала фон-Эммиха, он располагал уже довольно значительными силами. Однако, имелись сведения, что от Намюра наступают французы. Таким образом, положение

оставалось весьма сомнительным. Оно могло бы считаться обеспеченным лишь после того, как пало, по крайней мере, несколько восточных фортов.

V.

Мое прощание с генералом фон-Эммихом было трогательно. В 7 часов утра я отправился в путь в Аахен. Моя поездка была весьма своеобразна. Один из гражданских гвардейцев вызвался меня туда доставить. Я забраковал автомобиль, который он выбрал. Но автомобиль, который я захватил, испортился еще в цитадели. Мне не оставалось ничего другого, как слепо вручить себя бельгийскому солдату. Путешествие прошло гладко. Мы миновали Гервэ; мое помещение и вокзал были уничтожены пожаром. Добравшись до германской территории, шоффер вдруг остановился и об'явил, что он дальше ехать не может. С помощью разных оказий поздно вечером я прибыл вместе с моим бельгийцем в Аахен. В гостинице «Унион» меня приветствовали, как будто я воскрес из мертвых. Здесь я разыскал свои вещи и денщика Рудольфа Петерса, который мне верой и правдой служил в течение долгих шести лет. Больше всего ему хотелось получить железный крест. Но он не мог быть им награжден, так как подобные пожалования противоречили моим взглядам. В Аахене я наскоро поел и ночью же поехал обратно разыскивать остальные бригады. Я не раздевался четверо суток. Случайно я повстречал свой старый полк, который срочно перебрасывался по железной дороге на помощь к Льежу. Верховное командование в Берлине также серьезно опасалось за нашу судьбу.

Положение наших частей в крепости было весьма напряженным. Я был озабочен их участью. Но кризис разрешился, так как противник бездействовал.

Повествование о дальнейших событиях у Льежа относится уже к области военной истории.

Я имел возможность еще участвовать только при взятии форта де-Понтисс на северном фронте. Я прибыл туда в момент падения форта Лонсен. В него попал снаряд 42-снт. орудия. Пороховой погреб взлетел на воздух, укрепления обрушились. Из-под кучи обломков выползли закопелые, с совершенно помутившимся сознанием бельгийские солдаты. В перемешку с ними появлялись и германские пленные, захваченные в ночь с 5-го на 6-е августа. Они шли к нам навстречу, высоко подняв руки и, заикаясь, лепетали: «не убивайте, не убивайте». Мы гуннами никогда не были. Наши солдаты принесли воды, чтобы освежить своих врагов.

Одно за другим укрепления переходили в наши руки и так вовремя, что правое крыло германской армии могло совершенно беспре-

пятственно наступать через Маас в глубь Бельгии. У меня свалился камень с сердца.

На возможность участвовать во взятии Льежа я смотрел, как на особое благоволение судьбы, тем более, что я еще перед войной принимал участие в разработке проекта нападения на Льеж и глубоко проникся важностью этой задачи. Его императорское величество пожаловал мне за командование бригадой орден «Pour le mérite». Генерал фон-Эммих, само собою разумеется, как стоящий во главе, также получил его. Он был ответственным вождем. Взятие Льежа было подвигом не одного человека, а целого ряда лиц. Они все разделяют честь взятия крепости.

В должности обер-квартирмейстера я участвовал в дальнейшем наступлении через Бельгию. Мне представился случай основательно изучить все вопросы по снабжению войск, что мне впоследствии очень пригодилось на посту начальника штаба. Проезжая по Бельгии, я попал в Анден. Там мне пришлось запечатлеть в памяти жуткую картину жестокостей партизанской войны.

21-го августа я еще присутствовал при переправе 2-й гвардейской дивизии через реку Самбру западнее Намюра. Развертывание в боевой порядок происходило спокойно. Вид красивых стройных людей полка Августы, шедшего в бой, действовал ободряюще.

22 августа утром я был отозван на восточный фронт.

В должности начальника штаба на востоке с 22 августа 1914 года по 28 августа 1916 года.

Танненберг.

(Карты I и II).

I.

Генерал фон-Мольтке и генерал фон-Штейн письменно вызывали меня в ставку в Кобленц и сообщали мне, что я назначен начальником штаба 8-й армии в Восточной Пруссии. Эти письма я получил в 9 часов утра 22 августа в штабе 2 армии, на полдороге между Вавром и Намюром. Мне их передал капитан фон-Рохов.

Генерал фон-Мольтке писал:

«На Вас возлагается новая трудная задача, может быть, даже более трудная, чем штурм Льежа... Я не знаю ни одного человека, к которому бы я имел столько доверия, как к Вам. Может быть Вы еще спасете положение на востоке. Не будьте злы на меня за то, что я отрываю Вас от должности в тот момент, когда Вы стоите перед решительными действиями, которые, с Божьей помощью, получат исчерпывающий характер. Вы должны принести эту жертву отечеству. Император также надеется на Вас. Конечно, на Вас не падет ответственность за то, что произойдет, но с Вашей энергией Вы можете предотвратить самое худшее. Идите же на новое призвание, самое почетное, какое может получить солдат. Вы не обманете оказанного Вам доверия».

Генерал фон-Штейн, в то время генерал-квартирмейстер, а позднее военный министр, заканчивал свое письмо таким образом:

«Вы нам необходимы. Этого требуют государственные соображения. Задача очень трудная, но Вы с нею справитесь».

Я еще узнал от капитана фон-Рохова, что командующим армией намечается генерал фон-Гинденбург, но еще неизвестно, удастся ли его разыскать и согласится ли он на это назначение.

Я гордился своей новой задачей и тем доверием, о котором свидетельствовали письма. Идея послужить государю, армии и отечеству на

решающем пункте в самый трудный момент приводила меня в повышенное настроение. Любовь к отечеству и верность государю, а также ясное представление о том, что каждый в отдельности обязан жить для семьи и для государства, являлись наследственными, вынесенными мною из родительского дома. Эти чувства остались у меня на всю жизнь. Мои родители не были состоятельными, их работа не приносила им земных благ. Мы жили очень экономно и очень просто. У нас была спокойная семейная жизнь. Мой отец и моя мать были всецело поглощены заботой о детях, нас у них было шестеро. За это я приношу своим родителям благодарность перед всем миром.

Когда я был молодым офицером, мне приходилось честным образом пробиваться в жизни. Я упорно сидел в своей скромной комнате в Везеле, в Вильгельмсгафене и в Киле и много читал по военной и по всеобщей истории, а также по географии. Мои детские познания постепенно расширялись. Я стал гордиться своим отечеством и его великими людьми. Я горячо почитал могучую и страстную личность Бисмарка. Мне ясно вырисовывалось значение династии для Пруссии и для Германии. Верность, которой я присягал, постепенно превратилась в глубокое внутреннее сознание долга. Когда я смог проследить шаг за шагом ход истории, мне стало ясно, что Германия всегда являлась полем сражения для всей Европы и что армия и флот имеют для ее безопасности первенствующее значение. Обратив свой взгляд на жизнь, я одновременно понял великое значение мирных достижений нашего отечества для всей культуры и человечества.

В 1904 году я получил назначение в отделение по стратегическому развертыванию большого генерального штаба. С этого времени началась моя непосредственная работа для армии. Венцом ее было мое выступление с проектом о миллиардных ассигнованиях.

Долгое время моим мобилизационным предназначением была должность начальника оперативного отделения штаба верховного командования. При моем назначении командиром полка в Дюссельдорф, это назначение само собой отпало. Оно перешло к моему преемнику по генеральному штабу. Мое назначение, в случае мобилизации, на должность обер-квартирмейстера 2-й армии интересовало меня атакой Льежа. В остальном оно не имело ничего особо привлекательного.

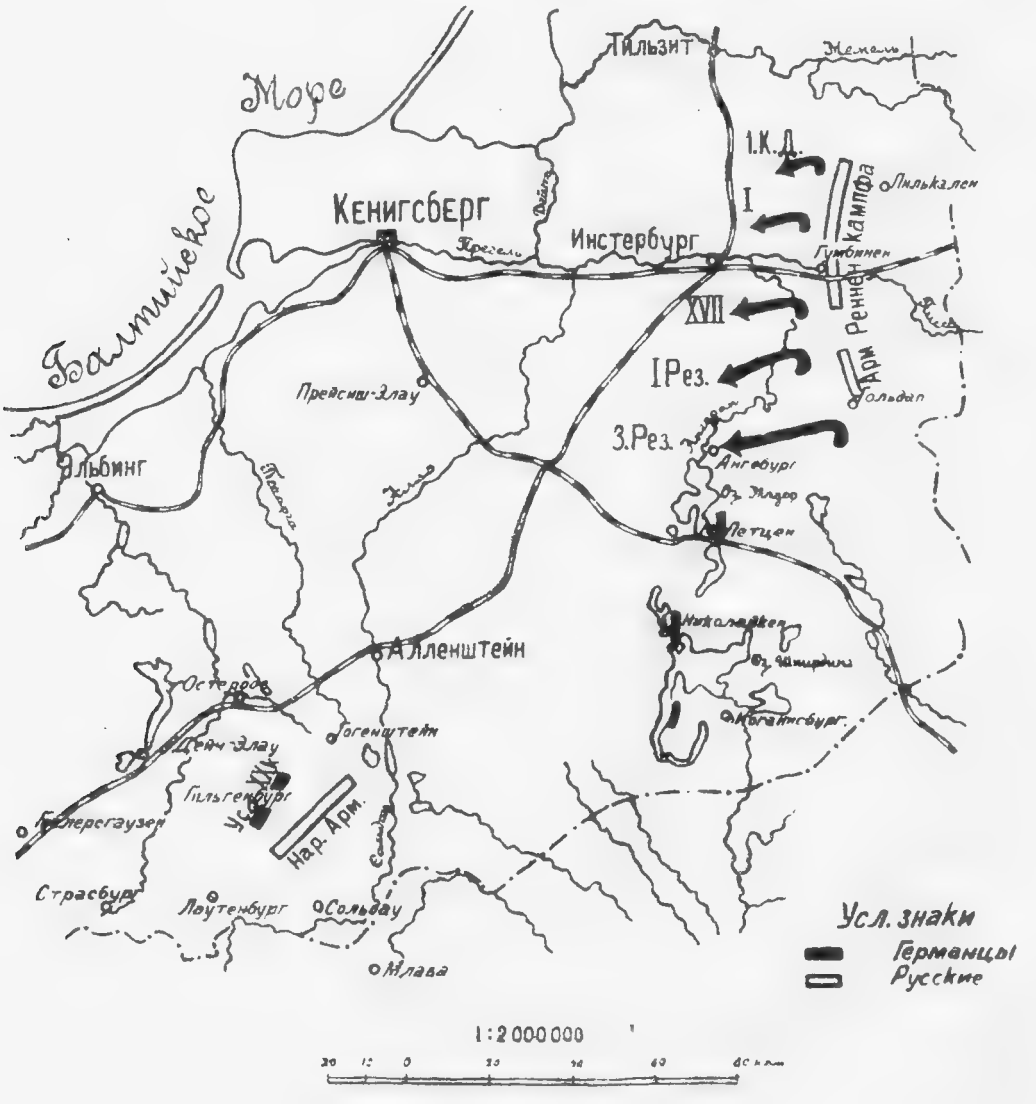
Я участвовал при генерале фон-Мольтке в руководстве многими полевыми поездками генерального штаба и приобрел глубокое понимание большой войны. Моя новая должность открыла мне возможность показать на деле, сумею ли я осуществить хотя бы в узких рамках идеи великого наставника генерального штаба генерала фон-Шлиффена. Это было высшее, что только можно было потребовать от солдата. Мне было прискорбно, что назначение выпало на меня в такой момент, когда отечество находилось в исключительно серьезном положении.

Мое внутреннее я и мои германские чувства толкали меня на подвиг..

Через четверть часа я уже сидел в автомобиле и ехал в Кобленц. Я миновал Вавр. Когда я был здесь накануне, город жил мирной жизнью, а теперь он был в огне. И здесь население вступило в борьбу. Это был прощальный привет Бельгии.

В 6 часов вечера я приехал в Кобленц. Я немедленно явился к генералу фон-Мольтке. Он показался мне очень усталым. Здесь я получил более точные сведения об обстановке на востоке. 20-го августа 8-я армия атаковала у Гумбинена русскую неманскую армию генерала Ренненкампфа. Наступление, несмотря на первоначальные успехи, не дало

Схема 2. Танненберг. Положение 22 Августа 1914 года.



решительных результатов. Пришлось прекратить бой. С тех пор армия находилась в полном отступлении к западу, между озером Мауер и рекой Прегель, за рекой Ангерап, а частью отходила севернее реки Прегель за реку Дейме на передовую позицию крепости Кеннигсберг. I армейский корпус должен был грузиться на железную дорогу на станциях западнее Инстербурга и перевозиться в Гослерсгаузен в распоряжение штаба армии, а 3-я резервная дивизия перевозилась из Ангербурга в Алленштейн и Гогенштейн на усиление XX армейского корпуса.

Слабо укрепленная линия озер между Николайкеном и Летценом находилась в наших руках. Сюда подходили только слабые части противника.

Командиру XX армейского корпуса генералу фон-Шольцу была вверена южная граница Восточной Пруссии. Дивизии корпуса и прочие подчиненные ему части, а именно 70-я ландверная бригада, части гарнизона Торна и других крепостей по Висле, он сосредоточил в непрерывных боях с наревской армией генерала Самсонова к Гильгенбургу и восточнее. Наревская армия сильно теснила его.

Надо было учитывать дальнейшее движение неприятельских армий по обе стороны укрепленного барьера Мазурских озер. Генерал фон-Мольтке сказал мне, что 8-я армия предполагает очистить весь район к востоку от Вислы, оставив только гарнизоны для обороны крепостей. 8-я армия несомненно пришла к такому решению, ожидая быстрого разрешения кризиса на западе и рассчитывая, что после этого к ней прибудут подкрепления, с помощью которых Восточная Пруссия будет отвоевана, а вторгнувшийся противник—разбит. На стратегических военных играх, руководимых генералом графом фон-Шлиффеном, такая обстановка часто разыгрывалась. Если бы эта предпосылка действительно имела место, то решение 8-й армии—сохранить свои силы для дальнейшей борьбы—было бы совершенно правильным. Однако, это решение не отвечало действительности и не учитывало всей тяжести ответственности оставления противнику собственной территории. Насколько страдают районы, в которых непосредственно развертываются военные действия, даже при гуманном ведении войны, это вновь подтвердилось мировой войной человечества. В тех условиях, в которых развивались события, отступление за Вислу вело бы нас к поражению. При превосходстве сил русских нам не удалось бы удержать линию Вислы, по меньшей мере мы не были бы в состоянии в сентябре поддержать австро-венгерскую армию. Последовал бы полный разгром. Положение, которое я застал, было несомненно весьма серьезно, но в конце концов выход нашелся.

По моей просьбе был немедленно послан приказ на восток—приостановить на 23 августа отступление главных сил 8-й армии. I резервный корпус, XVII армейский корпус и главный резерв крепости Кеннигс-

берг остановились на дневку; I армейский корпус должен был выгрузиться не в Гослергаузене, а не доезжая до него, в районе восточнее Дейч-Эйлау, ближе к генералу фон-Шольц. Все части крепостных гарнизонов Торна, Кульма, Грауденца и Мариенбурга, которые еще хоть сколько-нибудь могли быть использованы, надлежало перебросить к Страсбург и Лаутенбург. В состав этих крепостных гарнизонов входили только ландверные и ландштурменные части. Таким образом, в юго-западной части Восточной Пруссии образовывалась сильная группа, которая могла бы перейти в наступление. Северная группа продолжала тем временем отступление в юго-западном направлении или могла быть резко повернута на юг, чтобы принять участие в борьбе с наревской армией. Дальнейшие указания могли быть даны лишь на месте. От нового сражения русские не должны были уйти, и, конечно, в плоти и крови каждого офицера генерального штаба лежало стремление использовать разделение обеих неприятельских армий.

Я также представился его величеству императору. Его величество был в спокойном настроении, серьезно смотрел на положение на востоке и глубоко сожалел, что часть германского отечества подвергалась неприятельскому нашествию. Он думал о страданиях детей своей страны. Император вручил мне пожалованный мне за Льеж орден «Pour le mérite» и высказал мне свою признательность. Гордое и трогательное воспоминание о его словах останется у меня на всю жизнь.

В 9 часов вечера экстренным поездом я выехал из Кобленца на восток. Перед самым от'ездом я получил извещение, что генерал фон-Гинденбург принял командование армией и в 4 часа утра сядет в поезд. В Ганновере генерал фон-Гинденбург ждал уже на вокзале. Я представился ему. Мы никогда раньше не встречались. Все, что говорят о нашем предыдущем знакомстве, относится к области легенд.

Я в нескольких словах изложил обстановку и мы разошлись спать.

Около 2-х часов дня 23-го августа мы прибыли в Мариенбург, где нас ожидал штаб. За это время обстановка изменилась. Решение отступать за Вислу было отброшено. Сначала надо было удерживаться на реке Пассарге. В этом направлении работали обер-квартирмейстер 8-й армии генерал Грюнерт и подполковник Гофман.

В Мариенбурге нас встретили весьма холодно. Я как будто попал в другой мир. Какая разница между Льежем и живым настроением на западе, и подавленным настроением здесь. Но все быстро изменилось. Настроение постепенно повысилось, и наша совместная жизнь в штабе стала скоро таковой, какой я ее описывал уже выше.

II.

Прекрасный испанский военный атташе майор Вальдивиа, находившийся в Германии во время войны, приехав в октябре 1914 года пер-

вый раз к нам в штаб в Познань, спрашивал, было ли сражение при Танненберге разыграно по заранее разработанному плану. Мой ответ был отрицательным. Он был очень удивлен; он, как и многие другие, был в этом убежден.

План развертывания может и должен быть заранее подготовлен. Бои в позиционной войне требуют приблизительно такой же подготовки. Но в маневренной войне и в сражении, выливающемся из хода маневренной войны, представления об обстановке в голове вождя меняются пестрой чередой. Из его восприятий должны сложиться решения; солдатское ремесло становится искусством, солдат—полководцем.

Идея плана сражения сложилась в своих отдельных частях постепенно между 24-м и 26-м августа. Существенным вопросом являлось удастся ли оторвать от армии Ренненкампфа I резервный и XVII армейский корпуса, чтобы присоединить их к другим частям 8-й армии для совместной атаки наревской армии. Это зависело исключительно от Ренненкампфа. Если он сумеет использовать успех, одержанный при Гумбинене, и будет быстро продвигаться вперед, то этот маневр становился немыслимым. В таком случае не осталось бы ничего другого, как отводить I резервный и XVII армейский корпус в юго-западном направлении к Вормдиту, а другая группа 8-й армии задерживала бы тем временем наревскую армию. На крайний случай надо было обдумать пассивную оборону какой-нибудь линии восточнее Вислы.

Постепенно выяснилось, что Ренненкампф только очень медленно продвигается вперед. В виду этого постепенно явилась возможность оба армейских корпуса, находившиеся в отступлении на линии Бартенштейн—Гердауен, резко повернуть на юг в направлении на Бишофштейн и Нейденбург.

Сначала через Шиппенбейль и Бишофштейн, под прикрытием 1-й кавалерийской дивизии I резервного корпуса, повернул на юг XVII армейский корпус. Когда XVII корпус благополучно проследовал позади I резервного корпуса и 26 августа двинулся от Бишофштейна на Бишофсбург, I резервный корпус тоже двинулся, минуя с юга Шиппенбейль, в направлении на Зеебург. Только I кавалерийская дивизия в районе Шиппенбейля и южнее осталась фронтом против Ренненкампфа. Еще из ее состава I кавалерийская бригада получила приказание двинуться через Рессель на Зенсбург. Таким образом, с 27-го августа между озером Мауер и рекой Прегель против 24-х очень сильных пехотных и нескольких кавалерийских дивизий Ренненкампфа стояли только две кавалерийских бригады. Озерные позиции были открыты с запада и могли быть обойдены, Кенигсберг мог быть без труда обложен.

Решение дать сражение базировалось на учете медлительности русского командования. Наша задача — победить, несмотря на то, что мы

уступали в силах, глубоко оправдывала это решение, связанное с страшными трудностями.

Корпуса шли в тыл наревской армии, наступавшей из Нейденбурга на Алленштейн, но при этом они подставляли собственный тыл Ренненкампфу, удаленному на два-три перехода, при отсутствии сколько-нибудь значительного прикрытия. 27-го августа сражение разыгралось полным ходом, но не закончилось, как в предыдущие войны, в один день, а затянулось до 30 числа, а огромная армия Ренненкампфа висела, как грозная туча, на северо-востоке. Ему стоило только двинуться, и мы были бы разбиты. Но главные силы Ренненкампфа только незначительно продвинулись за линию Алленберг—Гердауен—Норденбург, и мы одержали блестящую победу.

Только немногие знали, какие заботы и опасения вызывала у меня неманская армия.

Чтобы XVII армейский и I резервный корпуса могли быть введены в бой самым действительным образом, само собой разумеется, другая группа 8-й армии должна была также атаковать. Но прежде всего она ни в коем случае не должна была дать себя разбить.

XX корпус с приданными к нему частями пережил очень тяжелые и напряженные дни. 23-го августа он находился на высотах северо-восточнее Гильгенбурга, имея фронт, резко обращенный на юг, а противник надвигался от Нейденбурга, т.-е. с юго-востока. 3-я резервная дивизия еще собиралась к западу от Гогенштейна. I армейский корпус только что приступил к высадке в Дейч-Эйлау. Правда, генералу фон-Шольцу удалось отбить превосходные силы противника. Но, удерживая за собой высоты, расположенные к востоку от Гильгенбурга, ему пришлось поспешно отвести левое крыло на участок к западу от Гогенштейна, почти до Мюлена. Это движение, хотя и было крайне неприятно для войск, имело свои хорошие стороны: русские почувствовали себя победителями. Они уже не ожидали дальнейшего сопротивления германцев и тем более возможности германской атаки. Они уже видели свободный путь в германские области вплоть до самой Вислы.

24-го августа мы уже были у генерала фон-Шольца. Мы одновременно с ним прибыли в Танненберг. Генерал фон-Шольц и начальник его штаба полковник Хель прославили в течение войны свои имена и увековечили их в истории.

Генерал фон-Шольц доложил нам яркую картину блестящей работы подчиненных ему войск с начала кампании и исключительно тяжелой обстановки последних боев. Он предполагал, что противник будет продолжать атаковать его, но он сможет удержаться.

По дороге из Мариенбурга в Танненберг нам была вручена перехваченная неприятельская радио-телеграмма, которая дала нам ясную картину неприятельских мероприятий на ближайшие дни. Наревская

армия должна была наступать уступами справа. VI армейский корпус должен был двигаться через Ортельсбург на Бишофсбург и 26-го числа достигнуть и, может быть, даже миновать его. XIII армейский корпус должен был итти из Нейденбурга через Пассенгейм на Алленштейн. Оказывалось, что в последние дни в боях против генерала фон-Шольца участвовали XV и XXIII армейские корпуса. 26-го числа их южный уступ должен был находиться приблизительно у Ваплица. I армейский корпус, который стоял еще левее уступом позади и несколько отодвинутый к западу, должен был итти, прикрываясь несколькими кавалерийскими дивизиями со стороны Лаутенбурга и Страсбурга, через Млаву и Сольдау.

Южной группе 8-й армии предстояло с запада обрушиться на этот марш. Являлся большой соблазн—обойти с юга Сольдау, чтобы охватить и I русский армейский корпус. Поражение русской наревской армии в связи с наступлением XVII армейского и I резервного корпусов могло бы стать полным. Но сил для этого нехватало. Тогда я предложил генералу фон-Гинденбургу атаковать I армейским корпусом от Дейч-Эйлау и Монтово, а правым крылом XX армейского корпуса от Гильгенбурга на Усдау и отбросить I русский армейский корпус на юг от Сольдау. Затем I армейский корпус должен был немедленно продвигаться в направлении на Нейденбург, чтобы вместе с XVII армейским и I резервным корпусами охватить по крайней мере главную массу наревской армии. Мы должны были здесь ограничить свою задачу, чтобы справиться с ней.

Атаку I и XX армейскими корпусами пришлось отложить на 27-е. Я охотно бы начал атаку раньше, но I армейский корпус не был еще готов; в железнодорожном отношении в Восточной Пруссии обстановка складывалась неблагоприятно. Командир I армейского корпуса генерал фон-Франсуа справедливо настаивал на том, чтобы его корпус был полностью сосредоточен до начала атаки.

Все шло далеко не так гладко, как я это могу описать в коротких штрихах. Все войска были сильно расстроены и вследствие беспрерывных боев их численность уменьшилась. Доставка приказаний I резервному и XVII армейскому корпусам встречала много затруднений. Неприятельские кавалерийские раз'езды делали местность не безопасной. Оставалось под вопросом, даст ли нам противник время привести в исполнение наш план.

В тылу группы генерала фон-Шольца особенной помехой были беженцы. Их насчитывались тысячи. Одни из них шли пешком, другие своими повозками загромождали дороги. Они непосредственно примыкали к войскам. Неожиданный отход армейской группы вызвал бы самые тяжелые последствия, как для беженцев, так и для войск. Но избежать этого было невозможно. Немногих имевшихся жандармов было недоста-

точно, чтобы направлять массы. Приходилось предоставить их самим себе. Много печальных картин они оставили в моей памяти.

III.

24-го и 25-го августа мы находились в Ризенбурге, а 26-го—в Лебау. В течение 24-го и 25-го августа во многих местах мы установили соприкосновение с начальниками и с войсками.

К вечеру 26-го числа обстановка с обеих сторон была приблизительно следующая.

Генерал фон-Мюльман, подчиненный I армейскому корпусу, находился с частями гарнизонов виленских крепостей в Лаутенбурге и Страсбурге, в тесном соприкосновении с неприятельской кавалерией. Сам же I армейский корпус был сосредоточен в районе Монтово и южнее и во время боя приблизился к Усдау, который был сильно занят I русским армейским корпусом. 27-го августа генерал фон-Франсуа был готов наступать дальше.

Правое крыло XX армейского корпуса, усиленное другими частями, получило задачу атаковать с севера Усдау и затем, когда I армейский корпус начнет наступление на Нейденбург, примкнуть к нему. 41-я пехотная дивизия должна была наступать от Гросс-Гардинен на Ваплиц; влево от нее одна ландверная бригада, 3-я резервная и 37-я пехотная дивизии должны были севернее Мюлена также вести атаку на Ваплиц и Гогенштейн. Противник надвинулся вплотную на всем фронте, Алленштейн был также занят им.

Ландверная дивизия генерала фон-дер-Гольца, которую высшее командование тоже отдало в наше распоряжение, подходила уже к Остероде и Бисселен. Она прибыла из Шлезвиг-Гольштейна, где она до тех пор несла службу по охране канала и побережья. Она должна была атаковать Гогенштейн с северо-запада.

I резервный корпус 26-го августа достиг окрестностей Зеебурга. XVII армейский корпус к северу от Бишофсбурга, между Лаутерном и Гросс-Бесау, вел бой с одной дивизией VI русского армейского корпуса и отбросил ее в направлении на Бишофсбург. 6-я ландверная бригада, которая в течение 25-го и 25-го августа продвинулась из Лецена в район к северу от Бишофсбурга, тоже успешно участвовала в этом бою.

В 4 часа утра 27-го августа должна была начаться атака Усдау. Мы желали присутствовать при этом решительном бое и на месте наблюдать за согласованием действий I и XX армейских корпусов, которые были уже урегулированы приказом. Перед самым нашим от'ездом из Лебау в Гильгенбург, мы получили радостное известие, что Усдау уже взято. Я считал сражение выигранным. Но оказалось, что дело так далеко еще не подвинулось. Вскоре, к сожалению, выяснилось, что Усдау еще

держится. Мы им овладели только к вечеру. Тактически наревская армия была теперь прорвана. I армейский корпус отбросил противника за Сольдау и двинулся на Нейденбург.

Сильно уже истощенный XX армейский корпус действовал не так успешно. 41-я пехотная дивизия у Гардинена не продвинулась. К северу также не было никакого продвижения.

Ландверная дивизия фон-дер-Гольца полностью собралась против Гогенштейна.

После полудня мы возвратились в Лебау не вполне удовлетворенными.

По нашем прибытии пришло донесение, что I армейский корпус разбит; его обломки прибывают в Монтово. Этому известию трудно было поверить. Немедленно по телефону была запрошена комендатура вокзала в Монтово и был получен ответ, что там собираются части I армейского корпуса. Позднее выяснилось, что речь шла только об одном батальоне, который попал в трудное положение, и начал отступать. Изрядно поспешно отходившие через Лебау обозы послужили поводом к новой тревоге. На полководца рушится многое, и он должен иметь крепкие нервы. Непосвященный человек слишком легко начинает представлять себе, что на войне идет все так, как будто решается арифметическая задача с определенными данными. Но война представляет все, что угодно, только не математическую задачу. Война есть двухсторонняя борьба могучих и неведомых физических и духовных сил, а она становится тем труднее, чем больше превосходство сил противника над нашими. Война—работа с людьми различного характера и мыслящих по-своему. Только воля полководца образует неподвижный полюс.

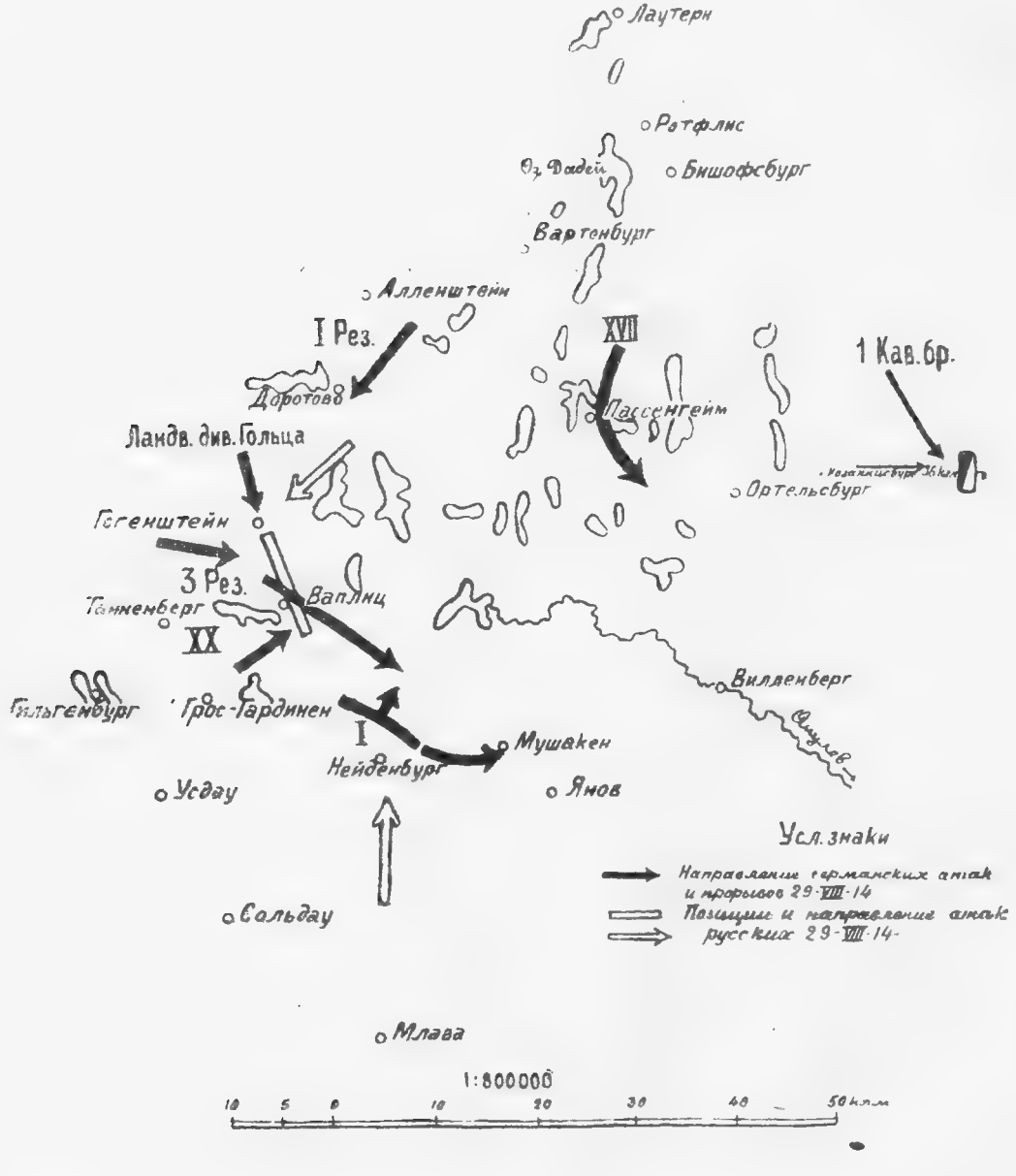
Люди, которые критикуют полководца, но сами не участвовали в войне на руководящем посту, должны сначала изучить военную историю. Я могу только пожелать, чтобы им когда-нибудь пришлось самостоятельно провести хоть один бой. Они испугались бы невыясненности обстановки и огромных требований, которые ставит эта ответственная задача, и стали бы более сдержанными. Только глава государства—государственный человек, который решается на войну, если он идет на нее совершенно сознательно, выносит на себе такое же или даже большее бремя, чем полководец. Но для государственного мужа вопрос сводится к одному тяжелому решению, а от полководца такие решения требуются ежедневно и ежечасно. От его решений находятся в постоянной зависимости радость и горе многих сотен тысяч людей и даже целых наций. Для солдата нет ничего более великого, но в то же время и более тяжелого, как стоять во главе одной армии или всех действующих войск.

Поздно вечером в Лебау пришло донесение, что 1 резервный корпус прибыл в Вартенбург. Перед XVII армейским корпусом, русский VI армейский корпус находился в поспешном отступлении за Ортельсбург,

южнее Бишофсбурга он был еще раз отброшен. Преследование вела небольшая часть XVII армейского корпуса, главные же его силы вечером 27-го августа стали на ночлег у Менсгута.

На 28-е августа оставалось только отдать приказ I армейскому корпусу занять Нейденбург. Но он уже двинулся туда по своей инициативе. XX армейский корпус должен был развивать наступление, указанное

Схема 3. Танненберг. Положение 29-го Августа 1914 г



ему на 27-е, атакуя особенно энергично 41-ю пехотную дивизию. Ландверной дивизии фон-дер-Гольца предстояло атаковать Гогенштейн. I резервный и XVII армейский корпуса продвинулись, оставив заслон к Ортельсбургу, на запад, на Алленштейн и Пассенгейм. Рано утром 28-го августа мы поехали в Фрегенау и расположились у восточного выхода из этой деревни под открытым небом. Генерал фон-Шольц находился поблизости. С I армейским корпусом у нас была весьма жалкая телефонная связь. С другими частями установить связь оказалось невозможно.

Первое полученное нами впечатление было неблагоприятным. Правда, что Нейденбург был нами взят, но 41-я пехотная дивизия, атаковавшая в тумане Ваплиц, была отбита. Она очень сильно пострадала, находилась теперь западнее Ваплица и с беспокойством ожидала неприятельскую контр-атаку. Я командировал туда на автомобиле офицера. Он не сообщил ничего утешительного о ее состоянии. Ландвер у Мюлена не продвигался вперед. Если бы противник атаковал сосредоточенными силами правое крыло XX армейского корпуса, то тут мог бы наступить серьезный кризис. По возможности следовало сражение не затягивать. Ренненкампф, в конце-концов, мог подойти. Но неприятель на участке 41-й пехотной дивизии бездействовал, а Неманская армия не двинулась вперед.

Капитан Гартенверфер из штаба XVII армейского корпуса привез на аэроплане через неприятельскую линию фронта хорошие сведения о продвижении корпуса в тылу противника.

После полудня обстановка продолжала изменяться в нашу пользу.

Днем 3-я резервная дивизия, а позже и 37-я пехотная дивизия выиграли пространство к западу от Гогенштейна. Ландверная дивизия фон-дер-Гольца также ворвалась в Гогенштейн. Неприятельский фронт как-будто начинал слабеть. Генерал фон-Гинденбург пожелал проехать вперед в Мюлен. Мы как раз попали в момент налетевшей паники, причиненной русскими пленными, которых в большом количестве вели назад. Она произвела неприятное впечатление и распространилась далеко в тыл.

Вечером мы отправились в Остероде. Гражданские власти, вследствие неудачного мобилизационного распоряжения, уже покинули город. Это увеличивало беспокойство среди населения.

В положении отдельных войсковых частей мы не могли отдать себе ясного отчета. Что сражение было выиграно, не оставалось никаких сомнений, но получило ли оно характер Канн, оставалось еще невыясненным. I армейский корпус получил приказ выдвинуть отряд в Вилленберг, туда же должен был направиться и XVII армейский корпус. Надо было русским отрезать путь к отступлению.

В течение ночи мы еще получили следующие сведения: XIII русский армейский корпус прошел из Алленштейна в Гогенштейн и там

сильно потеснил ландвер. I резервный корпус достиг района к югу от Алленштейна; дальнейшим движением он должен был замкнуть кольцо вокруг XIII русского армейского корпуса и здесь закончить бой. I и XIII армейские корпуса должны были тем временем отрезать отступление другим частям.

29-го августа утром я решил проехать в Гогенштейн, чтобы распутать смешавшиеся там части. Операция против армии Ренненкампфа должна была подготовляться независимо от того, будет ли он наступать или останется на месте.

Еще несколько случайностей имело место, прежде чем мы смогли окончательно увериться в победе.

Рано утром 29-го августа [1]) мы узнали из донесений летчика, что неприятельский армейский корпус двигается с юга на Нейденбург и уже приближается к городу. Следовательно, он с тыла подходил к I армейскому корпусу, который дрался фронтом на север против отступающих русских. Почти одновременно последовал телефонный вызов из Нейденбурга. Нам было сообщено, что по городу ложатся неприятельские шрапнели, затем разговор оборвался. Все имевшиеся свободные силы были высланы по направлению к Нейденбургу, чтобы поддержать I армейский корпус в ожидавшемся бою. Но генерал фон-Франсуа справился с положением своими силами, а противник действовал менее решительно, чем ему позволяла обстановка.

После того, как все приказы были отданы, я выехал в Гогенштейн. Дорога пересекала поле сражения, и оно произвело на меня глубокое впечатление. Восточнее Гогенштейна в общей массе тянулись наши колонны и пленные русские. Навести среди них порядок было не легко. I резервный и XX армейский корпуса расположились вдоль дороги между Алленштейном и Гогенштейном. Штаб армии имел, таким образом, по крайней мере, два корпуса в своих руках.

Бой подходил к концу. 3-я резервная дивизия глубоко прорвалась сквозь противника и прибыла в Мушакен к востоку от Нейденбурга. Другие же части достигли Вилленберга. Появившиеся здесь позднее русские, бежавшие по пересеченной лесистой местности, пробовали еще в нескольких пунктах прорвать германское кольцо. 30-го августа, в особенности около Мушакена, дело дошло до серьезных боев, но в судьбе сражения уже ничего нельзя было изменить.

Генерал Самсонов застрелился. Он был погребен неузнанным недалеко от Вилленберга. Его жена, которая приехала по делам военнопленных в Германию, установила могилу мужа по медальону, который при погребении был снят с покойного генерала, как отличительный признак. Взятые в плен русские командиры корпусов прибыли в Остероде и представились генералу фон-Гинденбургу.

---

[1]) Людендорф ошибается на один день,—это было 30 августа. (*Прим. ред.*).

Число пленных и количество военной добычи общеизвестны.

Потери противника убитыми и ранеными также были тяжелы. Распространенный рассказ, что русские были тысячами загнаны в болото и там погибли,—миф. По соседству нигде даже не было болота.

Было выиграно одно из самых блестящих сражений во всей мировой истории. Победившие войска перед тем уже неделями находились в боях, частью неудачных. За это мы должны быть обязаны устройству войск в мирное время. Этот бой является славной страницей для вождей и войск, для офицеров и солдат и для всего отечества.

По моему предложению это сражение было названо «битвой при Танненберге», в воспоминание того боя, в котором Тевтонский орден был разбит союзными литовской и польской армиями. Неужели германцы допустят, чтобы литовцы и особенно поляки нас осилили? Неужели должна погибнуть вековая германская культура?

Я не мог от всей души радоваться этой колоссальной победе, армия Ренненкампфа ложилась на нервы тяжелым бременем. Но мы были горды этим боем. Прорыв и охват, сильная воля к победе и в то же время разумная сдержанность привели к полному успеху. Несмотря на нашу меньшую численность, на востоке нам удалось сосредоточить на поле сражения силы, приблизительно равные силам противника. Я думал о генерале графе фон-Шлиффене, и был благодарен ему, как наставнику.

В Алленштейне в лютеранской церкви генерал фон-Гинденбург и я принесли Всемогущему Богу благодарственную молитву.

У меня не было ни минуты отдыха; я должен был подготовить группировку армии для дальнейшей операции. Заканчивать одно сражение и немедленно приступать к подготовке следующего—необыкновенно трудная задача.

В промежуток между ними предстояло упорядочить бесконечно многое. Надо было торопиться с эвакуацией пленных, так как при неустойчивости положения большое количество их представлялось обременительным.

Я получил Железный Крест 2-й степени и с гордостью надел его. До сих пор, когда я вспоминаю Льеж и Танненберг, мое сердце исполняется чувством справедливого удовлетворения. С течением войны Железный Крест потерял свою первоначальную ценность — грустное, но вполне естественное явление. Но всякий, кто его честно заслужил, должен носить его с гордостью.

IV.

Победоносное шествие германской армии на Западе продолжалось. В виду этого высшее командование предполагало усилить 8-ю армию тремя корпусами с запада. Телеграмма, уведомляющая об этом подкреплении, была получена к началу сражения при Танненберге. Позднее меня запросили, может ли быть отменена посылка одного корпуса. Я вообще не

просил подкреплений и выразил согласие. Прибыло всего два корпуса, гвардейский резервный и XI армейский, а также 8 кавалерийская дивизия. Решение ослабить западный фронт оказалось преждевременным. К сожалению, на востоке мы этого не могли предусмотреть. Сведения, поступавшие с запада, являлись до сих пор весьма благоприятными. Особенное значение получило то, что предназначенные для востока подкрепления были взяты с правого крыла, на котором лежала решительная задача, а не с левого, которое, после закончившихся уже боев в Лотарингии, было слишком сильно. Третий же армейский корпус, предназначавшийся к переброске на восток, был задержан на левом крыле.

В Галиции обстановка уже складывалась неблагоприятно. Главные силы русских двинулись против австро-венгерских армий и в конце августа разбили их восточнее Львова. К началу войны австро-венгерская армия была далеко не совершенным орудием для боя. Если бы мы перед войной действительно имели агрессивные намерения, мы должны были бы настаивать, чтобы Австро-Венгрия усовершенствовала свои вооруженные силы. Также надо было бы развить железнодорожную сеть, которая являлась абсолютно неудовлетворительной. Все-таки остается глубокой ошибкой, что мы это допустили. Тройственный союз был только политическим союзом, союз же между Францией и Россией носил определенный военный характер. Этим об'ясняются большие начальные преимущества наших противников.

Наше соглашение с Австро-Венгрией о совместной войне также было мало удовлетворительно. Генерал граф фон-Шлиффен опасался нарушения тайны, что в действительности и случилось. Общий операционный план был составлен поэтому только в весьма грубых чертах. Развертывание австро-венгерских армий впереди реки Сана могло быть оправдано лишь в том случае, если бы силы одних австрийцев и венгерцев имели бы превосходство над русскими, как это и признавалось весьма многими австро-венгерскими офицерами, или если бы германцы могли одновременно начать наступление через Нарев. Но последнее мы не были в состоянии развить, так как те три корпуса, на которые надеялся генеральный штаб, не были включены в последнее увеличение армий. Кроме того, теперь, вследствие отпадения Италии, приходилось усиливать Западный фронт.

По нашим старым военным соглашениям с Италией, три итальянских армейских корпуса и две кавалерийские дивизии должны были развернуться в Эльзасе, а главные силы, за исключением береговой обороны, в северной Италии. Одновременно итальянский флот должен был прервать сообщение между Францией и ее северо-африканскими колониями. Известное время с этим договором считались, но затем он отпал. Исключительно по желанию начальника итальянского генерального штаба генерала Полио, этот проект стал снова разрабатываться.

Летом 1914 года, незадолго до войны, генерал Полио скончался. Франция могла оставить свою южную границу открытой. Она могла все свои силы направить на нас, так как знала наверное, что Италия выступит не на нашей стороне. Наш бывший союзник сильно нам повредил. Нельзя отрицать серьезности положения Италии, если Англия оказывалась на противной стороне; кроме того, у Италии были трения с Австро-Венгрией. Но эти обстоятельства существовали искони и не помешали Италии вступить в союз с Австро-Венгрией и с нами. Она извлекла из него крупные выгоды. Мы должны были, по крайней мере, ожидать, что Италия будет чувствовать себя обязанной нам. Конечно, здоровый национальный эгоизм понятен, он должен жить в каждом народе, но существуют известные заповеди этики, которые не терпят нарушения. Италия же их переступила. Понятно, что в течение четырех лет войны мы высказывали отрицательные суждения об ее поведении.

В конце августа нельзя было отрицать трудности положения австро-венгерских армий, имевших против себя подавляющее большинство русских. Начальник австро-венгерского генерального штаба, генерал фон-Конрад, со своей точки зрения был совершенно прав, когда требовал от нас наступления через Нарев. Но так как 8-я армия уступала в силах Ренненкампфу, то это было неосуществимо. Всякое движение в направлении на Млаву и на Пултуск в любой момент могло быть остановлено наступлением Ренненкампфа на линию Алленштейн—Эльбинг. Ничего другого не оставалось, как сначала разделаться с русской неманской армией.

Хотя Ренненкампф, под впечатлением сражения под Танненбергом, и оттянул передовые части на несколько километров назад, все-таки казалось, что он собирался держаться между рекой Прегель и озером Мауер. 8-й армии приходилось давать второе сражение и сосредоточить на нем все силы.

В развитие этого намерения, подкрепления, перевозившиеся с Запада, были высажены на участке между Алленштейном и Эльбингом, а прежние силы 8-й армии развернулись для наступления на линии Вилленберг—Алленштейн.

У Сольдау охранять границу были оставлены слабые силы, они должны были продвинуться в Польшу в направлении на Млаву.

Закончив развертывание, мы хотели атаковать широкий фронт Ренненкампфа между рекой Прегель и озером Мауер и охватить его левое крыло с юга через Летцен. При этом на долю нашего крайнего южного крыла выпадало прикрывать армию со стороны Августова и Осовца, куда ожидалось прибытие неприятельских войск. В виду этого сосредоточившаяся 8-я армия должна была сражаться в трех группах: между рекой Прегель и озером Мауер, у Летцена и в направлении на Лык.

В начале сентября развертывание было закончено следующим образом:

Гарнизоны висленских крепостей находились у Сольдау.

Ландверная дивизия фон-дер-Гольца у Нейденбурга.

3-я резервная дивизия и I армейский корпус у Вилленберга и Ортельсбурга и I-я кавалерийская бригада к западу от Иоганнисбурга.

XVII армейский корпус у Пассенгейма.

XX и XI армейские и I резервный корпуса в Алленштейне и по обе его стороны.

Гвардейский резервный корпус подвигался от Эльбинга к нижнему течению реки Пассарги.

8-я кавалерийская дивизия продвигалась в направлении на Летцен.

7-я кавалерийская дивизия, за исключением I-й кавалерийской бригады, стояла против неманской армии и в дальнейшем должна была тоже вести наступление на Летцен.

Главный резерв Кенигсберга удерживал линию реки Дейме.

Туда же должны были подойти главный резерв Познани и ландверная дивизия графа фон-Бредова, но к сражению они опоздали.

Колоннам и обозам I резервного и XVII армейского корпусов, которые первоначально находились в отступлении за реку Пассаргу, пришлось выполнить весьма сложное движение. Но, в конце-концов, они без слишком больших трений прибыли на свои участки развертывания.

Русская кавалерия, перед которой наша I-я кавалерийская дивизия вынуждена была отступать, временно проникла глубоко на запад до реки Пассарги на участке ниже Вормдита, но не произвела при этом каких-либо, имеющих военное значение разрушений. Так, например, совершенно непонятным образом она не разрушила магистраль Эльбинг—Кенигсберг.

Для нас, конечно, имело большое значение как можно скорее открыть эксплоатацию железных дорог, и в особенности тех, которые мы повредили при нашем отступлении от Гумбиннена. Особенное значение имел узел Коршен. Там должны были быть выполнены основательные работы по разрушению, но через 48 часов после того, как мы его вновь заняли, он был приведен в исправность. К нашему благополучию оказалось, что разрушения не были выполнены столь фундаментально, как я этого ожидал. Войска не имели еще достаточного опыта. Необходимы были особые технические указания.—это мне послужило уроком для будущего.

V.

4-го сентября началось наступление против армии Ренненкампфа, 7-го числа гвардейский резервный, I-й резервный и XI и XX армейские корпуса подошли вплотную к неприятельским позициям между рекой Прегель и озером Мауер, на линии Велау—Гердауен—Норденбург—Ангербург, и в последующие дни приступили к планомерной атаке. В боль-

шинстве случаев, в особенности в XX армейском корпусе, бои протекали неособенно удачно. Русские дали решительный отпор. У противника были сильные и искусно укрепленные позиции. Имевшимися в нашем распоряжении боевыми средствами и боевыми припасами мы никогда не овладели бы этими позициями, если бы не сказался намеченный обход через Летцен и укрепления озерной линии.

Восточнее Летцена, который до сих пор храбро отбивал неприятельские атаки, сначала, казалось, также не все шло удачно. XVII армейский корпус и 1-я и 8-я кавалерийские дивизии, направлявшиеся через крепость, в течение 8-го и 9-го сентября очень медленно продвигались в озерном районе к северо-востоку от Летцена. У Круглаукена и Посесерна им пришлось выдержать трудные бои. I-му армейскому корпусу, который был двинут через Николайкен и Иоганнисбург, пришлось восточнее озерной линии резко повернуть на север. К вечеру 9-го сентября он открыл дорогу XVII армейскому корпусу; 3-я резервная дивизия, за которой следовала ландверная дивизия фон-дер-Гольца, продолжала наступление через Бялу на Лык. Уже 8-го сентября, у Бялы, они наткнулись на превосходные силы противника.

Это также была операция неслыханной дерзости. Неманская армия состояла из 24-х пехотных дивизий [1]), и сама по себе сильно превосходила нашу 8-ю армию, имевшую в своем распоряжении от 15-и до 16-и пехотных дивизий. К тому же в русской дивизии насчитывалось 16 батальонов, а в нашей в то время—еще 12. К силам русских надо присчитывать еще от 4 до 6 дивизий, которые сосредоточивались в Осовце и Августове. В любой момент и в любом месте эти силы могли быть стянуты для нанесения нам удара с огромным превосходством в числе. Опасность особенно угрожала нашему правому крылу, выдвинувшемуся восточнее озер. Оно могло быть раздавлено. Но даже в этом положении мы ни одной минуты не колебались дать сражение. Мы могли рассчитывать на наше превосходство в выучке. Танненберг также дал нам большой моральный перевес.

Штаб армии охотно бы усилил правое крыло, с этой целью в нашем распоряжении была удержана к западу от озер одна дивизия XX армейского корпуса. Но ее пришлось вернуть корпусу. Растяжка приблизительно на 50 километров четырех корпусов, направленных для атаки неприятельского фронта, была довольно значительна. К тому же штаб гвардейского корпуса опасался контр-атаки русских, и в виду этого сосредоточивался теснее. Северное крыло должно было дотягиваться до реки Прегель, иначе противнику открывалась возможность охватить 8-ю армию. Крыло, предназначенное для обхода, не могло быть

[1]) **Силы армии Ренненкампфа сильно преувеличиваются всеми германскими писателями. В действительности, она в бою под Гумбиненом насчитывала только 6 дивизий, а к 10 сентября была усилена до 14 пех. дивизий. (*Прим. редакции*).**

сделано сильнее, чем это было нами первоначально намечено. Оставалось только ждать, разовьется ли атака успешно или нет. Решение и здесь должно было дать оружие. Мы должны были сделать все возможное, чтобы обеспечить желанный результат.

Рано утром, 10-го сентября пришло важное известие, что севернее Гердауена, против I резервного корпуса, противник ночью очистил позиции. Это был результат успешных боев I и XVII армейских корпусов вечером 9-го сентября. I-й резервный корпус занял эту позицию и намеревался продолжать наступление. Можно себе представить, какая радость охватила штаб армии. Опять был достигнут крупный успех, но окончательного решения еще не было. Русская армия еще отнюдь не была разбита. К северо-востоку от Летцена мы одержали только местные успехи. Предстояло развить энергичное фронтальное преследование и врываться в ряды отступающего противника. Тем временем охватывающее крыло продолжало наступление в направлении к шоссе Вержболово—Ковна, обходя с востока Роминтенскую рощу. Мы стремились при этом, насколько возможно, прижать русских к Неману. Но в то же время приходилось учитывать, что Ренненкампф и теперь еще был в состоянии, совместно с подкреплениями, находившимися далее к югу, повести в любом направлении сильную атаку. Наш фронт был повсюду очень редок, но обе северные группы, которые до сих пор разделялись озером Мауер, теперь вновь соединились. Все-таки положение продолжало оставаться весьма напряженным. Войскам предстояли новые задачи. Они должны были, наступая по многим путям, в тесной, взаимной связи непрерывно преследовать противника и вцепляться в него, где бы он ни остановился. Но при этом, в целях уменьшения потерь, надо было выжидать содействия соседних колонн, на обязанность коих ложилось выполнение местных охватов. XVII корпус и, особенно, I армейский корпус и 1 и 8 кавалерийские дивизии должны были все вновь и вновь охватывать. Направления движений для отдельных колонн, начиная с левого крыла, были следующие:

Главный резерв Кенигсберга—Кенигсберг—Тильзит.

Гвардейский резервный корпус—Грос-Аудовенен.

I резервный корпус—Инстербург—Пилькален.

XI армейский корпус — севернее Даркемена — Гумбинен — Сталюпенен.

XX армейский корпус—Даркемен—середина расстояния между Вержболовым и Выштынецким озером.

XVII армейский корпус—севернее Роминтенской рощи на Выштынец.

I армейский корпус—южнее Роминтенской рощи на Мариамполь.

8-я и 1-я кавалерийские дивизии предшествовали I-му армейскому корпусу в направлении на шоссе Вержболово—Ковна.

Движение протекало не совсем так, как я ожидал. Трудно было отличать свои части от противника. Иногда две наши колонны вступали между собою же в перестрелку. Войска слишком энергично атаковали фронтально, не выжидая подхода соседних колонн. Самым крупным недоразумением явилось заявление XI армейского корпуса 11-го сентября, что он атакован превосходными силами противника. Этот случай был возможен, мы должны были учесть его. При взаимоотношении сил наших и противника фронт нуждался в непосредственной тактической поддержке охватывающих корпусов. Поэтому мы должны были решиться XVII и I армейские корпуса двинуть круче на север, чем это предполагалось первоначально. Через несколько часов выяснилось, что сообщение XI армейского корпуса ошибочно. Но приказ охватывающему крылу был уже отдан. Позднее корпуса опять были повернуты на прежние направления, но все же полдня, по крайней мере, было потеряно.

Успехи 8-й армии были выдающимися. Все наступление, за четыре дня которого было пройдено много более 100 километров, было победоносным шествием войск, уже ослабленных продолжительными боями и всякого рода лишениями и усилиями. Это особенно относится к коренным частям 8-й армии: гвардейский резервный корпус и XI армейский корпус храбро сражались на западном фронет под Намюром, но до сих пор все-таки еще не переживали столь тяжелых дней.

Результаты этого сражения не так бросаются в глаза, как сражение при Танненберге. Не доставало воздействия на тыл противника, оно было невозможно. Противник не остался на месте, а отступил, так что оказалось возможным только фронтальное и фланговое преследование. Под Танненбергом захвачено свыше 90,000 пленных, теперь же мы насчитали 45,000. Но все, что при данных условиях можно было достичь, мы достигли.

В сущности, Ренненкампф как-будто вообще и не думал о серьезном сопротивлении. Во всяком случае он очень своевременно начал отступление и двигался по ночам. Наши летчики указывали дороги, по которым двигались колонны, но их донесения звучали слишком неопределенно. Русские сумели организовать отступление, и продвигали массы по местности без дорог.

Нашим непрерывным наступлением, связанным с охватом, мы так энергично гнали русскую армию, что она в полном беспорядке отошла за Неман. На ближайшие недели эту армию, без усиления ее новыми войсками, можно было считать не вполне боеспособной.

Сражение у Мазурских озер не было оценено по достоинству. Это было широко задуманное и планомерно проведенное решительное сражение против значительно превосходного противника. Оно было связано с крупным риском, но противник не сознавал своей силы; он даже ни разу

не довел до конца боя и уклонялся черезчур поспешным отступлением. Под нашим давлением это отступление приняло характер бегства.

В стороне от главного поля сражения успешно действовали 3-я резервная дивизии энергичного генерала фон-Моргена и ландверная дивизия генерала фон-дер-Гольца. 8-го сентября у Бялы они столкнулись с превосходными силами противника и разбили подходившие русские подкрепления. Этим они устранили серьезную опасность для армии, сражавшейся далее к северу. Генерал фон-дер-Гольц остановился перед Осовцом. Генерал фон-Морген захватил после оживленного боя Августов и Сувалки. Великий князь Николай Николаевич намеревался помочь оттуда Ренненкампфу, но это ему не удалось.

13-го сентября сражение в существенных частях закончилось.

К этому дню войска группировались приблизительно так:

Крепостные гарнизоны генерала фон-Мюльмана — у Млавы; ландверная дивизия фон-дер-Гольца—перед Осовцом; 3-я резервная дивизия—у Августова и Сувалок.

1-я и 8-я кавалерийские дивизии, 1-й армейский корпус } выдвинуты в направлении на Мариамполь.

XVII армейский корпус, XX армейский корпус } впереди линии Выштынец—Вержболово.

XI армейский корпус—севернее Вержболова.

I резервный корпус—Владиславов.

Гвардейский резервный корпус был уже оттянут севернее Велау.

Главный резерв Кенигсберга—в Тильзите.

Таким образом, в центре поля сражения различные корпуса очень тесно сблизились друг с другом. Отчасти им уже не хватало пространства и они естественно являлись первыми освободившимися для дальнейших операций частями. Уже при начале наступления против Ренненкампфа не могло быть никакого сомнения, что оно не будет развито за Неман. Я все время не оставлял мысли, покончив с Ренненкампфом, начать наступление на Нарев. Часть войск должна была быть оставлена для обеспечения восточной границы Восточной Пруссии, остальные силы—перейти через южную границу для совместных действий с австро-венгерской армией, как это мыслил генерал фон-Конрад. Соответственные распоряжения уже отдавались, но им не суждено было осуществиться.

VI.

Штаб 8-й армии, в течение всего времени победоносного шествия войск из Алленштейна на вражескую территорию, непосредственно следовал за ними. Я постоянно настаивал на том, чтобы мы сохраняли тесное соприкосновение с частными начальниками и войсками. Для пере-

дачи приказаний и доставки донесений это было безусловно необходимо, так как технические средства связи были еще далеко не совершенны. Телефонные перспективы в Восточно-Прусской провинции были весьма посредственны. Служащие отчасти покинули свои места, радио-станции действовали хорошо, но они имелись только в кавалерии и в штабе армии. В виду этого моим главным прибежищем являлись автомобили и посылка офицеров моего штаба. Сотрудники добровольного автомобильного корпуса в роли шоферов дали выдающуюся работу. Они совершали поездки, которые напоминали дерзкие пробеги кавалерийских раз'ездов. Немногочисленные летчики были полностью использованы для разведок; для службы связи пользоваться ими я не мог. Несмотря на ограниченность средств связи и осведомления, все же удавалось постоянно быть ориентированным и своевременно рассылать приказы штаба армии. Мне самому много приходилось говорить по телефону; я подгонял, где это представлялось целесообразным, и входил в частности, когда считал это необходимым для общего успеха. Такие личные сношения с начальниками штабов были полезны, они давали возможность непосредственно выслушивать и воздействовать.

У нас был ряд новых ночлегов. В Норденбурге мы первый раз попали в город, который продолжительное время был занят русскими. Там все было невероятно загрязнено. Весь рынок был полон нечистот. Помещения были тошнотворно запачканы.

В Инстербурге мы жили в гостинице «Дессауский двор», это помещение только-что перед тем покинул Ренненкампф. Великий князь Николай Николаевич тоже лишь в последний момент уехал из города [1]).

Нам представлялось возможным обстоятельно осмотреть русские позиции. Всеми нами владело чувство глубокого удовлетворения, что нам не пришлось их штурмовать, так как это стоило бы нам больших потерь.

В августе и в сентябре многие русские части вели себя при вторжении в Восточную Пруссию образцово. Винные погреба и склады охранялись. Ренненкампф поддерживал в Инстербурге строгую дисциплину. Но война все-таки сопровождалась бесконечным ожесточением и большими ужасами. Казаки были свирепы и дики, они жгли и грабили. Многие жители были убиты, совершались насилия над женщинами, часть населения рассеялась. В большинстве случаев в этих жестокостях не было никакого смысла. Население не оказывало ни малейшего сопротивления. Оно было покорно и, что соответствует и нашим взглядам, не принимало

---

[1]) Всю германскую печать обошло утверждение инстербургского трактирщика, что у него до последней минуты располагался русский верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. Трактирщик принял за верховного главнокомандующего одного из молодых великих князей, служивших в гвардейской кавалерии. Великий князь Николай Николаевич в Восточную Пруссию в течение всей войны не в'езжал. (*Прим. редакции*).

участия в борьбе. Вся ответственность за эти злодеяния ложится на русских [1]).

Русская армия легла тяжелым бременем на Восточную Пруссию. Теперь у нас было гордое чувство, что мы освободили германскую землю от врага. Ликование и благодарность населения были велики. Страна была освобождена не для того, чтобы вновь попасть под чужое иго. От такого позора да сохранит нас Бог.

14-го сентября в Инстербурге мы находились в полном ощущении победы и великих достигнутых результатов. Тем неожиданнее было для меня внезапное мое назначение начальником штаба южной армии, которая должна была формироваться под начальством генерала фон-Шуберта в Бреславле.

VII.

На западе германское наступление закончилось неудачей.

Правое крыло западной германской армии было недостаточно сильно и захватывало недостаточный фронт. Удаление гвардейского резервного и XI армейского корпусов зловеще дало себя знать. Наоборот, это крыло следовало усилить корпусами из Лотарингии и Эльзаса. Это вытекало и из этюдов генерала графа фон-Шлиффена. В разрез с теориями графа фон-Шлиффена, развернувшиеся там войска надвинулись к линии Люневиль—Эпиналь настолько вплотную, что оказались там пригвожденными. То же самое случилось бы со всеми армиями, если бы мы не двинулись через Бельгию, а сохранили правое крыло южнее Лонгви. В то время, как мы истекали бы кровью на барьере французских крепостей Верден—Бельфор, наше правое крыло было бы атаковано со стороны Бельгии союзными франко-англо-бельгийскими армиями и было бы разбито. Одновременно мы потеряли бы Нижне-Рейнскую промышленную область; наше поражение стало бы безусловным.

Был отдан приказ об отступлении от Марны. Мне не удалось установить, имелись ли для этого основания или нет.

Теперь война должна была затянуться на долго и потребовать от отечества невероятного напряжения. Настал час, когда в Германии действительно все должно было быть поставлено на ноги для войны, и с этой целью должна была начаться большая агитационная работа. В конце октября 1914 года, я был в Берлине, и меня поразило господствовавшее там настроение. Исключительная серьезность нашего положения абсолютно не давала себя знать.

---

[1]) Прусские ландштурмисты, ушедшие с продвижением русских в подполье несомненно, производили нападения на одиночных русских солдат и офицеров Создалось то же положение для русских в Восточной Пруссии, какое испытали германцы в Бельгии. Ламентации Людендорфа довольно беспредметны. (*Прим. редакции*).

Для двойственного союза Германии и Австро-Венгрии явилось тяжелым и зловещим событием, что, уступая в числе и будучи со всех сторон обставлены врагами, немцы сразу же решительным ударом не покончили с навязанной им войной и не разбили превосходного по числу, но менее обученного противника. Если можно было ожидать, что на стороне немцев, благодаря их крепким традициям, еще на долго сохранится известный перевес, то надо было учитывать, что с течением войны различие в степени обученности между противными сторонами сгладится. Сильная убыль кадровых офицеров могла опасно сказаться. Во всяком случае, чтобы превосходство противника в числе было менее чувствительно, надо было напрячь все усилия, чтобы обеспечить за нами превосходство в выучке.

Мы особенно должны были готовиться к тому, что Англия использует время, чтобы увеличить свою боевую силу и создать наравне с флотом и сильную армию. Людей для этого было достаточно. Чтобы, несмотря на все, выиграть войну, мы должны были ничего не упустить. Вся Германия должна была превратиться в военный лагерь. Это было моим новогодним пожеланием к 1-му января 1915 года, посланным мною в одну из газет. Осенью 1914 и зимою 1914—15 гг. верховное военное командование сформировало от 18 до 20 дивизий. Мы создавали новые дивизии из ландверных и ландштурменных частей. Мы начали уменьшать число батальонов в дивизии с 12 до 9, а из сэкономленных батальонов, с добавком к ним артиллерии и специальных частей, формировали новые дивизии. Мы делали многое, но во всех отношениях все же недостаточно.

8-я армия, несомненно, находилась теперь в состоянии предоставить несколько корпусов для отправки на запад. Мне неизвестно, обсуждало ли верховное командование этот вопрос, или же, в виду трудного положения австро-венгерской армии, совершенно не поднимало его. К моему глубокому сожалению, как я это теперь увидел, австро-венгерская армия была совершенно разбита и отошла с огромными потерями за реку Сан. Русские следовали за нею; русское вторжение в Моравию, а затем в Верхнюю Силезию стало возможным. Надо было помочь австро-венгерской армии, иначе она могла быть уничтожена. Наступление 8-й армии через Нарев, которое обдумывалось в начале сентября, теперь было бы ударом по воздуху. Подкрепления должны были подойти непосредственно, и надо было придать им возможно большую силу. Западный же фронт усилить мы были не в состоянии.

Приказ, который я получил вечером 14 сентября в Инстербурге, гласил, что два корпуса из состава 8-й армии должны были образовать южную армию в Верхней Силезии. Это предприятие, как-будто, имело в виду только отпор и являлось только оборонительным. Во всяком случае, оно было недостаточным, чтобы хоть в какой-нибудь степени восста-

новить положение в Галиции. Нам нельзя было только отражать, мы должны были действовать. В виду этого я по телефону немедленно переговорил с верховным командованием и лично с генералом фон-Мольтке и предложил отправить главные силы 8-й армии под командованием генерала фон-Гинденбурга в Верхнюю Силезию и Познань. Только слабые силы должны были оставаться для обеспечения Восточной Пруссии на тот случай, если русские со свежими силами опять начнут вторжение в эту несчастную страну. Во всяком случае, я надеялся, что до этого момента еще имеется время. Еще в течение операции на всякий случай было дано распоряжение об усилении и развитии укреплений Летцена и озерной позиции. Мы налегали на то, чтобы не только составлялись проекты, но и соответственные работы энергично бы велись в действительности. Линия реки Ангерапа тоже должна была быть укреплена. Эти мероприятия отвечали изменившейся обстановке и в дальнейшем себя окупили.

Генерал фон-Мольтке обнадежил меня, что мое предложение будет рассмотрено, и кратко сообщил мне о резком изменении обстановки на западе. До сих пор до нас доходили только случайные слухи. Генерала фон-Мольтке положение на западе глубоко волновало. Это был мой последний служебный разговоров с этим выдающимся человеком. Он остро схватывал военные вопросы и умел необычайно ясно разбираться в обстановке крупных операций. Но он не был решительным человеком, и был настроен скорее мирно, чем воинственно; мне вспоминаются многие его беседы. В последние месяцы перед началом войны его здоровье, несмотря на повторный курс лечения в Карлсбаде, сильно пошатнулось.

В эти дни руководить операциями начал военный министр, генерал фон-Фалькенгайн.

Вечером 14-го сентября я распрощался с генералом фон-Гинденбургом и с товарищами. Мне было не легко после двух побед покидать командующего и штаб армии. Генерал фон-Гинденбург постоянно одобрял мои предложения и охотно брал на себя ответственность за них. Мы были одинаково мыслящими людьми, и между нами создались отношения, построенные на взаимном доверии. В штабе царствовало полное согласие во всех военных вопросах.

Рано утром 15-го сентября я оставил Инстербург, и на автомобиле отправился через Грауденц и Торн к месту своего назначения в Бреславль. Круг моей дальнейшей деятельности был мне абсолютно не ясен. Он казался мне уже моей прежней ответственной деятельности. Но вскоре я нашел более широкое и важное поле действий.

Осенняя кампания 1914 года в Польше.

(Карты III и IV).

I.

Поездка в Бреславль была далеко не весёлой. Я проезжал через Алленштейн и там пообедал в той же гостинице, в которой я недавно жил. Мирная жизнь постепенно входила в колею. Днем я был в Грауденце. После этого, началась буря и дождь. Я проехал Бромберг, и темной ночью добрался до Познани. Мой отец происходил из померанской купеческой семьи, и прожил там до конца франко-прусской войны 1870—71 гг. Я тоже жил в Познани и был рад снова ее увидеть. С 1902 по 1904 г. я был там старшим офицером генерального штаба при штабе V армейского корпуса. На этой должности, а также на предыдущей, когда я был офицером генерального штаба при штабе 9-й дивизии в Глогау, мне предоставлялась возможность изучить трудные условия Познанской провинции. На одном маневре я побывал в районе Ярочина и Плешена. Польский национальный дух не был благодарен нам за то, что мы дали полякам. Правы были те, которые постоянно предостерегали Германию о его стремлениях. Я с глубокой болью слежу за печальным периодом развития, наступившим для моей родной провинции.

Рано утром, 16-го сентября, я прибыл в Бреславль. Вскоре мне передали телеграмму, в которой верховное командование соглашалось с моим предложением, сделанным вечером 14-го сентября. Генерал фон-Гинденбург с главными силами 8-й армии должен был следовать в Верхнюю Силезию для непосредственной поддержки австро-венгерской армии. Эти силы образовывали 9-ю армию.

В Восточной Пруссии в составе 8-й армии остались: 1-я кавалерийская дивизия, 1-й армейский и 1-й резервный корпуса, 3-я резервная дивизия, ландверная дивизия фон-дер-Гольца, несколько ландверных бригад, главный резерв Кёнигсберга, а также гарнизоны висленских крепостей, за исключением 35-й резервной дивизии, составленной преимущественно из гарнизона Торна. Командующим 8-й армией был назначен генерал фон-Шуберт.

9-я армия была образована из 8-й кавалерийской дивизии, XI, XVII и XX армейских корпусов, гвардейского резервного корпуса, 35-й резервной дивизии и ландверной дивизии генерала фон-Бредова. Предстояло установить ее развертывание. Прикрывать его должен был ландштурм, растянутый на охране границы на польской территории, на обширном фронте от Катовиц до Торна.

Штаб 9-й армии стремился сосредоточить ее между Бейтеном и Плешеном. Верховное командование считало необходимым, принимая во внимание австро-венгерскую армию, сдвинуть район развертывания более энергично к югу, чтобы германская поддержка более бросалась в глаза Австро-Венгрии и ее армии. Таким образом, правое крыло 9-й армии—XI армейский корпус—направлялось в Краков, левое было соответственно отодвинуто на юг. Близкое соприкосновение с австро-венгерской армией, естественно, ограничивало свободу операций 9-й армии. Но особенного ущерба от этого, однако, не происходило.

17-го сентября генерал фон-Гинденбург прибыл с частью штаба в Бреславль. Мы еще раз оказались призванными для совместной работы на важнейшем пункте театра войны.

Уже рано утром 18-го сентября, я выехал в Ней-Сандец, в ставку австро-венгерских войск. Несмотря на пасмурную, даже дождливую погоду, поездка дала мне новые впечатления. Верхняя Силезия со своей высокой культурой до сих пор оставалась мне неизвестной. В Галиции я познакомился с самой грязной страной Европы и получил представление о польском хозяйстве. Особенно отсталыми в Галиции были польские евреи: они были еще менее культурны, чем их единоверцы и соплеменники в Польше. Вина ложится не на один этот народ, но и на правящих им.

В Ней-Сандеце я представился эрцгерцогу Фридриху. Это был человек с горячим немецким сердцем и настоящими солдатскими чувствами. Я с уважением вспоминаю о нем. Душою руководства операциями австро-венгерской армии являлся генерал фон-Конрад. Это был умный, духовно-эластичный и значительный генерал [1]). Он был умственно исключительно одаренный полководец, и постоянно давал новый импульс австро-венгерской армии. Это останется на веки его заслугой. Но австро-венгерская армия была недостаточно сильна, чтобы в каждом отдельном случае осуществлять его смелые проекты. В мирное время для армии делалось слишком мало. В мирное время ею явно пренебрегали; на родине она не встречала того обязующего к подвигу отношения, как наша армия в Германии. Цвет строевого офицерского состава, который соединял армию в одно целое, несмотря на вражду отдельных национальностей,

[1]) Я не могу себе представить, что генерал фон-Конрад признает за истину изложенное в книге Новака „Путь к катастрофе".

был уже выбит. Те, которые еще оставались, во многих отношениях оставляли желать лучшего и не являлись больше связующим звеном армии. Хорошие, храбрые солдаты также уже полегли на полях сражений. Австро-венгерская армия была совершенно иначе воспитана, чем германская. Генерал фон-Конрад до этого времени не особенно высоко ценил наши приемы мирного обучения. Теперь он мне откровенно высказался за его основы. Он полагал, что не может быть достаточно оценено именно все то, что содействует укреплению дисциплины. Австро-венгерский генеральный штаб слишком увлекался теорией и был чужд строевой службе. Слишком много приказывалось свыше и слишком подавлялось стремление к самостоятельному творчеству. Тыловая служба была хорошо поставлена, но она поглощала множество офицеров.

Мои отношения с генералом фон-Конрадом всегда оставались удовлетворительными. Личные свидания, которые мы иногда имели, оказывали благотворное действие. Порой я получал впечатление, что австро-венгерский офицер, находившийся при моем штабе для связи, докладывает не только факты, но и сплетни. На офицере связи союзной державы лежит особенно важная задача. Он может легко принести вред. В виду этого, он должен быть исключительно твердой личностью.

Обсуждались прошлые и будущие операции. При дальнейшем отступлении австро-венгерская армия отошла не только за реку Сан, но и за реку Вислоку. Теперь свыше сорока ее дивизий были стянуты на западном берегу реки Вислоки между Карпатами и рекой Вислой. Для меня было непонятно, как армия могла там уместиться. Мне это стало ясно, когда я потом осведомился об огромных потерях пленными. Армия находилась в невероятном расстройстве. Генерал фон-Конрад совершил настоящий подвиг, когда в начале октября, надеясь на германскую помощь, решился снова перейти в наступление, даже, если бы до того времени австро-венгерская армия продолжала отходить под русским натиском.

9-я армия своим развертыванием уже прикрывала северное крыло австро-венгерской армии от возможного охвата; в ближайшее время она должна была выйти на одну высоту с австро-венгерской армией и примкнуть к ее наступлению. Союзные армии должны были атаковать русских там, где их встретят. 9-я армия должна была при этом зорко следить за своим левым крылом и открытым левым флангом.

С русской стороны, в широко открытой на запад излучине Вислы, находилось только несколько кавалерийских дивизий и стрелковых бригад. Последние не смогли воспрепятствовать утверждению на польской территории германских частей, охранявших границу, и движению ландверного корпуса Воирша через Польшу на Радом к Висле, а также переправе его через Вислу севернее устья реки Сана. Этот корпус подал к востоку от Вислы руку помощи австро-венгерской армии еще до ее

поражения. Главная масса русских войск находилась еще восточнее реки Сана, имея небольшие части западнее его. На верхнем Нареве и на реке Немане находились войска, разбитые в Восточной Пруссии. Сибирские армейские корпуса еще не прибыли полностью на западную русскую границу, часть их еще была в пути. Они были особенно хороши и доставили нам много хлопот.

Для нас было глубоким разочарованием, что дипломатии не удалось удержать Японию от вступления в число наших врагов: это было последствием той несчастной политики, которая заставила нас после Симоносекского мира 1895 года таскать каштаны из огня для России и препятствовать Японии вступить во владение Порт-Артуром. Россия нас за это никогда не поблагодарила, а в Японии нам это бесконечно повредило. Япония, действительно, никак не могла понять, какой интерес для нас в ее ослаблении. Ультиматум, который в августе 1914 года нам поставило японское правительство, дословно оправдывается нашим ультиматумом 1895 года. Тогда мы говорили о возвращении Порт-Артура, а теперь Япония говорила о возвращении Киао-Чао. Японцы сумели отплатить.

Для дальнейшего развития операции было бы особенно важно, чтобы русские армии, несмотря на все трудности движения, последовали за австро-венгерской армией. Пространство к югу от участка Вислы между Сандомиром и Краковом было для русских сил слишком тесно. О наступлении в глубь Венгрии русские еще не могли думать, так как при этом они подвергались бы опасности потерпеть поражение к северу от Карпат. Можно было с уверенностью рассчитывать, что русские также будут наступать по левому берегу Вислы. Но в каком масштабе разовьется это наступление, это находилось, главным образом, в зависимости от того, осведомлены ли русские о новой группировке германских сил, и как они оценивали свое поражение в Восточной Пруссии.

В действительности, русские мало энергично продолжали преследование за Сан и обложение Перемышля. В первую очередь, подкрепления направлялись русскими к войскам, стоявшим на Немане. Но как только русские вполне раскрыли германское наступление, они направили все свои силы, в том числе и вновь прибывшие сибирские корпуса, чтобы организовать сильное и задуманное по широкому плану наступление через Вислу на участке от Варшавы до устья Сана. Во время совещания в Ней-Сандеце операции находились еще в первоначальной стадии. В виду этого мы должны были наметить нашу операцию, учитывая наступление русских через Сан и частью по левому берегу верхнего течения Вислы. Чтобы быть готовыми встретить это наступление русских сил по левому берегу Вислы, и принимая во внимание всегда возможное фланкирование со стороны Варшавы, явилось желательным перевести на левый берег Вислы часть тесно столпившихся

австро-венгерских армий, а также наш ландверный корпус. Южнее Вислы австро-венгерская армия оставалась еще достаточно сильной, чтобы самостоятельно справиться со всеми задачами, которые могли на нее выпасть.

Наши транспорты и обозы в общем состояли из слишком тяжелых для польского театра войны повозок. При том же они были недостаточно многочисленны. В виду этого я попросил генерала фон-Конрада снабдить нас легкими транспортами, каковые мы и получили в затребованном количестве. Они состояли из очень легких повозок, запряженных маленькими, неприхотливыми лошадьми с возчиками-крестьянами. К ним скоро привилось название «панских транспортов». Панские лошади и панские телеги-повозки имели значение и на Западе. Это название произошло оттого, что возчики называли друг друга «панами», т.-е. «господами», и также называли их и солдаты.

Совещание в Ней-Сандеце по военным вопросам закончилось к обоюдному удовлетворению в полном согласии. Командование не было об'единено, генерал фон-Гинденбург и я стояли за то, чтобы остаться самостоятельными.

При обсуждении разграничения намеченных этапных районов должны были произойти некоторые трения. Австро-Венгрия всегда отстаивала свои интересы в таком об'еме, который отнюдь не находился в соответствии с заслугами австро-венгерского оружия. Со своей точки зрения она была права, и, к сожалению, Берлин никогда не противоречил. В Берлине опасались сепаратного мира Австро-Венгрии с Антантой, я же его считал фактически невозможным. В сентябре 1914 года удалось все же произвести разграничение этапных районов согласно с германскими интересами, и какого-либо разногласия с австро-венгерским высшим командованием не произошло.

II.

27-го сентября 9-я армия была готова к операции. Штаб армии находился в Бейтене. Расположение было следующее:

XI армейский корпус находился непосредственно к северо-востоку от Кракова.

Гвардейский резервный корпус XX армейский корпус XVII армейский корпус 35-я резервная дивизия 8-я кавалерийская дивизия	между Катовицом и Крейцбургом.

Ландверная дивизия графа фон-Бредова — между Кемпеном и Калишем.

Последние три дивизии были об'единены в течение операции под командованием генерала фон-Фроммеля. Ландштурменные части, находившиеся на пограничной охране, были соединены в бригады; им была придана артиллерия из крепостей, и они получили возможность разрешать простейшие боевые задачи.

К востоку от Вислы ближайшие значительные части германской 8-й армии находились у Млавы. Ландверная дивизия фон-дер-Гольца бомбардировала Осовец. Остальные части 8-й армии продвинулись до Немана на участке между Гродной и Ковной с целью внушить опасение, что на этом направлении намечается дальнейшее наступление германцев.

29-го сентября Ренненкампф, который был значительно усилен, перешел в наступление, и в течение ближайших недель потеснил 8-ю армию к границе, а у Лыка и за нее.

8-я армия была подчинена генералу Гинденбургу. Но у нас было много своего дела, и к тому же связь была плоха и далее все ухудшалась, что мы не могли оказать никакого влияния на действия нашей старой армии. Это стало возможным лишь, когда в ноябре месяце был назначен отдельный командующий 9-й армией и генерал фон-Гинденбург был освобожден от непосредственного командования ею. На предстоящую операцию 9-й армии события в 8-й не оказали влияния.

На нашем правом крыле положение наших союзников значительно улучшилось. Русские уже лишь весьма сдержанно продолжали преследование за реку Вислоку. Австро-венгерская армия смогла перевести дух и в первых числах сентября перешла в наступление. Для движения севернее верхнего течения Вислы были предназначены: 1-я армия генерала фон-Данкля и ландверный корпус. Они еще находились южнее Вислы, между рекой Дунайцем и Краковым, и в любой момент были готовы примкнуть к наступлению 9-й армии.

О ландверном корпусе нужно сказать несколько слов особо. Он состоял из одной дивизии познанского и из одной дивизии силезского ландвера. Первоначально они предназначались преимущественно для охраны границы. Но, как это всегда бывает, когда начинается бой, к нему привлекают войска, где бы они ни находились. Так и ландверный корпус в августе был двинут в наступление в Польшу и за Вислу. При этом оказалось необходимым много импровизировать в организации дивизий. За Вислой ландверный корпус участвовал в тяжелых боях австро-венгерской армии южнее Люблина. Затем он вместе с нею отступил через район реки Танева—бездорожную болотистую и лесистую полосу, восточнее нижнего течения реки Сана.

Уже в августе ландверный корпус находился в подчинении генералу фон-Гинденбургу. Но мы не могли давать каких-либо указаний и должны были предоставить командиру корпуса полную свободу решений. Для нас

это было не трудно, так как мы знали превосходного вождя этого корпуса, генерала фон-Воирша, и заслуженного начальника его штаба, полковника Гейэ.

Не задолго до моего отъезда из Инстербурга прибыл шофер с бумагами и доложил, что он привез спасенные документы ландверного корпуса. Корпус уничтожен и генерал фон-Воирш и его начальник штаба убиты. Прошло много дней, прежде чем мы могли выяснить действительность и установить ложность слуха.

Корпусу удалось пробиться. Мы немедленно из Бреславля установили с ним связь и позаботились, насколько это было возможно, о его пополнении и снабжении заново. По его просьбе, он получил и тяжелую артиллерию [1]). Мы смогли ему дать только один ландверный батальон, вооруженный старыми полевыми гаубицами. Они были слишком тяжелы для плохих дорог. Но тяжелая артиллерия так высоко ценится, что все сопряженные с ее передвижением затруднения были преодолены. Подвижности артиллерии иногда придают слишком большое значение в ущерб ее могуществу.

Подвигами ландверного корпуса может гордиться весь его состав. Одновременно они служат доказательством высоких качеств нашей армии, правильности нашего военного устройства, а также высокой целесообразности обучения и воспитания наших солдат до войны. Последнее дало нам возможность вести войну на востоке, пользуясь все в большем размере ландверными и ландштурменными формированиями.

III.

Наступление севернее Вислы началось 28-го сентября.

1-я австро-венгерская армия сделала захождение к нижнему течению реки Ниды и двинулась на линию Сандомир—Опатов.

Отдельные части 9-й армии получили следующие направления для наступления:

Ландверный корпус—через Проповиц—Пинчов на Опатов.

XI армейский корпус—через Андреев и Лагов туда же.

Гвардейский резервный корпус—через Хенцины и Кельцы на Островец.

XX армейский корпус—через Влощову и Бзин на Илжу.

XVII армейский корпус—через Ново-Радомск и Конск на Радом.

8-я кавалерийская и 35-я резервная дивизии — через Ченстохов и Петроков на Томашев.

Ландверная дивизия графа фон-Бредова—в общем направлении на железнодорожный узел Колюшки, восточнее Лодзи.

---

[1]) **Людендорф забывает упомянуть, что у Воирша было уже 16 тяжелых гаубиц, но он их потерял в галицийской битве.**

Прим. редакции.

О противнике не поступало никаких новых сведений. Первое время он не оказывал никакого сопротивления и отходил по мере нашего наступления.

Штаб армии перешел в Вольбром, а затем в Мехов и Андреев. Вольбром—это только одна фабрика; оба других города носили обычный отпечаток маленьких, грязных польских городков. Клопы были поставлены в порядок дня. В Мехове мы выдвинулись сильно вперед; по близости бродили казачьи раз'езды. Генералу фон-Воиршу, который явился к генералу фон-Гинденбургу, пришлось сделать об'езд, чтобы избежать их.

В Кельцах мы вновь получили приличное помещение с удобными комнатами для занятий, что сильно облегчило работу.

При наступлении от войск требовалось большое напряжение. Дороги были не шоссированы, погода скверная. Несмотря на это, чтобы застигнуть противника прежде, чем он закончит переправу через Вислу, или даже чтобы не допустить его до переправы, от войск требовались переходы в 30 километров и более.

Все отчетливее кристаллизовалась оперативная мысль: австро-венгерская армия должна искать решение южнее Вислы, освободить Перемышль и переправиться через Сан; части, расположенные севернее Вислы, должны разрешить задачу скорее оборонительного характера. Последнее было бы возможно, если бы противника удалось настигнуть еще на Висле; если же он успел бы развернуть крупные силы к западу от Вислы, что было для него всегда возможно, то мы оказались бы слишком слабы, чтобы успешно ему сопротивляться. После соглашения в Ней-Сандеце картина начала вырисовываться не так, как предполагалось. Все менялось и по существу, и в деталях. Поэтому этот поход и принадлежит к числу наиболее изобилующих превратностями. Ему принадлежит одно из первых мест в летописях военной истории.

Штабу армии каждый день приходилось принимать трудные решения. Частным начальникам приходилось действовать по своей инициативе. Это был смелый прыжок в неизвестность, энергичная борьба и предусмотрительный отход. Слабые силы армии растянулись на большом пространстве. Несмотря на все, господствовала только одна ясная, об'единяющая все к одной цели, воля.

Движения войск в большой степени зависят от подвоза. Условия подвоза при неописуемом состоянии дорог и при скверной погоде были отвратительны. Даже на большом шоссе Краков—Варшава были выбоины по колено и грязь по щиколотку. Чтобы восстановить и привести в порядок дороги, требовалась огромная работа, а силы были весьма ограничены. Войска и строительные дорожные роты неустанно работали, и много достигли. Когда мы во второй половине октября отступали, картина, которую представляли дороги, сильно изменилась. Мы культурно поработали.

Железнодорожные условия тоже были трудны. Первая по важности для нас линия на Кельцы проходила через Меховский туннель, который был разрушен. Строительные фирмы заблаговременно получили заказы на его восстановление, и работы пошли относительно быстро. У этого туннеля своя история. Теперь он был приведен в негодность русскими, и в октябре нами восстановлен. В ноябре он был разрушен нами. Затем русские его восстановили и летом 1915 года вновь разрушили, после чего мы его окончательно восстановили.

Выполнялись и другие обширные работы, перешивалась широкая русская колея на нормальную европейскую, и строилось много мостов. Успех работ был превосходный. Железная дорога на Кельцы и затем на Радом была готова раньше, чем я ожидал. Столь же энергично приступили и к восстановлению Варшаво-Венской железной дороги, нормальной европейской колеи, от Ченстохова на Ново-Радомск и далее на Колюшки, и быстро справились и с этой работой. Также удалось взять в эксплоатацию несколько поперечных дорог. Но мы не успели закончить моста у Серадзя на линии Калиш—Лодзь и тем самым обеспечить в западном направлении связь между польскими и германскими железными дорогами.

Благодаря неустанной работе нескольких сотрудников моего штаба—майора Дрекселя и капитанов фон-Вальдова и Шпера—тыловые сообщения быстро пришли в надлежащий вид. Все затруднения столь своевременно преодолевались, что на операциях не отражались.

Требования на технические средства связи пред'являлись еще большие, чем в Восточной Пруссии. Русские разрушили немногие имевшиеся телеграфные линии на столбах и опрокинули самые столбы. Мы установили несколько полевых линий, и ими пришлось довольствоваться. Тогда мы не были еще так избалованы, как в дальнейшем, той сетью, которая была создана в течение позиционной войны. Автомобили и летучая почта были еще самыми надежными средствами связи.

Немногие радио-станции также сослужили хорошую службу. Мне и в этих условиях удалось постоянно быть осведомленным и вручать своевременно приказы.

Население не чинило нам никаких затруднений. Оно было покорно и не противилось нашим распоряжениям. Часто напрашивавшаяся мысль двинуть его против русских оказалась невыполнимой. Так называемые польские легионы австро-венгерской армии состояли преимущественно из галицийских поляков, обязанных военной службой в австро-венгерской армии. Я в полной широте уловил это обстоятельство лишь позднее.

IV.

4-го октября главные силы австро-венгерской армии, 2-я, 3-я и 4-я армии, начали наступление и 5-го числа переправились через Висло-

ку. Русские не оказывали упорного сопротивления. 9-го октября австро-венгерские войска уже достигли Сана и вступили в Перемышль.

4-го октября у Климонтова и Опатова 1-я австро-венгерская армия и правое крыло 9-й армии вступили в бой с русскими стрелковыми бригадами, которые довольно легко ускользнули. Теперь австро-венгерская армия перенесла центр тяжести операции на Сандомир, а правое крыло 9-й армии продолжало наступление к Висле на участок выше устья Сана.

XX армейский корпус достиг района севернее Кельц, а XVII армейский корпус, после легкого боя,—Радома, и там расположился. Корпус Фроммеля достиг Томашева и станции Колюшки, а 8-я кавалерийская дивизия находилась близ Равы. Между Калишем и Торном наше пограничное охранение медленно продвигалось в Польшу, а на других участках несло службу на наших тыловых сообщениях.

Между тем все учащались сведения, что у Варшавы выгружаются сибирские корпуса, и что крупные силы продвигаются по правому берегу Вислы севернее устья Сана. Мы получили впечатление, что подготовляется крупная неприятельская операция против 9-й армии. Я утвердился в своих взглядах на предстоящий образ действий. Мы должны были захватить линию Вислы и там держаться, а австро-венгерская армия тем временем провести на Сане решительную операцию—атаковать и разбить русских.

В частности, нам предстояло захватить те пункты между устьем Сана и Ивангородом, где вероятной являлась переправа русских, и блокировать, а при случае и захватить левобережные предмостные укрепления этой крепости. В дальнейшем нам надлежало наблюдать за Вислой между Ивангородом и Варшавой. Затем нам предстояло нанести удар сосредоточившимся южнее Варшавы сибирским корпусам, и в связи с этим блокировать, а может быть, и захватить эту крепость. Одна 9-я армия для разрешения всех этих многочисленных задач была слишком слаба. Австро-венгерская армия должна была быть также привлечена к ним и подтянуться значительно севернее.

XVII армейский корпус генерала фон-Макензена получил приказ наступать на Варшаву.

Группа Фроммеля была подчинена ему.

XX армейский корпус должен был наблюдать за Ивангородом и препятствовать всякой попытке переправы через Вислу севернее крепости.

Гвардейский резервный корпус получил соответственную задачу на участке Вислы южнее Ивангорода до Ново-Александрии включительно.

Ландверный корпус должен был оборонять Вислу южнее Ново-Александрии.

XI армейский корпус был включен в I-ю австро-венгерскую армию, чтобы придать ей большую стойкость. Эта армия должна была занимать

линию Вислы до Анноноля, и здесь сама переправиться через Вислу, если далее к югу Сан будет форсирован. Генерал фон-Конрад передавал в наше распоряжение две кавалерийские дивизии, из коих 3-я была подчинена XX армейскому корпусу для наблюдения за Вислой, а 7-я придана корпусу Фроммеля.

Этот приказ привел к ожесточенным боям в различных пунктах.

XVII армейский корпус круто двинулся налево от Радома на Бялобжеги, и 9-го октября у Гройеца и восточнее его встретился с сосредоточившимися там сибирскими войсками. После сильных боев они были отброшены к Варшаве. Генерал фон-Макензен наседал на них и выдвинул на свое левое крыло генерала Фроммеля. 12-го октября он уже находился непосредственно южнее крепости.

На убитом или раненом русском офицере на поле сражения 9-го числа был найден приказ, который дал нам исключительно важные данные.

Одна бригада XX армейского корпуса у Козеницы, севернее Ивангорода, вступила в бой с противником, переправившимся здесь в слабых силах, однако отбросить его не удалось.

Гвардейский резервный корпус атаковал противника, переправившегося у Ново-Александрии, и после весьма ожесточенных боев, в которых принял участие и ландверный корпус, отбросил его за Вислу.

Южнее русские еще не переправились через Вислу. Штаб 9-й армии находился в Радоме.

V.

Приказ, найденный под Гройецом, дал нам ясную картину неприятельских намерений. План великого князя был большого размаха и для нас весьма опасен. Свыше 30 русских армейских корпусов, тесно сосредоточившихся, подавшись сильно вправо, должны были переправиться через Вислу между Варшавой и устьем Сана, а другие части должны были переправиться далее к югу через Сан. 14 дивизий были предназначены для того, чтобы разбить пять дивизий группы Макензена. Великий князь хотел произвести сильный охват 9-й армии с севера, на фронте атаковать как ее, так и австро-венгерские армии, а на левом крыле удерживаться на высотах восточнее Перемышля. Для этой операции великий князь перебросил также части из армии Ренненкампфа. Если бы этот план удался, то победа России, на которой Антанта строила свои стратегические соображения, была обеспечена.

Я еще не терял надежды, что австро-венгерская армия разобьет русских восточнее Перемышля и переправится через Сан. Во всяком случае, части, находившиеся севернее устья Сана, нуждались хотя бы в не слишком значительных подкреплениях и в большом сосредоточении перед Варшавой и Ивангородом.

Одновременно на нижнюю Бзуру были выдвинуты и ландштурменные части V, II и XVII армейских корпусов, находившиеся в северо-западной части Польши.

Тыловые сообщения требовали особого внимания, так как легко могло случиться, что мы будем вынуждены к отступлению. Для разрушения железных дорог были приняты меры, в числе коих заключалось и заготовление огромных запасов взрывчатых материалов.

С 15-го октября, генерал фон-Макензен отбивал южнее Варшавы сильные неприятельские атаки; одновременно русские продолжали пытаться переправиться южнее Варшавы через Вислу. 37-ю пехотную дивизию XX армейского корпуса пришлось выдвинуть к Кальварии. Она воспрепятствовала здесь переправе, но неприятельский корпус, некоторые части которого были переброшены на левый берег, удачно отошел, дивизия же осталась на этом участке. Она была тоже передана в распоряжение генерала Макензена.

41-я пехотная дивизия и 3-я австро-венгерская дивизия растянулись к югу от устья Пилицы до Козениц.

На гвардейский резервный корпус выпало обложение Ивангорода; сверх того, корпус хотел отбросить противника, удерживавшегося на левом берегу у Козениц. Для этого он был усилен распоряжением штаба армии одной бригадой XI армейского корпуса.

Бой у Козениц навсегда останется в моей памяти. Всего четыре бригады были двинуты в тесную излучину Вислы, которая от сильных дождей превратилась в болото. Бригада, стоявшая у Ивангорода, была отброшена сильной русской вылазкой. Я опасался, что русские разовьют свое наступление ударом во фланг на эти четыре бригады, обороноспособность которых была чрезвычайно стеснена отсутствием пространства для развертывания. Я не смыкал глаз всю ночь. На следующее утро обстановка у Ивангорода рисовалась менее напряженной. Бои в болоте у Козениц продолжались, так как русские перешли в наступление. Все войска, принимавшие участие в этих боях, вспоминают о них с ужасом.

В виду того, что гвардейский резервный корпус принял к северу, наблюдение за переправами у Ново-Александрии перешло к ландверному корпусу.

Когда бой у Козениц был еще в полном разгаре, мне передали донесение летчика, что крупные неприятельские силы переправились через Вислу также и южнее Ивангорода. Это делало наше положение исключительно серьезным. У верховного командования резервов больше не оставалось, все было израсходовано. К счастью, донесение оказалось ложным: летчик, наблюдая район боя у Козениц, ошибочно счел его лежащим южнее Ивангорода.

В ландверном корпусе не случилось ничего важного. Попытка навести мосты у Казимержа, южнее Ново-Александрии, была отбита, а

далее вверх по течению русские еще выжидали. Цель—занять линию Вислы—была достигнута, но Варшава и Ивангород оставались в руках противника, и у Козениц, севернее Ивангорода, он овладел еще одним, хотя и неважным, пунктом для переправы.

VI.

Австро-венгерской армии не удалось к югу от Вислы переправиться через Сан и продвинуться восточнее Перемышля. Но генерал фон-Конрад все еще надеялся добиться успеха.

Чем дальше оттягивалось решение на Сане, тем более настоятельным являлось усиление левого крыла 9-й армии, положение которой становилось все напряженнее. Обстановка 9-й армии находилась в тесной зависимости от событий на Сане. Если бы на Сане австрийцы продвинулись, можно было бы помириться с опасностью, складывавшейся у Варшавы.

С прибытием подкреплений можно было бы на некоторое время сохранить положение. От верховного командования нельзя было рассчитывать что-нибудь получить.

Вновь сформированные армейские корпуса были двинуты на Ипр, а XXV резервный армейский корпус был переброшен в Восточную Пруссию, где обстановка стала угрожающей.

Штаб армии наметил сменить австро-венгерскими войсками гвардейский резервный, ландверный и XI армейский корпуса, оборонявшие Вислу, и двинуть их на север, или, что было желательнее, непосредственно усилить австро-венгерскими войсками левое крыло. Установившиеся уже на Висле германские корпуса следовало там оставить. Линия Вислы была бы, таким образом, действительно, обеспечена. Всякая смена к тому же требовала драгоценного времени, а обстановка не терпела промедления.

Генерал фон-Конрад считал также необходимым усиление боевых сил к северу от Пилицы, но он категорически высказался против того, чтобы туда были отправлены австро-венгерские войска, за исключением обеих кавалерийских дивизий. Мы обратились к верховному командованию, а его императорское величество, к императору Францу-Иосифу, который ответил благожелательно. Но австро-венгерское верховное командование осталось при своем мнении. Была решена смена трех прусских корпусов.

По приказу генерала фон-Конрада, части I-й армии у Ивангорода должны были произвести смену так, чтобы пункты переправ через Вислу непосредственно не оборонялись. Австро-венгерским войскам ставилась задача отбросить в Вислу те части русских, которые переправятся. Мы настоятельно предостерегали отказаться от этого плана, но такова была судьба.

Австро-венгерские пехотные дивизии 1-й армии, которые должны были сменить ландверный и гвардейский корпуса на Висле, подходили медленно. Смена всех частей не могла закончиться до 20-го октября. Между тем, положение под Варшавой приняло оборот, требовавший немедленного решения. Неприятельский охват развивался все в более ощутительной близости. Неприятельский нажим со стороны Ново-Георгиевска и Варшавы все усиливался.

Господствовало ужасное напряжение. Принять сражение было бы слишком рискованно. Становилось ясно, что близится час, когда генерал фон-Макензен должен будет отойти от Варшавы. И это нужно было сделать не слишком рано, но и не слишком поздно. Решиться на это было трудно. Что скажут на родине? Вечером 17-го октября я нашел, что наступила пора отдать приказ об отступлении. Я просил генерала фон-Гинденбурга отвести группу генерала фон-Макензена на юго-запад, на линию Рава—Скерневицы—Лович. Мы еще надеялись, что освободившимся ландверным корпусам удастся своевременно занять позицию от Ново-Мяста до Равы, к северу от Пилицы. Тут создавался новый фронт, который русские могли атаковать. Левое крыло этого фронта не очень надежно обеспечивалось ландштурмом и кавалерией, но оставалась возможность уклонить его назад. Если бы русские увязли на этом фронте, то открылась бы возможность сосредоточить тем временем XX и XI армейские и гвардейский резервный корпуса, атаковать через Пилицу, восточнее Ново-Мяста, противника во фланг и вступить в решительное сражение. Эта операция позволяла выиграть время. Наконец, надо было выяснить, имеют ли успех действия австро-венгерских армий южнее, на Сане. Последнее становилось все сомнительнее. В ночь с 17-го на 18-е октября русские сами перешли через Сан и преодолели, таким образом, препятствие, с которым не могла справиться австро-венгерская армия.

Генерал фон-Макензен в ночь с 18-го на 19-е октября отступил от Варшавы. Марш был заблаговременно подготовлен и прошел в образцовом порядке. Противнику не осталось никакой добычи, и он не сразу стал нас сильно теснить.

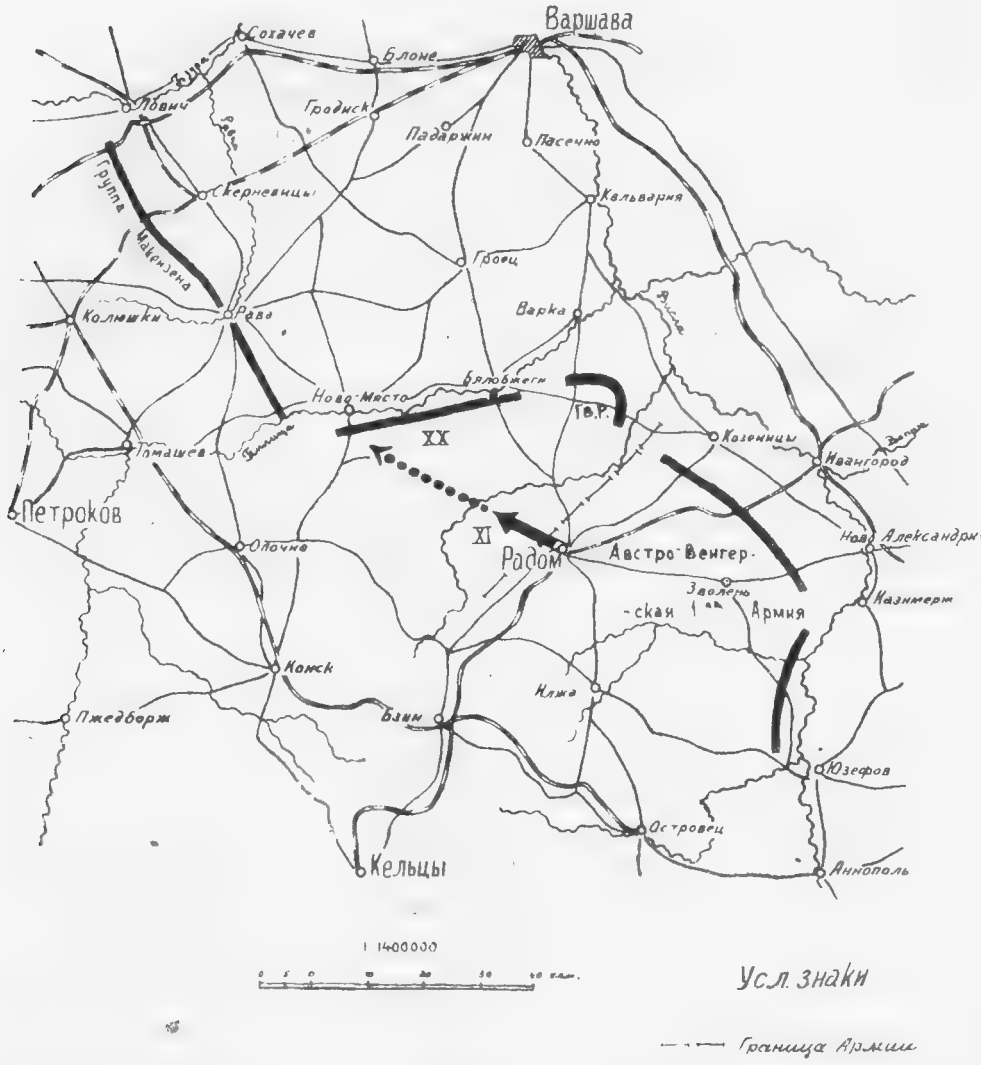
25-го и 26-го октября войска генерала фон-Макензена, своевременно прибывший ландверный корпус и 37-я пехотная дивизия были чрезвычайно энергично атакованы на новых позициях севернее Ново-Мяста. Левое крыло загнулось в направлении на Лодзь, а 37-я пехотная дивизия отошла на южный берег Нилицы. Но в общем во всех последовавших тяжелых боях мы сохранили положение. Однако до атаки через Пилицу дело не дошло. Австрийцы потерпели у Ивангорода чувствительное поражение и отступили к Радому.

Случилось то, чего мы опасались в штабе армии. Австро-венгерская армия, которая с 21-го октября стояла на страже перед Иван-

городом, допустила переправу слишком крупных русских сил через Вислу, и вместо того, чтобы их отбросить, была сама ими разбита.

На левом крыле австро-венгерской армии, двинув гвардейский резервный корпус, мы сделали все возможное, чтобы предотвратить несчастье. Но уже больше ничего нельзя было изменить. Русские насту-

Схема 4. Полиша. Положение в конце Октября 1914г. после отступления от Варшавы.



пали от Ново-Александрии и Ивангорода и возле устья Пилицы переправились через Вислу.

О решении I-й австро-венгерской армии отступить к Радому я узнал случайно. Имея в виду положение гвардейского резервного корпуса, подполковник Гофман немедленно начал переговоры. Австро-венгер-

ская армия задержалась еще несколько часов. Гвардейскому резервному корпусу была оказана помощь, но об атаке через Пилицу в направление с юга на север нечего было и думать, так как прикрытие правого фланга было опрокинуто.

Для прикрытия левого фланга группы генерала фон-Макензена XI армейский корпус был двинут большими переходами в район севернее Лодзи.

Из-за отступления австро-венгерской армии от Ивангорода на Радом, обстановка совершенно изменилась. Теперь надо было ожидать сильного натиска противника по всему фронту Вислы. У нас явились основания для сомнения, окажется ли в силах австро-венгерская армия выдержать его. Южнее Вислы ее положение становилось все более критическим. Всякая надежда на благоприятный исход окончательно исчезла. Если бы 9-я армия осталась на месте при этом общем положении, то она была бы с течением времени обойдена и разбита. Судьба австро-венгерской армии в таком случае была очевидна. 9-я армия, чтобы получить в дальнейшем возможность маневрирования, должна была быть отведена назад. Было очевидно, что этот отход захватит и австро-венгерские войска. Но русский натиск и без того принудил бы их к отступлению.

Позднее с австро-венгерской стороны утверждали, что австро-венгерские войска отступили потому, что 9-я армия двинулась назад. Это, с одной стороны, правильно, а с другой—нет. При этом умалчивается о той причине, которая вынудила отвести назад 9-ю армию и которая заключалась исключительно в отказе австро-венгерской армии, столь храброй в начале войны, но не смогшей оправиться от поражения при Львове.

VII.

27-го был отдан приказ об отступлении, которое, можно сказать, уже висело в воздухе. Положение было исключительно критическое. Благодаря октябрьской операции, мы выиграли время, но сама она не удалась. Теперь, казалось, должно произойти то, чему помешало в конце сентября наше развертывание в Верхней Силезии, и последовавшее за ним наступление: вторжение превосходных сил русских в Познань, Силезию и Моравию.

Германские войска были уже ознакомлены с общими указаниями по организации отступления. Им повторно предлагалось отослать возможно дальше в тыл все излишнее. В общем это было выполнено; лишь в отдельных случаях на фронте оказывалось больше, чем фронту требовалось. Наши тяжелые повозки при условии скверных дорог, причиняли мне много беспокойства.

Чтобы выйти из района охвата, все движения, по возможности направлялись на запад.

В основных чертах наше «стратегическое отступление», как его окрестили солдаты, прошло планомерно и в образцовом порядке. Страну щадили. Это отступление будет навсегда служить примером нашего уверенного и гуманного ведения войны.

Гвардейскому резервному корпусу на правом крыле приходилось очень тяжело, так как I-я австро-венгерская армия все больше теряла боеспособность и не выдерживала неприятельских фронтальных атак.

Австро-венгерские армии отступали обоими берегами Вислы до высоты Кракова, а частью и Карпатами, юго-западнее Перемышля.

Части 9-й армии отступали так:

Гвардейский резервный, XX армейский и ландверный корпуса—через линию Кельцы—Томашев на участок, правый фланг которого лежал на полпути между Краковым и Ченстоховым, а левый фланг—севернее Ченстохова.

XVII армейский корпус и корпус Фроммеля — через Петроков и Лодзь, примкнув к ландверному корпусу у Велюня.

У Ченстохова и Велюня были подготовлены позиции.

XI армейский корпус отошел в район юго-западнее Серадзя.

Генерал фон-Фроммель сдал командование над 35-й резервной и ландверной дивизией графа фон-Бредова и об'единил командование группой из 5-й кавалерийской дивизии, переброшенной с запада, 8-й кавалерийской и 7-й австро-венгерской кавалерийской дивизиями.

Ландштурменные части отошли на линию Калиш—Врешен—Торн.

Русские следовали всеми силами. В Восточной Пруссии и у Млавы они также вели атаки крупными силами. Положение становилось очень серьезным. Мы искали случая перейти с отступающей армией в наступление, но соседство австро-венгерской армии являлось для любой операции весьма ненадежным фактором. К тому же всякий удар был бы фронтальным по отношению к неприятельским силам, и, следовательно, успех не мог бы быть достигнут.

Надо было принимать новое, большое решение. Оно становилось для меня все яснее, и могло заключаться только в следующем: значительная часть армии должна была быть переброшена по железной дороге в район Гогензальцы и Торна, и оттуда движением вдоль Вислы в направлении на Лодзь и Лович, во фланг русского наступления, остановить его. Вторым вопросом являлось, какие части могли быть выделены для этой операции.

Прежде всего, было необходимо задержать русских на возможно долгое время и держать их в удалении от германских железных дорог. Порча железных и колесных дорог была подготовлена образцово. Опыт показал нам, что современные армии могут удаляться от конечных станций железных дорог, примерно, на 120 километров. Таким образом, если бы нам удалось разрушить железные дороги, как я надеялся, мы

могли рассчитывать, что русские массы временно задержатся еще не переходя нашу границу, даже если мы не будем прибегать к бою. Несмотря на всю подготовку, произвести разрушение железных дорог в действительности было не легко, так как войска всегда стремились оттянуть его до последнего момента. Но это не годилось, я отдал приказ о разрушении, и сам следил за его выполнением. Капитан Шпер явился мне в этом прекрасным помощником. Войска разрушали мосты на колесных путях без промедления. Была проделана большая работа. Удовлетворением мне явилось постепенное замедление неприятельского наступления и конечная его остановка на заранее предусмотренном удалении. В оставленном нами районе имелись большие продовольственные запасы, но я запретил их уничтожать.

VIII.

В конце октября генерал фон-Фалькенгайн вызвал меня в Берлин. Генерал фон-Конрад предложил ему перебросить значительные силы с запада на восток. Генерал фон-Фалькенгайн возлагал большие надежды на наступление у Ипра и хотел сохранить возможность дальнейшего его развития. Я не мог представить ему определенного заключения о предположениях штаба армии, так как они еще кристиллизировались. В Берлине я как будто попал в другой мир. Была колоссальная разница между страшной напряженностью, в которой я жил с начала войны, и образом жизни Берлина. Господствовала погоня за развлечениями и наслаждениями, и не было серьезного отношения к трудностям нашего военного положения. Я вынес неприятное впечатление, чувствовал себя чужим и обрадовался, когда возвратился в Ченстохов и опять окунулся в наш товарищеский круг.

Утром 3-го ноября у меня сложилось твердое убеждение, что пора приступать к новой операции. Я попросил генерала фон-Гинденбурга утвердить уже обсужденный проект развертывания у Гогензальцы. Утром немедленно были отданы приказы и донесено верховному командованию.

Ставка с большим опасением следила за развитием событий на востоке.

Обстановка около Млавы и на восточной границе Восточной Пруссии с каждым днем становилась серьезнее. Вновь сформированный XXV армейский корпус, посланный для подкрепления в Восточную Пруссию, сражался геройски. Но вскоре выяснилось, что боевая ценность новых формирований во многом уступает войскам, состоявшим из солдат, отбывавших срок обучения и предводимым не состарившимися, а полными сил офицерами. Эти новые армейские корпуса имели в своих рядах чудесный людской состав, но это были не солдаты. Их геройство и их самоотверженье не могли восполнить недостатка в обучении. Многие

офицеры запаса, находившиеся в их рядах, делали все, что было в их силах, но у них сказывалось отсутствие практики; но, конечно, бывали и исключения. Армию нельзя создать в несколько недель, она требует тренировки и традиций. Это также сказалось и в английских дивизиях и в американских войсках; за свою неустрашимость они поплатились тяжелыми потерями. XXV армейский корпус не смог изменить обстановку на восточно-прусской границе. Теперь надо было ожидать, что великий князь не только обрушится из излучины Вислы с превосходными силами на Германию и Австрию, но одновременно поведет наступление на германскую территорию и к востоку от Вислы, чтобы и здесь добиться решения, или по крайней мере затруднить нам переброску частей.

Бои, которые должны были развернуться по всей границе Прусского королевства, находились в тесной взаимной зависимости. Они были уже предметом обсуждения в Берлине при свидании с генералом фон-Фалькенгайном. 1-го ноября его величество назначил генерала фон-Гинденбурга главнокомандующим востоком, без выполнения обязанностей по непосредственному командованию 9-й армией. По нашему предложению командующим 9-й армией был назначен генерал фон-Макензен. Я остался начальником штаба при генерале фон-Гинденбурге. Большая часть моих сотрудников перешла в наш новый штаб.

Область ведения главнокомандующего востоком распространялась непосредственно на 8-ю и 9-ю армии и на корпусные округа I, XX, XVII, V, и VI армейских корпусов в провинциях Восточной и Западной Пруссии, Померании, Познани и Силезии, с находящимися в них крепостями.

Позднее корпус Цастрова на направлении Сольдау—Млава, первоначально входивший в состав 8-й армии, был непосредственно подчинен главнокомандующему востоком.

Организация командования была удачна. Она ставила главнокомандующего вне деталей руководства одной из армий. Тем не менее обстоятельства заставляли иногда вмешиваться в круг ведения штаба армии посредством указаний ее начальству. Это мне было не легко. В начале я может быть к этому недостаточно часто прибегал, но затем кажется стал на правильный путь.

Штаб главнокомандующего востоком переехал в Познань. Мы расположились в королевском дворце и оставались там до начала 1915 года. Это был период большой и изнурительной работы. Здесь сложился тот регулярный образ жизни, который я и вел до моего увольнения со службы.

IX.

Проникнутые чувством ответственности, в нашем штабе мы все понимали, что стояло на карте. В Познани яснее, чем в Польше, мы

ощущали биение пульса родины и чувствовали ее опасение неприятельского нашествия со всеми его неисчислимыми последствиями. Наши военные мероприятия еще увеличивали беспокойство населения. Исход предстоящих боев был под сомнением. Превосходство сил у русских было велико, наши же войска сильно истрепаны, а союзники вообще мало боеспособны.

Молодежь, способная носить оружие, была эвакуирована из пограничных провинций. Стратегические позиции были обрекогносцированы и отдан приказ об их укреплении. Польские копи местами были уже приведены в негодность, и приняты меры к разрушению германских железных дорог и копей пограничного района. По вопросу о подготовке разрушения копей в Верхней Силезии, замещающим [1]) штаб VI армейского корпуса управлением, по моей просьбе, были привлечены специалисты из управления горного округа Силезской провинции. Составленный ими проект имелось в виду привести в исполнение. Это распространило страх на всю провинцию. Но я должен был лишить русских возможности на долгое время использовать копи, так как этого требовали военные интересы. В дальнейшем англичане с еще большей беспощадностью уничтожили нефтяные промыслы в Румынии; уголь для ведения войны имеет не менее решающее значение. В действительности оказалось возможным, согласно с мнением высшего представителя горного ведомства, несколько сократить подготовительные работы.

Настроение польского населения наших пограничных провинций не шло к нам навстречу. Оно держалось весьма сдержанно и выжидательно. Ни один здравомыслящий человек не мог ожидать от него чего-либо другого.

В виду превосходства противника, нам было важно для предстоящих решающих действий использовать все пригодные к бою войска и применимое в полевой войне снаряжение, находившееся в прусских крепостях восточного фронта и в подчиненных нам корпусных округах. К этому мы уже приступили в августе 1914 года, и с течением времени мы создали на востоке из ландштурма, ландвера и особых крепостных частей число дивизий, равное тому, которое генерал фон-Мольтке имел в своем распоряжении для Кениггрецского сражения. Позднее эти дивизии получили ту же нумерацию, как и постоянные дивизии, но это не изменило их характера. В бою и на походе к ним приходилось предъявлять иные требования, чем к частям, составленным из младших возрастных классов. Обстановка иногда делала это невозможным. Эти войска помогли больше, чем от них ожидали даже в лучшем случае. На защиту родины, а вместе с тем и своего достояния, своих жен и детей, они отдали все, что могли.

---

[1]) Так называется в Германии то управление корпусным округом, которое заменяет выступивший на войну штаб корпуса. *Примечание редакции.*

На восточной границе Пруссии при 8-й армии постепенно было сформировано несколько ландверных дивизий. В районе Сольдау из гарнизонов висленских крепостей и ландштурма сформировалось пограничное охранение, двух-дивизионный корпус Цастрова и позднее XVII резервный корпус. Основной главный резерв (35-я резервная дивизия) крепости Торн находился у Ченстохова; Торн постепенно сформировал новый главный резерв, который получил наименование корпуса фон-Дикгута. Этот корпус действовал в дальнейшем на правом берегу Вислы в Плоцком направлении. Затем главный резерв Торна образовался в виде ландштурменной бригады фон-Вестергагена, которая была выдвинута к реке Бзуре и при отступлении 9-й армии отошла на Влоцлавск.

Крепость Познань уже раз отдала свой главный резерв. В осеннем походе в Польшу с особым отличием им командовал генерал фон-Бредов: он входил в корпус Фроммеля.

Ландвер генерала графа фон-Бредова не имел походных кухонь. При атаках он преследовал цель захватить таковые и в результате добился их. Теперь познанская крепость и провинция выделили новые силы. Познанский корпус, который был собран у Калиша, представлял собой сильную и очень заботливо снаряженную дивизию. Комендант познанской крепости генерал фон-Кох и начальник его штаба полковник Марквард приложили к тому особенно много усилий.

Замещающий штаб VI армейского корпуса должен был сформировать для охраны границы восточнее Кемпена Бреславльский корпус. На осуществление этого и на приведение корпуса в боеспособное состояние потребовалось продолжительное время.

В работе по особым формированиям майор фон-Бокельберг оказал мне выдающееся содействие.

X.

Чем больше я вдумывался в предстоящие новые задачи и чем ярче вырисовывалась связанная с ними обстановка, тем яснее становилось для меня, что решенную в Ченстохове операцию следует развить, насколько удастся, в решительный удар. Только он мог нас окончательно выручить. Ограничиться остановкой противника было нельзя, надо было стремиться к его уничтожению. Эта идея появилась не сразу, она образовалась постепенно.

Все части, которые мог собрать главнокомандующий востоком, были сосредоточены между Врешеном и Торном. Генерал фон-Конрад, со своим солдатским пониманием, широко пошел нам навстречу.

8-я армия была ослаблена, и на нее уже нельзя было возлагать задачу прикрытия восточной границы Восточной Пруссии. Она нашла в тылу опору во вновь укрепленной позиции между озерами Шпирдинг и Мауер и по реке Ангерапп. Постепенно от 8-й армии были взяты

сильно расстроенный XXV резервный корпус, о состоянии которого мы получили представление лишь позднее, и 1-й резервный корпус с 1-й и 36-й резервной дивизией. Эти части были переброшены через Торн в направлении на Влоцлавск. Командующий 8-й армией генерал Отто фон-Белов должен был экономить свои силы, чтобы иметь возможность удержаться на тех тыловых позициях, которые он должен был в крайнем случае занять. Это нужно было сделать, хотя бы решение этой задачи и выдвинуло необычайные требования к начальникам и войскам.

Корпус Цастрова должен был удерживаться у Сольдау, от этого зависело существование 8-й армии и судьба Восточной Пруссии.

Сосредоточить здесь большие силы было бы чрезвычайно важно. Энергичное наступление от Млавы на участок Нарева между Рожаном и Пултуском могло бы самым действительным образом обеспечить операцию на левом берегу Вислы. Мы должны были от этого отказаться, чтобы обеспечить успех фланговой атаки на левом берегу Вислы, иначе получилась бы разброска сил. Многое уже было достигнуто тем, что удалось не только усилить корпус Цастрова, но он даже оказал известный нажим на северную Польшу; этим, хотя бы на короткое время, можно было создать здесь видимость угрозы нашего удара. Большие русские силы находились севернее Ново-Георгиевска. В интересах боя на левом берегу Вислы было важно их здесь задержать.

В крепости Торн бригада Вестергагена, а затем и часть нового главного резерва, находились в распоряжении для наступления вверх по правому берегу Вислы. Имелось в виду действовать ими в направлении на Плоцк для совместной с корпусом Цастрова демонстрации. У Плоцка можно было их, переправив на левый берег Вислы, подтянуть на поле сражения.

Штаб 9-й армии расположился в Гогензальце.

Части 8-й армии—I и XXV резервные корпуса, направленные в Торн, переходили в его распоряжение.

XX армейский корпус и 3-я гвардейская дивизия перебрасывались из Верхней Силезии в район южнее Гогензальца, а XVII армейский корпус высаживался в Гнезно. Там же сосредоточился прибывший с запада кавалерийский корпус фон-Ритхгофена (6-я и 9-я кавалерийские дивизии).

XI армейский корпус перешел походным порядком по германской территории через Островo в район Врешена.

Кавалерийский корпус Фроммеля вел бои с русской кавалерией между Просной и Вартой к востоку от Калиша; за ним Познанский корпус заканчивал свое развертывание.

Ландштурм, который должен был войти в Бреславльский корпус, пока еще скудно заполнял участок до Велюни. Далее, до середины расстояния между Ченстоховом и Краковом, расположились генерал фон-

Воирш с 35-й резервной дивизией, ландверная дивизия графа фон-Бредова, ландверный корпус и гвардейский резервный корпус без 3-й гвардейской дивизии. Они примыкали к 1-й австро-венгерской армии, которая протягивалась до Вислы. Южнее от Вислы до Карпат опять густо скопились остальные части союзной армии, а в горах были оставлены значительные силы для прикрытия Венгрии.

Из этого обзора вытекает, что собственно удар на неприятельский фланг должен был вестись всего лишь 5½ армейскими корпусами. Неприятельский фронт, начиная от пункта, где Варта переходит на германскую территорию, и далее на юг до Ченстохова, мог быть связан лишь совершенно недостаточными силами. Генерал фон-Воирш должен был действовать в контакте с австро-венгерской армией. Но сможет ли последняя перейти в наступление, оставалось неизвестным. Настроение в ней опять сильно упало. На вопрос, в состоянии ли австро-венгерская армия выдержать ожидавшуюся неприятельскую атаку, было отвечено, что она в состоянии удержаться в течение 24-х часов. Атака не последовала. Новой заслугой генерала фон-Конрада было то, что он поднял настроение и возродил идею наступления, но во всяком случае для этого он нуждался в германской поддержке.

С целью сделать фланговый удар более могущественным и усилить фронт, мы намеревались оттянуть на север значительные части из армейской группы Воирша. Но генерал фон-Конрад настойчиво требовал от этого отказаться. В виду этого в Гогензальце к ударной группе 9-й армии была подвезена только 3-я гвардейская дивизия.

Генерал фон-Конрад перебросил по железной дороге генерала фон-Бем-Эрмолли с четырьмя пехотными и двумя-тремя кавалерийскими дивизиями из Карпат через Верхнюю Силезию в район севернее Ченстохова.

Чтобы пойти навстречу генералу фон-Конрад, генерал фон-Воирш был подчинен верховному командованию австро-венгерских армий.

По прибытии австро-венгерских войск формировавшийся Бреславльский корпус мог несколько сократить свой фронт. Благодаря этому мероприятию, с середины ноября фронт несколько окреп, но для серьезного удара он оставался слишком слабым.

Потом утверждали, что австро-венгерская армия отстояла Силезию. В действительности же она и севернее Ченстохова обороняла свою родину.

Естественно, что в этой обстановке мысли снова обращались на запад. Я спрашивал себя, остается ли еще надежда на успех под Ипром, или было бы лучше окончательно ограничиться на западе обороной, и как можно решительнее развить операцию, намеченную против русских. Генерал фон-Конрад предлагал это в ноябре, и его точка зрения

показалась мне правильной; я испрашивал у верховного командования подкреплений с запада. Помимо обеих кавалерийских дивизий, нам обещали и другие силы, но они прибыли слишком поздно и подходили слишком малыми пакетами. Фланговый удар мог иметь решающее значение для всей войны лишь в том случае, если бы он был нанесен внезапно, т.-е. быстро и сосредоточенно, одновременно с сильной фронтальной атакой.

Но на востоке мы не могли медлить с началом операции, даже если бы 10-го ноября мы действительно имели уверенность в получении в ближайшее время подкреплений.

Войска, пришедшие с запада, так пострадали от боев, что имели такую же неполную боеспособность, как и войска, уже дравшиеся на востоке. Совершенно иные условия польского театра войны, по сравнению с западом, вначале тоже отрицательно отражались на их действиях.

Было ли возможно иначе организовать переброску сил с запада на восток, я точно определить не могу, и тогда тоже не высказывал критических соображений по этому поводу. Я всегда, и тогда, когда был преподавателем в военной академии, придерживался точки зрения, что всякая неосторожная критика падает на голову самого критика.

Кавалерийский корпус фон-Рихтгофена прибыл своевременно, чтобы принять участие в наступлении; вскоре потом прибыл и кавалерийский корпус фон-Холлена—2-я и 4-я кавалерийские дивизии. Он был придан корпусу Цастрова.

Позднее, уже после начала наступления, на восток был переброшен III резервный корпус генерала фон-Безелера (5-я и 6-я резервные дивизии), XIII армейский корпус фон-Фабека (26-я пехотная и 25-я резервная дивизии), II армейский корпус генерала фон-Линзингена (3-я и 4-я пехот. дивизии) и XXIV резервный корпус генерала фон-Герока (47-я и 48-я резервные дивизии). Они вводились в дело в зависимости от требований обстановки.

Средства, которыми мы располагали 10-го ноября, к началу операции были недостаточны. Несмотря на это, надо было постараться нанести русским в излучине, очерченной Вислой, решительный удар, который не только бы окончательно заставил их остановиться и отказаться от продолжения наступления, но который причинил бы им полный разгром. Это было бы достигнуто, если бы нам удалось оттеснить русских до Варшавы. Так как это оказалось нам не под силу, то пришлось удовольствоваться меньшим результатом. Но и он был велик.

XI.

В ноябре ход военных действий развивался так, как мы ожидали. Русская армия повсюду приступила к выполнению поставленных великим князем больших задач.

8-я армия была атакована. Будучи ослаблена на I и XXV резервные корпуса, она еще пыталась отстоять восточную границу Восточной Пруссии против атаки превосходных сил русских, но это не могло затянуться на долго. В середине ноября она отошла на позиции в Мазурских озерах и на реке Ангерапп.

Восточная часть Восточной Пруссии была таким образом вновь уступлена русским; ей пришлось сильно пострадать. Это можно было предвидеть, но ослабление 8-й армии все же было неизбежно. Русские преследовали и атаковали армию на новых позициях. И все-таки было принято решение ослабить 8-ю армию еще и на 1-ю пехотную дивизию и притянуть ее для усиления 9-й армии западнее Вислы. Много приходилось рисковать, чтобы достигнуть цели на важнейшем пункте.

Корпус Цастрова был атакован на позиции Млава—Прасныш и принужден к отступлению на линию Сольдау — Нейденбург. После тяжелых боев неприятельское наступление было здесь приостановлено. Все положение в районе к востоку от Вислы подвергалось опасности; над Западной Пруссией нависла серьезная угроза, но корпус Цастрова выполнил свой долг. Мы пережили в Познани беспокойные часы. Кавалерийский корпус фон-Холлена, прибывший в середине ноября, усилил оба фланга и улучшил положение Цастрова.

Ландштурменная бригада фон-Вестергагена достигла Плоцка и в дальнейшем была переведена на левый берег Вислы.

Тем временем развертывание 9-й армии было планомерно закончено. Железные дороги оказались на высоте всех требований. К вечеру 10-го ноября армия находилась в полной готовности.

XXV и I резервные корпуса к югу от Торна. Направление на Влоцлавск—Лович.

Кавалерийский корпус фон-Рихтгофена, XX армейский корпус и 3-я гвардейская дивизия южнее Гогензальцы. Направление на Кутно.

XVII армейский корпус юго-восточнее Гнезно. Направление на Ленчицу.

XI армейский корпус восточнее Врешена. Направление на Коло-Домбе.

Кавалерийский корпус Фроммеля между Унеавым и Серадзем. Направление на Лодзь.

Познанский корпус между Калишем и Серадзем. Направление на Ласк.

От ландштурменных частей Бреславльского корпуса надо было ожидать немногого, как и от прибывшей австро-венгерской кавалерии. Другие части не были доставлены во-время. О наступлении южной части фронта пока нечего было и думать. Переход в наступление генерала фон-Воирша, на которого русские надвинулись вплотную, и не обсуждался.

В широкой дуге, очерченной Вислой, русские занимали Влоцлавск; в остальном обстановка до Варты была довольно туманная. Здесь находилась 1-я русская армия, но она протягивалась по правому берегу Вислы. В ее состав входило от 10 до 14 дивизий. Между Вислой и Вартой можно было с уверенностью рассчитывать встретить от 8 до 10 дивизий. Непосредственно к северу от Варты большие силы русской кавалерии выдвинулись к границе. Непрерывный фронт главных сил русских войск достиг линии, начинавшейся у Варты севернее Серадзя, проходившей через Ново-Радомск и тянувшейся в район севернее Кракова. Другие части достигли в Галиции р. Дунайца и глубоко вторглись в Карпаты. В неприятельском движении наступил перерыв. Разрушение железных дорог оказало ожидаемое действие. Но появились признаки, указывавшие, что надо учитывать скорое возобновление наступления.

Генерал фон-Макензен 11-го ноября без промедления начал операцию; мы были на это вполне согласны. В первые же дни наступления у Влоцлавска, Кутно и Домбе дело дошло до очень сильных и весьма кровопролитных для обеих сторон боев. Русские были застигнуты врасплох. Повсюду они были отброшены.

Главные силы 9-й армии беспрерывно продвигались вперед на Лодзь и станцию Колюшки, а генерал фон-Макензен 1-м резервным корпусом прикрывал их левый фланг в районе севернее Ловича. Неприятель сильно напирал на него. Сначала он вел борьбу сильными ударами, но затем перешел к обороне против русских сил, прибывших через Ново-Георгиевск на левый берег Вислы. Вследствие операции у Млавы это движение развивалось медленно.

Центр 9-й армии в составе кавалерийского корпуса фон-Рихтгофена, 3-й гвардейской дивизии и XXV резервного корпуса на своем фронте окончательно сломил сопротивление. Миновав линию Лович—Лодзь, он распространился через Бржезины далее на юг. Он смотрел только на юг и на запад и гнался за крупным успехом. Мне известен приказ по 9-й армии, указывавший ему обеспечить себя со стороны Скерневиц, но до войск он не дошел. Штаб остался слишком далеко позади.

XX, XVII и XI армейские корпуса очень сблизились друг с другом, и 17-го ноября севернее Лодзи столкнулись с большими силами противника и вступили с ним в борьбу. Кавалерийский корпус Фроммеля и Познанский корпус медленно продвигались вперед по восточному берегу Варты.

Перехваченная радио-телеграмма гласила, что русские предполагают отступить от Лодзи. Наше ликование было велико. Но, как выяснилось из второй перехваченной радио-телеграммы, сильная воля великого князя удержала корпуса на месте. Нас постигло тяжелое разочарование.

Русские войска, действовавшие на правом берегу Вислы, за исключением частей у Млавы, получили приказ двигаться за Вислу. На наше

счастье этот приказ выполнялся весьма медленно, в противном случае положение генерала фон-Моргена стало бы еще более тяжелым.

Войска, разбитые и поспешно бежавшие через Скерневицы на Варшаву, были собраны западнее крепости и должны были вновь вводиться в бой.

Правое русское крыло загибалось вокруг Лодзи. Фронт 2-й и 5-й русской армии не был связан боем и войска оттуда двигались на Колюшки, а также на север, к западу от Лодзи. Здесь они внезапно атаковали XI армейский корпус и сильно его потеснили.

XXV резервный корпус, с приданными ему частями, под командой своего испытанного вождя, генерала фон-Шеффер-Боядель, при начальнике штаба полковнике фон-Массове, к 22-му числу прорвался далеко за Бржезины. Передовые части кавалерийского корпуса фон-Рихтгофена приблизились к Петрокову и Томашеву. Пехотные дивизии южнее Лодзи сделали захождение на запад. Надежд было много, но в этот момент обстановка изменилась.

Связь между XXV резервным и XX армейским корпусами была утрачена. Противник у Лодзи удержался. Наоборот, он потеснил XX армейский корпус и выдвинулся между внутренними флангами этих корпусов. Части же, собранные западнее Варшавы, никем не удерживаемые, наступали от Скерневиц на Бржезины. XXV резервный корпус с находившимися при нем частями был отрезан и атакован с юга частями 5-й русской армии, шедшими на станцию Колюшки.

Подробности боев, которые вели 3-я гвардейская дивизия генерала Лицмана, XXV резервный корпус и кавалерийский корпус фон-Рихтгофена, талантливо описаны в монографии капитана фон-Вульфена. Из неприятельских радио-телеграмм мы вдали от поля сражения в Познани узнали, как оптимистично русские оценивали положение, как они выдвигали требование решительных боевых действий и как торжествовали по поводу предстоящего взятия в плен целых германских армейских корпусов. Они уже готовили поезда для эвакуации пленных. Я не могу описать, что я при этом испытывал. Что стояло на карте? Не только взятие в плен многих столь храбрых бойцов, связанное с торжеством врага, но и проигрыш всей операции. После такого поражения 9-й армии пришлось бы отступить. Как закончился бы тогда 1914 год?

Бржезинский эпизод закончился блестящим подвигом. В ночь с 23-го на 24-е ноября германские войска прорвались на север. Они увели с собой свыше 10.000 пленных и захватили много орудий.

Прорвавшиеся части остановились на участке между XX армейским и I резервным корпусами. Образовался более сплоченный непрерывный фронт, против которого русские безуспешно вели оживленные атаки.

Но крупная оперативная цель—уничтожить русских в излучине Вислы—не была достигнута. Наши силы оказались для этого недостаточными.

Тем временем генерал фон-Конрад отдал на 17-е ноября приказ армии Бем-Эрмолли, армейской группе Воирша и расположенным к югу от Кракова австро-венгерским армиям атаковать. Эти бои привели только к местным успехам, и очень скоро замерли. Они более не представляли стратегического интереса.

Русские до конца ноября сильно нажимали на 9-ю армию, а также вели атаки и южнее, но нигде не достигли существенных результатов.

В конце ноября и в начале декабря, когда, наконец, начали прибывать 1-я пехотная дивизия из 8-й армии и подкрепления с запада, мне еще раз представилась возможность продолжать развивать прежнюю идею операции, но при распределении этих резервов необходимо было учесть и необходимость отражать неприятельские атаки, главным образом на участке 1-го резервного корпуса.

Корпусу Цастрова удалось захватить Цеханов и Прасныш. Русские взяли отсюда часть сил на левый берег Вислы. Но кавалерийские дивизии не могли дальше продвигаться; погода становилась слишком скверной, зимнее обмундирование было еще не получено. Вскоре противник перешел в контр-атаку и корпус Цастрова опять отошел на Млаву.

III резервный и XIII армейские корпуса были приданы 9-й армии и развернулись на ее крайнем левом крыле. В виду серьезности положения 1-го резервного корпуса, части вводились в бой немедленно по их прибытии. Дружного вступления в бой достичь не удалось. Может быть, мне следовало возбудить вопрос о сформировании отдельной армейской группы, которая бы находилась в непосредственном распоряжении главнокомандующего востоком. Тем самым мы бы приобрели более непосредственное влияние на операции.

Левое крыло 9-й армии достигло теперь такой силы, что больше не возбуждало забот. Оно постепенно пробивалось через неприятельские позиции к реке Бзуре. Но это была чисто фронтальная борьба, а не охват в широком масштабе. Наконец, мы были в состоянии атаковать также и на фронте до армейской группы Воирша включительно. II армейский корпус был введен в бой на восток от Серадзя, а 48-я резервная дивизия—для усиления фронта Бреславльского корпуса. Атака II армейского корпуса в начале декабря достигла полного успеха, и мы сильно продвинулись в направлении на Лодзь [1]). К сожалению, этот нажим отсутствовал две недели тому назад.

---

[1]) Начался уже планомерный отход русских от Лодзи. *Примечание редакции*

6-го декабря русские очистили Лодзь и прошли за реку Мязгу. Южнее мы тоже кое-где продвинулись, так как русские здесь во второй половине ноября ослабили свои силы, чтобы отстоять Лодзь.

15-го декабря на левом крыле был взят Лович. На фронте можно отметить дальнейшие местные успехи.

Южнее Кракова к концу ноября обстановка обострилась. Штаб австро-венгерской армии настойчиво просил одну германскую дивизию для усиления своего фронта. Мы с тяжелым сердцем послали туда 47-ю резервную дивизию. Теоретически это представлялось ошибкой, но действительность оправдала это мероприятие. Дивизия прибыла как раз во время, чтобы предотвратить неудачу. Генерал фон-Конрад стремился охватить из Карпат южное русское крыло. Чтобы это осуществить, он сильно разредил свой фронт. С 3-го по 14-е ноября в сражении у Лиманова и Лапанова, изобилующем кризисами, ему удалось нанести русским поражение к западу от Дунайца. После всего тяжелого, что пришлось вынести австро-венгерским войскам с начала войны, это был хороший успех австро-венгерского оружия.

Под натиском нашего наступления в Польше и в Галиции, русский фронт отодвинулся на линию Бзуры—участок Равки—верхнее течение р. Пилицы, река Нида, р. Дунаец.

Охват генерала Бороевича из Карпат между рекой Саном и р. Дунайцом скоро наткнулся на превосходные силы противника, который не замедлил перейти в атаку. Охватывающее крыло австро-венгерской армии было оттеснено назад в Карпаты. Здесь начало развиваться положение, получившее большое значение для операции 1915 года.

В дуге, очерченой Вислой, особенно в 9-й армии, состоялся еще целый ряд местных боев. Было бы лучше обойтись без них. Мы еще слишком мало были знакомы с позиционной войной и слишком много дрались «и направо, и налево». Я должен был бы сразу энергично вмешаться, как я это делал впоследствии. Мы были очень близки к тому, что наши потери оказывались не в соответствии с достигнутыми успехами. Следить за этим—долг вождей.

На северном берегу Вислы русские заняли Плоцк и продвинулись на высоту Влоцлавска. Но мы смогли удержать за собой правобережные высоты Вислы восточнее города, господствовавшие над железной дорогой. Но здесь у 9-й армии образовался длинный фланг от устья Бзуры до Влоцлавска, требовавший постоянного внимания. Висла еще не замерзла, и тем самым не создавалось новой опасности для 9-й армии.

Восточнее Вислы на южной границе Пруссии ничто не изменилось. 8-я армия после продолжительных и напряженных боев в основных чертах удержала свой фронт. Русский прорыв одного участка укрепленной линии Мазурских озер имел лишь местное значение.

По всему фронту усердно работали над укреплением позиций.

Во время операций много хлопот нам доставило восстановление железных дорог, которые незадолго до того мы сами основательно разрушили. Мы всеми силами работали над восстановлением железных дорог, но все-таки потребовалось довольно много времени, пока железнодорожное движение действительно урегулировалось. Войска, которым и без того много доставалось, сильно от этого страдали. Особенно пришлось пожалеть, что мы не смогли своевременно подвезти войскам рождественские подарки. Это была изрядная работа для дорог, так как в то время пожертвования еще текли обильными потоками. Отпуска тоже нельзя было давать в желательном размере.

Много времени пришлось уделить организации гражданского управления занятой части Польши, но эти распоряжения ныне не представляют никакого интереса. Страна не могла пожаловаться на нас, хотя мы вывозили ценное в военном отношении сырье, как этого требовало наше положение.

С Австро-Венгрией шли переговоры о новом разграничении наших и ее этапных районов. Те условия, на которые я согласился при совершенно иных предпосылках, естественно требовали изменений. По требованию Австро-Венгрии, верховное командование и Берлин, к сожалению, вмешались теперь в переговоры. Это не послужило на пользу делу, так как указанные инстанции не были знакомы с ходом событий. Но теперь и это несущественно. По моей должности мне приходилось заниматься целым рядом военно-политических вопросов, которые приносили мне больше огорчений, чем внутреннего удовлетворения.

Чувство удовлетворения, которое мы испытывали, благодаря изменению обстановки на востоке, было омрачено. Австро-венгерская армия неудачно сражалась в Сербии. К концу ноября она вторглась далеко вглубь Сербии. 20-го декабря был взят Белград. В Австро-Венгрии господствовало радостное настроение. Но уже в дни взятия Лодзи и сражения у Лиманова, австро-венгерские войска были разбиты и отступили из Сербии. Они уже не являлись полноценным боевым инструментом. В начале они недооценивали своих противников, теперь же они впали в противоположность: переоценивали их и испытывали страх от одной их численности. Это суеверное почтение к противнику, связанное с ощущением некоторой собственной слабости, первоначально храбрая армия уже не смогла преодолеть.

В Познанском дворце в штабе жизнь протекала в полном согласии. Мы были спаяны и перенесенными вместе заботами и общей славой. Образовалась привычка вечером после обеда проводить еще некоторое время вместе. Мы садились тогда за круглый стол, на котором стояла вееролиственная пальма, подарок ее величества нашей императрицы. Это была истинно германская женщина, и я всегда с глубоким уважением вспоминаю о ней.

Этот недолгий час был для меня моментом отдыха среди подавляющей работы последних четырех месяцев войны.

Большая борьба была закончена. Новая была в будущем. Германия и Австро-Венгрия были спасены от русской опасности. Все планы великого князя потерпели крушение. Его атаки на восточных границах Пруссии, его наступление на западном берегу Вислы, а вместе с этим и все надежды Антанты на победоносное окончание войны в 1914 г. рухнули. Потеря восточной части Восточной Пруссии и большей части Галиции представляется неважной на ряду с этим достигнутым результатом, как ни была она прискорбна сама по себе.

Вторая часть похода в Польше тоже являлась подвигом, каких мало знает военная история.

Наши войска, находившиеся с начала августа в постоянных боях или в движении, действовали выше всякой похвалы. Они вновь одержали победу над почти вдвое превосходными силами. Только с такими вождями и такими солдатами возможно было в действительности осуществлять дерзкие планы, при численном перевесе сил неприятеля.

Слава и вечная память германской армии 1914 г.!

Зимнее сражение в Мазурии.

Февраль—март 1915 года.

(Карта V).

I.

Кампания 1914 года не дала желательных результатов. Во что должен был вылиться 1915 год, я не мог предусмотреть. К новому году производилось формирование четырех новых армейских корпусов, которые в феврале должны были уже быть готовы к бою. Опыт новых формирований, произведенный осенью 1914 г., был принят во внимание. Эти корпуса были боеспособнее, чем те формирования, так как каждая рота получила кадр опытных и особенно энергичных офицеров, унтер-офицеров и солдат. Штаб-офицерские должности были также удачно замещены. Само собой разумеется, я стремился, чтобы эти четыре армейских корпуса были посланы на восток, дабы продолжать наносить удар русским и ослабить их способность к сопротивлению, поскольку позволяли наши силы. Мы намечали новый удар в Восточной Пруссии. Если бы венгерские железные дороги в мирное время были лучше построены, стратегически такой удар был бы желателен и в Карпатах.

Уже в конце 1914 года австро-венгерское верховное командование опасалось падения Перемышля к весне 1915 года и вторжения крупных неприятельских сил в Венгрию. Русские продолжали атаки против армии генерала Бороевича и захватили гребень Карпат. Генерал фон-Конрад хотел перейти к контр-атаке в широком масштабе, и тем самым освободить Перемышль.

Мне представлялось желательным, в виду внутреннего расстройства австро-венгерской армии, дать ей поддержку в Карпатах, тем более, что в других местах нельзя было серьезно связать русскую армию. Возможность перехода в наступление в Восточной Пруссии оставалась еще под вопросом, так как не было известно, получим ли мы в свое распоряжение четыре вновь формируемых корпуса. В виду этого я возбудил ходатайство о выделении сил для посылки в Венгрию из частей находившихся в подчинении у главнокомандующего востоком. 9-я армия была в Польше расположена очень кучно. Позиции находились еще в периоде созида-

ния. Опыт войны на западе показал, что при обороне в позиционной войне ширина фронта может быть значительно больше, чем это до сих пор принималось. Из 9-й армии можно было взять целый ряд дивизий для другого назначения.

Я не согласился с продолжением фронтальных атак 9-й армии, каковой вопрос возбуждался одной инстанцией. На венгерский фронт был выделен штаб II армейского корпуса с 1-й пехотной и 48-й резервной дивизиями и кроме того усиленная до трех полков бригада, из которой впоследствии была сформирована одна из гвардейских и 5-я кавалерийская дивизия. Одновременно и другие резервы были выделены в распоряжение главнокомандующего востоком. Если при помощи обещанных подкреплений намеченное генералом фон-Конрад наступление являлось бы осуществимым, то это было бы лучше пассивной обороны.

Генерал фон-Конрад со своей стороны решил по возможности ослабить войска на сербской границе, и все, что было возможно, перебросить в Карпаты. Он наметил направить главные силы между горными перевалами Ужок и Дукла на Перемышль. Германские войска, усиленные австро-венгерскими формированиями, образовали южно-германскую армию под командой генерала фон-Линзингена, особенно предусмотрительного и деятельного начальника. Она должна была развернуться восточнее главных сил австро-венгерцев и при наступлении на Перемышль следовать в виде право-флангового уступа.

Южно-германская армия была слишком слаба, чтобы разрешить задачу производства охвата. Для производства такового надо было бы далеко протянуться к Буковине. Этому не отвечала и сеть железных дорог.

При обсуждении операции я неожиданно получил телеграмму от верховного командования с назначением меня начальником штаба южной армии.

Но генерал-фельдмаршал фон-Гинденбург не хотел со мной расставаться и в особом докладе его императорскому величеству просил оставить меня при нем на моей прежней должности.

Я же тем временем, как когда-то в Инстербурге, попрощался со штабом и вступил в исполнение своих новых обязанностей, но теперь с уверенностью, что вскоре вернусь назад.

По пути в Карпаты в Бреславле я участвовал в совещании с генералом фон-Конрадом и генералом фон-Фалькенгайном, на котором в деталях были установлены развертывание и операция. Особенно обсуждалось снаряжение войск. Генерал фон-Конрад не видел надобности в специальном горном снаряжении. Когда же я затем прибыл в район развертывания, необходимость в таковом сказалась, и я усердно приступил к его созданию.

В Венгрии, как затем и в освобожденном Семиградии, население нас принимало очень тепло. Но когда мы разрешили нашу задачу, чувство благодарности очень быстро испарилось. Имели место всевозможные случаи, которые отравляли жизнь нашим солдатам. У мадьяров сильны национальные чувства, но нехватало понимания общих интересов Австро-Венгрии и справедливых желаний и нужд многочисленных народностей, населявших Венгрию. Венгрия представляла более сильную часть двуединой монархии и злоупотребляла своим положением. Она— виновница несчастной внешней политики Австро-Венгрии по отношению к Сербии и Румынии. К сожалению, это в свое время не вызвало нашего протеста.

Штаб южной армии находился в Мункаче. Генерал фон-Линзинген и я об'ехали район развертывания и установили связь с соседними штабами и австро-венгерскими войсками, которые уже находились в горах и должны были войти в состав южной армии.

О войсках недостаточно заботились в отношении укрепления позиций делалось так же мало, как и для обеспечения помещениями. Многое надлежало упорядочить.

Однажды, будучи на рекогносцировке в лесистых горах, я повстречал часового. Он сделал мне доклад на каком-то чужом языке, я его не понял, и не понял его и сопровождавший меня австро-венгерский офицер. Таким путем я получил представление о затруднениях, с которыми приходилось считаться в армии. Трудности увеличивались еще тем, что в полках национальности сильно перемешивались, чтобы делать их более надежными. Чешские и румынские полки перешли к неприятелю. Эти народности были теперь распределены по многим полкам. Но эта мера не помогла. Она сильно понизила внутреннее достоинство храбрых венгерских и особенно энергичных немецких полков и еще больше увеличила неудобство различия наречий.

Теперь, как и в сентябре, при поездке в Ней-Сандец, я получил впечатление о полной отсталости народностей, которые не принадлежали к числу господствующих. Во время одной поездки я попал в деревню, населенную гуцулами. Убогие жилища этого несчастного племени навсегда останутся в моей памяти. Насколько иначе, благодаря мудрым мероприятиям государей, обстояли дела в Германии, и насколько выше стояли культура и развитие у нас по сравнению с Австро-Венгрией! Когда я увидел хижины гуцулов, мне стало ясно, что это племя не могло понимать, за что оно воюет. Австро-Венгрия бесконечно многое упустила, а мы, как союзная держава, не должны были этого допускать. Если бы двуединая монархия и австро-венгерская армия дали хотя бы половину того, что Германия могла по справедливости от них ожидать, то, конечно, не потребовалось бы такого количества германских войск на усиление австро-венгерского фронта, и мы могли бы тогда постоянно держать боль-

шие силы на западе. Австро-Венгрия жаловалась на то, что мы осенью 1914 года не разбили Францию, и что она одна была принесена в жертву русскому превосходству сил. Для нас же было роковым, что мы были связаны с такими умирающими государствами, как Австро-Венгрия и Турция. Один еврей в Радоме сказал одному из моих сотрудников, что он не понимает, как такой жизненный и сильный организм, как Германия, может действовать совместно с трупами. Он был прав, но Германии не суждено было приобрести полных жизни боевых товарищей. Мы задались целью, хотя бы на время, влить в наших умирающих союзников новую жизненную энергию. Условия Австро-Венгрии я мог изучить только в течение войны, раньше мне к тому не представлялось случая. Меня поразил этот упадок. Наши ответственные лица видели, что Австро-Венгрия стала больным человеком в Европе, но не сделали отсюда правильных заключений. Мы должны были оставаться ей верными, но руководить ею, а не идти к ней в кабалу и не подчиняться ее господствующей, но односторонней политике.

Мое пребывание в Мункаче продолжалось не долго. К концу января я опять был в Познани на моей старой должности. В мое отсутствие было много тревог, но ничего существенного я не пропустил.

II.

Тем временем главнокомандующий востоком был извещен верховным командованием, что в первой половине февраля Востоку будет предоставлено три новых и XXI армейский корпус. Верховное командование сочло нужным сменить XXI армейский корпус новым, в виду комплектования его эльзас-лотарингцами. Ненадежность на западном фронте части солдат, происходивших из имперских провинций, росла по мере затяжки войны. В виду этого их по большей части назначали на восток. Это мероприятие распространилось и на многих верных эльзасцев и лотарингцев. Правильно судить о каждом в отдельности было невозможно. В 1918 году для наступления во Францию вся молодожь из восточных армий была переведена на запад, в том числе и соответственные возрасты эльзасцев и лотарингцев, на которые порой войска очень жаловались. На востоке эльзасцы и лотарингцы дрались безукоризненно, а XXI армейский корпус—выдающимся образом.

С верховным командованием было условлено, что эти четыре корпуса немедленно после высадки будут двинуты для нанесения удара расположенным против 8-й армии неприятельским силам. Опыт Танненберга и сражения в Мазурских озерах показали, что крупный и скорый успех может быть достигнут лишь при условии нападения на противника с двух сторон. Теперь явилась возможность сосредоточить сильную группу из трех армейских корпусов между Неманом и дорогой Инстербург—Гумбинен и наносить удар, охватывая в направлении на Тильзит,

Владиславов и Кальварию. Другая группа, в состав которой входил XL резервный корпус, которому были еще приданы 2-я пехотная и 4-я кавалерийская дивизии, направлялись между озером Шпирдинг и границей через Бялу и Райгород на Августов и южнее. Одновременно противник должен был быть связан атаками на фронте.

На обоих крыльях противник был слаб. Мы могли надеяться выиграть значительное пространство прежде, чем главные силы неприятеля оторвутся с атакованного фронта. Обе ударные группы должны были окружать противника, и чем раньше наступило бы окружение, тем было бы лучше для нас.

Если бы уничтожение противника удалось, то на очередь мог быть поставлен вопрос об атаке линии Осовец—Гродна, при условии оставления заслонов против Ковны и Гродны, чтобы открыть с тыла переправу через Бобр у Осовца. Предпосылкой являлось прочное удержание длинной линии фронта Влоцлавск—Млава—Иоганнисбург—Осовец.

Было бы еще лучше, если бы одновременно с ударом на восточной границе Восточной Пруссии, с фронта Влоцлавск—Иоганнисбург, началось бы продвижение к Нареву и атака Осовца. Я к этому стремился,— мы повсюду имели бы преимущество над русскими. Вопрос о том, можно ли было бы приступить затем к операции в тылу главных сил противника, находившихся западнее Вислы, оставался открытым. Но вождь должен задаваться таким широким ходом мыслей. Он не может жить сегодняшним днем, иначе будет ущерб для ведения войны и для всех. Жестокая действительность сама позаботится о том, чтобы предположения осуществлялись лишь в той мере, насколько у войск хватит сил для преодоления неприятельского сопротивления.

В связи с таким течением мыслей я проводил мероприятия, которые явились действительной помехой неприятельским планам, как это потом стало известно. Еще в 1915 году Антанта стремилась выиграть войну усилиями русских. По так называемому «гигантскому плану» великого князя, пока он с ограниченными русскими массами наступал в Карпаты, большие русские силы должны были перейти в наступление между Неманом и шоссе Гумбинен—Инстенбург на слабое северное крыло 8-й армии, смять его, охватить армию и отбросить ее к Висле. Другие войска, главным образом, сильные массы кавалерии, должны были нанести поражение слабым германским частям, находившимся между Млавой и Вислой, и вторгнуться в Западную Пруссию. Прусская территория к востоку от Вислы должна была быть захвачена, и расположенные там германские войска уничтожены. В январе, действительно, почувствовалось усиление противника на левом крыле 8-й армии. Русский натиск в декабре 1914 года на линию Влоцлавск—Млава может быть входил в подготовку к этому плану. Финал одной операции был здесь, как и в Карпатах, увертюрой к новой операции. Выполнение «гигантского плана» пока на-

ходилось еще в зачатке. Но русские взоры уже направлялись на районы восточнее Вислы. С начала января русские начали уводить войска с фронта западнее Вислы, чтобы обратить их на север. Если нам удалось опередить своими действиями ходы противника, то пришлось считаться с возможностью сильных контр-атак как от Немана, так и от Нарева. Контр-атаки состоялись. Ярость и настойчивость, с которой они велись, создали для нас трудные моменты. Великий князь был настоящим солдатом и полководцем.

Прикрытие операции, с одной стороны, от Ковны и Олиты, а с другой—от Осовца и Ломжи, возлагалось преимущественно на части 8-й армии, освободившиеся вследствие сокращения фронта. При охватывающем движении обоих крыльев заслоны должны были слиться в общем направлении на Гродну.

Уже в начале февраля, во время развертывания четырех корпусов из 9-й армии XX армейский корпус был переброшен на участок юго-восточнее Ортельсбурга. Он был на готове, чтобы наступать на Ломжу и Мышинец. Затем 1-й корпус и 6-я кавалерийская дивизия последовали в Вилленберг. 3-я пехотная дивизия в Нейденбург и 1-я гвардейская резервная дивизия из армейской группы Вопрша в район Сольдау. Развертывание этих частей могло быть закончено около 20 февраля. Перевозка их являлась намеренно запоздалой, так как мы боялись, что такие обширные переброски из оккупированной Польши не останутся тайными. Для обеспечения успеха я придавал большое значение сохранению тайны. В дальнейшем еще много дивизий было взято с фронта, находившегося западнее Вислы. Это являлось возможным, так как противник тоже ослаблял там свои силы. Изменение группировки сил совершенно меняло обстановку и требовало много внимания.

Задним числом можно теперь поставить вопрос: не была ли вообще ошибкой посылка германских войск в Карпаты? Без сомнения, отсутствие их к востоку от Вислы во время зимней кампании было весьма ощутительно. По существу германским войскам следовало быть в Восточной Пруссии, точно так же, как австро-венгерской армии, какова бы она ни была, следовало справляться с карпатской задачей. Мне было бы гораздо труднее согласиться на посылку войск в Карпаты, если бы тогда было известно, что мы получим еще четыре армейских корпуса.

Я не могу судить, было ли верховное командование в состоянии уже тогда выделить с запада на восток те силы, которые оно выделило в апреле. Всякая прибавка сил, конечно, была бы для нас желательна. Но основное решение — двинуть все на Россию, было принято лишь позднее.

III.

В Польше, в излучине Вислы, возобновились бои местного значения, но поглощали ли они внимание русских, оставалось под сомнением.

Вообще на такие демонстрации нельзя возлагать много надежд, пока противник еще сохраняет веру в свои войска и их стойкость не поколеблена. Лишь когда неблагоприятные события подорвут уверенность командования, значение демонстраций растет. Вопрос стоит иначе, если демонстрации становятся серьезными боевыми операциями, могущими достигнуть крупных местных успехов.

Чтобы заставить русских поверить в продолжение наступления, 9-я армия в конце января должна была энергично атаковать в районе Болимова. Для этой цели верховное командование дало в наше распоряжение 18.000 снарядов, в том числе и с удушливыми газами. Для того времени характерно, что на это количество боевых припасов смотрели, как на что-то особенное. На востоке у нас никогда не было недостатка в боевых припасах. Мы всегда имели их столько, сколько транспорт в маневренной войне мог доставить войскам по плохим дорогам. В позиционной войне тогда еще не образовывали крупных складов. На западе обстоятельства складывались иначе, и там чувствительно отзывался недостаток в боевых припасах. Все вступившие в войну государства недооценили как действительность сильно сконцентрированного артиллерийского огня, так и расход боевых припасов.

В мирное время, в мою бытность начальником отделения по стратегическому развертыванию, я настойчиво указывал на необходимость настолько увеличить запасы боевых припасов, заготовляемых в мирное время, и так соразмерить их, чтобы их хватило до того момента, когда снабжение начнет поступать от мобилизованной промышленности. Но я нисколько не убежден в правильности моих исчислений. Недостаток в боевых припасах наступил бы, даже если бы мое предложение было принято. — расход снарядов стал гигантским. Но мы тогда скорее справились бы с кризисом и, может быть, успели бы опередить противника в изготовлении боевых припасов, а не оставались бы все время позади, как это в действительности постоянно имело место. Подполковник Бауер энергично взялся за это уже осенью 1914 года.

Атака 9-й армии у Болимова состоялась 31-го января. Для успешного действия газов мороз был слишком значителен, но тогда мы этого еще не знали. И вообще не все произошло так, как было желательно. Мы взяли несколько тысяч пленных, вообще же тактический успех был незначителен. Но атака произвела большое впечатление на русских. Таким образом, в стратегическом отношении цель была достигнута.

Развертывание четырех корпусов, назначенных для атаки, началось в начале февраля и протекло гладко; 6-го февраля оно было закончено. Наш штаб переехал в Инстербург. Расстаться с Познанью было не легко,—мы там пережили великие дни, но и Инстербург будил в нас хорошие воспоминания о сентябре 1914 года.

В распоряжение главнокомандующего востоком для операции был передан штаб 10-й армии; армией командовал генерал фон-Эйхгорн, начальником штаба был полковник Хель. Один штаб 8-й армии не справился бы, — у него было бы слишком много частей. Эта новая группировка была мне очень удобна, так как с двумя штабами армий легче оперировать, чем с одним, я это усвоил себе из опыта похода в Польшу. 10-я армия располагалась севернее 8-й, разграничительная линия проходила приблизительно через Даркемен. В состав обходной группы входили (слева направо) XX армейский, XXXIX и XXXVIII резервные корпуса. Они сосредоточились между Рагнитом и большими лесами к северо-востоку от Инстербурга, под прикрытием 1-й кавалерийской дивизии и 5-й гвардейской пехотной бригады, а рядом, на большом Инстербургском шоссе, находился главный резерв Кенигсберга, представлявший теперь ландверную дивизию. Затем до озера Шпирдинг растянулась 3-я резервная и 3-я ландверная дивизии, чередуясь с частями ландштурма, и 5-я пехотная бригада. Ударная группа 8-й армии, под начальством генерала Лицмана, развернулась так: 2-я пехотная дивизия западнее Иоганнисбурга, XL резервный корпус — южнее до самой границы, а за ним 4-я кавалерийская дивизия. Вдоль границы были расположены ландштурменные части. У Ортельсбурга, позади правого крыла 8-й армии, заканчивалась высадка XX армейского корпуса. Он прибыл из 9-й армии и должен был позади ударной группы генерала Лицмана двинуться к Ломже и через Мышинец — к Нареву. Подтягивание других частей и переброска их в направлении на Млаву шла полным ходом. Генерал фон-Гальвиц должен был об'единить командование на участке между Вислой и Оржицом и после окончания сосредоточения также произвести нажим в южном направлении. Надо было здесь выждать, насколько далеко удастся продвинуться германским войскам, вторгнувшимся в северную Польшу. Активные действия против Нарева являлись лучшим содействием операции 10-й и 8-й армий, а также лучшим шахматным ходом против неприятельской контратаки.

Зимнее сражение началось 7-го февраля. В этот день двинулся генерал Лицман. Остальные части 8-й и 10-й армии должны были наступать и атаковать лишь 8-го февраля. Операция могла быть урегулирована нашим приказом только в основных чертах. Широкое поле действий открывалось перед штабами армий. Единство тактических взглядов у всех начальников обеспечивало успех. Во время зимнего сражения, главнокомандующему востоком не пришлось почти вмешиваться в его ход. На мою долю легло обдумать, как дальше развивать операцию и как обеспечить ее фланги.

Трудно было решиться двинуть армии так, как было намечено. Зима была холодная. С 4-го или 5-го февраля поднялась на редкость

сильная снежная мятель, которая занесла дороги и рельсовые пути и сильно затрудняла движение вне дорог. Снежные сугробы в человеческий рост чередовались с гололедицей. Однако, отданные распоряжения остались в силе. Русским предстояли еще бо́льшие трудности, так как при отступлении перед их колоннами должны были двигаться обозы.

Наши войска для зимнего похода получили соответственное снаряжение. Повозки были поставлены на санные полозья. Позднее они оказались мало пригодными, так как ими нельзя было пользоваться на дорогах, которые лишь местами имели снежный покров. Труды людей и лошадей в последующие дни не поддаются описанию и на веки останутся славным подвигом. Головы походных колонн с трудом пробивались сквозь сугробы. Повозки застревали, а колонны продвигались с перебоями, становившимися все длиннее. Пехота пробиралась мимо остановившихся повозок и орудий, и старалась войти в связь с головными частями. Орудия и повозки с боевыми припасами были запряжены от 10-ти до 12-ти лошадьми. Постепенно дороги сплошь покрылись растянувшимися колоннами войск, к голове которых собирались пехотинцы. С ними было мало орудий и еще меньше боевых припасов. На ночь и во время боя колонны опять несколько смыкались. Через несколько дней погода изменилась, дороги распустились, а в низинах и на болотах вне дорог, на еще замерзшей почве, стояла вода. На наше счастье мы захватили нашим обширным охватом неприятельские обозы и нашли там продовольствие, в противном случае все движения пришлось бы приостановить из-за недостатка продовольственных припасов.

Для штабов корпусов и младших инстанций создавался целый ряд исключительных затруднений. При столкновении с противником проходило долгое время, прежде чем к месту боя подтягивалось достаточно боеспособных частей. Приказы доставлять было нельзя, провода были порваны бурей, донесения не приходили. И, несмотря на это, были достигнуты значительные результаты.

Сражение, как это почти всегда бывает, не обошлось без трений, имевших стратегические последствия.

7-го февраля войска генерала Лицмана хорошо продвинулись вперед. Они дошли до Иоганнисбурга и южнее его переправились через реку Писсу. 8-го числа они заняли Иоганнисбург и в последующие дни, выставив прикрытие в сторону Осовца, продвинулись до Райгорода, где наткнулись на сильное сопротивление. От Осовца противник атаковал их, но был отбит. Центр 8-й армии, который по пятам следовал за отступающим на всем фронте противником, одновременно приблизился к Лыку.

Начальники и войска стремились изо всех сил скорее продвинуться вперед. Но для широкого стратегического взаимодействия движение про-

исходило все-таки слишком медленно. Лык, который прекрасно защищался III сибирским корпусом, пал только к утру 14-го февраля. Корпус избежал уничтожения и отошел через Августов, за болота верхнего Бобра.

После падения Лыка мы стали быстро продвигаться вперед. В ночь с 16-го на 17-е февраля генерал Лицман был в Августове. Сюда же прибыл с севера генерал Клаузиус с 10-й ландверной дивизией. В эти дни я старался продвинуть правое крыло 8-й армии от Райгорода прямо на восток, через Тайно, южнее Августова, на Штабин и Красный Бор к Бобру, чтобы вновь оказаться на фланге III сибирского армейского корпуса. Но 8-й армии это показалось, вследствие состояния дорог, невыполнимым.

Для прикрытия армий со стороны Осовца и Ломжи, еще когда колонны спешили к Августову, 3-я резервная дивизия, 5-я пехотная бригада и 11-я ландверн. дивизия последовательно выключались из ведущей наступление группы и соответственно выдвигались на эти направления. Осовец должен был быть блокирован и атакован. Сосредоточение крупных сил противника у Ломжи было точно установлено, и высланных туда частей XX корпуса стало недостаточно.

Тем временем охватывающий маневр 10-й армии развился ценой страшно форсированных маршей и неописуемых усилий; центр 10-й армии уже в ночь с 10-го на 11-е февраля на ударном направлении Тильзит — Кальвария вышел у Вержболова на шоссе Инстербург — Ковна, а 14-го февраля, когда пал Лык, походные колонны уже находились непосредственно севернее больших Августовских лесов, у Сувалок и Сейн.

Хлынувшая назад русская армия была решительно атакована во фланг и потеснена на юг, и на этот раз она, кажется, также была захвачена врасплох, как и с началом наступления из Верхней Силезии и от Гогензальца. Наши разведочные органы здесь очень хорошо поработали над распространением ложных слухов и по контр-разведке. Ни русским, ни Антанте не удалось получить сведений об означенных движениях. Вообще очень трудно своевременно получить сведения о противнике, иначе ведение войны, несмотря на превосходство сил противника, не являлось бы столь трудной задачей. При Танненберге нам благоприятствовало счастье.

Части русских сил, отступавшие в направлении на Ковну и оставшиеся таким образом на нашем фланге, безрезультатно пытались переходом в атаку замедлить наступление. Боковые прикрывающие части 10-й армии отбросили их на Ковну и Олиту.

К вечеру 14-го февраля обстановка, казалось, допускала возможность окружения противника непосредственно восточнее Августова. Генерал фон-Эйхгорн направил туда свое левое крыло. 15-го и 16-го авангард XXI армейского корпуса по шоссе Сейны—Августов продвинулся далеко

в глубь леса. Но здесь его смяли отходившие с запада на восток русские колонны и частью взяли в плен. К 18-го февраля 10-я армия продвинула тесно сомкнутые части вдоль северной опушки леса в район на северо-запад от Гродны. Здесь они расположились фронтом на запад, тылом непосредственно к веркам крепости. Этим дерзким расположением был прегражден противнику путь отступления. Другие части германских войск вошли в лес с севера, и после взятия Августова с боем вышли на шоссе Гродна—Липск, а также к Бобру, ниже Красного Бора. У Липска кольцо сомкнулось.

Положение войск перед Гродной было исключительно трудным. 20-го и 21-го февраля из крепости, куда русские подвезли подкрепления, стали развиваться очень сильные атаки. Отхлынувшие в Августовские леса русские продолжали пытаться пробиться. Но, несмотря на тяжелые потери, германские войска удержались. Это было блестящим подвигом XXI армейского корпуса и его вождь, генерал Фриц-фон-Бюлов, впоследствии достойный командующий армией на западе, мог быть горд своей решимостью и своими войсками. Штаб 10-й армии с внутренним удовлетворением мог разделить славу этого подвига. В последующих боях русские силы, бродившие и отчаянно сражавшиеся в Августовских лесах, сдались,—сражение было закончено.

IV.

Тактический результат зимнего сражения в Мазурии был значителен: 110.000 пленных и много сотен орудий. 10-я русская армия была уничтожена, и русские войска вновь сильно ослаблены.

В идею операции входила и атака Осовца при поддержке пушек самого крупного калибра. XXXVIII и XL резервные корпуса, 2-я пехотная и 4-я кавалерийская дивизии, достигнувшие верхнего течения Бобра южнее Августова в то время, когда бой в лесу еще продолжался, должны были переправиться через реку. Но они втянулись в сильные лесные бои, предшествовавшие гибели 10-й русской армии. С все возрастающим нетерпением я ожидал их окончания. Действовавшая здесь часть 8-й армии (группа Лицмана) перешла в состав 10-й армии. На 8-й армии оставались задачи атаковать Осовец со стороны Граева, и обеспечивать Восточную Пруссию от покушения русских на участок между Граевым и р. Оржицом.

Переход через болотистый участок верхнего Бобра не удался, несмотря на упорные попытки наших войск. Нам нужен был бы мороз, а в действительности все время шел сильный дождь. Пребывание в лесах и на болотах вызывало большие трудности и лишения. Верхний Бобр, вне имевшихся дорог, был непроходим, а мосты разрушены. 3-й сибирский армейский корпус, который ускользнул из Лыка, давал энергичный отпор, а отчаянное сопротивление русских в Августовских лесах предоста-

вило им время усилить оборону участка между Гродной и Осовцом. Неблагоприятная погода и напряжение, связанное с операцией, сильно истощили наши войска. По войсковым донесениям оказывалось, что русские позиции за рекой усилены бетонированными укреплениями.

Это было возможно, но все-таки к подобным донесениям мы относились скептически. В 1916 году подполковник Гофман осматривал эти позиции и не нашел там никаких бетонных сооружений. Чем больше устают атакующие войска, тем более сильной рисуется им неприятельская позиция, и они усматривают у противника силу, в действительности не существующую. Это явление вполне естественно. Силы молодых частей были исчерпаны,—это требовало новых мероприятий.

Между тем атака Осовца тоже не прогрессировала. Фронтально его нельзя было взять, несмотря на нашу сильную артиллерию, так как она вообще не хватала до командующих высот южного берега Бобра.

В этих условиях я не мог упорствовать на мысли, что большая победа останется стратегически неиспользованной. Руководству пришлось считаться с очень серьезными сомнениями.

Прежде всего был отдан приказ приостановить форсирование Бобра и атаку на Осовец.

10-я армия не могла сохранить занимаемое ею расположение. Чтобы прикрыть ее фланг с востока, со стороны Олиты и Ковны, были нужны крупные силы, каковых налицо не имелось. Тыловые сообщения и условия жизни армии, вследствие неустойчивости погоды, складывались очень тяжело, и не следовало дальше подвергать войска таким испытаниям. Построенная русскими ширококолейная железная дорога от Марграбова через Рачки на Сувалки не вносила существенных изменений в положение. Шоссе и проселки были в слишком скверном виде, погода слишком неблагоприятна и лошади слишком истощены. Грузовики едва продвигались вперед по тонкому, разбитому каменному полотну шоссе, и грузовиков имелось лишь весьма ограниченное количество. Армию надо было поставить в такие условия, чтобы она могла жить и восстановить свои силы. Отсюда являлась настойчивая необходимость завернуть назад 10-ю армию.

Уже в начале операции был отдан приказ об укреплении тыловой позиции непосредственно восточнее линии Августов—Сувалки и далее до Немана. Как только этот район был захвачен, рабочие дружины немедленно приступили к ее возведению. Укрепления еще находились в постройке, но позиция уже представляла известную опору в тылу. 10-я армия получила приказ правым крылом отойти назад, на подготовленную линию. Решение вопроса, отводить ли на ту же линию и левое крыло армии или только на фронт Кальвария—Пильвишки, где сейчас располагались части, прикрывавшие ее фланг, было предоставлено на усмотре-

ние командующего армией, равно как и детали выполнения этого отступательного маневра. Надо было учитывать, что противник вероятно будет энергично теснить.

Одновременно 10-я армия получила приказ выделить часть сил, так как далее к западу обнаружилась острая нужда в подкреплениях. Начиналось сильное русское встречное наступление на наш длинный фланг вдоль южной границы Западной и Восточной Пруссии. К тому же русские начали нас беспокоить и севернее Немана. По всей германской границе к востоку от Вислы разгорался бой.

В Польше на левом берегу Вислы было спокойно.

Наступление австро-венгерской армии для освобождения Перемышля не имело никакого успеха. Русские вскоре перешли в контр-атаку. Судьба Перемышля должна была свершиться. По всему восточному фронту мы находились в ожидании русских атак.

V.

Очистив Августовские леса и эвакуировав раненых, генерал фон-Эйхгорн в начале марта отвел правое крыло на указанные позиции, а левое на север от Августовских лесов. приблизительно на участок от Сейн до пункта, южнее Кальварии. Он имел в виду вновь атаковать последовавших за ним русских, и разбить их правое крыло.

Мысль была хороша и отвечала решительным стремлениям управления армии. В дни между 9-м и 11-м марта были достигнуты успехи. Вновь сформированная 10-я русская армия потерпела поражение. Но потребность в отдыхе у войск была столь велика, и погода столь неблагоприятна, что командование армией, которое к тому же должно было выделить новые части для 8-й армии и армейской группы Гальвица, неохотно, но решилось окончательно отказаться от мысли о дальнейших активных действиях и перейти на позиционную войну. Левое крыло было оставлено на линии Кальвария—Мариамполь—Пильвишки. В середине марта русские произвели натиск на эту позицию, но затем постепенно восстановилось спокойствие.

Русские атаки на южном фронте становились все упорнее, и бои все ожесточеннее. В первые дни зимнего сражения, когда генерал Лицман двигался от Иоганнисбурга на Бялу, из XX корпуса были взяты 41-я пехотная дивизия и часть ландштурма и выдвинуты по дороге Иоганнисбург—Кольно на Ломжу. чтобы обложить ее с севера. 37-я пехотная дивизия наступала через Мышинец. 41-я пехотная дивизия, не доходя до Ломжинских крепостных укреплений, наткнулась на противника, ее сил оказалось как раз достаточно, чтобы заградить дорогу между рек. Писсой и дорогой Щучин—Стависки—Ломжа. Позднее подошли 3-я резервная дивизия и 5-я пехотная бригада. На них выпала задача прикрыть обширный участок от Стависки до Бобра, в то же время 11-я ландверная

дивизия приступила к атаке Осовца. Подход 3-й пехотной дивизии и 5-й пехотной бригады совпал с атакой из Ломжи русской гвардии и 5-го армейского корпусов. Начиная с 21-го февраля, севернее Ломжинской крепости получили развитие упорные бои. Германские войска сражались геройски. Кризис был серьезен. Однажды утром начальник штаба 8-й армии доложил мне, что 3-я резервная дивизия прорвана. Но, в конце-концов, она все-таки удержалась, так как энергия русских здесь скоро улетучилась. Но обстановка на этом участке, а следовательно, и у частей, обложивших Осовец, оставалась довольно напряженной. Лишь после прибытия в начале марта на Ломжинский участок 1-й ландверной дивизии наш фронт настолько уплотнился, что я мог считать всякую опасность к востоку от реки Писсы устраненной. Стойкость войск, в особенности 3-й резервной дивизии, позволяла достигнуть блестящего успеха в обороне. Командование этой группой было поручено генералу фон-Шольцу. Область его ведения затем расширилась до Шквы. Генерал фон-Шольц уже выделился как выдающийся начальник, в сражении при Танненберге и в польском походе. По службе он был значительно старше командующего 8-й армией генерала Отто фон-Белова, но охотно подчинился своему младшему товарищу.

Между Писсой и Оржицем генерал фон-Штаабс с 37-й пехотной дивизией и находившимся там ландштурмом продвинулся по направлению к Нареву. Вскоре русские здесь весьма значительно усилились. Они неустанно вели активные действия от Новогрода, и особенно IV сибирским корпусом от Остроленки. Бои становились все ожесточеннее. Приходилось вводить сюда все больше частей, уже участвовавших в зимней кампании. Постепенно из 10-й армии сюда прибыли 2-я пехотная, 75-я резервная, 10-я ландверная и 4-я кавалерийская дивизии. Но на долго этих частей нехватило. Сюда же была переброшена из 10-й армии 76-я резервная дивизия, предварительно эта дивизия некоторое время проработала у генерала фон-Гальвица, к западу от Оржица. В соответствии с характером местности, с ее широкими и плоскими болотистыми пространствами, с лежащими между ними теснинами, покрытыми участками леса и густого сосняка, общая борьба разложилась здесь на целый ряд самостоятельных боевых действий. Обстановка здесь ставила трудные задачи преимущественно младшим начальникам,—человек боролся с человеком. Несмотря на обилие местных кризисов, к концу затянувшейся борьбы, окончившейся только в апреле, мы все же продолжали стоять впереди границы.

К западу от Оржица во второй половине февраля боевые действия также шли полным ходом. Генерал фон-Гальвиц, предприимчивый и богатый творчеством солдат, человек с разносторонними интересами во всех областях жизни, был одним из лучших вождей нашей армии. Он усилил жидкий фронт к западу от Млавы и в середине февраля продви-

нулся здесь вверх по Висле на Полоцк. Мы и здесь предупредили русских в их планах и вторгнулись в район их сосредоточения. Тем временем и на левое крыло армейской группы Гальвица, в районе Нейденбурга и Вилленберга, к немцам прибыли подкрепления. Обстановка рисовалась так, что удар свежими силами в направлении Прасныша должен был бы отбросить неприятельские войска, находившиеся против XVII резервного корпуса. Это позволило бы продвинуть армейскую группу Гальвица до Нарева. Тогда еще это представлялось имеющим серьезное стратегическое значение. Атака Осовца и верхнего Бобра еще не была окончательно отменена. Каждый частный успех генерала фон-Гальвица улучшал общее положение и шансы для дальнейшей борьбы. Мы находились в большом напряжении.

22-го февраля генерал фон-Гальвиц повел атаку в направлении на Прасныш частями XVII и I резервных корпусов и 3-й пехотной дивизией. 24-го февраля генерал фон-Морген энергичной атакой свежими силами захватил этот, исключительно сильно укрепленный город. Все обстояло весьма благополучно, когда неожиданно выяснилось, что крупные русские силы надвигаются между дорогой Цеханов—Млава и Оржицом и уже охватили генерала фон-Моргена. Воздушная разведка в эти дни не могла работать, к тому же мы были весьма слабо снабжены авиационными частями.

Наши кавалерийские раз'езды не могли продвинуться, и, в конце-концов, сторожевое охранение обеих сторон повсюду стояло непосредственно друг против друга. 27-го февраля атака сибирского корпуса вынудила нас оставить Прасныш, при чем мы понесли весьма значительные потери. Генерал фон-Морген отступил к границе на участке между Яновым и Хоржеле. Русские устремились не столько на север, как на Млаву.

Частные начальники имели в виду отойти на находившуюся в постройке укрепленную пограничную позицию к югу от линии Нейденбург—Вилленберг. Но я твердо задержал I-й резервный корпус более к югу, и там также дело дошло до ожесточенных боев.

До 7-го марта русские безуспешно вели непрерывные атаки между Млавой и Хоржеле, неся тяжелые потери.

В этот момент бои велись на всем восточном и южном фронте границы Восточной и Западной Пруссии. 10-я армия заходила назад и ввязалась в контр-атаку севернее Августовских лесов. У Ломжи кризис шел на убыль, но между Писсой и Млавой отнюдь еще не разрешился. Каждый день мне приходилось принимать множество тактических и других решений. Беспрерывно поступали просьбы о подкреплениях со стороны начальников с южного фронта. 10-я армия считала еще возможным добиться успехов, хотя лишь местного характера, и вследствие этого неохотно отдавала войска.

Генерал фон-Гальвиц и правое крыло 8-й армии получили тем временем дальнейшие подкрепления со стороны 10-й армии. У нас теперь было достаточно сил, чтобы перейти в контр-атаку по обоим берегам Оржица. За последние дни силы противника были здесь ослаблены большими потерями.

Наш удар развивался с 8-го до 12-го марта, но севернее Прасныша войскам пришлось остановиться. Русские отвечали энергичными контр-атаками. 18-го марта у Единорожца наши войска получили от русских урок, что болото не является верной защитой от неприятеля. Наши солдаты соединяли с понятием болота понятие непроходимой топи, а русские, будучи ближе к природе, лучше разбирались в местности. Болота в районе этих боев частично замерзли, а частично были неглубоки, имели твердую подпочву и оставались проходимыми.

Западнее Оржица в конце марта бои замерли. Это позволило взять отсюда 76-ю резервную дивизию и ввести ее в бой восточнее Оржица. 6-ю кавалерийскую дивизию также явилась возможность увести с западного берега Оржица и перебросить в район севернее р. Прегель, где чувствовалась необходимость в кавалерии.

Армейская группа Гальвица дала многое, и ее начальник мог по праву гордиться своими войсками. Они боролись с противником, имевшим огромное превосходство сил, и даже смогли его потеснить.

С конца марта и начала апреля наступил, наконец, для войск южного фронта желанный отдых.

Бои на участке Ломжа—Млава не получили широкой известности, так как на востоке Германия учитывала только большие победы. Таких же бросающихся в глаза крупных успехов более нельзя было достигнуть. Мы справились с большим ответным ходом великого князя на зимнее сражение, с наступлением через Нарев против нашего слабо занятого фланга, и расстроили часть плана Антанты на 1915 год. И войска, и каждый отдельный солдат стояли на высоте предыдущих великих подвигов, старые части и новые формирования соперничали между собою в бою. Старые части проявили больше выдержки. Ландвер и ландштурм показали себя полноценными войсками. Командование стояло на высоте своих задач. Истекший зимний поход явился высоким военным достижением.

VI.

В середине февраля вдали от участков решительных операций, к северу от реки Прегель также происходили бои. С обеих сторон в них участвовали только ландштурменные и ландверные войска. Они не имели стратегического значения, но нам приходилось заниматься ими и уделять им много внимания.

В начале февраля русские занимали еще прусскую территорию северо-восточнее Тильзита, и, естественно, имелось желание вырвать у не-

приятеля и этот кусочек германской земли. Эта задача была возложена на коменданта Кенигсбергской крепости генерала фон-Паприца и имевшиеся там части ландштурма, которые были несколько усилены артиллерией. 18-го февраля был взят Тауроген.

С названием Тауроген связано много воспоминаний из мировой истории. К несчастью обоих воевавших тогда государств, они оставили тот путь, на котором Тауроген стоит памятником искренней дружбы между немцами и русскими.

Спокойствие, которое затем наступило в районе севернее Прегель, было 17-го марта у Мемеля и Таурогена неожиданно нарушено вторжением русских резервов, ополченцев и пограничных частей. Они нас застали врасплох, так как наше внимание еще было приковано к другим операциям.

Правда, ходили слухи, что неприятельские силы сосредоточиваются на русской территории против Мемеля. Но такие слухи появлялись и раньше и до сих пор не оправдывались. Теперь также было мало вероятия, что русские предпримут что-либо в этом направлении.

Русские толпы ворвались в Мемель, которого ландштурм не смог отстоять. Мы узнали об этом от телеграфной барышни, которая вызвала нас и продолжала доносить, даже когда русские уже вошли в почтамт.

Я хлопотал, чтобы молодая барышня Эрика Рестель была награждена железным крестом 2-й степени. Но это оказалось невозможным. Впоследствии она получила от государства золотые часы.

Одновременно русские взяли Тауроген и произвели сильный нажим на Тильзитском направлении. Резервы были поглощены боями на других фронтах. Управление II корпусным округом в Штеттине должно было выслать запасный батальон. Это показывало, насколько мы израсходовались, как велики были бои с начала февраля и как они истощили наши силы. 21-го марта Мемель был освобожден, а 22-го у противника взято 3.000 пленных—отсталых. Русские невероятно набезобразничали. 29-го марта пал Тауроген. В этот район была направлена 6-я кавалерийская дивизия, и с этого времени она охраняла границу, выдвинувшись уже на литовскую землю.

Восточная Пруссия была освобождена и более уже не подвергалась неприятельским вторжениям. Можно было приступить к реставрации опустошений.

С середины февраля наш штаб находился в Летцене. До начала апреля я пережил трудные дни. С надеждами, которые я возлагал на непосредственное использование зимнего сражения, пришлось расстаться. Тактический же успех был, и это давало мне удовлетворение. Я был доволен, что большое наступление великого князя потерпело крушение. Но к окончательному решению на русском фронте, к чему я так стремился мыслями и чувствами, мы приблизились лишь на один шаг. Огромных рус-

ских сил, затраченных на фронте Восточной и Западной Пруссии, впоследствии нехватало для операции в Галиции. Русские потери по сравнению с нашими были очень велики. Даже при русском богатстве людьми пополнение такой убыли с течением времени должно было встретить затруднения.

Отдельные тактические эпизоды вызывали полное напряжение моих душевных сил. Всего нельзя передать на бумаге—гордые надежды, сердечный трепет, разочарование, полный борьбы путь к решению, недовольство тем или другим. Не подлежат описанию и все те трения, которые приходилось преодолевать, а также я не могу передать все то, что я перечувствовал за войска, которые должны были в ужасную погоду переносить все лишения зимнего похода.

Попав в Летцен, я пережил потом лучшие дни.

Наши помещения и служебные комнаты были тесными, но я себя чувствовал хорошо. Я с удовольствием вспоминаю время, проведенное в этом милом восточно-прусском городке.

Еще в период боев возведение тыловых позиций составляло одну из наших важнейших задач. Вдоль всей восточной границы Пруссии было установлено заграждение из колючей проволоки, как первая основа дальнейших укреплений. По-моему требованию, здесь были собраны многочисленные рабочие батальоны, в состав которых входили лишь малообученные, не пригодные к походу, но работоспособные люди. Им часто приходилось работать под неприятельским огнем, и они это исполняли с самоотвержением. Слово «землекоп» стало почетным названием. Впоследствии рабочие батальоны перешли с восточного фронта на западный.

По инициативе высшего командования на западе, дивизии из 4-х полков были преобразованы в дивизии из трех полков, т.-е. от 12-батальонного состава перешли к 9-батальонному. Мы сделали то же самое. Таким путем мы получили большее количество стратегических единиц. Оперировать стало легче, это несомненно давало большое преимущество. Но тактически дивизии в 9-ть батальонов слишком слабы, а штабной и административный аппараты слишком велики. После войны я непременно стоял бы на сильных дивизиях.

Во что теперь превратится наша гордая германская армия, которая в течение четырех лет, имея неполноценных в боевом отношении союзников, держалась и сопротивлялась против всего мира, и которая предохранила почти всю страну от ужасов войны.—сказать еще нельзя. Неужели такая армия обречена совсем исчезнуть? Неужели немцы еще раз пойдут на самоубийство? Я этому никогда не верил и никогда не поверю. 70—80 миллионов немцев опять сплотятся и опомнятся. Вспоминая великие выдающиеся дела этой войны, они не утратят представления о том, что стоит крепко спаянная армия.

Летняя кампания на русском фронте 1915 года.

(Карта VI).

I.

Проектированное генералом фон-Конрадом в январе наступление не имело успеха. Первым броском было выиграно пространство по всему Карпатскому хребту, но затем наступила остановка. Русские перешли в контратаку и сильно нажали на австро-венгерскую армию, только храбрая южно-германская армия Линзингена продолжала продвигаться. Без этих германских частей фронт не удалось бы удержать. Трудности же на этом театре военных действий были велики. Они требовали от войск, которые творили прямо чудеса, невероятного напряжения. Убыль отмороженными была велика.

Освободить Перемышль не удалось, и 19-го марта он сдался.

Тогда как в начале апреля наступление на Восточно-Прусском фронте заглохло, великий князь продолжал атаки на австро-венгерскую армию, с явной целью спуститься через Карпаты в Венгрию, и тем самым покончить с Австро-Венгрией.

В апреле в ставке двуединой монархии в Тешене положение считалось необычайно серьезным. Позиция Италии становилась все сомнительнее. Все далеко идущие уступки, которые предлагала Австро-Венгрия и на которых я также настаивал перед генералом фон-Конрадом, Италия отклонила и полностью завязла в сетях Антанты. Последняя, несмотря на свое превосходство, нуждалась в новом притоке сил, чтобы одолеть нас. Все с большей уверенностью приходилось учитывать, что Италия вступит в борьбу на стороне наших врагов. Австро-Венгрия оказалась вынужденной значительно увеличить свои силы на итальянской границе. Сербская армия тоже, видимо, требовала большого внимания. А русские атаки становились все более чувствительны для австро-венгерской армии, по мере того, как она была вынуждена ослаблять свои силы в Венгрии и Галиции в пользу других фронтов. Настроение в Тешене все понижалось. По приказанию генерала фон-Конрада, офицер, находившийся при моем штабе для связи от австро-венгерской армии, очертил нам обстановку, как в высшей степени серьезную. Поскольку я был знаком с австро-венгерской армией,

это отвечало действительности. Мы передали верховному командованию и эти серьезные сообщения, и нашу их оценку.

К середине апреля обстановка в Карпатах стала еще более напряженной. Армия генерала Бороевича была отброшена за Карпатский хребет, далее к востоку южно-германская армия еще удерживалась. Наступил момент, когда помочь было необходимо. Мы отправили туда по железной дороге 25-ю резервную дивизию, находившуюся наготове при 9-й армии. Она явилась как-раз во-время, чтобы предупредить самые тяжелые последствия.

Мы донесли верховному командованию о нашем мероприятии. Оно всецело присоединилось к нашему решению и сформировало еще Бескидский корпус, командиром которого был назначен генерал фон-дер-Марвиц, до сего времени командовавший у нас XXXVIII резервным корпусом. Главнокомандующий востоком отдал сверх того на усиление Карпатского фронта 4-ю и еще одну вновь сформированную дивизию. Но положение там оставалось серьезным. Одновременно мы должны были послать подкрепления и на Сербский фронт. Впоследствии они явились подкреплениями для генерала фон-Линзингена при его майском наступлении.

Германское верховное командование приняло теперь решение искать развязки на русском фронте. План был величественен, и мысль ослабить свои силы на Западе, несмотря на господствующее там напряжение, свидетельствовала о большой решимости, не отступающей не перед какой ответственностью.

После ноябрьских боев на Ипре на всем западном фронте развилась позиционная война. Остановка наступления во Франции, загиб назад правого крыла в сентябре и незначительные результаты боев во Фландрии сильно понизили настроение армии на Западе, и оно еще больше понижалось недостатком боевых припасов. Январская атака у Суассона III армейским корпусом, которым командовал генерал фон-Лохов, достойный и выдающийся вождь, подействовала весьма воодушевляюще, и немедленно последовавшая за ней атака саксонцев у Краона дала блестящие результаты. В упорной борьбе, наконец, удалось в феврале и марте отразить широко задуманные попытки прорыва французов в Шампани.

Антанта, как и раньше, продолжала возлагать все надежды на Россию. В Англии армия Китченера еще только формировалась. Это было большое творение великого организатора. Из 32-х намеченных дивизий, 12 первых в мае могли быть уже готовы. Перестройка промышленности Антанты для военных целей развивалась. Если нам и удавалось вначале экономическими мероприятиями затруднять вывоз из Америки военных материалов, то с течением времени это явилось недостижимым. В нашей тяжелой борьбе мы могли видеть в таком образе действий Соединенных Штатов только одностороннее благоприятствование нашим врагам. Позиция Соединенных Штатов вызывала у нас глубокое огорчение.

Надо было ожидать, что за германским натиском на Россию последуют неприятельские атаки на Западе с целью сковать наши силы. Напряженные и обильные кризисами бои в мае у Ла-Бассэ и Арраса показали, какую ответственность взяло на себя верховное командование, осмелившись пойти на решительную борьбу на востоке.

Генерал фон-Макензен был назначен командующим новой 11-й армией, которая состояла, главным образом, из войск, переброшенных с запада. В начале мая он должен был нанести фланговый удар в западной Галиции и разбить русских, которые, не считаясь с потерями, вели наступление в Карпатах. Макензен был утонченный человек, но в то же время блестящий солдат, и его подвиги навеки останутся в истории. Начальником его штаба был назначен полковник фон-Зеект, который до сего времени состоял начальником штаба фон-Лохова. Благодаря остроте мысли и ясному чувству меры, он представлял одну из наиболее выдающихся личностей этой войны.

Командование 9-й армией взял на себя генерал-фельдмаршал принц Леопольд Баварский, который заслуженно носил это высшее военное звание. Он охотно подчинялся значительно младшему в чине генерал-фельдмаршалу, фон-Гинденбургу.

Главнокомандующему востоком была поставлена задача демонстрировать на северном фронте с целью сковать неприятельские силы.

II.

9-я армия некоторое время отдыхала. В начале марта она считала возможным достигнуть некоторых успехов на участке севернее Пилицы и со многими трениями произвела атаки местного характера. Но вскоре она была вынуждена отказаться от их продолжения.

Во исполнение приказания верховного командования она должна была теперь атаковать у Скерневиц. Мы получили газы и ожидали от применения их больших тактических результатов, так как противогазовая защита у русских еще не была создана. Атаки частей 10-й армии восточнее Сувалок также могли нам дать местные выгоды. Были даны соответственные приказания.

Газовая атака 9-й армии, произведенная 2-го мая, не удалась. Ветер был благоприятный, но применение войск было неправильным.

Газ подействовал, как надо, но войска предполагали, что у противника должна прекратиться всякая жизнь. Так как противник местами продолжал постреливать [1]), а наша артиллерия как будто не открыла планомерного огня, то и пехота не перешла в атаку. Она сочла, что газ не подействовал. 9-й армии не везло с газами. Когда она позднее на том же

---

[1]) Герои нашего Ковровского полка, задушенные газами, умирая вызвали у неприятеля ошибочно представление, что они живы и их трупы охранили наш фронт от прорыва. (*Примечание редакции*).

участке повторила газовую атаку, уже не имея крупного тактического задания; то ветер вдруг переменился в обратную сторону, и мы понесли тяжелые потери отравленными газами. Войска вообще не любили газы. Подготовка длилась слишком долго, и выжидание благоприятного ветра в окопах с наполненными газом цилиндрами не улыбалось ни офицерам, ни солдатам.

Атака 10-й армии у Сувалок имела тактический успех.

Помогли ли в действительности эти атаки главной операции, я не знаю, но так как тактически они оправдывались, то они представляются целесообразными. Более действительной была бы поддержка операции генерала фон-Макензена, если бы мы перешли к свободному маневрированию против неприятеля. На фронтах 9-й армии, армейской группы Гальвица, 8-й и 10-й армий это было невозможно и выполнимо лишь севернее Немана при условии вторжения в Литву и Курляндию. В конце марта и в начале апреля прибывшие с запада 3-я и баварская кавалерийские дивизии были высажены в Гумбинене на усиление левого крыла, которое было еще очень слабо. Обе эти дивизии и находившаяся уже севернее Прегеля 6-я кавалерийская дивизия должны были в конце апреля, опираясь на 6-ю, 36-ю и 78-ю резервную дивизии, вторгнуться в Литву и Курляндию. Кавалерийские дивизии были для этой операции очень обстоятельно снаряжены. Командование над ними было поручено генералу фон-Лауенштейну.

27-го апреля начался наш поход на Литву и Курляндию.

Силы генерала фон-Лауенштейна, развернувшись, как было указано главнокомандующим востоком, выступили тремя колоннами на Шавли.

Правая колонна (баварская и 3-я кавалерийские дивизии и 36-я резервная)—через Юрбург.

Средняя колонна (78-я резервная дивизия)—по большому шоссе из Таурогена.

Левая колонна (6-я кавалерийская и 6-я резервная дивизии)—из района Мемеля.

27-го апреля вечером 3-я кавалерийская дивизия уже находилась непосредственно юго-восточнее дороги Тауроген — Кельмы, недалеко от Скудвиле, а баварская кавалерийская дивизия уже продвинулась на Россиены. 6-й кавалерийской дивизии пришлось непосредственно восточнее границы вести бои, и 27-го числа она не слишком продвинулась вперед.

Противник, главные силы которого с конца марта стояли непосредственно северо-восточнее Таурогена, отошел на Кельмы и ускользнул, так как 3-я кавалерийская дивизия не вошла в дело. 28-го апреля баварская и 3-я кавалер. дивизии находились у Кельм и восточнее, 6-я кавалерийская дивизия у Ворны; за два дня было пройдено 75 кил. 29 апреля кавалерийские дивизии подошли к Шавлям и Куршанам. 30-го Шавли были заняты, но отступая. русские их подожгли. 6-я и 3-я кавалерийские

дивизии продолжали движение по направлению на Митаву. 3-го мая 6-я кавалерийская дивизия подошла к Митаве. Она не смогла преодолеть здесь неприятельское сопротивление и сначала расположилась юго-западнее города. Затем она отступила вдоль железной дороги Митава—Можейки, за р. Виндаву. 3-я кавалерийская дивизия была вскоре приостановлена и подтянута к баварской кавалерийской дивизии. Обе дивизии еще раз вместе вышли из Шавлей в юго-восточном направлении через Бейсаголу на Кейданы. Но здесь неприятельское сопротивление сгустилось и они, под натиском противника, стали медленно отходить за Дубиссу, в направлении на Кельмы.

Пехотным дивизиям тоже пришлось совершать исключительно крупные переходы. 36-я резервная дивизия была выдвинута на нижнюю Дубиссу для прикрытия со стороны Ковны, а 78-я и 6-я резервные дивизии соединились в Шавлях.

Цель смелого предприятия была достигнута. Силы русских росли здесь на глазах [1]).

По всему обширному фронту от устья Дубиссы до Кельм, вокруг Шавель и северо-западнее, как следствие нашего вторжения, загорелся ряд напряженных и изнурительных боев как для офицеров, так и для солдат, которые затянулись на весь май и июнь. В этих боях с значительно превосходными силами неприятеля мы переходили то к обороне, то к наступлению. Постепенно мы были вынуждены, чтобы удержать выигранное пространство и продолжать связывать противника, привлечь на участок, севернее Немана 8-ю кавалерийскую дивизию 9-й армии, 1-ю резервную и 2-ю кавалерийскую дивизии из армейской группы Гальвица и слабую дивизию Бекмана из 10-й армии. Количество войск настолько увеличилось, что их пришлось об'единить под особым армейским управлением с его многочисленным административным составом; штаба корпуса было уже недостаточно. Генерал Отто фон-Белов был назначен командующим этой армией и она получила название «Неманской армии».

Командующим 8-й армией вместо него был назначен генерал фон-Шольц.

После жестоких боев мы удержались на линии Дубиссы. Мы не могли долго удерживать Шавли и успели вывести лишь часть богатых и столь важных для нас кожевенных запасов.

Уже в мае нам пришлось отдать город противнику, но мы удержались непосредственно южнее. Наша кавалерия находилась на реке Вин-

---

[1]) Во всяком случае демонстрация явилась здесь только предлогом, для задуманного Людендорфом плана, идущего в разрез с планами верховного командования, перенести центр тяжести на Виленское направление. Германские силы на Немане росли в ущерб Наревскому фронту и когда Филькенгайн потребовал от Людендорфа стремительного удара через Нарев в тыл русским, он оказался не в состоянии нанести его достаточно сильно. (*Примечание редакции*).

даве, от Курчан вниз по течению до линии Газенпота. Противник несколько раз прорывал ее, но, в конце-концов, она удержалась на линии реки.

Вечером 7-го мая 3-я кавалерийская дивизия взяла Либаву. Мы знали, что находившиеся там русские войска были весьма посредственного качества, но мы не имели сведений, в каком состоянии там укрепления. Еще до начала войны Либава была упразднена как военная гавань. Обширные сооружения военного порта свидетельствовали о большом размахе царской России повсюду, где дело заключалось в том, чтобы развернуть мощь. В городе имелось много важных заводов и фабрик, в том числе один из самых больших русских заводов для изготовления колючей проволоки. Подполковник Гофман предложил произвести нечаянное нападение. Я согласился. Большого числа войск у нас не было. 3-я кавалер. бригада полковника фон-дер-Шуленбурга, два-три батальона и несколько батарей из состава уже находившихся там резервных дивизий должны были с востока подойти к городу, один ландштурменный батальон тем временем надвигался с юга вдоль берега, а миноносцы атаковали с моря. Крепость серьезно не оборонялась. Гарнизон взорвал укрепления, а береговые орудия оказались чучелами. Слабый гарнизон в 1500 человек сдался, как только наши войска с юга и с востока вошли в город. Взятие Либавы не было боевым подвигом, о котором позднее вспоминала бы мировая история. Однако это было удачное предприятие, о котором все участники с удовольствием вспоминают. Особенно ценно то, что при этом не было понесено никаких потерь. Это отвечало моему стремлению — достигать результата с минимальными жертвами. Войска могут гордиться, когда они несут большие потери и все же побеждают. Но вожди должны мыслить иначе.

III.

Утром 2-го мая войска генерала фон-Макензена блестяще выполнили тщательно подготовленную атаку и прорвали русский фронт на среднем Дунайце. В ближайшие дни были взяты вторая и третья русские позиции. После этого русские начали отступать из Венгрии через Карпатский хребет на север. Венгрия была очищена, и австро-венгерская армия вновь получила решительное облегчение. И во-время, так как в эти дни Италия вступила в войну. Итальянская армия насчитывала свыше 600.000 человек, не считая многочисленных второлинейных формирований, которые не принимали непосредственного участия в боях. Италия представляла огромный плюс для Антанты. В сентябре общая сила бойцов на фронте итальянской армии достигла 900.000 человек.

Генерал фон-Макензен беспрерывно развивал натиск к Сану на Ярослав и 15-го мая взял приступом предмостное укрепление последнего. Соседние австро-венгерские армии ринулись вперед за германскими войска-

ми по обеим их сторонам, южно-германская армия тоже перешла в наступление и захватила район севернее Стрыя. В начале июня Перемышль был отобран у русских.

Севернее верхнего течения Вислы русские оставили Ниду, чтобы отойти к Висле. В середине мая генерал фон-Воирш смог, удерживая левое крыло, продвинуться до Келец.

Русским армиям пришлось оставить позиции между Карпатами и Пилицей, при чем они понесли большие потери. Но союзники могли развивать свой успех в общем только фронтально, хотя они и очень старались добиться местных охватов, главным образом, западного фланга русских войск, отходивших из Карпат. Попытка охвата правым крылом австро-венгерских армий в Буковине не удалась. Оно было недостаточно сильным. В результате операция здесь закончилась отходом австро-венгерцев под напором неприятеля.

Неблагоприятные условия тыловых сообщений вызвали первую приостановку наступления на Сане. В начале июня затруднения были устранены и наступление возобновлено. Главные боевые задачи всегда ложились на германские войска. 22-го июня был взят Львов, вскоре затем Рава-Русская, и русские принуждены к дальнейшему отступлению к Бугу. Теперь русские были вынуждены отходить и ниже по Висле, в направлении на Люблин и Ивангород.

В Летцене мы естественно с большим напряжением следили за событиями в Галиции, и у нас постепенно сложилось представление о том, каким путем в дальнейшем сможем мы существенно развить операцию против России. На ближайшее время все силы были у нас израсходованы. Русские постепенно ослабили свои войска на нашем фронте, особенно против 9-й армии. С южной границы Западной и Восточной Пруссии они тоже взяли часть войск в Галицию. При нашем вторжении в Литву они перевели туда часть войск с фронта 10-й армии. Таким образом русский фронт против нас повсюду поредел. Но мы тоже много войск снимали с нашего фронта и отдавали для операций на юго-востоке. Исподволь это должно было продолжаться и далее. Но при огромном протяжении фронта изъятие частей должно было, в конце-концов, иметь предел. Позиции должны были по меньшей мере быть заняты такими силами, чтобы отдельный солдат мог сменяться при несении службы. Лишь после того, как в начале июня верховное командование передало нам несколько вновь сформированных ландштурменных полков, мы смогли поставить на очередь сбор нескольких дивизий для наступательных действий.

Фронтальное оттеснение русских в Галиции, как оно ни было для них чувствительно, не имело решающего значения для войны. Они с боем отходили настолько, насколько тыловые сообщения позволяли нам продвигаться. Русские еще не сражались на своей собственной земле, и до нее могли еще уступить значительное пространство. К тому же при этих

фронтальных боях наши потери являлись не маловажными. Надо было обдумать, не имели ли другие операции лучших шансов. Может быть мы могли бы собрать 9—10 дивизий на участке группы Гальвица, которая между тем превратилась в 12-ю армию, для удара на нижнем Нареве? Но такая операция нам обещала немного. Можно было с уверенностью учитывать, что в лучшем случае русские окажут сопротивление, а затем ускользнут так же, как они ускользнули в Галиции.

Теоретически опять представлялась более выгодной операция, которая намечалась нами после зимнего сражения: прорыв на участке Осовец —Гродна может быть у Ломжи. Такой удар мог бы привести к решительным результатам. Он привел бы нас наикратчайшим путем в тыл русской армии, отступавшей между Вислой и Бугом из Восточной Галиции. Мы рекогносцировали переправы через болота по обе стороны Осовца, но результаты, как и следовало ожидать, оказались неблагоприятными. Условия почвы исключали там возможность переправы. Мы должны были рассчитывать на серьезное сопротивление на этой тактически самой по себе очень сильной и к тому же, вероятно, сильно занятой линии Осовец—Гродна. Что мы сможем преодолеть здесь сопротивление неприятеля и все трудности, нельзя было расчитывать. Я глубоко сожалею, что на запрос трудности, нельзя было рассчитывать. ~~Я глубоко сожалею, что на запрос~~

Всякая операция на более северном направлении пространственно удаляла нас от решающего пункта, лежавшего на юго-восток от Гродны. Эту невыгоду пришлось бы наверстывать быстротой развития операций, в особенности, если бы отступление противника развивалось более успешно, чем до сего времени. В таком случае неприятельский фланг мог бы стать все более и более уязвимым на направлении Вильна—Минск. Одно крупное наступление германцев между Гродной и Ковной оказалось бы недостаточно действительным,—мы попали бы в мешок. Представлялось более выгодным сначала взять Ковну 10 армией с запада при одновременном охвате Неманской армией с севера. Если эта крепость, служившая угловым устоем русской обороны Немана, была бы взята, то тем самым открывалась дорога на Вильну и в тыл главных русских сил. Вслед за этим русские были бы вынуждены сделать огромный скачок назад. И если бы оказалась возможность своевременно дать Неманской и 1-й армиям хотя бы незначительные подкрепления и обильно снабдить обозами и транспортами, то можно было бы надеяться с севера, через Вильну, охватить фланг этого русского скачка назад и летняя кампания 1915 года закончилась бы решительным поражением русской армии. Этого тем скорей можно было достигнуть, чем энергичнее операция из Восточной Галиции была бы перенесена в район восточнее Буга.

С целью осуществления этих идей, Неманская армия была усилена 41-й пехотной, 76-й резервной и 4-й кавалерийской дивизиями 8-й армии.

Атака Ковны сильно упрощалась тем, что после неудачной русской атаки в середине мая из лесов западнее Ковны на Шаки наш фронт на этом участке так продвинулся вперед, что стала возможной установка на позициях нашей самой тяжелой артиллерии. Этот русский удар явился для нас неожиданным, и русские сначала значительно продвинулись к границе. Нельзя было предугадать, не является ли он началом большого наступления против слабого северного крыла 10 армии. Штаб 10 армии поспешно сосредоточил у Вильковишек под командованием генерала Бекмана части различных дивизий, которые очень скоро отбросили назад противника. Мы почувствовали известное облегчение, когда кризис там разрешился. Генерал Бекман продвинулся впоследствии на Неман и вошел там в состав Неманской армии.

Подготовительные работы к ковенской операции должны были уже начаться, когда его величество вызвал генерал-фельдмаршала и меня к 1-му июля в Познань. По предложению начальника генерального штаба, император, выслушав доклад генерал-фельмаршала, постановил продолжать наступательные действия в Польше. 12-я армия должна была прорвать находившийся перед ней неприятельский фронт и пробиться к Нареву, а 9-я армия и генерал фон-Воирш тем временем наступать на Вислу. В остальном союзные армии должны были продолжать наступление между Бугом и Вислой.

Верховное командование надеялось этими операциями уничтожить те части русских армий, которые еще находились на левом берегу Вислы. Я должен был временно отказаться от моих замыслов, но сохранил надежду, что операция, к которой я стремился, будет произведена позднее, когда генерал фон-Гальвиц достигнет Нарева и также перейдет к фронтальному преследованию. Казалось, что даже при таком откладывании время для ее выполнения не будет упущено. Выдвижение вперед нашей линии фронта в Литве и Курляндии при помощи уже находившихся там войск создало бы благоприятное исходное положение для операции. Во всяком случае мы должны были отказаться от мысли продвинуть туда новые силы, которые уже были назначены для Курляндии, и от взятия Ковны.

IV.

Согласно указаниям верховного командования, было приступлено к подготовке в широких размерах переправы через Нарев. С этой целью не только 12-я армия, но и правое крыло 8-й армии были сгруппированы таким образом, чтобы 12-я армия продвигалась между Вислой и Шквой, имея центр тяжести на Пултуск и Рожаны, а 8-я армия вышла на Нарев, между устьями Шквы и Писсы.

Генерал фон-Гальвиц решил направить первую атаку по обе стороны Прасныша. Для этого удара он имел в своем распоряжении следующие части:

I армейский корпус—2-я и 37-я пехотные дивизии.

XIII армейский корпус—3-я и 26-я пехотные и 4-я гвардейская дивизии.

XVII армейский корпус—35-я и 36-я пехотные и 1-я гвардейская резервная дивизии.

XI армейский корпус—38-я пехотная дивизия и дивизия фон-Верница.

XVII резервный корпус—дивизия фон-Брейгеля, 14-я ландверная дивизия и отряд Дикгута.

Генерал фон-Шольц перешел в атаку 75-й резервной и 10-й ландверной дивизиями.

Для подготовки атаки мы сосредоточили в 12-й армии артиллерию, очень сильную сравнительно с масштабом предыдущих действий на русском фронте.

13-го июля обе армии начали атаку. Благодаря очень тщательной подготовке штабами армий и великолепному наступательному порыву войск, атака достигла полного успеха.

Дивизии генерала фон-Гальвица выиграли значительное пространство, продвигаясь по району, занятому сетью неприятельских укреплений и неудержимо продолжали пробиваться вперед. 15-го июля, после жестокого боя штурмом была взята одна из сильных тыловых позиций, и 17-го уже достигнут Нарев. Правое крыло тем временем уже подошло с северо-запада вплотную к Ново-Георгиевску. 13-го и 14-го июля генерал-фельдмаршал и я присутствовали на поле сражения 12-й армии. Командование и войска произвели на меня благоприятное впечатление. 12-я армия, как и 11-я в Западной Галиции, при первом же натиске, выиграла обширное пространство. Но, как тогда на Сане, так и теперь на Нареве, в продвижении наступила пауза. 23-го июля были взяты штурмом Пултуск и Рожаны. 4-го августа—Остроленка, и тем самым захвачены переправы через Нарев на широком фронте. Другие части направились на Сероцк и Зегрже с целью, захватив имевшиеся там укрепления, обложить Ново-Георгиевск с северо-востока.

Вслед за 12-й и 8-я армия после упорных боев также вышла на Нарев между Шквой и Писсой, но на южный берег Нарева, близ устья Шквы, переправилась лишь слабыми силами.

Русские повсюду оказывали упорное сопротивление и несли тяжелые потери.

В Польше, в излучине Вислы, также вступили в дело 9-я армия и армейская группа генерала фон-Воирша. Последний нанес русским поражение на Илжанке и у Радома. 13-го июля занял Радом и вынудил

русских к отходу за Вислу. Вслед за этим 21-го июля русские и к северу от Пилицы отступили за Вислу и на передовые позиции Варшавы. Теперь начала работать и слабая 9-я армия, и атаковала эти позиции. Она должна была в дальнейшем обложить с юга Ново-Георгиевск.

Между верхним Бугом и Вислой союзные армии продолжали атаками выигрывать пространство к северу; операции все время сохраняли там фронтальный характер.

Вдали от главного района боев в Польше Неманская армия в середине июля также перешла в наступление и далеко продвинулась в восточном направлении.

Я продолжал отстаивать мнение. что наступило время для осуществления большими силами намеченной мною операции на нижнем Немане, на Ковну, и оттуда в тыл русским. Войска для этого можно было взять из армейской группы Воирша, а также из 9-й, 12-й и 8-й армии. Мы уже опаздывали, так как взятие Ковны требовало известного времени, а русские успели далеко отойти из Галиции. Но еще представлялось возможным достичь многого и, во всяком случае, большего, чем то, что достигалось находившейся в ходу операцией. Последняя не могла иметь иного результата, как чисто фронтальное оттеснение противника с запада на восток.

Но верховное командование осталось при своем прежнем мнении, и операция на Висле и Нареве должна была продолжаться. Армии, принимавшие участие в этой операции, мы не имели права ослаблять [1]) в пользу 10 и Наревской армий. Верховное командование усилило 12 и 8 армии, перебросив по одной дивизии с запада. Лежали ли основания, по которым верховное командование не соглашалось на предлагаемую нами более широкую операцию, в нашем общем военном положении, я определить не могу.

9-я, 12-я и 8-я армии остались в тех силах, которые были установлены для них верховным командованием, и продолжали наступать в прежнем направлении. Операция против Ново-Георгиевска была налажена: мы решили одновременно атаковать и Ковну, и предоставить Неманской армии самостоятельно продолжать наступление. Обе операции должны были развиваться, поскольку удастся.

V.

Операции союзных армий в Польше восточнее Вислы привели, как я того и ожидал. к фронтальному следованию за русскими с непрерывны-

---

[1]) Главный упрек Фалькенгайна по отношению к Людендорфу заключается в том, что фактически эти армии были ослаблены, а не усилены за счет Неманской группы, и не смогли развить энергичного наступления за Нарев, которое привело бы к крушению русского планомерного отхода из Польши. Людендорф раздвигал операции на русском фронте за рамки, намеченные верховным командованием, а внутри этих рамок оказался не в состоянии выполнить выпавшую на него задачу. (*Примечание редакции*).

ми боями. Правда, производились попытки охватить русских, но они оставались всегда тщетными. Хотя русской армии и не позволили задержаться, но уйти ей удалось. Русские часто предпринимали ожесточенные контр-атаки крупными силами, а многочисленные участки заболоченных рек и ручьев представляли им вновь возможность устроиться и успешно оказывать дальнейшее сопротивление. Беспрерывное движение в течение нескольких недель по плохим дорогам и большей частью при неблагоприятной погоде, потребовало от наших войск большого напряжения. Одежда и обувь оборвались, снабжение продовольствием становилось затруднительным, построек для размещения войск на ночлег было очень мало, так как русские при отступлении систематично уничтожали или сжигали все продовольственные средства и селения. Скот они угоняли с собой, и затем предоставляли ему дохнуть по большим дорогам. Если увлекаемое с отступающими войсками население загромождало пути, то его сгоняли с дорог в болото. Много сцен из русского образа ведения войны запечатлелось у меня в памяти.

Условия подвоза с каждым днем усложнялись, особенно в 12-й армии, которая все больше удалялась от своих конечных железнодорожных станций. После взятия Ломжи и Осовца в 8-й армии тыловые сообщения улучшились. Снабжение с фланга стало возможным, но все-таки оставалось весьма затруднительным. Все перевозочные средства, которыми мы располагали, прежде всего использовывались для подвоза боевых припасов. Наша выдохшаяся пехота, чтобы атаковать, нуждалась в тем большей артиллерийской поддержке, чем дальше мы продвигались на восток. Но соответственно с удалением вырастали затруднения в подвозе боевых припасов. Таким образом, боевые действия затруднялись и становились менее энергичными. Позднее, после заключения мира с Россией, один русский штаб-офицер, сказал мне, что он не может понять, почему мы тогда не наступали более энергично, что привело бы русскую армию к разложению. Командование и войска делали все усилия, чтобы достичь этой цели, но когда, при полной дисциплине, при доброй воле и при наивысшей энергии каждого в отдельности силы все же падают, то и воля не может помочь.

Мы построили связующий железнодожный путь из Вилленберга через Хоржеле на Остроленку и относительно скоро восстановили и другие железные дороги, но концы подвоза по грунтовым дорогам все увеличивались и далеко превзошли установленный нами максимальный предел в 120 километров. Положение Антанты во время ее большого наступления летом 1918 г. было много легче. Непосредственно за фронтом Антанта располагала многочисленными железнодорожными линиями, по которым подвозилось вперед ее чудовищное по количеству боевое снабжение, служившее реальной поддержкой пехоте. Последняя имела возможность пользо-

ваться автомобильными колоннами, отдыхать в хороших помещениях, на хорошем довольствии и затем со свежими силами вновь вступать в бой.

Во исполнение распоряжения, отданного верховным командованием, операции получили свое развитие. Холм и Люблин перешли в наши руки еще до конца июля. Но далее на восток мы энергично не наступали, и русские получили нужное время, чтобы вывести войска из дуги охвата на юг и образовать новый фронт.

Генерал фон-Воирш захватил западные предмостные укрепления Ивангорода, 28-го переправился севернее в виду неприятеля через Вислу и был здесь энергично атакован противником. Я считал эту переправу очень трудной, тактически она удалась, но общее стратегическое положение от этого не изменилось.

Русские перед 9-й армией в начале августа оставили внешние позиции Варшавы и самый город Варшаву.

5-го августа 9-я армия заняла столицу Польши. 9-я армия вышла из подчинения нам и перешла в непосредственное распоряжение верховного командования. В то же время генерал-фельдмаршал принц Леопольд Баварский получил командование над армейской группой Воирша. Верховное командование несомненно имело свои основания для этой новой организации командования [1]). Но моя работа этим не была облегчена, тем более, что снабжение 9-й армии осталось в нашем ведении. При дальнейшем наступлении мне пришлось вести много переговоров непосредственно с этой армией. 9-я и 12-я армии соприкасались очень близко. Верховное командование было слишком занято, чтобы я мог себе позволить обременять его всеми возникающими при этом частными вопросами.

Взятие Варшавы доставило нам особое удовольствие. Осенью 1914 года мы выдержали за нее тяжелую борьбу. Той кампанией было заложено основание для одержанных теперь успехов, внешним признаком которых явилось взятие Варшавы.

В последующие дни армии фронта генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского переправились всеми частями между Варшавой и Ивангородом на широком фронте через Вислу. Верховное командование еще раз попыталось достигнуть охвата и двинуло армии этого фронта на Брест-Литовск, имея в виду, что еще большие силы русских находятся севернее Люблина. Но и эта попытка оказалась тщетной,—русские отошли. В тот момент, когда генерал-фельдмаршал фон-Макензен устремился к Брест-Литовску, фронт принца Леопольда вышел на Буг ниже крепости.

---

[1]) Этим сказывается неудовольствие Людендорфа, что честь взятия и триумфального в'езда в Варшаву было отнято у него верховным командованием, с которым у него были крайне натянутые отношения. (*Примечание редакции*).

В последние дни июля, после переправы 12-й армии через Нарев, все внимание генерала фон-Гальвица устремилось к югу на Буг. Он надеялся охватить еще находившегося у Варшавы противника.

В виду этого, он решительно перенес центр тяжести действий на правое крыло, на Вышков и к Бугу. Как я опасался и как это предвиделось генералом фон-Гальвицем—эти надежды не осуществились. Около 10-го августа 12-я армия получила приказ двигаться определенно на восток, правым крылом вверх по Бугу. Таким образом, 12-я армия вошла в тесное соприкосновение с 8-й, которая после падения 5-го августа Остроленки расширила захваченный ею район на южном берегу Нарева, и теперь наступала главными силами на Ломжу.

Тем временем были взяты Сероцк, Зегрж, а также и Домбэ, и закончено обложение Ново-Георгиевска. Генерал-фельдмаршал вверил взятие крепости генералу фон-Безелеру. Части 9-й и 12-й армий, находившиеся перед Ново-Георгиевском, были ему подчинены. Он также получил большое число самых тяжелых австро-венгерских орудий навесного огня.

Распоряжения для атаки Ново-Георгиевска, об'единение командования 8-й и 10-й армии, атака Ковны и обстоятельства в Литве и Курляндии пред'являли большие требования к работоспособности моего штаба и моей. Хотя мы и не руководили самостоятельно операциями в летнюю кампанию 1915 года, а в основных чертах следовали указаниям верховного командования, на меня все-таки ложилась огромная работа; приходилось приводить в исполнение целый ряд мелких и крупных решений. Различие во взглядах с генералом фон-Фалькенгайном, что при самостоятельности наших характеров являлось вполне естественным, возлагало на меня особый долг—приводить в исполнение замыслы верховного командования, не сходившиеся с моим мнением, еще с большей тщательностью, чем если я был бы с ними согласен, или если это были бы мои собственные планы.

VI.

Взятие Ново-Георгиевска непосредственно не повлияло на дальнейшее развитие операции. Это было самодовлеющим предприятием в тылу армий, наступавших на восток. Генерал фон-Безелер, покоритель Антверпена, и его исключительно работоспособный начальник штаба полковник фон-Зауберцвейг следили за тем, чтобы не было и мысли о так называемой осаде со всеми ее аксессуарами. Одно обложение могло уже привести к падению Ново-Георгиевска. Гарнизон этой крепости в 80.000 человек не мог долго удерживаться. Удивительно, почему великий князь оставил гарнизон оборонять Ново-Георгиевск, тогда как в дальнейшем Брест-Литовск и Ковна были брошены. Он должен был дать себе отчет, что крепость удержать нельзя, и что состояние укреплений не находится на такой высоте, чтобы противостоять тяжелому навесному огню.

Генерал фон-Безелер решил атаковать северо-восточные форты, это направление указывалось очень скоро восстановленной железной дорогой Млава—Цеханов—Насельск. Прежде всего, было важно, чтобы подвезенные по железной дороге артиллерию и боевые припасы можно было развернуть, двигая их лишь на незначительное расстояние по грунтовым дорогам, чтобы избежать поглощающей больше время постройки узкоколейных железных дорог с паровой и конной тягой. Сила фронта не играла роли, так как многочисленный боевой комплект для тяжелых орудий сглаживал все затруднения атаки. Артиллерия была немедленно подвезена, как только была готова железная дорога до Насельска.

9-го августа обложение Ново-Георгиевска было закончено, и вскоре началась установка артиллерии и снабжение ее боевыми припасами. К середине августа батареи могли открыть огонь. Действительность его казалась недостаточной. Многие, кажущиеся умниками, когда дело уже окончено, держались того мнения, что ускоренная атака ни к чему не приведет: что в одном случае хорошо, то в ином бывает неправильно. Это колебание было быстро преодолено. Северо-восточные укрепления были обстреляны размеренным огнем и взяты приступом. Затем последовала атака на всем фронте севернее Вислы. Наши войска, состоявшие преимущественно из ландвера и ландштурма, взялись за него энергично. 19-го августа Ново-Георгиевск пал.

Его величество император немедленно посетил крепость и поблагодарил войска. При этом присутствовали генерал-фельдмаршал и я. Я смог убедиться как в разрушительности действий тяжелой артиллерии, так и в плохом способе постройки верков.

Освободившиеся здесь войска были переданы, с согласия верховного командования, 10-й армии, которая, к сожалению, получила просимые ею подкрепления слишком поздно. Батареи очень тяжелых калибров были направлены против Гродны. Ковна тем временем уже пала.

К концу августа русское привисленское генерал-губернаторство целиком перешло в руки союзников. Германия и Австро-Венгрия, как и раньше, поделили между собой администрацию. Разграничительная линия на запад от Вислы шла по Пилице, а к востоку—приблизительно по нижнему течению Вепрша. Было образовано германское генерал-губернаторство в Варшаве, во главу которого был назначен генерал фон-Безелер, и австро-венгерское военное губернаторство в Люблине. Разделение власти оказалось вредным для общих интересов союзников: по этой причине не удалось осуществить много настойчиво требовавшихся мероприятий.

С осени 1914 года главнокомандующий востоком руководил администрацией занятой части Польши. Теперь оно было передано генералу фон-Безелеру, взамен у нас явилось много административных забот на северо-востоке.

Ново-Георгиевск был, быть может, последней крепостью с поясом фортов, которая была взята после полного обложения. Я это говорю не потому, чтобы я верил в разоружение. Мир скоро очнется от этого заблуждения, а человечество, можно об этом сожалеть, никогда не разоружится. Но время крепостей с поясом фортов прошло. Они не могут противопоставить ничего равноценного современной артиллерии и ее огромным запасам снарядов и должны исчезнуть. Сухопутные укрепления остаются необходимыми, но они будут больше носить характер широко растянутых пограничных позиций.

VII.

Когда 10-го августа 12-я армия получила приказ о наступлении вверх по Бугу, она с запада примкнула уступом назад к 8-й армии, наступавшей по обоим берегам Нарева на Ломжу. Я стремился при дальнейшем движении сохранить это уступное расположение, чтобы использовать возможность взаимного фланкирования. Но постепенно внутренние крылья обеих армий оказались на железной дороге Остроленка—Лапы на одной высоте. Южнее Буга соответственно продвигался фронт генерал-фельдмаршала принца Леопольда.

Главнокомандующий востоком должен был при этом наступлении регулировать тактические детали, не имевшие значения для общего ведения войны. Подполковник Гофман и я часто вступали в разговор с армиями. Оба начальника штабов армий, полковник Марквард и майор граф Шверин, были прекрасными солдатами и деятельным образом помогали своим командующим армиями.

9-го августа Ломжа была взята. В течение продолжительного времени мы имели в Восточной Пруссии в нашем распоряжении эскадру аэропланов для бомбардирования. Часто бомбардировалась крепость-застава [1]), в которой располагался штаб неприятельского корпуса или армии, и приходили донесения о блестящих результатах. Когда я теперь захотел убедиться в произведенном разрушении, то его оказалось невозможным установить. В интересах войск я был доволен: они нашли помещения для расквартирования. Только впоследствии образец наших бомб стал более действительным, и летчики стали больше интересоваться бомбометанием.

При дальнейшем наступлении почувствовался напор фронтов Макензена и принца Леопольда на север, и 12-ю и 8-ю армии пришлось также уклонять влево. 18-го августа генерал-фельдмаршал фон-Макензен подошел к Брест-Литовску, фронт генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского приблизился к Беловежской пуще, а 12-я армия к Белостоку, бывшему центру прекрасной прусской администрации Новой Восточной Пруссии в конце XVIII и начале XIX столетия; 8-я

---

[1]) Ломжа была упраздненной крепостью. (*Примечание редакции*).

армия продвигалась в узком пространстве между Белостоком и Наревом в направлении на Гродну, чтобы с юга овладеть Осовцом. 22-го августа Осовец был занят. Мы хотели его брать с востока и с севера, а взяли с юга. Это война! В последних числах августа обе армии продолжали наступление на линию Белосток—Осовец, но в несколько более северо-восточном направлении—12-я армия в район севернее Волковыска, а 8-я на Гродну. Тем самым обе армии все более выходили из тактического взаимодействия с обоими южными фронтами, которые после взятия 25/26 августа Брест-Литовска двинулись на Пинск и Барановичи. Они постепенно вовлеклись в операцию, которая подготовлялась в более северном районе.

В начале сентября 8-я и 12-я армии достигли района Гродны, и приблизительно через две недели должны были прибыть в Лиду севернее Немана. С начала наступления, для достижения этой цели, им потребовалось приблизительно восемь недель. 12-я армия должна была при этом сильно уклониться на юг. Как важно было бы, если бы вместо этого движения, состоялась непосредственная атака на участке Ломжа—Гродна. Но это было невозможно. Но и операция, охватывающая с севера Гродну и связанная с взятием Ковны, позволила бы достигнуть этого района значительно скорее и с большими результатами. Эта операция оказалась бы более действительной даже в первой половине августа, если бы она была проведена с полной энергией.

Временно создалось впечатление, как будто верховное командование хочет в этом положении приостановить наступление на восток. Оно перебросило значительные части из армии генерал-фельдмаршала фон-Макензена, а позднее также части 12-й и 8-й армий на западный фронт и в южную Венгрию. Но при этом верховное командование предоставило свободу развития операциям, начавшимся тем временем со взятия Ковны и нашим вторжением в Литву и Курляндию.

VIII.

Взятие штурмом Ковны было смелым подвигом. Чтобы сделать его возможным, центр и правое крыло 10-й армии, бывшие и без того сильно растянутыми, должны были принять еще более тонкое расположение. Только таким путем мы могли стянуть к западу от Ковны наступательную группу известной силы. Главнокомандующий востоком и генерал фон-Эйхгорн взяли на себя ответственность за ослабление других частей фронта. Генерал фон-Эйхгорн уже много раз жаловался мне, что 10-я армия слишком долго находится в бездействии, и с радостью приступил к новой задаче. Он и начальник его штаба, полковник Хель, были смелыми людьми и охотно брали на себя ответственность. Генерал фон-Эйхгорн был офицером блестящих духовных качеств и образцовым воспитателем своих войск.

Атаку должен был производить усиленный XL армейский корпус генерала Лицмана.

Пылкий генерал Лицман имел большое влияние на солдат. Его военная слава началась с Бржезинского прорыва 22—25-го ноября 1914 года. Когда-то он отрицательно писал о корпусе гвардейских офицеров, но при прорыве ему пришлось признать, какую мощь давал этот корпус офицеров. Я сам горжусь тем, что был армейским пехотинцем, и, попав в 8-й лейб-гренадерский полк, я мог изучать офицерский корпус, в котором, подобно гвардии, жили особые традиции. Традиции имеют законное право на существование, но они не должны давать преимуществ и вести к чванству, в противном случае их действие становится отрицательным, и их надлежит откинуть.

Атаку Ковны затруднял недостаток в тяжелом навесном огне. Те средства, которые верховное командование дало нам в конце июля, были отправлены под Ново-Георгиевск. У нас из тяжелых калибров осталось всего несколько батарей, которые могли действовать только с железнодорожного полотна и имели небольшую дальность. Но нас никакие затруднения не останавливали, мы проложили нужные ветки. Атака могла быть произведена лишь на участке между железной дорогой Вержболово—Ковна и Неманом, — это обусловливалось общим положением. Правое крыло атаки находилось все время под сильной угрозой, и эта угроза росла по мере того, как мы продвигались вперед. Русские могли в любой момент очень сильно фланкировать его артиллерией. Ландштурменная бригада прикрывала севернее Немана левое крыло; вслед за наступлением Неманской армии она была продвинута через Дубиссу до северо-западных укреплений Ковны.

В начале августа железные дороги были готовы. Теперь нехватало снарядов для тяжелых полевых гаубиц. Я израсходовал свой резерв снарядов, но начальник боевого снабжения восточного фронта полковник Рошток имел всегда еще что-нибудь в запасе. Таким образом, 8-го августа все было, наконец, с большим трудом собрано и доставлено, и атака могла начаться. Еще ни одна крепость не была атакована с такими ничтожными средствами, но войска, предназначавшиеся для атаки, были воодушевлены бодрым духом своих вождей.

В этот момент, как я припоминаю, русские находились еще недалеко от Вислы, против Варшавы.

6-го августа пехота уже продвинулась вперед на участках атаки, чтобы поставить в лучшие условия артиллерийское наблюдение. 8-го августа начался артиллерийский бой. В ближайшие дни предстояло штурмовать целый ряд сильных позиций. Силы назначенных для атаки войск как будто истощались. Но генерал Лицман к 15-му числу тем не менее добрался до линии фортов. К счастью, русские оказались мало-

способными выдерживать огонь тяжелой артиллерии [1]). Это позволило свежей роте, к которой примкнули и другие части, 16-го числа прорваться сквозь западный участок фортового обвода. 17-го генерал Лицман перешел через Неман и взял город и восточные форты. Трофеи были менее велики, чем при взятии Ново-Георгиевска. Но здесь атакованная крепость не была обложена, и тыл оставался свободным. Через восточный фронт она сохраняла связь с остальной армией. Почему армия не помогла, и лежит ли причина этого во внезапно быстром падении укреплений, остается мне неизвестным.

Все мосты, в том числе и столь важный железнодорожный, а также и туннель на восточном берегу Немана были разрушены. последний, к счастью, не окончательно и его вскоре удалось восстановить. Поэтому мы смогли установить движение в районе восточнее Немана, в виленском направлении, еще до того, как был готов железнодорожный мост. Восстановление железных дорог было жизненным вопросом для армий при намеченном развитии операции.

Город Ковну нужно было охранять до фабрик включительно. Последние погорели, население бежало. Здесь я убедился, в какое трудное положение попадают войска, когда им приходится размещаться без содействия местного населения.

Немедленно после взятия Ковны генерал фон-Эйхгорн выдвинул генерала Лицмана с принимавшими участие в атаке войсками вдоль железной дороги на Вильну и подтянул ближайшие войска через захваченную переправу на Немане. Одновременно он двинул остальные части 10-й армии—XXI армейский корпус генерала фон-Гутьера—главными силами на Олиту, а слабые части через Августовские леса на Гродну. Последние действовали в тесной связи с продвигавшейся туда же 8-й армией, которая уже вышла почти на ту же высоту.

Генерал фон-Эйхгорн намеревался захватить переправы через Неман по всему фронту, действуя, таким образом, в пределах намеченной нами операции. Это вполне отвечало нашим намерениям. Если с с одной стороны, особенно в вопросах, где интересы армий сталкивались, надо было многое регулировать, то с другой стороны самостоятельные решения армий значительно облегчали ход дела. Задача армий заключалась в том, чтобы своевременно сообщать, как они оценивают обстановку и что хотят. Стыки армий всегда вызывают трения. На вос-

---

[1]) Вся ставка Людендорфа была на негодность коменданта Ковны генерала Григорьева, известного в генеральном штабе, как совершенно неразвитой в умственном отношении человек. С удивительной логикой в старой русской армии ожидали, что заведомо неумный Григорьев проявит упорство и мужество; это была ставка на человека с четырех-классным образованием, принесшая горькие разочарования. Еще за месяц до атаки Ковны генерал Алексеев, тогда командующий северо-западным фронтом, назначил дознание о неудовлетворительности Григорьева, но не нашел мужества удалить его. *Примечание редакции.*

токе, особенно при позиционной войне, это не проявлялось столь ярко, как позднее на западе. Иногда там доходило до того, что граница участка являлась как бы высоким забором, и можно было смотреть только вдоль, но не через него. Одной из важных задач верховного командования было это урегулировать и не допускать, чтобы стыки превращались в слабые тактические пункты.

Наступление центра и правого крыла 10-й армии сопровождалось горячими боями. Под гнетом событий у Ковны русские сначала очистили левый берег Немана, предварительно основательно разрушив железные дороги и мосты, но вскоре отступили и дальше в направлении на Ораны. XXI армейский корпус уже 26-го августа занял Олиту. К концу августа 10-я армия переправилась через Неман и продолжала медленно наступать к железной дороге Гродна—Вильна. Но еще не дойдя до железной дороги, она наткнулась на упорное сопротивление, которое сразу не смогла сломить. Русские начали перебрасывать силы из восточной Польши на север.

Тактическое воздействие наступления 10-й армии на правом берегу Немана в направлении на Гродну, вследствие огромных лесных пространств к северо-востоку от этой крепости, было незначительно. Но русские стали весьма чувствительны. Они неожиданно скоро оставили Гродну при начале атаки правого крыла 10-й армии и особенно 8-й армии. Уже 1-го сентября генерал фон-Шольц захватил 75-й резервной дивизией юго-западные укрепления Гродны, а 2-го сентября после сильного уличного боя овладел и городом. Неподалеку, к востоку от Гродны, на реке Котре и ее северном притоке из озера Белое [1]), он уже наткнулся на сильное сопротивление противника.

В осадной артиллерии более не было надобности, и она была возвращена в распоряжение верховного командования.

Генерал фон-Гальвиц с боем достиг Свислочи. Фронт принца Леопольда Баварского прошел сквозь Беловежскую пущу, которая изрезана дорогами и отнюдь не представляет непроходимого болотистого участка. Южнее войска продолжали наступать на Пинск.

IX.

Июльские и августовские бои Неманской армии до сего времени находились лишь постольку в непосредственной связи с главной операцией, поскольку они приковывали к себе неприятельские силы. Тактическое согласование действий внутренних крыльев 10-й и Неманской армии на Немане, естественно, имело место. С начала атаки Ковны, их совместная работа становилась все теснее, и при взятии крепости вылилась в бой на общем поле сражения, чтобы вслед за этим опять разом-

[1]) В немецком тексте, вместо озера Белое, озеро Озеры. *Прим. редакции.*

кнуться. Но теперь единству операции предстояло выступить на передний план.

Генерал Отто фон-Белов вел войну на обособленном театре, а потому действовал самостоятельнее, чем остальные командующие армиями, которые сражались в более узких рамках. Мы же могли ограничиваться по отношению к нему общими указаниями.

До середины июля Неманская армия удерживала линию Дубиссы до пункта к юго-западу от Шавлей, Венту и Виндаву до высоты Газенпота и далее до побережья. Для начала операции генералу фон-Белову было приказано атаковать с охватом сильные части, находившиеся у Шавлей, обеспечить левое крыло со стороны Риги и продвигаться севернее Немана на восток. Операция находилась в исключительно верных руках. Еще в мирное время генерал фон-Белов имел репутацию особенно деятельного офицера с самостоятельным характером. На войне он показал в сражении при Танненберге большую предусмотрительность и особенно отличился своими целесообразными распоряжениями в сражении на Мазурских озерах. Генерал-фельдмаршал фон-Гинденбург особенно высоко ценил его мужественный и прямой характер, и в ноябре предложил его величеству назначить генерала фон-Белова командующим 8-й армией, хотя по служебному старшинству он принадлежал к числу самых младших корпусных командиров. Генерал фон-Белов полностью оправдал оказанное ему верховным вождем армии доверие. Начальник его штаба, генерал фон-Бекман, долгое время нес службу в генеральном штабе; во время войны он проявил себя как строевой начальник и обнаружил способности быть хорошим начальником штаба армии. Генерал фон-Белов и генерал фон-Бекман работали в полном согласии. В нашем штабе в Летцене мы были уверены в том, что операциями севернее Немана будет достигнуто все, что будет возможно с имевшимися там силами.

Сообщения с тылом у Неманской армии были очень трудные. Широколинейная железная дорога кончалась у Лаугцаргена, северо-восточнее Тильзита и у Мемеля. Неман, хотя и судоходный, мог служить путем подвоза только для правого крыла армии и был настолько неурегулирован, что на судоходство по нему нельзя было полагаться. Когда срочно потребовалось усиление правого крыла армии, была сделана попытка подвезти войска на баржах по Неману вверх по течению, но она оказалась неудачной. Судовые караваны в пределах русской территории сели на мель.

Либава лишь весьма осмотрительно могла быть использована как порт для снабжения армии. Русский флот и английские подводные лодки в то время еще господствовали в восточной части Балтийского моря. Но все же с захваченными на месте средствами мы установили небольшое движение по железной дороге, идущей от Либавы на восток. Мы

уже давно приступили к постройке полевой железной дороги Лаугцаргген—Таурогген—Кельмы, но при недостатке в рабочей силе работа лишь медленно подвигалась вперед. Когда здесь выдвинулся на очередь вопрос ведения крупной операции, пришлось считаться с необходимостью постройки исчерпывающей нужды сети железных дорог. Кратчайшая линия для соединения с русскими железными дорогами проходила от Мемеля на Прекульн, восточнее Либавы. Постройка этой линии была начата, но затем приостановлена, т. к. главнокомандующий востоком вынужден был передать рабочие силы на постройку железной дороги Вилленберг—Остроленка. В начале июля постройка железной дороги на Прекульн была закончена. Для нас она была неоценима, несмотря на то, что эксплоатация ее оставляла желать еще многого. Затем мы приступили к перешивке железной дороги Либава—Можейки. В дальнейшем мы добрались через Кошедары, восточнее Ковны, до Митавской железнодорожной сети. Наконец, мы приступили и к постройке ширококолейной железной дороги Таурогген—Радзивилишки (южнее Шавлей). На этой линии деревянный мост через Дубиссу являлся настоящим произведением искусства.

В середине июля, после прибытия посланных еще в июне подкреплений, развертывание Неманской армии было окончено. Управление армией оказалось в тяжелом положении, так как вследствие атаки на Нареве оно не получило всех тех войск, на которые надеялось. Но тем не менее основные иден атаки сохранились прочно. Дубисса, вверх по течению до Кельм, была оставлена лишь слабо занятой. Первый резервный корпус был сосредоточен между Кельмами и Шавлями в виде ударной группы. Следующий промежуток выше по течению Виндавы был тоже оставлен лишь слабо занятым; к нему примыкала сильная группа севернее железной дороги на Либаву. Здесь находилось от 2-х до 3-х пехотных и столько же кавалерийских дивизий.

14-го июля, как раз, когда в северной Польше пал Прасныш, а южнее русские еще находились западнее Вислы и южнее линии Люблин—Холм, генерал фон-Белов переправился через Виндаву, с целью движением на Митаву с севера охватить большие русские силы, находившиеся у Шавлей. 1-й резервный корпус должен был сильно нажать на них с юго-востока, а слабый центр—выжидать. Правое крыло армии на Дубиссе должно было временно не принимать участия и вступить в дело лишь с развитием операции.

Русские повидимому не ожидали атаки и не представляли себе, что она может так сильно протянуться на север. В направлении на Окмяны русские нанесли удар наступавшей в центре 6-й резервной дивизии и принудили ее отойти назад. Но мы настолько угрожали правому фланту русских, что они не смогли использовать одержанный ими успех.

17-го июля пехотные дивизии левого крыла уже нанесли удар русским у Ауца, но затем, в виду событий в 6-й резервной дивизии, дали себя отвлечь на юг. Вследствие этого действительность охвата значительно умалилась. В непрерывных боях, затянувшихся до 23-го июля, известных под общим названием «сражения при Шавлях», 5-я русская армия была отброшена за Шавли на Поневеж. Частью ей удалось уйти, т. к. кавалерия, вышедшая в ее тыл, не имела достаточной огневой силы. 29-го июля Поневеж был уже занят нами. На левом крыле кавалерия рыскала до Рижского залива и примкнула к пехотным частям, наступавшим на Митаву. 1-го августа Митава была взята. Южнее мы переправились через Дубиссу, и 29-го июля достигли линии Ковна—Поневеж.

Пришлось опять разрабатывать тыловые сообщения и снабжать войска боевыми припасами. Большая часть транспортов обслуживала 12-ю и 8-ю армии, и в виду этого в Неманской армии в них чувствовался недостаток. Ее дальнейшее наступление развивалось теперь медленнее. В день взятия Ковны она находилась на Свенте и Яре. Здесь наступила длительная задержка, лишь левое крыло продолжало продвигаться к Двине. Южнее Риги русские сохранили большой тет-де-пон, который долгое время оставался для нас опасной угрозой. В первых числах сентября мы вышли на Двину между Икскюлем и Фридрихштатом и отбросили находившегося здесь противника на противоположный берег.

Тем временем русские усилились. Слабые части Неманской армии были разбросаны на большом расстоянии, так что своими силами она больше не могла продвинуться вперед. Она находилась в соприкосновении с левым крылом 10-й армии, когда последнее, после взятия Ковны, на полпути к Вильне столкнулось с крупными силами противника.

Предприятие флота 8-го августа в Рижском заливе не отозвалось на сухопутных операциях [1]).

Быстрое продвижение Неманской армии доказывало, что при более крупных силах и при большем обилии вспомогательных средств, в особенности транспортов, можно было бы достигнуть еще большего.

X.

Во второй половине августа идея развития операции восточнее Немана начала принимать определенные формы. Фланг русских армий, отступавших из Польши, можно было атаковать, если вообще это еще было возможно, лишь в общем направлении удара Ковна — Вильна — Минск. Этот удар должна была нанести 10-я армия, а 8-я, 12-я и южный

---

[1]) Отбитая нашими морскими силами (их незначительной частью) попытка Германского флота прорваться в Рижский залив окончилась полной неудачей. *Примечание редакции.*

фронт оставаться в тесном соприкосновении с противником. Фланг операции 10-й армии должен был быть обеспечен с севера со стороны железнодорожной линии Рига—Двинск, в которую вливаются с северо-востока и востока несколько железных дорог, а также со стороны линии Полоцк—Молодечно и Орша—Борисов—Минск. Неманская армия должна была продолжать наступление, перенеся центр его тяжести на Двинск, а в сторону обеих последних железнодорожных линий направлялись крупные кавалерийские массы.

На фронте 10-й и Неманской армии русские занимали сплошной фронт, однако северо-восточнее Ковны он был очень жидок. Этот фронт должен был быть прорван, т.-е. отброшен за Вильну и на Двинск, попутно с чем кавалерийские дивизии должны были двинуться на Полоцк—Минск.

Русское отступление продвинулось уже далеко на восток, и оставалось под вопросом, может ли теперь эта операция дать крупный выигрыш. Не могло быть сомнения, что каждый день промедления отнимает у нас шансы на успех. Я даже колебался, не следует ли ограничиться ударом через Олиту и Ораны на Лиду. От этого я отказался в виду того, что все подобные попытки фланкирования в предыдущую летнюю кампанию остались безрезультатными, и я сохранил идею большой операции, т. к. она могла привести к большому успеху. Здесь нам приходилось действовать в темную. Было ясно, что 10-я армия нуждалась в усилении, и к ней были присоединены войска, действовавшие против Ново-Георгиевска.

В течение операции 8-я и 12-я армии настолько скучились, что стало возможным, помимо войск, перебрасываемых на запад, взять из их состава еще несколько дивизий. Они были привезены в Ковну, и отсюда распределены на левое крыло 10-й и на правое 8-й армий.

Между тем, 10-я армия была очень сильно атакована со стороны Вильны. Противник перебросил на север часть сил из Польши. В виду стремления выиграть фланг как 10-я армия, так и противник усилились на севере, на вилькомирском направлении; на северном берегу Вилии бои развились особенно ожесточенно.

Наступили опять исключительно напряженные дни. Я бы охотно ускорил начало операций, но из железной дороги Вержболово—Ковна нельзя было извлечь большего, чем она могла дать в недостроенном виде. Все стоило бесконечно много времени, дороги к тому же были скверные и войска уже не свежие.

9-го сентября наступление, наконец, началось. Неманская армия хорошо продвинулась на Двинск и Якобштадт. Правое крыло ввязалось в бой на дороге Ковна—Двинск приблизительно около Удзян и очень скоро отбросило противника на Ново-Александровск. Но в обоих предмостных

укреплениях противник оставался, и здесь развились долгие и ожесточенные бои.

Левое крыло 10-й армии, которое находилось южнее Вилькомира, в первые же два дня наступления хорошо продвинулось в направлении к Вилии, выше Вильны. Но далее удавалось лишь шаг за шагом оттеснять русских за реку.

Между внутренними крыльями обеих армий, от Двинска и до Вилии, перед кавалерийскими дивизиями открывался простор. Сначала они должны были с боем продвинуться через озерный район между Вилькомиром и Свенцянами. 13-го сентября Свенцяны были взяты. Отсюда дивизии направились на Сморгонь, Молодечно и железную дорогу Молодечно—Полоцк, на полпути между этими пунктами. Кавалерийские дивизии 8-й армии теперь тоже могли быть пододвинуты.

14-го сентября уже была достигнута железная дорога Вильна—Молодечно—Полоцк у Сморгони, Вилейки и восточнее Глубокого, и правое русское крыло у Вилии, северо-восточнее Вильны, оказалось под большой угрозой. Железная дорога Орша—Минск была тоже прервана в районе Борисова. Кавалерийские дивизии нашли здесь, как это уже не раз случалось на востоке, новое поле для своей деятельности. Бодрый кавалерийский дух германской конницы повсеместно показал себя на большой высоте.

10-я армия все время стремилась продвинуть войска с фронта на усиление левого крыла. При этом она продвигалась вверх по Вилии на Сморгонь и непосредственно южнее озера Вишнев—на Вилейку. Движения были затруднительны и брали много времени. Они требовали от войск большого напряжения, так как дороги и погода были скверные и тормозили действия. Пехотные дивизии не смогли достаточно скоро сменить кавалерийские дивизии на их сильно выдвинутых вперед позициях. При слабости кавалерийских дивизий в огневом бою они не смогли долгое время удержать Сморгонь.

19-го сентября, несмотря на упорную оборону, 1-я кавалерийская дивизия была выбита из Сморгони противником, подошедшим со стороны Вильны.

Русские уяснили угрожавшую им опасность и перебросили по железной дороге подкрепления в район восточнее Двинска; эти силы очень скоро почувствовались в районе южнее Двинска. Железная дорога Полоцк—Молодечно не была использована; но с фронта Лида—Слоним русские смогли совершить дальнейшее захождение пехотными дивизиями по направлению на Молодечно, а кавалерийскими дивизиями на Докшицы. Большое русское фронтальное отступление из Польши в западную Россию, к сожалению, уже настолько далеко подвинулось, что отступавшие войска, направленные с поворота фронта на север, своевременно достигли Вилии. Германский охват остановился здесь, т. к. у немцев не-

хватало сил сломить неприятельское сопротивление. Русские со своей стороны перешли в контр-наступление через Вилию севернее Молодечно, но также не смогли продвинуться вперед. Тем временем германское фронтальное наступление медленно продвигалось вперед. Под этим напором русские не смогли удержать Вильну и начали с боем медленно отходить по всему фронту. У германской армии на фронте еще хватило сил достигнуть района непосредственно западнее Сморгони, Западной Березины [1]) и района Барановичей и Пинска.

В течение медленного продвижения от Вильны на Сморгонь мне стало ясно, что операцию надо прервать. Возможность продолжать наступление была исключена. Левое крыло 10-й армии не могло продолжительно удерживаться на сильно выдвинутых вперед позициях против неприятельской кавалерии, которая со всех сторон все сильнее нажимала на наш прорыв. Мы должны были устраиваться на зиму и нашли выгодную опору на линии озер Вишнев—Нароч—Дрисвяты.

Пока вновь подходившие к Неманской армии части развертывались на озере Дрисвяты, северное крыло 10-й армии отошло назад на указанную линию. 10-я армия хотела задержать преследовавшего противника, как это ей в свое время удалось при подобном же маневре у Гродны, но она слишком промедлила и в результате подверглась сильному удару восточнее озера Нарочь.

Сначала русские бурно устремились на наш новый фронт, но затем постепенно наступило спокойствие. Австро-венгерская армия в это время сделала попытку, прорвавшись к северу от Луцка, охватить русских. Но контр-ударом она была отброшена назад. Бои у Двинска затянулись еще на долго. Неманская армия все еще надеялась овладеть предмостной позицией. Но чтобы овладеть последней, подвоз боевых припасов был недостаточен. В виду этого, по моему желанию, атаки были прекращены.

По всему фронту до самых Карпат стало спокойно.

Летняя кампания против России была закончена. Русские были разбиты и фронтально оттеснены. Операция на ковенском направлении не дала больших результатов, т. к. она была начата слишком поздно. В этом заключается главная причина. Противник сумел воспрепятствовать угрожавшему ему охвату на Вилии. Если бы он в этот момент находился на несколько переходов далее к западу, то он не был бы в состоянии этого сделать.

За всю войну, как на востоке, так и на западе, нам ни разу не удалось довести до конечных последствий крупный стратегический прорыв. Прорыв между Вильной и Двинском зашел дальше всех других. Он показывает, что стратегический прорыв приводит к полным результатам лишь через посредство развившегося из него тактического охвата.

---

[1]) **Приток Немана.** *Примечание редакции.*

В сентябре 1918 г. болгарской армии было суждено дать всемирный пример тяжелых последствий подобной операции. Но такое развитие прорыва стало возможным лишь вследствие полнейшего отказа болгарской армии.

Высокое напряжение сентябрьских дней опять дало нам лишь тактический успех. Приходилось выходить из исключительно тяжелых кризисов. Бой 1-й кавалерийской дивизии у Сморгони на пути отступления противника достиг трагической высоты. Когда уже пехотная поддержка подходила, кавалерийская дивизия должна была отступить с большими потерями. Долгое время и положение южного крыла Неманской армии было очень сомнительно, а захождение назад 10-й армии в высшей степени опасно. Но все это отходит на второй план перед напрягающим нервы ожиданием, поспеет ли своевременно пехота по скверным дорогам, чтобы закончить столь разумно начатый кавалерийскими дивизиями охват? Это напряжение будет понятно только тем, кто его пережил и сердцем и разумом принимал в нем участие.

На пути к победе мы сделали новый большой шаг вперед. Сильный волей великий князь был отстранен. Царь стал во главе войск.

Войска и вожди повсеместно выполнили свой долг и в германских солдатах по праву укоренилось чувство несомненного превосходства над русскими. Число перестало нас пугать.

Ставка главнокомандующего востоком в Ковне.

С октября 1915 по июль 1916 года.

Время покоя.

I.

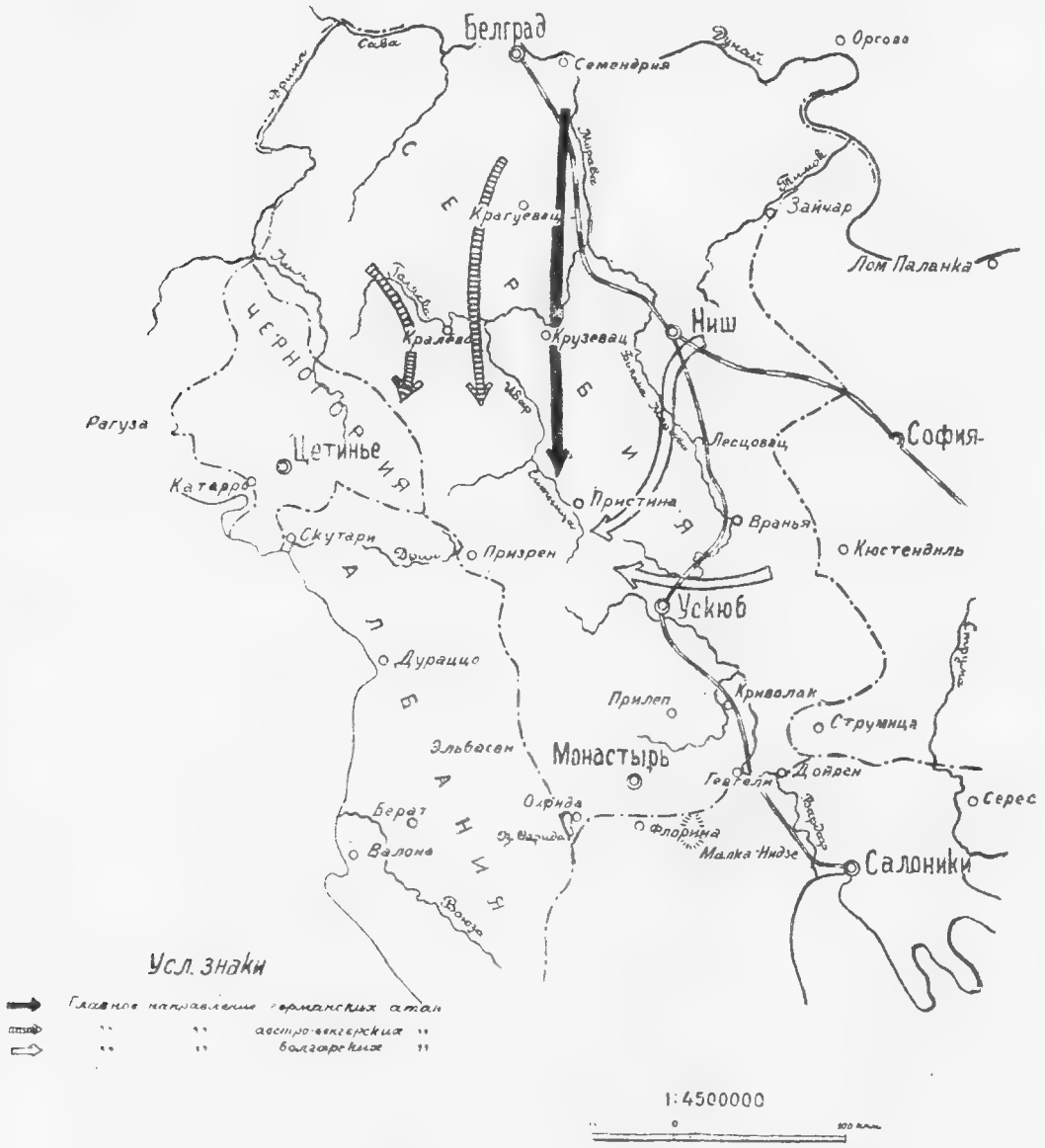
После окончания в мае боев севернее Арраса лето 1915 года на западном фронте прошло спокойно. В конце сентября Антанта предприняла сильные атаки у Лооса и в Шампани. Войска, отозванные с востока, прибыли как раз во-время, чтобы поддержать столь храбро оборонявшиеся части на западном фронте и предотвратить большую и опасную неудачу.

Итальянцы несколько раз тщетно атаковали. Австро-венгерские армии хорошо сражались против Италии. Итальянцы были наследственными врагами, тогда как против России не действовало никакого национального инстинкта.

Германское верховное командование и главное командование австро-венгерскими армиями приняли решение разгромить Сербию. Болгария, при естественной вражде с Сербией и влекомая к Македонии, открыто выступила на нашей стороне. Взятие Варшавы произвело там особенно сильное впечатление. Болгария со своими 12-ю сильными пехотными дивизиями сразу сравняла силы на Балканах. В начале октября генерал-фельдмаршал фон-Макензен перешел через Дунай. В начале декабря поход в Сербию довел нас почти до греческой границы. Но отношения с Грецией, усталость войск и состояние тыловых сообщений, а может быть, и другие, мне неизвестные политические и военные соображения, воспрепятствовали нам развить операцию на Салоники, откуда развернулись в бой первые войска Антанты. Взятие Салоник дало бы нам сильное облегчение на Балканском полуострове. Но по моему дальнейшему опыту, я должен установить, что даже эта операция не дала бы нам ни одного болгарского солдата для западного фронта. Но, вероятно, мы имели бы перед собой во Франции тех англичан, французов и сербов, которые в дальнейшем оказались на македонском фронте. Эти соображения впоследствии остались руководящими. Атака Салоник всегда была второстепенной операцией и должна оцениваться как таковая.

Австро-венгерские войска проникли через Черногорию в Албанию до Воюзы, и там бои затянулись до февраля. Обеспечение Австро-Венгрии с фланга продвинулось с Дуная далеко в Албанию и к греческой границе. Здесь болгарские войска преимущественно и стояли на страже не только собственной страны, но также Австро-Венгрии и нас.

Схема 5. Поход в Сербию 1915 г.



Большая часть германских войск была постепенно отведена обратно на Дунай. У Австро-Венгрии также освободились силы. Сербская армия была серьезно разбита, ее остатки спаслись в направлении на Валону. На

острове Корфу мощная поддержка Франции и Англии опять превратила их в боевой фактор, которого сильно боялись болгарские солдаты. Позднее они были переброшены в Салоники и показали там свою высокую боеспособность.

Антанта оказалась вынужденной снять войска для Македонии с других театров войны. Она также отказалась от продолжения галлиполийской авантюры, которая, благодаря содействию немцев и средиземноморской дивизии, им дорого обошлась. Победой над Сербией и союзом с Болгарией было восстановлено сообщение с Турцией. Мы не нуждались больше в том, чтобы провозить наши военные грузы контрабандой через Румынию. Турции могла оказываться непосредственная поддержка. 16-го января было открыто железнодорожное сообщение с Константинополем. 8—9 января войска Антанты покинули полуостров Галлиполи.

Закрытие морских проливов было обеспечено. Если неприятельский флот, заняв проливы, оказался бы господствующим и на Черном море, то Россия могла бы быть обеспеченной столь необходимыми ей материальными средствами для войны. Бои на востоке приняли бы тогда гораздо более тяжелый характер. Антанта имела бы возможность использовать богатые хлебные запасы южной России и Румынии, и последнее королевство склонилось бы к ней еще раньше, чем это случилось в действительности. Сообщение между Россией и внешним миром по подвозу военного материала происходило по сибирской железной дороге, через Мурман, куда строилась железная дорога из Петрограда, но далеко еще не была готова, и летом через Белое море. Сообщения через Финляндию и Швецию были важны, но подвоз военного материала здесь не допускался. Швеция держалась правильного взгляда на обязанности нейтрального государства. Эти замечания ярко подчеркивают значение морских проливов, а вместе с тем и Турции, как для восточного фронта, так и для общего положения.

В областях Азиатской Турции ведение войны было очень трудно. Турция, к сожалению, располагала лишь колесными путями. Современная же война требует железнодорожных и пароходных сообщений. Железная дорога к кавказской границе от Ангоры до Сиваса была лишь в зачаточном состоянии. Багдадская железная дорога, прерванная горными цепями Тавром и Аманусом, далеко еще не доходила до Тигра. Туннели строились. Сирийская железная дорога примыкала к Багдадской у Алеппо, т.-е. по ту сторону разделяющих горных хребтов. Южнее Дамаска она переходила в узкоколейную Геджасскую железную дорогу, а в Палестине в под'ездной путь, который кончался у Берцебы, южнее Иерусалима.

Сами по себе неблагоприятные условия железных дорог усугублялись, насколько это только мыслимо, скверными эксплоатационными условиями в отношении личного состава и необходимых материалов. Железные дороги давали лишь самую ничтожную полезную работу, которая вовсе не находилась на высоте пред'являемых требований.

Попытка использовать Тигр и Ефрат дала некоторые результаты. Но общая картина от этого не изменилась.

Германские грузовые автомобильные транспорты помогли смягчить вытекавшие затруднения.

Ведение войны в Малой Азии, Сирии и Месопотамии из-за неудовлетворительности тыловых сообщений было обречено на безуспешность до тех пор, пока нам не удастся улучшить сообщения.

Военная деятельность Турции ограничивалась еще тем, что население ее пограничных провинций, а именно курдское и армянское на кавказской границе, и арабские племена в Месопотамии и Сирии, вплоть до Адена, было настроено враждебно к туркам. Турция всегда вела неудачную инородческую политику. Турки только брали и ничего не давали. Теперь им пришлось считаться с этими племенами, как с противником. Своим непростительным отношением к армянам Турция сама у себя отняла рабочие силы, столь необходимые ей теперь для постройки железных дорог и обработки земли.

Попытка Турции призвать к священной войне Триполи и Бенгази дала лишь ограниченный результат. Наши подводные лодки доставили туда оружие и поддерживали некоторую связь между этими областями и Турцией.

Предприятие против Суецкого канала в январе и феврале 1915 года не удалось. Оно могло бы оказаться удачным лишь в том случае, если бы племя Сенусси одновременно напало с запада на Египет и там произошло восстание египтян. Но это была утопия. Господство англичан твердо держится в подвластных им областях.

От устья Тигра и Ефрата англичане, опираясь на море, шаг за шагом продвигались по направлению на Багдад. Турция не могла этому воспрепятствовать. В декабре 1915 года опять начались бои у Кут-ель-Амары, ниже Багдада, к которой раньше английский экспедиционный корпус уже значительно приблизился.

Зимой 1914—15 года турецкая армия на кавказской границе была разбита и с тех пор продолжала уклоняться. Несмотря на это, сыпной тиф и морозы вызывали большие потери в турецкой армии.

События на Синайском полуострове и в Месопотамии непосредственно не затрагивали интересов восточного фронта. За Суецким предприятием мы следили с большим интересом и надеждами. Трудности сообщения с тылом, как я их вкратце изложил, в то время еще не были мне известны в полном об'еме. Я считал, что состояние Багдадской железной дороги гораздо лучше, и что ее постройка более подвинулась, чем это было в действительности. Могло ли здесь быть сделано больше, я не могу определить.

Мои надежды, что бои на кавказском фронте оттянут русские силы, были обмануты.

Занятие обширных областей на востоке, очищение от неприятеля Балканского полуострова и открытие сообщения с Турцией значительно улучшили наше военно-экономическое положение. Румыния более охотно поставляла свои продукты, т. к. не имела для своих запасов другого сбыта за границу. 1915 год закончился для нас плюсом. К предстоящему году мы усилились и далеко не исчерпали из нашего отечества все, что оно могло дать и что нам было необходимо.

Противники продолжали развивать свои вооружения.

Английские китченеровские армии сплачивались. Большая их часть уже находилась на Западном фронте. Английский фронт расширялся на юг и тем облегчал Францию. В Англии продолжали формироваться новые дивизии. Вербовка была заменена принудительными наборами. В январе 1916 года в английском парламенте был принят закон о воинской повинности. Тем самым последняя европейская держава—Англия, стала на путь обязательной военной службы. Всеобщая воинская повинность отвечает военной необходимости и моральному требованию, чтобы всякий человек, способный носить оружие, служил своему государству с оружием в руках. На Ирландию Англия не распространила закона о всеобщей воинской повинности—это весьма знаменательно.

Французская армия сохранила свою прежнюю силу, сербская формировалась заново. Россия, вследствие поражения, сильно растратила свой огромный человеческий материал.

Перестройка мирной промышленности Франции, Англии, Японии и Америки сделала большие шаги вперед.

В 1916 году должна была загореться яростная борьба.

В этих широких рамках событий мирового значения, действия в пределах ведения главнокомандующего востоком отходят на задний план, а ведь с ноября 1914 г. они образовывали значительную, даже решающую часть всего течения войны. Нам предстояла теперь более скромная работа.

II.

Условия, в которых оказались армии восточного фронта, когда закончились большие операции, требовали дальнейшей работы по всем направлениям. Состояние областей, занятых во время последних событий, требовало тоже упорядочения.

Чтобы находиться ближе к занятой территории и к армиям, мы в конце октября переехали в Ковну.

Генерал-фельдмаршал, офицеры генерального штаба и я разместились в двух виллах, принадлежавших г. Тильману, семья которого имела хорошую репутацию среди русских немцев. Он сам с начала войны жил в Германии. Генерал-фельдмаршал, полковник Гофман и я жили вместе в одной из вилл. Там же столовались ближайшие штабные со-

трудники. В этом доме мы пережили много часов, и он твердо запечатлелся в моей памяти.

Служебным помещением генерального штаба являлось здание штаба крепости. Характерными для русской культуры того времени были 50-ти пфенинговые портреты царя, царицы и наследника. Комнаты были большие, отвечали своему назначению и в предстоящую зиму могли быть хорошо отоплены.

Ковна представляет типичный русский город с низкими, невзрачными деревянными домами и относительно широкими улицами. С высот, тесно обступавших Ковну, открывался интересный вид на город и на слияние Немана с Вилией. На противоположном берегу Немана возвышалась башня старотевтонского орденского замка—памятника германской культурной работы на востоке. Недалеко от нее, как граничный столб французских планов мирового господства, находилась высота, с которой в 1812 году Наполеон наблюдал переправу своей армии через реку.

Меня охватил мощный поток исторических воспоминаний.

Я решил вновь приступить к той культурной работе в занятой области, которую германцы вели в течение многих столетий. Пестро смешанное население не могло бы создать своей культуры и, предоставленное само себе, было бы ополячено.

Я был горд, что мы, спустя нескольких столетий, изжив времена истинно-германской слабости и горькой нужды, сбросили чужое иго. Теперь Германия, когда-то ничтожная и разбитая Наполеоном, но затем об'единенная великими людьми, противостояла в мировой войне превосходным силам неприятеля и одерживала блестящие успехи. Я надеялся на победу. Иначе не могло и быть. Германский народ уже имел в прошлом слишком тяжелые дни, чтобы еще раз пойти на такую ужасную участь. Мужам, являвшимся вождями Германии, надо было только открыть дорогу силам германского народа и раздуть священный огонь, который теплился, как я думал в то время, в каждом германском сердце.

Казалось, что для отечества открывается счастливое будущее и обеспеченное благосостояние.

Переселением из Летцена в Ковну работа, конечно, не была прервана ни на один день. Соответственная телефонная связь была своевременно установлена в новом служебном помещении; оно было соответственным образом меблировано. В виду необходимости последнего, нельзя было совершенно обойтись без из'ятия мебели из домов, оставленных населением. Это было произведено с сохранением возможного порядка, но все же дало основание для многих недоразумений. Это очень плачевно, но эти явления война влечет за собой с беспощадной силой. В этом не повинны ни ведущие войну государства ни отдельные солдаты. Обстоятельства сильнее наших стремлений. Но, во всяком случае, для отдельного обывателя вра-

жеской стороны совершенно безразлично, каким путем он теряет свое имущество. Он не понимает диктуемой войной необходимости и быстро создает суждение о варварском способе ведения войны неприятелем.

В Ковне у нас не оказалось недостатка в мебели, но когда мы потом переехали в Брест-Литовск, то в нашем распоряжении оказались лишь пустые бараки. В виду этого, мы вытребовали часть нашей мебели из Ковны, а остальную получили из других мест. Война жестокое ремесло.

В Ковне я часто посещал евангелическое богослужение, которое совершал пастор Вессель в бывшем православном соборе. Русская тирания возвела в этом крае эту могучую постройку. Я здесь в первый раз в чужой стране услышал, как церковное песнопение, чудную старую песню:

Моя германская отчизна,
Страна любви и жизни,
Я отдался тебе
И сердцем и душой.

Я был глубоко тронут. Эта песня теперь должна петься по воскресениям во всех церквах, чтобы навсегда запечатлеться в сердце каждого немца.

III.

В первую очередь предстояла работа по укреплению фронта и по созданию спокойных условий для жизни армии. На правом крыле фронт принца Леопольда Баварского занимал участок южнее Немана и протягивался к югу от Пинска. Как этот фронт, так и фронт главнокомандующего востоком находились в непосредственном ведении германского верховного командования. С юга примыкали войска, находившиеся в ведении австро-венгерского командования в Тешене, имея на своем левом крыле фронт Линзингена, и примыкая правым крылом непосредственно к румынской границе.

В пределах ведения главнокомандующего востоком 12-я и 8-я армии скучились до того, что осталось места всего лишь для одной армии. Оно было предоставлено 12-й армии, которая и заняла пространство от Немана за железную дорогу Лида—Молодечно. Генерал фон-Гальвиц сдал командование 12-й армией и получил армию, назначенную против Сербии. В командование 12-й армией вместо него вступил прибывший с западного фронта генерал фон-Фабек.

10-я армия на севере примыкала к Десне. Севернее под командованием генерала фон-Шольца, бывшего командующего 8-й армией, была сформирована армейская группа его имени. Ее левое крыло было расположено на Двине, на полпути между Двинском и Якобштадтом.

Северная часть фронта и охрана побережья были возложены на генерала фон-Белова. Неманская армия, наименование которой являлось теперь уже несоответственным, стала 8-й армией. Такое переразграниче-

ние в действительности не так просто, как это здесь изложено. Необходим целый ряд мер, чтобы избежать ущерба как в момент перегруппировки, так и впоследствии.

В военной гавани Либавы устроилось морское ведомство. Круг ведения морских властей потребовал особого урегулирования.

В этих твердых рамках, установленных для фронта, последовала перегруппировка низших соединений. Необходим был целый ряд значительных передвижений. Там, где находились ударные центры большой наступательной операции, войска были слишком скучены, в иных пунктах слишком разрежены. Приходилось уравнивать. Кавалерийские дивизии надо было заменить пехотными. Прошло много времени, пока передвижения закончились, и отдельные части прибыли туда, где они должны были находиться впредь до дальнейших изменений. О настоящем отдыхе на ближайшее время не было и речи. Позиции надо было укрепить. Отдельные части при этом должны были удерживать большие участки. И то, и другое требовало солдатских сил. Подлежащие укреплению позиции в общем выбирались там, где наступление замерло. Пункты, которые нельзя было удерживать, оставлялись. Вожди и войска лишь с трудом шли на это.

Между Вишневом и Десной, куда отошло левое крыло 10-й армии, позиции были выбраны лучше.

Укрепление позиции и постройка жилищ, да и вся жизнь на фронте страдали от плохих железнодорожных сообщений. Русские всюду основательно разрушили железные дороги. Мосты через Неман и остальные более или менее значительные реки были взорваны до основания, вокзалы сожжены, водоснабжение уничтожено и телеграф повален. Полотно частью было взорвано, и шпалы и рельсы удалены. Военным железнодорожным властям с их строительными и эксплоатационными частями предстояла огромная работа. В столь важной работе, как восстановление телеграфа, им помогали телеграфные части. Начальник полевых железных дорог восточного фронта полковник Керстен был на высоте своей задачи.

Особенно большое значение имело восстановление железнодорожного моста у Ковны. К концу сентября им уже можно было пользоваться, и долгое время это был единственный путь подвоза для 10-й и 12-й армии и для правого крыла армейской группы Шольца. В то время я был доволен, что мог рассчитывать для 12-й армии на два поезда в день до Лиды, но затем выяснилось, что необходимые для армии поезда, в действительности, доставить не так просто. На железных дорогах на родине чувствовалось большое расстройство. 12-я армия настойчиво требовала поезд с овсом, а получила вместо него поезд с бутылками сельтерской воды. Конечно, в общем ходе большой войны это мелочь. Но бла-

госостояние людей и лошадей складывается вообще из мелочей, и тем самым они приобретают бесконечно решающее значение.

Северная часть железнодорожной сети у Прекульна связывалась с железной дорогой на Мемель. Русские железные дороги в Литве и Курляндии были в мирное время удивительно низкой провозоспособности. Это обстояло бы иначе, если бы Россия использовала Виндавский и Либавский порты для своей экономической жизни. Железная дорога Прекульн—Мемель в эксплоатационном отношении являлась еще более отсталой. Прошло много времени, пока удалось установить более или менее правильное движение трех-четырех поездов на линии Поневеж—Двинск.

На больших магистралях Вильна—Сморгонь и Вильна—Двинск условия были менее тяжелы; но зимой здесь тоже замерзали временные водонапорные баки, и приходилось преодолевать все возможные и невозможные препятствия.

Узкоколейная дорога Поневеж—Удзяны—Свенцяны была сравнительно менее разрушена, но она была абсолютно непровозоспособна.

Лишь много позже Рождества движение по всем линиям было обеспечено и до известной степени урегулировано, так что даже стало возможным пустить столь желанные поезда для отпускных.

Теперь наступил особый кризис. После холодов Неман и Виндава вскрылись. У Можейки ледоходом были снесены мосты через Виндаву. Тем самым по одной из железнодорожных линий было прервано сообщение с Германией. У Ковны накоплением льдин был сдвинут рельсовый путь, но мост устоял. Опять наступили напряженные дни, правда, совершенно в другом отношении. Армии оказались бы в очень трудном положении, если бы этот мост также был уничтожен.

Остальные мосты через Неман были постепенно закончены. Постройка железных дорог продолжалась. Движение по железным дорогам оживало, и район ведения главнокомандующего востоком в железнодорожном отношении твердо стал на ноги. В мае и августе 1916 года закончилась постройка новых железнодорожных линий Таурогеи—Радзивилишки и Шавли—Митава, линия от Свенцян к озеру Нарочь была закончена лишь позднее.

Две первые вышеупомянутые железные дороги подняли страну в культурном отношении. За это она перед нами в долгу.

К этой серии железных дорог примыкала, в районах позади фронта, сеть полевых и узкоколейных железных дорог для непосредственного снабжения войск.

Шоссейные и грунтовые дороги в войсковом районе сохранили свое высокое значение. Большие шоссе Гродна—Лида, Ковна—Двинск и Таурогеи—Митава были приведены в блестящее состояние. На остальных дорогах было сделано, что оказалось по силам. В период таяния

снегов дороги часто превращались в бездонные топи, в которых лошади проваливались и тонули.

С развитием работ на железных и грунтовых дорогах преуспевало и укрепление позиций. Лесной материал рубили себе войска, колючую проволоку мы также частью изготовляли сами. Постройку всей системы окопов особенно затрудняли подпочвенные воды. Геологи оказывали войскам хорошую услугу.

В тылу фронта были устроены мастерские для ремонта всевозможного военного снаряжения. Большое число захваченных русских пулеметов на особых фабриках было переделано под германский патрон.

Конечно, этих вопросов я касался только в крупных чертах, и моя деятельность в этом отношении ограничивалась их возбуждением и регулировкой.

Особенно близки моему сердцу были вопросы расквартирования и довольствия людей и лошадей.

Условия расквартирования сами по себе не были неблагоприятны. Сквозь район, на котором мы в результате расположились, военные действия пронеслись сравнительно скоро, и в виду этого война не сказалась на нем слишком разрушительно. Русские здесь не все сожгли, как они это сделали далее к югу в Польше. Но для расквартирования войск, в особенности вблизи укреплявшихся позиций, осталось еще очень много работы по возведению построек. Возведение блиндажей требовало много времени, и они лишь постепенно оборудовались в жилищном отношении.

Бараки для людей и лошадей должны были сооружаться далее в тылу. Войска достигли в этом большого искусства. Художественный вкус проявлялся в развитии украшений из березы.

Довольствие людей в общем производилось по положению. В некоторых частях иногда бывал недохват в снабжении продовольствием, в особенности картофелем. Поставка фуража для лошадей была недостаточна. Овса вообще нехватало, сено и солома были слишком объемисты, чтобы их можно было подвести в достаточном количестве. Много лошадей пало от истощения. Потом мы стали кормить лошадей древесной мукой.

Особенной предусмотрительности требовало предохранение с таким трудом подвезенных продуктов от порчи на вокзалах. На станциях, естественно, не было ни навесов, ни палаток. Об этом я также должен был заботиться. Добрая воля была всюду налицо, но затруднения все росли, и кое-кто падал духом.

Те же затруднения пришлось преодолевать, чтобы доставить не испорченными рождественские посылки.

К состоянию здоровья людей и лошадей я относился с полным вниманием. Я входил в соответственные обсуждения с ответственными

специалистами—санитарным инспектором фон-Керном и начальником ветеринарной части Грамлихом.

При наступлении попечение о раненых было затруднено, но теперь условия стали несколько проще. Но оставалось еще очень много работы для ответственных инстанций. С немногими санитарными учреждениями, которые мы нашли в занятых областях, почти не приходилось считаться. Я настаивал на том, чтобы наибольшее количество раненых было эвакуировано на родину, но мне пришлось этого очень долго ждать. В дальнейшем легко больные и раненые оставались в занятых областях. Здесь они находили, помимо отдыха, мелкую работу. От массовых заболеваний мы уберегались, появлялись только короткие вспышки сыпного тифа. Об уничтожении вшей войска заботились сами, но чтобы вши не завозились на родину, на границе были осуществлены широкие мероприятия. Вся санитарная часть, благодаря энергичной деятельности санитарного инспектора фон-Керна и верным своим обязанностям военным врачам, находилась в образцовом порядке. Господин фон-Керн—философ, но, очевидно, и философы могут быть деятельны.

Лошади страдали сапом и чесоткой. С сапом, путем исследования крови, мы скоро справились, но с чесоткой не могли, и она нам принесла много вреда. Много средств было испробовано, но действительное—было найдено лишь к концу войны. Было оборудовано много лазаретов для лошадей. Ветеринары нашли обширную деятельность, и их самоотвержение дало существенные результаты.

Уход за лошадьми и размещение не всегда были на высоте. Я часто обращался к армейскому командованию с указанием на необходимость уделять лошадям больше внимания и любви.

Снабжение обмундированием, зимней одеждой и шерстяными вещами, а также подковами с зимними шипами вызывало очень сильные трения, и я должен был резко вмешаться.

Отпуска начались, как только представилась малейшая возможность. Развитие их находилось в тесной зависимости от улучшения состояния железных дорог.

Я следил за быстротой доставки писем и газет. Мне хотелось, чтобы солдаты сохраняли, по возможности, наибольшее соприкосновение с родиной. Полевая почта в начале войны стояла перед неразрешимой задачей. У нее нехватало автомобилей. Почта находилась в ведении полевого почтмейстера Домицлава. Она очень скоро применилась к обстоятельствам и справилась с пред'явленными к ней высокими требованиями.

В тылу фронта и в более крупных городах были организованы солдатские, а также офицерские собрания. При создании их мне пришлось побороть большие трудности. В солдатских собраниях на востоке была глубокая потребность. Это доказывает их большая посещаемость. В этом

деле мне основательно помогла родина; женщины, работавшие в солдатских собраниях, сделали доброе дело.

Мне доставило радость предложение знакомых генерал-фельдмаршала и моих, сделанное через посредство пастора Хоппэ, снабдить войска повозками с литературой. Обеспечение войск духовной пищей было для нас приятной задачей. В виду этого мы с радостью согласились. Эта работа и в дальнейшем осталась в руках пастора Хоппэ, деятельно ее развивавшего. В 1917 году, в день моего рождения, он передал мне с той же целью большой плакат с высказанными мною от души словами: «Дух творит оружие и победу». Я полагаю, что повозки с литературой оказали солдатам хорошие услуги. Конечно, они не могли полностью удовлетворить потребность войск в чтении.

Полевые книжные лавки также развивались в большом количестве. Книжная торговля была поручена фирме Стилькэ, которая должна была привлечь к работе и другие фирмы. Она хорошо обслуживала войска. Походные книжные лавки имели газеты всех партийных направлений.

Армии издавали и собственные армейские газеты; я помогал им хорошей информацией.

Устройство концертов, спектаклей и кинематографов оставалось в ведении армий, но мы на них настаивали.

После тех огромных требований, которые главнокомандующему востоком приходилось пред'являть к войскам, для меня забота о них являлась приятной задачей. Мои сотрудники и в этом оказали мне существенную помощь.

Но и служебные требования к войскам не умалялись. По мере возможности велось обучение, хотя учебные курсы не были организованы в том масштабе, в каком они уже были в ходу на западе.

Неманские крепости Гродна и Ковна, а также и Либава были усилены. Прежние пограничные позиции продолжали поддерживаться, так как они являлись опорой в тылу. Для более широких мероприятий не имелось рабочих сил.

Задачи, возникавшие передо мной непосредственно в заботах об армиях, получили весьма существенное развитие, вследствие требований, пред'являемых войсками и родиной к занятой территории, а также вследствие выпавшего на нас долга заботиться об ее населении. Я с удовольствием предался этой во многих отношениях для меня новой работе и твердо решил создать нечто цельное.

IV.

Страна была, вследствие войны в запущенном состоянии и лишь там, где мы уже находились более продолжительное время, установился порядок. Население частью добровольно ушло с отступавшими русскими,

а частью было ими уведено принудительно. Местами оно попряталось в больших лесах и теперь постепенно возвращалось домой. Но все-таки много сельских владений было покинуто. Урожай еще не был снят. Как будет обстоять дело с обработкой, еще нельзя было предугадать. Власти не было никакой. Русские правительственные чиновники и русские судьи, все представители русской администрации и вообще вся русская интеллигенция покинули страну. Не было ни полиции, ни жандармерии, и лишь духовенство обладало известным авторитетом.

Сельская равнина, однако, должна была жить. В городах, а именно в Вильне, Ковне и Гродне, с момента нашего вступления, начались серьезные продовольственные затруднения, которые росли и распространялись и на другие города. Дров для топлива также было недостаточно.

Население, за исключением немцев, нас чуждалось. Немцы же, особенно из Прибалтийского края, хорошо приняли германские войска. Латыши, как опортунисты, держались выжидательно. Литовцы верили, что для них теперь пробил час освобождения, когда же желанные лучшие времена, вследствие железной необходимости войны, сразу не наступили, они опять отвернулись от нас и стали относиться недоверчиво. Поляки держались в стороне и относились враждебно, так как они справедливо опасались, что мы ориентируем нашу политику на литовцев. С белоруссами считаться не приходилось, так как поляки национально их обезличили, ничего им не дав взамен. Осенью 1915 года я хотел себе составить представление о том, где группируются белоруссы. Но сначала их буквально нигде нельзя было найти. Лишь позднее обнаружилось, что это весьма распространенное, но крайне ополяченное племя, стоявшее на столь низкой степени культуры, что помочь им возможно было лишь продолжительным воздействием. Евреи еще не знали, чего им держаться, но они нам не делали затруднений, и к тому же мы понимали язык друг друга, тогда как с поляками, литовцами и латышами об'ясниться почти никогда не удавалось. Эти затруднения сказывались очень тяжело, и не могут быть переоценены. Вследствие отсутствия соответственной немецкой литературы, мы мало знали быт и людей этой местности, и видели перед собой как бы новый мир.

В области, которая по своим размерам равняется приблизительно Восточной и Западной Пруссии, Познани и Померании вместе взятым, перед нами предстала чудовищная задача: все заново построить и организовать. Сначала надо было обеспечить спокойствие и порядок в армейском тылу и искоренить шпионаж. Страна должна была сама себя прокормить и принять участие в прокормлении армии и родины, а также оказать помощь в снаряжении войск и вообще нашему хозяйству в обстановке войны. Наше экономическое положение, вследствие неприятельской блокады, вменяло нам это в обязанность.

Постепенно надо было также приступить к культурным задачам, для разрешения же каких-либо политических проблем время еще не настало.

Этапные инспекции, на которые всегда в первую очередь выпадает администрирование занятых территорий, получили и здесь эту задачу.

Этапные коменданты выполняли свои военные обязанности по поддержанию в стране спокойствия. Для этой цели в их распоряжении имелись этапные войска, а в борьбе с шпионажем им помогала полевая полиция.

Для управления страной этапной инспекции был придан особый орган, во главе которого находился начальник администрации. Последний был снабжен особыми полномочиями и был вполне ответственен перед своим этапным инспектором.

Этапные инспекции являлись высшей об'единяющей инстанцией для этапных комендантов и административных властей. В этом механизме создались противоположные друг другу трущиеся поверхности; но вовсе избежать трений невозможно: надо признать, что и у нас, немцев, при случае трения непременно возникают. Так обстояло и здесь. Но в конечном результате наши выдающиеся этапные инспектора преодолели все. Генерал фон-Гарбоу, генерал Мадлунг и барон фон-Зекендорф проявили себя как администраторы.

На протяжении всей территории. находившейся в ведении главнокомандующего востоком, особый высший орган должен был об'единять и регулировать все административные и хозяйственные вопросы. Для учреждения генерал-губернаторства территория не давала основания, не считая уже и того, что создание генерал-губернаторства вообще не целесообразно: армии должны были иметь собственные этапные районы. Генерал-квартирмейстер был слишком занят западом и не мог уделять достаточного внимания территории главнокомандующего востоком. Последний должен был самостоятельно решить этот вопрос.

Этапные инспекции должны были приводить в исполнение мероприятия, на которых останавливался главнокомандующий и сверх того выполнять многие отдельные поручения.

При отсутствии в области какого-либо своего административного аппарата и каких-либо судебных властей управление получило особый отпечаток. В ноябре 1918 года это помогло ему противостоять революционной буре.

V.

Я хочу дать картину административной работы главнокомандующего востоком и делаю сие с удовольствием, так как здесь, как и в области чисто военной работы, я обязан моим помощникам. Совместная работа, которая продолжалась до моего ухода в конце июля 1916 года,

была большим, прекрасным и достойным германских мужей деянием. Работа послужила на пользу армии и отечества, а также на пользу и благосостояние данной местности и ее населения.

Для этой ответственной деятельности я нуждался в многочисленных сотрудниках. Они не были набраны сразу, а привлекались постепенно, по мере возникновения необходимости. Рядом с моим военным штабом постепенно образовался обширный административный штаб, во главе которого стоял обер-квартирмейстер генерал фон-Эйзенгарт-Роте. Последний был знающим человеком во многих областях экономической жизни. Он с самоотверженным усердием служил делу и помогал мне, проявляя при этом энергию и инициативу. В дальнейшем генерал фон-Эйзенгарт-Роте, будучи назначен главным интендантом, оказал мне особенно ценную помощь. В конце октября прежде всего надлежало распространить администрацию на вновь занятые части этапного района. В более западной части территории она была уже установлена ранее. Полоса вдоль всего фронта, как оперативный район, осталась в непосредственном ведении штабов армий.

В различных этапных районах организация развивалась различными путями. Следовало привести ее к известному единству, иначе аппарат был бы слишком пестрым и запутанным, но это об'единение надо было проводить очень осторожно, иначе дело могло бы пострадать.

Большой об'ем задач и протяжение организуемой области, несмотря на всю экономию, потребовали для администрации большого количества людей. Вообще я придерживался того взгляда, что важно не количество, а качество людей, но, конечно, и это положение имеет предел. Я не мог пойти дальше известного минимума, впрочем, никакая другая организация не была бы более сжатой. От каждого в отдельности требовалась очень большая работа, справиться с которой можно было только при полном напряжении сил.

Мне представлялось важным, чтобы администрация была проникнута военным духом, последнее требовало оставления ее в рамках этапных инспекций. Служащие назначались преимущественно из числа военнослужащих, не пригодных более для военной службы. Но я привлекал и невоенных, так как, конечно, хотел иметь лиц со специальной подготовкой и никак не мог разделить того взгляда, что большинство людей способно занимать всякую должность. Я часто имел случай наблюдать, как известная техника работы облегчает на общую пользу все дело. На чисто административные должности мне приходилось брать людей и без специального образования, но тогда его заменяла ясная воля, общее развитие и здравый человеческий смысл. В сельском хозяйстве, лесном деле, суде, финансах, церкви и школах, конечно, были необходимы специалисты. При крайней необходимости в людях в армии и на родине, особенно в начале, было труднее всего найти необходимых людей. Позд-

нее, когда администрация главнокомандующего востоком приобрела известное имя, дело пошло легче. О лицах, предлагавших свои услуги, мы наводили справки в соответственных учреждениях на родине.–Администрация и этапная инспекция таким же образом заполняли и низшие должности. Я хотел иметь в чужом краю надежных людей. Местные уроженцы принимались на службу только в Курляндии и то с большим разбором.

Каждый, подобно мне, принимался за свою трудную и тяжелую работу. Мы действовали в абсолютно нам незнакомой обстановке и к тому же в стране, расшатанной войной, в которой были порваны все государственные и экономические нити. Мы имели перед собой чуждое население, состоявшее из различных, враждебно относящихся друг к другу племен, говорившее на непонятных для нас языках и большей частью не лежавшее к нам сердцем. Но дух точного и самоотверженного выполнения своего долга, наследие вековой прусской дисциплины и германской традиции, воодушевлял всех.

Постепенно при ближайшем знакомстве со страной я замечал, что то или другое неприменимо и должно быть изменено Само собой разумеется, что бывали случаи, когда можно было поступить лучше и достигнуть большего. Но моя задача была действовать в известных мне условиях быстро и решительно. И в данном случае в экономических вопросах лучше было сделать ошибочный шаг, который впоследствии всегда мог быть исправлен, чем ничего не сделать. Каждый раз лишь после того, как дело было в ходу, я мог в нем начать ясно разбираться. В политических вопросах следовало бы действовать осторожнее, но таковых я еще не затрогивал.

VI.

Область, которую должен был администрировать главнокомандующий востоком, на юге распространялась и на часть этапного района фронта генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского. Этот участок при наступлении был пройден 12-й армией и затем он стал ее этапным районом. Беловежская пуща таким же путем попала в административное ведение главнокомандующего востоком. Таким образом подлежащая администрированию территория включала все изменения этапных районов и развивалась параллельно с последними. На рубеже 1915—16 годов были образованы следующие административные округа:

Курляндия, Литва, Сувалки, Вильна, Ковна, Белосток.

В дальнейшем эти районы были несколько изменены: Вильна и Сувалки были соединены в один административный Виленский округ. После моего ухода в июле 1916 года, по моему желанию, последовало об'единение округов Вильны и Литвы в один литовский административ-

ный округ. Гродна и Белосток были об'единены еще до того. Осенью 1917 года этот увеличенный уже округ целиком слился с Литвой.

Общественное мнение уделяло внимание личностям административных начальников Курляндии и Литвы.

В Курляндии майор фон-Гослер управлял страной очень спокойно и об'ективно. Он был членом рейхстага, помещиком и раньше был ландратом [1]). С одной стороны ему удалось сделать прибалтийских немцев более уступчивыми к латышам, отношения с которыми с 1905 года очень обострились, а с другой—он сумел найти соприкосновение и с последними и привлечь и их к положительному сотрудничеству. Еще по сегодняшний день в Курляндии с благодарностью и признательностью вспоминают об его справедливом и предусмотрительном управлении.

Подполковник князь фон-Изенбург, управлявший Литвой, был человек с большим импульсом, а иногда, может быть, даже со слишком большим. Он отличался своей работоспособностью и прекрасно управлял своим родовым имением. Он проявил себя с хорошей стороны уже при управлении занятой частью Польши, и я тогда еще обратил на него внимание. Впоследствии подполковник фон-Изенбург стал жертвой политики. Пока я был в Ковне, политика еще не играла роли в администрации, и он имел возможность беспрепятственно работать в остальных вопросах и установить контакт как с населением, так и с духовенством своего в то время еще небольшого округа.

Я лишен возможности перименовать всех заслуженных административных начальников. В Белостокском округе особенно ярко выступала личность барона фон-Зеккендорфа, этапного инспектора. Он наложил на управление индивидуальный отпечаток, и ему удалось лучше и раньше, чем в других местах, установить правильную совместную работу без трений между уездными начальниками и этапными комендантами.

Административные начальники во всех отношениях несли ответственность за управление страной перед этапными инспекторами и главнокомандующим востоком. Они имели управление, которое соответствовало моему хозяйственному штабу.

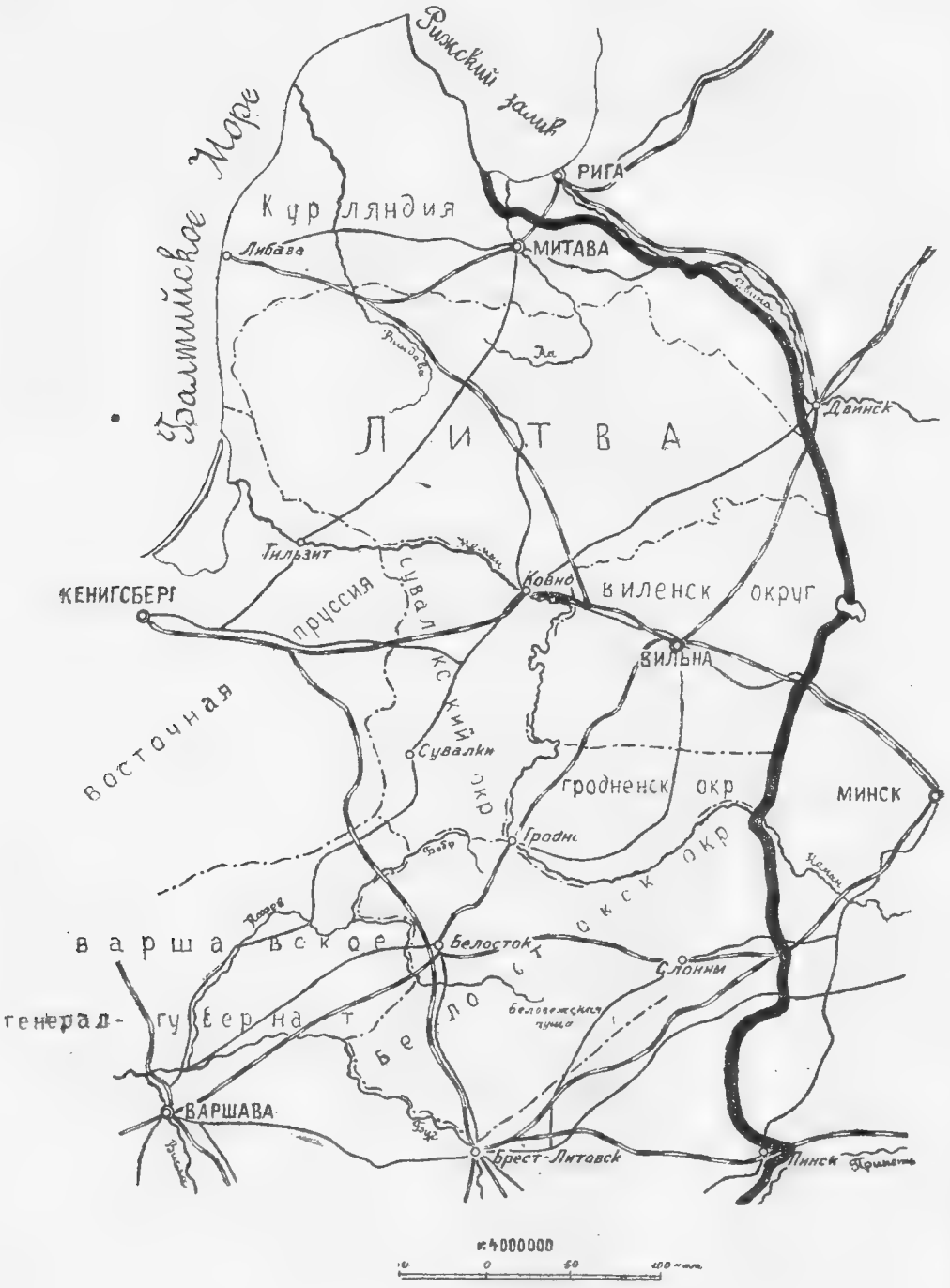
Административные округа подразделялись на уезды, которые по своим размерам часто равнялись этапным районам на западе. На уездных начальниках лежал центр тяжести управления в технически-административном и хозяйственном отношениях. На юстицию они не имели никакого влияния, и она по существу их не касалась. Равными правами с уездными начальниками пользовались начальники наиболее крупных городов.

---

[1]) **Уездный начальник**. *Примечание редакции.*

Уездным начальникам были подчинены бургомистры маленьких городов и волостные начальники сельских местностей. Волостные начальники сносились с сельскими властями. Для сельско-хозяйственного использования страны при уездном начальнике состояли особые хо-

Схема 6. Область, подведомственная главнокомандующему Востоком



земственные чины, в обязанности которых входило наблюдение за обработкой земли и эксплоатация имений, а также забота об увеличении производительности и использовании жатвы. Другие органы служили уездным начальникам для добывания всевозможного военного сырья.

Схема единого управления, как я только-что ее изобразил, в различных округах проводилась лишь постепенно, на основании положения об управлении от 7-го июля 1916 года.

Уездные начальники, как полицейский орган, располагали жандармерией. В пределах административных округов она была об'единена в особые жандармские отделения, а в области ведения главнокомандующего востоком—в жандармский корпус. Мне пришлось особенно пожалеть об отсутствии здесь местных полицейских органов. Германия не могла выслать сюда достаточного количества жандармов, и в виду этого я должен был прибегнуть к откомандированию с фронта солдат старших возрастов. Они подвергались особому обучению, чтобы хоть в некоторой степени быть подготовленными к своему назначению. Необыкновенно заботливый жандармский полковник Рохус-Шмидт и я охотно создали бы что-нибудь более удачное; вся организация возникла только по нужде. Может быть, отдельные жандармы, к сожалению, даже содействовали возникшему впоследствии общему недовольству. Но как должны были они действовать и как что-нибудь проводить в чужой стране, с неприязненно настроенным населением, не имея достаточного знания языка? Этим вопросом я хочу подчеркнуть все трудности, с которыми приходилось считаться немцам в чужой стране. Непорядочность и нечестная нажива никогда и ни при каких условиях не подлежат извинению. Но многие жандармы верно сложили свои головы в борьбе с многочисленными бандами. Их заслуга никогда не должна быть забыта.

В устройство страны, соответственно с делением на уезды, вошли и судебные органы. В каждом уезде был учрежден уездный суд для местного населения. Мы должны были создать таковые, так как какие бы то ни было суды отсутствовали. Род высшей судебной инстанции представляли окружные суды; может быть, последние и были лишними. Верховной инстанцией являлся высший суд в Ковне, под председательством сенатора Кратценберга, в ведение которого, как начальника юридического отделения, входили также дела по администрированию судов.

Учреждение местных судов нисколько не нарушало деятельности этапных судов. Оба судебных института хорошо работали и совместно и параллельно друг с другом.

Лесное хозяйство различных административных делений не входило в круг ведения уездных управлений. В зависимости от наличия лесов были образованы лесные инспекции, из них особенную известность приобрела Беловежская военно-лесная инспекция.

VII.

В установленное таким образом управление надо было вдохнуть жизнь, чтобы оно давало полезную работу. Работать надо было не по чиновничьи, а применяясь к обстоятельствам. Слава богу, «прецеденты»—могила свободной решимости—отсутствовали.

Во всей организации управления моими неотлучными помощниками являлись капитаны запаса фон-Брокгузен и барон фон-Гайль. Капитан фон-Брокгузен до войны был ландратом. Капитан барон фон-Гайль—директором Восточно-Прусского сельско-хозяйственного общества в Кенигсберге. Организация была создана правильно, и она оказалась вполне на высоте серьезных требований.

Особое внимание было уделено санитарным условиям, в которых находилось население. Успешно была проведена борьба с сыпным гифом, который гнездился во многих местах. Много врачей пало жертвами в этой борьбе.

Для успокоения населения и для материального под'ема страны было приступлено к выкупу реквизиционных квитанций, которые были выданы войсками в течение операций. Это было очень сложное и трудное мероприятие. С этого времени мы за все расплачивались наличными. Я хотел таким способом достигнуть поднятия производительности, что ценил выше всего, а также помочь стране.

Нам было важно выкачать сельскохозяйственные продукты, а также обеспечить упорядоченный ход сельскохозяйственных работ, чтобы поля не пустовали. Последнее затруднялось малонаселенностью страны, например, в Баусском уезде приходилось всего 4 человека на 1 квадратный километр. В желании помочь родине и по настоянию оттуда мы питали слишком большие надежды на новую посевную площадь. Мы привлекали германские общества, которые должны были своими средствами произвести обработку слабо населенной страны. Мы сами начали эксплоатировать крупные имения, нам были доставлены моторные плуги и всевозможные сельскохозяйственные машины, а также семена. Войсковые лошади помогали при обработке. Но самое главное было путем правильной расценки и расплаты наличными ободрить сельское население.

Установленные нами цены были ниже цен Варшавского генерал-губернаторства, но оказались вполне достаточными. Мы считались с огромными расходами государственного казначейства. Правительство принца Макса немедленно повысило цены, но основания к этому я не видел. Благодарности за это государственный канцлер, принц Макс, конечно, ни от кого не получил.

Урожайность почвы в общем оказалась ничтожной и обманула наши надежды. Поля не были дренированы, и к посеву можно было приступать лишь очень поздно. Выбор сортов семян производится недоста-

точно тщательно. Искусственного орошения не знали. Только клевер и трава дали хороший урожай, а также рапс и лен.

Подвоз продуктов к железным дорогам и другим ссыпным пунктам был сопряжен с большими трудностями. По скверным дорогам продукты для сдачи везлись на маленьких одноконных и пароконных повозках часто по нескольку дней. За доставку мы платили премии, но своеобразность данного театра войны могла быть лишь смягчена, а не искоренена. Много продуктов так и не удалось вывезти.

Мы немедленно приступили к устройству картофелесушилок, а также продолжали разработку леса и заготовку семян.

Принимая во внимание большие требования к имевшемуся в Германии фонду скота, использование такового в оккупированной области было особенно важно. Конечно, скотоводство от войны сильно пострадало. Пришлось устроить перепись. Работа была трудная. Население прятало рогатый скот в погребах и загоняло в леса, но постепенно все-таки удалось произвести учет голов, несмотря на то, что не имелось никаких сельских описей. Таким образом, мы получили возможность постепенно приступить к правильному использованию скота.

Много внимания было уделено огородам и фруктовым садам. Были открыты фабрики по заготовке мармелада и консервов. В большом количестве собирались и сушились грибы.

Рыбная ловля в многочисленных больших озерах была сдана в аренду, и организован рыбный промысел в море у Либавы.

Все, что каким-либо образом могло быть использовано для питания, было использовано.

Городское население было в весьма бедственном состоянии и зимой 1915—16 года нам пришлось его поддерживать выдачами из интендантских и продовольственных складов. В дальнейшем условия значительно улучшились. Армия получила свою часть, и я помогал также и родине. Я помню, как в июне или июле 1916 года ко мне взывал господин фон-Батоцский, чтобы я помог Берлину,—я оказался в состоянии это сделать.

Для поддержки страны мы разрешили деятельность иностранных комитетов вспомоществования отдельным национальностям; я только потребовал, чтобы их деятельность не была односторонне направлена на помощь своим соплеменникам, а распространялась бы и на других. Особенно широко и плодотворно работали еврейские комитеты, располагавшие большими средствами и черпавшие таковые из Америки. Их деятельность заслуживает признательности и показывает, насколько сплочен этот народ. Первая еврейская народная столовая, открытая в Ковне, носила мое имя, по ходатайству полевого раввина Розенака.

Во всех сельскохозяйственных и продовольственных вопросах мне успешно помогали испытанные силы: в начале известный член палаты

господ майор граф Иорк-фон-Вартенбург и тайный советник ротмистр фон-Рюмкер, а затем служивший в удельном ведомстве майор Геккель.

Реквизиция лошадей, конечно, находилась в руках военных властей. Участие в ней уездных начальников приблизительно отвечало роли прусских ландратов. Литовская лошадь—малорослая, сильная, нетребовательная и смирная и потому вполне пригодна для военных надобностей.

Страна болезненно страдала от имевших место, к сожалению, больших реквизиций лошадей и скота. Местные административные власти часто указывали мне на это, но мне ничего другого не оставалось, как продолжать требовать поставки. Управляемая нами область обиралась не более других. Даже родина ведь страдала от подобных мероприятий. В очень многом проявлявшееся в дальнейшем нежелание воевать об'ясняется этими неизбежными военными требованиями. Суровость, с которой их приходилось проводить, еще увеличила число недовольных и, конечно, была нежелательна. Политическо-демагогическому подстрекательству предоставлялось все больше раздувать это недовольство.

Из фальшивых гуманнистических чувств беречь за счет родины область, находившуюся в ведении главнокомандующего востоком, было бы не делом. При высокой культуре земли в Германии всякое ограничение посевной площади на родине больше бы отразилось на производительности, чем сокращение запашки в области ведения главнокомандующего востоком.

Добывание сырья было особенно важной задачей. Здесь тоже имел место наличный расчет. Евреи при этом были необходимы, как посредники. Мы поставили германскому военному хозяйству много кож, мехов, меди, латуни, тряпья и старого железа, а также разгрузили его, открыв эксплоатацию заводов в Либаве, Ковне и Белостоке. В общем постепенно образовалось обширное торгово-промышленное отделение. Руководителем его был тайный советник майор Эйльсбергер, исключительно деятельный и дальновидный человек. Впоследствии он был назначен директором департамента государственного казначейства.

Большое значение придавалось заготовлению колючей проволоки. Фабрикой колючей проволоки, а также и другими руководил капитан Маркау, работавший в мирное время во Всеобщем Электрическом Обществе, а во время войны состоявший при начальнике полевых телеграфов востока. Таким образом, каждый был использован по своей специальности.

В Либаве военно-железнодорожными властями были открыты большие железнодорожные мастерские.

С добыванием сырья в небольшом масштабе стала развиваться и торговля. Ограничение свободного переезда, которое мы должны были

установить с целью обеспечения военных интересов, мешало свободному развитию торговли.

Обширные лесные пространства были особенно заманчивы, но всякая хищническая рубка была воспрещена. Количество материалов, необходимое для укрепления позиций и для железнодорожных шпал, было очень велико. Лесопилки открывались одна за другой, но так как армии обслуживали себя почти-что самостоятельно, то мы имели возможность поставлять лесной материал на запад и в Сербию. Строительный лес отправлялся в Германию, а также выдавался местному населению для возобновления жилищ.

Начальник полевого воздухоплавания учредил около Альт-Аутца в Курляндии особенно хорошо оборудованную мастерскую для аэропланных гаражей и бараков.

Шпалы были заготовлены в большом количестве.

Заготовка дров требовала большой работы, которая в зиму 1915—16 года была связана с особенными трудностями, так как у нас не имелось никаких данных о потребном количестве.

Дерево на целулозу в значительном количестве было доставлено в Германию для пороховых и бумажных фабрик. Мы очень скоро в занятой области установили свободную торговлю этим материалом. И родине и нам это оказалось полезно. Я радовался, что нашел возможность облегчить родине снабжение бумагой частных издательств.

Сплав леса по Неману и другим сплавным рекам был восстановлен и блестяще организован лесным советником Шюттэ.

Мы приступили также к добыванию смолы и заново организовали это дело в данной местности по проектам старшего лесовода Кинитца. Это скучное дело в результате хорошо себя оправдало. Наше добывание смолы в дальнейшем послужило образцом и для Германии. Для переработки смолы был открыт завод в Ковне.

Химические древесные продукты всех родов мы также вырабатывали на особых к тому предназначенных заводах.

Наконец, мы выжигали и древесный уголь.

Лесной советник Кирхнер и многие другие специалисты по лесному делу воздвигли себе памятник своей предусмотрительностью и энергией. То, что создал лесной советник майор Эшерих, будучи экономическим организатором и администратором в Беловежском лесном округе, приводило в восхищение многих посетителей, приезжавших из Германии.

Экономическая эксплоатация страны по всем направлениям производилась очень основательно, но при этом насколько возможно щадились страна и население.

Забота о поддержании валюты исключала возможность производить расчеты германскими деньгами. По соглашению с государственным банком и берлинскими властями, интендант армий тайный советник

Кессель и капитан Кенигс выпустили особые денежные знаки главнокомандующего востоком, которые скоро стали охотно приниматься. Мы привлекли также и германские банки, чтобы дать стране новый экономический импульс.

Не легкая задача была финансировать всю администрацию. Действительный тайный финансовый советник капитан Тизлер, проявивший особую дальновидность и творчество, очень удачно приступил к этой задаче. Он предварительно составил точную смету всей администрации и одновременно изыскал источники доходов.

Штат личного состава, как я уже упомянул, был насколько возможно ограничен. Между отдельными частями моей администрации шла оживленная борьба за места и оклады подчиненным. Начальники этапных управлений долгое время выступали с дополнительными пожеланиями. Мне пришлось уравнивать, и я вкусил от печалей и забот нашего государственного финансового управления. Когда мы, наконец, благополучно закончили первую смету, она была передана на рассмотрение в военное министерство в Берлин и к генерал-квартирмейстеру, утверждена и после большой борьбы принята.

Наши доходы базировались на таможенных пошлинах, монополиях, налогах и государственном производстве.

Вся система налогов технически должна была быть построена на самых простых основаниях. Правильная и тем самым сложная система налогов при недостатке в соответственно-вышколенном персонале, при отсутствии каких-либо исходных данных работ русского управления и неопытности населения разбираться в ней оказалась бы прямо неосуществимой. Центр тяжести налогов, применяясь к русской системе, был перенесен на пошлины, косвенные налоги и монополии.

Ввозные пошлины взымались на границе, с удержанием части в пользу прусского финансового управления их же чиновниками. Частные посылки, адресованные в армию, естественно пошлиной не облагались. Таким образом, обложенными оказались только те немногочисленные грузы, которые предназначались для потребления населения. Доходы из этого источника были очень скромные.

Мы же обложили умеренной вывозной пошлиной лишь целулоидную древесину. Это давало нам немного.

Налоги давали более обильные доходы. Капитан Тизлер монополизировал торговлю папиросами. Осуществление этого мероприятия с финансово-технической стороны достойно подражания. Торговля водкой, сахаром и сладким, солью и спичками была монополизирована на подобных же основаниях.

Из прямых налогов мы должны были ввести очень грубо разделенную на разряды поголовную подать, так как у нас не было никаких данных, чтобы установить более правильную систему личных налогов.

Был введен налог на недвижимость, которым были обложены землевладельцы и домовладельцы, а также и промысловый налог.

В общем население осталось налогами довольно, так как налоги не ложились слишком тяжело. Из общей суммы налогов, включая и коммунальные подати, на каждого человека приходилось только 19,5 марки, вместо 32,75, которые он уплачивал перед войной.

Жители никак только не могли привыкнуть к налогу на собак. Среди собак развилось бешенство, превратившееся в народное бедствие, и ему надо было противодействовать. Когда налог на собак исполнил свое назначение в этом отношении, он был отменен.

Государственные предприятия сначала не давали существенных прибылей. Это об'ясняется, с одной стороны, большими расходами на обзаведение и большим отчислением на амортизацию, а с другой—тем, что при экономической блокаде Германии руководящим мотивом должно было быть не извлечение доходов, а возможное расширение производства.

Выше я очертил только существенное, постепенно же нарастали и другие источники доходов. Результат оказался благоприятным. Доходов хватало, чтобы управлять страной, не обращаясь к приплатам из Германии. Была выполнена обширная, но деликатная в деталях работа.

VIII.

Система суда отвечала гаагским постановлениям о сухопутной войне. Последние требовали, чтобы в гражданских делах к населению применялись местные законы. В виду этого прежде всего надо было установить, какие законы вообще существуют. При запутанности, господствовавшей до войны в русской юриспруденции, это было не легко. После того, как законы были найдены, их надо было перевести на немецкий язык, чтобы германские судьи могли выносить по ним приговоры. Я думаю, что никакой другой народ, кроме германского, не устраивал таких церемоний в занятой во время войны области. Но неприятельская пропаганда настолько сумела прославить нас на весь мир варварами (гуннами), что мы не могли уклониться от этой процедуры. Сенатор Кратценберг действовал с удивительным спокойствием и ясностью. Германские судьи с такой же об'ективностью и с таким же благоговением судили по чужим законам в бедном вшивом литовском городишке, как в Берлине по собственным законам. Кто сравнится с нами?

Следующее благодеяние, которое мы оказали населению, состояло в установлении правильной линии в школьном деле. Проект был составлен майором Альтманом, бывшим докладчиком прусского министерства исповеданий. Он исходил из широкой точки зрения и не стеснял ни одно вероисповедание и ни одну народность. Здесь, как и во всем прочем, исключалось все, что походило бы на политику булавочных уколов.

Для школ нехватало учителей. Нас выручили ландштурмисты—бывшие учителя. Они говорили с детьми, добровольно посещавшими школы, только по-немецки, что нам впоследствии вменилось в вину. Но, к сожалению, учителя не знали никаких других языков. Учительским составом, говорившим по-литовски и по-польски, мы располагали лишь в весьма ограниченном количестве. Вопросу учебников тоже было уделено внимание. Насколько учебные пособия могут раздувать национальные чувства, показали мне различные польские хрестоматии. Данциг, Гнезен, Познань, Вильна оказывались по ним польскими городами. Этот факт произвел на меня такое же глубокое впечатление, как последовательность, с которой Франция подобным же способом воспитывала свою молодежь на идее реванша. Таким путем поляки и французы будили в себе сильное национальное чувство, которое теперь им послужило на пользу. Мы не вели подобной школьной политики и страдали от того, что наша молодежь была недостаточно проникнута сильным национальным мышлением. Национальное чувство необходимо, если страна хочет преодолеть такие кризисы, какие мы переживали с 1914 г. и в особенности теперь. Эти взгляды отбрасываются всеми теми, которые на первое место выдвигают общечеловеческие идеалы. С их точки зрения это понятно. Но сила событий будет говорить против них до тех пор, пока все государства не станут на их точку зрения. Теперь мы горько нуждаемся в сильном национальном чувстве.

Вероисповедания в своих отправлениях ничем не ограничивались. Мы настолько шли им навстречу, что помогли евреям выдачей пшеничной муки на предмет выпечки мацы.

Евангелическое духовенство в Курляндии полностью стояло на нашей стороне. С литовским католическим духовенством у нас скоро наладились терпимые отношения, но польско-католическое было настроено враждебно. В поведении духовенства в известной степени отражалось настроение населения, только литовское духовенство в общем относилось к нам лучше, чем литовская демократия в Вильне, которая со своими смутными стремлениями очень скоро потеряла под ногами почву. Польское духовенство было носителем польской национальной пропаганды. Даже под русским кнутом оно действовало чрезвычайно последовательно. С литовцами оно находилось еще в борьбе, но белоруссов уже положило на обе лопатки. Как русские это допустили, мне непонятно. С соизволения русских, белоруссы внимали слову божию не на родном, а на польском языке! Как руссины в восточной Галиции, так и здесь их братья подавлялись с помощью духовенства.

Поляки очень скоро начали проявлять деятельность в области просвещения и хотели открыть в Вильне университет, но я это предложение отклонил.

Пока я руководил управлением, мы в общем держались в отношении к различным нациям нейтрально. В равенстве нашего отношения к литовцам и полякам последние видели к себе нечто враждебное. Я, правда, знал, что нейтральная политика друзей не приобретает.

Я намеренно не вел никакой национальной политики, так как таковая могла проводиться лишь после выяснения наших отношений к Польше. Германское правительство еще не приняло никакого определенного решения, и моя деятельность являлась лишь логическим последствием. Принимая во внимание общее положение страны, выдвижение в управлении политических вопросов было также преждевременным. В виду этого я и не обращался к государственному канцлеру с просьбой дать мне какие-либо политические руководящие указания и только делился с ним своими мыслями.

Каждая народность имела свою газету, которая, конечно, цензуровалась. «Ковенская Газета», как издаваемая на немецком языке, занимала первое место.

В вопросах прессы и цензуры моим сотрудником был капитан Берткау. Он соединял в себе большую работоспособность и знание газетной техники с самостоятельным и зрелым политическим суждением, в виду чего он был мне очень полезен. До того он работал в Ульштейнском издательстве, а редактор «Ковенской Газеты», поручик Осман, был сотрудником „Deutsche Tageszeitung“. Своим пламенным национальным чувством последний отвечал моим требованиям.

Я пред'явил всем газетам определенное требование — обсуждение событий в Германии в духе политики канцлера.

Политической деятельности среди населения я, конечно, допустить не мог. Таковая была запрещена, всякие собрания были также под запретом.

Несмотря на необходимое сокращение перевозок, я допустил для населения в известном размере почтовые сношения. Я учредил с помощью государственного почтового ведомства местную почту. Имели обращение имперские почтовые марки, отпечатанные с небольшим изменением, которые были действительны для области главнокомандующего востоком.

Литовцам и евреям мы, наконец, облегчили сообщение с их соплеменниками в Соединенных Штатах.

Мы с удовлетворением видели, что положение в стране укрепляется, и жизнь входит в правильную колею. Германский дух порядка и гигиенические требования постепенно прививались. Земледелец зарабатывал больше, чем при русских; торговля в городах вновь восстанавливалась.

Населением мы управляли со спокойной уверенностью. Я высказался против принудительного приветствия, которое было введено одной из

армий. Теперь население должно сознавать, что мы действовали справедливо и умеренно.

IX.

Хозяйственный распорядок, организованный в оккупированной области, был распространен войсками и на оперативный район. В войсковом районе, главным образом, были установлены лесопилки. В армиях был большой спрос не только на доски, но и на древесную стружку, служившую подстилкой для офицерских и солдатских постелей и заменявшую лошадям подстилочную солому. При однообразии позиционной войны солдатам доставляло большое удовольствие принимать участие в экономической жизни.

Я испытывал то же чувство и был доволен, что мы помогаем отечеству на новом для меня пути. На мою долю выпала очень оживленная работа, которая сильно меня захватила. Я познакомился со многими замечательными людьми и имел возможность проявить деятельность во многих мне до сих пор чуждых областях. Мне было особенно приятно, что сотрудники военного управления оказывали мне неограниченное доверие. Все управление было проникнуто моей волей, и я получал творческое удовлетворение. Мы сознавали, что работали на чужой территории для будущего Германии. Мы хотели, преимущественно в Курляндии, приобрести землю для германской колонизации. Я воспретил продажу недвижимости, чтобы сохранить в дальнейшем возможность правильной аграрной и колонизационной политики и прекратить спекуляцию землей. В то время я мечтал о распорядке, подобном тому, который был с большим успехом установлен морским ведомством в Киао-Чао.

То, что создала в стране администрация главнокомандующего востоком за короткое время до моего от'езда в августе 1916 года, останется культурным подвигом. Без громких фраз: была выполнена большая практическая работа.

Чудный подарок, который позднее в Плессе мне поднесли сотрудники административного управления, будет всегда служить воспоминанием этого времени, когда в разгар войны мне удалось заняться строительством.

Работа не прошла даром. В течение самой войны она принесла пользу родине, армии и стране, но остались ли там семена, которые впоследствии принесут плоды, это вопрос, связанный с нашей тяжелой судьбой, на который может ответить только будущее.

Борьба и кризис на востоке.

X.

В то время, как на территории главнокомандующего востоком шла спокойная работа для армии и оккупированой области, военные события развивались своим чередом.

Наши успехи в Сербии и Черногории в ноябре и декабре 1915 года обусловили четвертое сражение на р. Изонцо, а к Рождеству того же года вызвали русских на атаку южной части австро-венгерского фронта, которая продолжилась и на январь. Обе попытки были вполне успешно отражены нашими союзниками.

Оба верховные командования должны были теперь составить план кампании на 1916 год. Оба стремились добиться решения наступательными действиями. Германское верховное командование намечало атаку у Вердена, а австро-венгерское—наступление из Тироля в Италию.

Из этого для всего восточного фронта вытекали две задачи: во-первых, выделение на другие фронты части войск и, во-вторых, отражение русских атак, которых можно было ожидать с уверенностью.

Выбор Вердена пунктом атаки являлся стратегически правильным решением. Эта крепость всегда была для нас очень чувствительным пунктом, откуда могли дебушировать активные предприятия неприятеля, чрезвычайно угрожавшие нашим сообщениям с тылом; осень 1918 года это подтвердила в полной мере. Если бы нам только удалось захватить укрепления правого берега Мааса, уже был бы достигнут большой успех. Тем самым значительно улучшилось бы общее стратегическое положение на западном фронте, а равно и тактические условия пребывания наших войск в изгибе Сен-Миель. Атака началась 21-го февраля и сразу же в первые дни дала крупные результаты, благодаря блестящим качествам наших войск. Но атака была поведена на слишком узком фронте и весьма скоро застопорилась. В начале марта весь мир находился еще под обаянием германской победы под Верденом.

Атака австро-венгерской армии из Тироля в глубь верхней Италии состоялась лишь в конце апреля—начале мая. В виду плохих железнодорожных условий в Тироле, подготовительные работы должны были начаться много раньше.

Для организации удара на Верден германский восточный фронт должен был отослать тяжелую артиллерию на запад. Сверх того, высшее командование призвало наши дивизии из Сербии. Австро-венгерское верховное командование также существенно ослабило восточный фронт в пользу итальянского.

Обе атаки имели ту общую черту, что первоначальные успехи далее не могли быть развиты по недостатку сил. У Вердена, может быть, требовалось и не так много, чтобы достигнуть благоприятного для нас заключительного положения, так как операция ограничивалась рамками тактики.

На итальянском фронте дело шло о крупной операции, которая с самого начала по своему замыслу для достижения действительного успеха требовала значительно больших сил, чем имелось в наличии. Сознание этого, вероятно, и привело к столь сильному ослаблению восточного фронта, которое, при значительности превосходства русских, несомненно представляло опасность даже в случае достижения решительного успеха в Италии. Удачно отбитое зимнее наступление русских, кажется, уничтожило в Австро-Венгрии всякие опасения за восточный фронт.

Были ли оба верховные командования в состоянии предпринять другие операции, или одну общую атаку на Италию, я определить не могу. Во всяком случае разрешение войны на итальянском фронте не могло быть достигнуто. Таковое лежало на западе, во Франции. Но здесь мы могли выступить с достаточными силами лишь после того, как русские были бы сокрушены. Мои мысли обращались к Румынии, которая была стрелкой на весах. Надо было выяснить ее поведение. Если бы она присоединилась к нам, хотя бы под угрозой, то русские были бы решительно обойдены с фланга и могли бы быть достигнуты крупные цели. Если же Румыния присоединилась бы под нашим давлением к Антанте, то мы, по крайней мере, знали бы, чего нам держаться. Мы должны были бы, не теряя времени, пустить в ход имевшиеся еще тогда в наличии войска.

На балканском и мало-азиатском театрах военных действий четверной союз также вел оборону. Только южнее Багдада генерал-фельдмаршал фон-дер-Гольц подготовлял удар у Кут-эль-Амары.

Положение Турции, вследствие отказа Антанты от Галлиполийской операции, значительно улучшилось.

Каковы были намерения Антанты на 1916 г. до того, как французской армии пришлось напрячь все свои силы у Вердена, мне неизвестно. Казалось, что Антанта подготовляет большие атаки на всех фронтах, что и отвечало существу обстановки.

Русское наступление в Армении, ознаменованное в начале 1916 года взятием Трапезунда и Эрзерума, не имело стратегического значения. Эта операция не требовала от России сосредоточения особых сил.

Русские располагали против турок большим превосходством в силах и находились в более выгодном положении.

Действия англичан в Персии, Месопотамии и на Синайском полуострове имели целью не уничтожение турецкой армии, а расширение Британской мировой империи местными завоеваниями.

XI.

Германский удар на Верден в марте вызвал 5-ю атаку Изонцо итальянскими войсками. Таким образом, она состоялась много раньше намеченного Австро-Венгрией наступления и опять оказалась безрезультатной.

Выступила также и русская армия.

Русское наступление, намеченное во второй половине марта против фронта главнокомандующего востоком, далеко выходило из рамок простой попытки оттянуть на себя силы. Это был решительный бой и, как таковой, заранее распланированный. Найденные приказы гласили об изгнании врага из пределов империи.

С начала марта к нам поступали сведения о готовящемся наступлении на Вильну. Было отмечено сосредоточение войск восточнее Сморгони. Направление Сморгонь — Вильна представлялось вероятным. Из Двинска и Якобштадта также приходили известия о готовящейся атаке. Мы начали принимать соответственные меры. Казалось, что до начала операции остается еще значительное время. В виду этого, по семейным обстоятельствам, а также по случаю бракосочетания ротмистра принца Якима Прусского, состоявшего с осени 1914 года верным сотрудником нашего штаба, я решил на два дня поехать в Берлин. 11-е и 12-е марта я провел в Берлине, и там получил известия, которые указывали на вероятность скорого начала атаки. Я успокоился, лишь вернувшись в Ковну.

Уже 16-го марта русские открыли ураганный огонь, но не у Сморгони, как мы ожидали, а на теснину между озерами Вишнев и Нароч, а также по обе стороны узкоколейной железной дороги Свенцяны—Поставы и южнее Двинска. Артиллерийский бой велся с невиданной на востоке силой и 17-го марта продолжался. 18-го начались пехотные атаки и продолжались с перерывами до конца марта.

План русских заключался в том, чтобы отрезать в направлении на Ковну наше северное крыло и одновременно поколебать его атаками в других пунктах. Последующими ударами оно должно было быть отброшено к берегу моря севернее Немана. План был задуман широко.

Отрыв нашего крыла должен был начаться производством двух атак: в озерном дефиле и от Постав к Свенцянам, которые и должны были прорвать наш фронт на означенном участке. Район атаки был обширен и хорошо выбран. Наши резервы оказались бы недостаточными, чтобы позади

сомкнуть наш фронт. К тому же в виду плохих железнодорожных сообщений с озером Нарочь (железная дорога туда еще только строилась), наши резервы лишь с трудом могли достигнуть поля сражения. Если бы прорыв удался, то дальнейшее вытекало само по себе, и дорога на Ковну оказывалась свободной.

На участках, расположенных севернее, атаки велись южнее озера Дрысвяты у Видзы и главным образом из предмостных позиций у Двинска и Якобштадта.

С 18-го по 21-е марта положение 10-й армии было критическим. Русские обладали огромным численным превосходством. 21-го марта русские одержали в озерной теснине успех, который для нас был очень болезненным, западнее Постав их атака была лишь с трудом отражена. Земля размякла, в болотистых местах вода образовала пруды, а дороги стали буквально бездонными. Подкрепления, спешно подвозимые штабом 10-й армии и нами, шлепали в болоте, с трудом подвигаясь вперед от железной дороги Вильна—Двинск. Всеми овладело напряженное беспокойство о дальнейшем. Но русские, которым приходилось продвигаться по еще менее благоприятной местности, чем та, которая находилась позади наших позиций, сами выдохлись. 26-го марта, когда русское наступление вновь достигло большого напряжения, мы в сущности уже преодолели кризис.

Положение армейской группы Шольца и 8-й армии было не менее тяжелым. Лейб-гусарской бригаде, растянутой на широкой позиции, пришлось отражать массовые неприятельские атаки. Она выполнила это блестяще. Неприятельские атаки далее к северу, у Двинска, были особенно упорны. Дивизии, укомплектованные солдатами старых сроков службы, дрались с таким же самоотвержением, какое проявляли рядом с ними их молодые товарищи.

У Якобштадта фронт был занят особенно жидко, но расположенные там западно-прусские полки выполнили свой долг, и неприятельские удары были отражены.

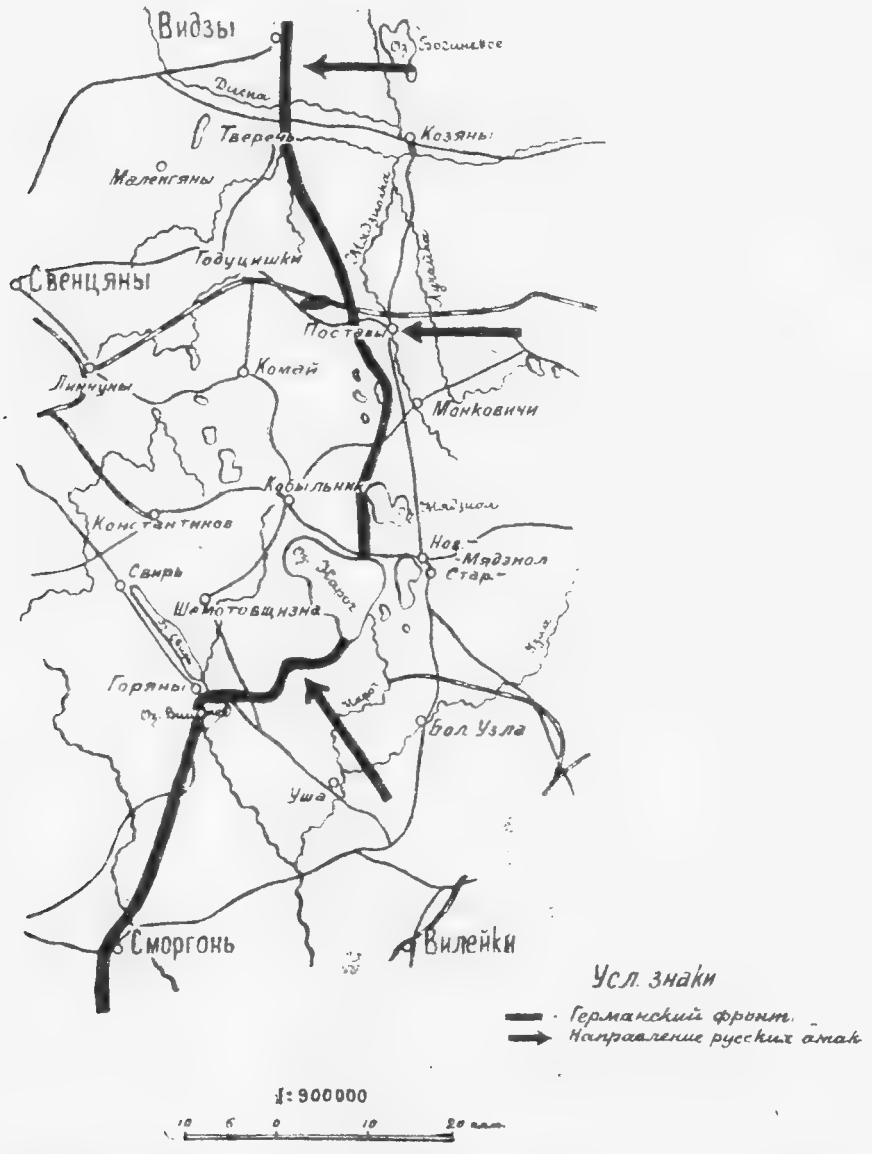
К концу марта русские атаки уже истощились. Как тогда говорили без преувеличения, они утонули в «болоте и крови». Потери русских были чрезвычайны. Тонкие линии наших храбрых войск, еще хорошо обученных и имевших обильное количество офицеров, господствовали над массовой тактикой плохо обученной русской армии. Напряжение войск, принимавших участие в этой операции на глубоко размытой земле, в холодную и сырую погоду, было очень велико.

Фронт главнокомандующего востоком выдержал первое большое оборонительное сражение.

Оборонительный бой для высшего командования только кажущимся образом протекает с меньшим напряжением, чем наступательное сражение; в действительности же, он больше бьет по нервам. Деятельность

вождя сводится лишь к своевременной подаче резервов, а для этого, прежде всего, надо вообще иметь резервы. Но этого трудно достигнуть, когда управлению армий приходится жить изо дня в день и не легко решиться на переброску резерва, пока направление неприятельской атаки еще не точно выяснено, а решаться все-таки надо, так как иначе

Схема 7. Бои у озера Нарочь в Марте 1916



резервы подойдут слишком поздно. Также очень трудно отнимать у частных начальников резервы, пока они еще думают, что им самим угрожает атака. В тех условиях доверия, которым пользовались подполковник Гофман и я в штабах армий, эти серьезные вопросы решались без трений, на общую пользу армий.

В начале апреля наступило спокойствие.

28-го апреля 10-я армия прекрасно подготовленной атакой, поддержанной сильной артиллерией, вновь овладела утраченными в мартовских боях участками между озерами Вишнев и Нароч. Это была первая атака на востоке, при которой мы применили те средства артиллерийской борьбы, которые на западе стали уже обыденными. Результат был хорош.

Мы рассчитывали на продолжение широко задуманного русского наступления на нашем фронте. Армии были приведены в порядок и резервы выделены. По распоряжению верховного командования, нам передали германские дивизии, находившиеся на австро-венгерском фронте. В течение всего мая атаки со стороны рижской предместной позиции и в районе Сморгони казались вероятными. Мы приняли соответственную группировку и со своей стороны также помышляли о наступлении. При тех слабых силах, которые имелись в нашем распоряжении, оно могло иметь, во всяком случае, лишь местный характер у Риги, с целью захватить столь неудобную для нас предмостную позицию.

Его величество посетил нас в конце мая. Император объехал всю область главнокомандующего востоком. Генерал-фельдмаршал и я сопровождали его. Мы посетили также и Митаву. Этот город показался мне родным, германским, и это впечатление я никогда не забуду. Все, первый раз попадавшие в Прибалтийский край, получали тоже ощущение, это кусок нашей родной земли.

В начале июня мы ликовали по случаю успеха, одержанного германским флотом в морском сражении у Скагерака. Этот бой был великим подвигом мировой войны, который оказал влияние на поведение нейтральных государств. К сожалению, радость была омрачена данными о наших потерях, которые в начале были сообщены в преуменьшенном виде, а затем увеличились.

XII.

Я с глубоким интересом следил за деятельностью нашего флота. В мирное время во флот было вложено много средств. Теперь флот призывался, как полноценный боевой фактор, чтобы наряду с армией бороться за победу и защитить от Англии, которая хотела нас задушить. В виду участия Англии в войне, надо было ожидать, что борьба, по историческим английским традициям, будет вестись против всего населения центральных государств, не считаясь с существующими нормами международного права и требованиями гуманности. С самого начала было ясно, что наши крейсера не смогут удержаться на океанском просторе. Средиземноморская дивизия ушла в Константинополь. Крейсерская эскадра Восточной Азии и Индийского океана, после начала японских операций против Киао-Чао, гарнизон которого вел безнадежную оборону, осталась без опорного пункта и должна была возвратиться в отечественные порты. Бои при Коронеле 1-го ноября и при Фалкланд-

ских островах 3-го декабря 1914 года знаменуют победу, бедствие и конец крейсерской эскадры. При воспоминании о них, сердце каждого германца переполняется гордостью и глубокой грустью. Наши крейсера и вспомогательные суда разбрасывали мины в неприятельских водах и при случае делали небезопасными для противника и океаны. Действия их приносят большую честь германской смелости, но дать решительные результаты они не могли. Но, несмотря на это, их деятельность не была бесплотной, и германцы будут помнить ее.

Средиземноморская дивизия в Босфоре после того, как Антанта отказалась от атаки Константинополя, в общем была обречена на бездеятельность. Неприятельское превосходство в Черном и Средиземном морях было велико. Австро-венгерский флот проявлял мало предприимчивости. По об'явлении войны Италией он только совершал не имеющие значения набеги на ее восточное побережье.

В Балтийском море боевые силы обеих сторон находились в соответствии, что давало возможность поддерживать германское торговое судоходство. Это имело огромное значение для войны, так как обеспечивало подвоз руды из Швеции. Флот, поддерживая свободное плавание в Балтийском море, уже выполнил часть лежавшей на нем задачи. Это позволило и главнокомандующему востоком установить сообщение между германскими портами Балтийского моря и Либавой, что имело большое значение для снабжения войск в Курляндии. Западная часть Балтийского моря для флота осталась районом учебных упражнений.

Главные силы флота находились в Северном море, опираясь на устье Эльбы, Гельголанд и Вильгельмсгафен. Мы должны были бы здесь прямо итти на решительное сражение, как этого хотел адмирал фон-Тирпиц, последний, однако, в этом вопросе не шел на пролом. Только этим путем мы могли бы разрушить неприятельские планы, о которых у нас не было достаточно ясного представления. Английские морские маневры 1910 и 1911 годов давали указание на то, что Англия помышляет о широкой блокаде. Таковая, правда, находилась в несоответствии с международным правом, и могла быть осуществлена только с одобрения нейтральных государств, в особенности Соединенных Штатов.

Англия избегала сражения, но британцы должны были бы решиться на него. Этого настойчиво требовали традиции, взаимоотношение сил и обстановка войны. Если бы Англия выиграла сражение, она могла бы окончательно прервать подвоз в Германию руды из Швеции, и мы никогда бы не смогли в такой степени развить подводную войну, чтобы она стала опасной для Англии. Великобритания задерживала свой флот по политическим мотивам. В бою с германским флотом был риск: Англия могла поплатиться своим мировым положением, своей позицией среди союзников и в пределах империи. Все остальные причины, как-то недостаток доков на восточном побережье для быстрого

исправления полученных в бою повреждений, неубедительны. Англия отказалась от сражения, и это нельзя занести в число славных действий ее гордого флота.

Морской бой 28-го августа 1914 года в Немецком заливе за пределами Гельголанда не имел стратегического значения. Дерзкое мужество руководило нашими крейсерами. Наш флот был более предприимчив, чем неприятельский. Мы несколько раз обстреляли неприятельские берега, остававшиеся уже в течение многих столетий неприкосновенными. 24-го января подобный выпад привел к бою при Догербанке.

Стремление наших моряков вызвать английский флот на бой по возможности близ наших берегов явно сказалось, когда адмирал Шеер стал командовать флотом открытого моря. 31-го мая 1916 года ему удалось ввязаться в бой. Он его не убоялся, несмотря на то, что находился далеко от наших морских баз.

При осторожности неприятельского флота угроза нашим береговым крепостям представлялась мало вероятной, их гарнизоны могли быть выведены. Из них был сформирован морской корпус, который после взятия Антверпена нашел себе применение на берегах Фландрии. Некоторые его части столь же храбро дрались и на сухопутном фронте.

4-го февраля 1915 года была начата подводная война с неприятельским торговым флотом в запрещенной зоне у берегов Англии, против желания адмирала фон-Тирпица, который полагал, что момент еще не настал. Число подводных лодок было очень ограниченное, и я не уясняю, какие соображения это вызвали. Что могли дать подводные лодки, это выяснилось лишь во время войны, на основании беспрерывно прогрессировавших успехов их экипажей и базировавшемся на них опыте. Подводная война, начатая 4-го февраля, не получила развития. В этом виновато ее одностороннее направление, по политическим основаниям, исключительно против неприятельских торговых судов. Вскоре подводной войне были поставлены дальнейшие ограничения, которые ее окончательно подорвали. После эпизода с «Лузитанией», она окончательно замерла. Она еще раз вспыхнула на короткое время в конце 1915 года и в феврале 1916 года. 24-го марта 1916 года был потоплен пароход «Сюсекс». Следствием этого инцидента было заявление Германии от 4-го мая 1916 года, что она впредь будет вести войну с торговыми судами лишь на основании призового права. Подводной войне тем самым был положен конец.

Наши противники, озабоченные подводной войной, не упустили случая признать ее противоречащей международному праву и негуманным способом ведения войны. Удивительная фраза, при постоянном нарушении права Антантой. Новые средства войны создают новые нормы международного права. Последнее было признано Соединенными Штатами в ноте к Англии от 5-го марта 1915 года. Таково же англий-

ское руководящее суждение, принадлежащее адмиралу сэру Перси Скот, опубликованное в «Таймсе» 16-го июля 1914 года. Он пишет:

«Я считаю об'явление блокады посредством мин и подводных лодок вполне допустимым. И если после об'явления блокады английские и нейтральные суда будут ее игнорировать и прорывать, то нельзя будет утверждать, что они преследуют при этом мирные цели, о которых говорит лорд Сиденгам. И если при попытке прорваться судно будет потоплено, то это никак нельзя квалифицировать, как возвращение к варварству и пиратству в их самых мрачных формах».

Война давала нам полное право держаться тех норм подводной войны, которые, по нашему мнению, согласовали военные цели, которые мы себе ставили, с началом гуманности и интересами нейтральных государств. Мы нашли правильный путь, и никакая критика не может внести какие-либо изменения. Будущее подтвердит это.

Немедленно после начала войны, Англия начала против Германии и Австро-Венгрии голодную войну мероприятиями, противоречащими международному праву. Блокада удушения и голода должна была ослабить тело и тем самым подготовить дух к восприятию яда пропаганды. Англия преследовала еще и другие цели: борьбу с ребенком в утробе матери, чтобы создать в Германии физически более слабое поколение. Страшная борьба, ужаснее которой нельзя придумать. Англия действовала с беспрерывной последовательностью, как это часто бывало в ее жестокой истории. Идя к цели шаг за шагом, английское правительство своими «orders in council» от 2-го августа и 29-го октября 1914 г., а также особыми экономическими и военными мероприятиями подавляло всякую возможность непосредственного подвоза морем к германским портам, всякий ввоз товаров через нейтральные государства и, наконец, даже самый ввоз продуктов производства самих нейтральных государств. Ее козырем было об'явление Северного моря с 2-го ноября 1914 года районом военных действий. Тем самым были совершенно заграждены северные пути к Северному морю, и нейтральная морская торговля пригвождена к пути по каналу вдоль побережья Англии и далее по единственному пути через Северное море. А в начале войны Англия об'являла, что принципиально, как норму для своего образа действий, она имеет в виду признать положения Лондонской декларации. В довоенный период ее позиция в этом вопросе была совершенно другая.

Об'явив Северное море театром военных действий, Англия еще раз открыто признала, что она не считает себя связанной призовым правом крейсерской войны и, следовательно, считала законным применение всяких, а значит и насильственных мер, против судоходства в области военных действий. Тем самым Германия была блокирована без установления планомерной блокады. Но, хотя бы по тому, что Англия не

могла воспрепятствовать судоходству в Балтийском море, блокада считалась бы не действительной по смыслу права морской войны.

4-го февраля 1915 года Германия об'явила запрещенный район. Это было не что иное как мероприятие, по существу одинаковое с английским. Оно дало повод Англии к дальнейшему обострению экономической борьбы против центральных держав. Так называемым законом о блокаде от 11-го марта 1915 года Англия об'явила, что на всякое судно, идущее из или в Германию, будет наложен арест. Все товары, предназначенные для Германии, или вывезенные оттуда, а равно товары, составляющие германскую собственность и товары германского происхождения, даже если они представляют нейтральную собственность, подлежат реквизиции и на нейтральных судах. Это также было неслыханное попирание права силой. Англия оправдывала его, квалифицируя, как репрессалию против открывшейся в феврале 1915 года подводной войны.

Но эта мотивировка отпала, когда Германия после сюссекского эпизода торжественно отказалась от подводной войны. Англия должна была бы теперь, когда отпало вызвавшее ее основание, снять и свою так называемую блокаду, если она только намеревалась сообразовать свои действия со своими утверждениями. Но она об этом и не подумала; морская блокада осталась без изменений.

В «orders in council» от 7-го июня 1916 года Англия окончательно отказалась от Лондонской декларации. Тем самым формально были устранены те нормы, которых в действительности никогда не держались, несмотря на даваемые уверения. Нарушения морского права становились правомерными.

Продолжающееся насилие на море над международным правом ощущалось и нами, на востоке. В конце-концов, оно должно было помочь Антанте победить Германию, так как Соединенные Штаты до и после вступления в войну поощряли это насилие Англии, а нейтральные европейские государства находились под ее гнетом.

XIII.

Германское наступление на Верден не дало решительных результатов. В мае операция приняла определенный характер сражения на измор, в котором при массовом введении в дело людей и военного материала борьба за результат протекала на одном месте.

На остальных участках западного фронта было спокойно.

15-го мая, наконец, началось австро-венгерское наступление в Италии. Сначала были достигнуты хорошие результаты. Австро-венгерские войска продвинулись за линию Азиаго—Арзиеро, но к концу месяца можно было уже опознать, что удар потерял свою силу.

На македонском и русском фронтах господствовало спокойствие. Бои продолжались только в Месопотамии. В конце апреля Кут-эль-Амара была взята. Фельдмаршал фон-дер-Гольц не дожил до успеха, который был им подготовлен. Не задолго до атаки он умер от сыпного тифа.

На востоке против австро-венгерского фронта появились признаки готовящихся атак местного характера; главная масса русских войск продолжала стоять против германского фронта.

Антанта имела в виду нанести сильный удар самому опасному противнику—германской армии. На западе он должен был вылиться в атаку на Сомме. На востоке русские должны были атаковать главными силами Барановичи, Сморгонь и Ригу. Бои на австро-венгерском фронте, начавшиеся в первых числах июня у Луцка, Тарнополя и на Днестре, на первое время должны были иметь преимущественно демонстративный характер.

В ударных пунктах против германского фронта находились и были введены в дело значительно большие силы, чем те, которые вначале находились у Луцка и в Буковине. Лишь неожиданно крупные успехи, одержанные над австро-венгерскими войсками, заставили русских отказаться от осуществления большого наступления на фронт главнокомандующего востоком и перенести центр тяжести действий против австро-венгерских войск, сохраняя при этом удар на Барановичи. Чем сильнее оказывалась сопротивляемость германского фронта, тем больше русские от него отступались и тем энергичнее набрасывались между Припятью и Карпатами на своего более слабого противника в лице австро-венгерской армии.

В виду такого развития обстановки борьбы фронт главнокомандующего востоком должен был постепенно ослабляться для усиления находившихся южнее фронтов. Образовалась внутренняя связь в тактических действиях не только между фронтами генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского и фронтом главнокомандующего востоком, но и между германским и австро-венгерским. Прежняя организация командования хорошо отвечала состоянию затишья, но абсолютно не удовлетворяла условиям обстановки, которая могла развиться из русского наступления. Быстрота действий была тут необходима. Окольный путь через Шарлевиль или Плесс и Тешен, где находились верховные управления обоих государств, обусловливал потерю времени, которая не имела оправдания. Такая организация командования уже тормозяще сказалась во время большого мартовского наступления. Трения были избегнуты только вследствие нашей прекрасной дружной работы с фронтом генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского и подчиненной ему армейской группой Вопрша. С этого времени мысль об об'единенном командовании на восточном фронте уже больше не

исчезала из порядка дня. Первым был поставлен вопрос о подчинении главнокомандующему востоком фронта генерал-фельдмаршала принца Леопольда. Но так как надо было создать нечто цельное, как этого всегда требует война, то главнокомандующий востоком должен был об'единить командование всем фронтом от Рижского залива до Карпат. Однако потребовалось много горьких уроков, прежде чем это было достигнуто. Разрешение вопроса затруднялось внешними осложнениями, не имевшими по существу никакого отношения к делу. Австро-венгерское верховное командование в особенности, основываясь на так называемых требованиях престижа, никак не могло примириться с мыслью видеть австро-венгерские войска вышедшими из его непосредственного ведения. При всяком распределении пределов ведения командования австро-венгерское высшее командование усердно отстаивало австро-венгерскую точку зрения—необходимость избежать всякого намека на военную гегемонию Германии. Со стороны же Германии на первый план ставились лишь чисто военные требования.

4-го июня русские атаковали австро-венгерский фронт восточнее Луцка, у Тарнополя и непосредственно севернее Днестра.

Атака была начата русскими без значительного превосходства сил. В районе Тарнополя генерал граф фон-Ботмер, вступивший после генерала фон-Линзингена в командование южно-германской армией, начисто отбил русскую атаку, но в остальных двух районах русские одержали полный успех и глубоко прорвали австро-венгерский фронт. Но еще хуже было то, что австро-венгерские войска проявили при этом столь слабую боеспособность, что положение восточного фронта сразу стало исключительно серьезным. Несмотря на то, что мы сами рассчитывали перейти в наступление, мы немедленно подготовили несколько дивизий для отправки на юг. Фронт генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского действовал в этих обстоятельствах таким же образом. Германское верховное командование сделало на этих обоих фронтах большие позаимствования, а также подвезло дивизии с запада. В то время сражение на Сомме еще не началось. Австро-Венгрия постепенно прекратила наступление в Италии и также перебросила войска на восточный фронт.

Вслед затем итальянская армия перешла в наступление в Тироле. Обстановка коренным образом изменилась. С началом сражения на Сомме и с выступлением Румынии она вскоре еще раз должна была измениться не в нашу пользу.

Германское верховное командование, повидимому, надеялось контр-атакой парировать прорыв у Луцка подобно тому, как в дальнейшем это ему удалось в ноябре и декабре 1917 года у Камбрэ, а глубокий прорыв на Днестре должен был быть ликвидирован созданием нового фронта.

Русское наступление у Луцка, при полном падении обороноспособности австро-венгерских войск, быстро продвигалось вперед и вышло у железной дороги на Ковель на Стоход. Первые германские подкрепления развертывались среди отступающих частей. На Стоходе по обе стороны железной дороги постепенно образовался новый германский фронт. Он находился в соприкосновении с австро-венгерскими войсками, находившимися на Стыри. В западном направлении русские преследовали менее решительно, хотя им здесь улыбалась крупная победа. Русские не располагали здесь достаточным количеством войск, чтобы использовать положение. Разбитая австро-венгерская армия получила возможность собрать свои остатки у Затурцы и Киселина. Австро-венгерское крыло, оказавшееся южнее Луцка, совершенно обнаженным, должно было естественно резко загнуться назад, чтобы не быть смятым с фланга. Но у Брусилова и здесь не оказалось достаточно сил для энергичного повторного удара.

Подкрепления, прибывавшие затем, усилили фронт по обе стороны железной дороги Ковель—Луцк, южнее приняли на себя 4-ю армию, и образовали, приблизительно у Горохова, позади отошедшего на юго-запад крыла, сильную ударную группу. Напряженность обстановки не позволила обождать прибытия всех подкреплений, чтобы одновременно перейти в атаку, несмотря на все стремления к тому фронта Линзингена. Контр-атака, преимущественно германскими войсками, во второй половине июня и в начале июля, имела лишь местный успех.

Русское наступление на Днестре прорвало дивизии генерала фон-Пфланцер-Балтина с северо-востока в направлении на Окну (восточнее Залещики)—Снятынь и очень скоро распространилось на значительный участок южнее Днестра. Черновицы пали к концу июня, русские вышли на линию Тлумач — Днестр — Коломыя — Кимполунг и продолжали наступление к Карпатским проходам.

Австро-венгерский фронт южнее Днестра, заключенный сначала в узкий промежуток между рекой и румынской границей восточнее Черновиц, теперь сильно расширился. В виду удлинения линии фронта, он оказался занятым очень слабо.

Исключительно скверные железнодорожные условия сильно затрудняли переброску подкреплений. Германские войска также были отправлены на Днестр и в Карпаты. Они перебрасывались от главнокомандующего востоком и с запада. Но свежеприбывающих дивизий едва хватало, чтобы удерживать фронт. При таких обстоятельствах контр-атаки были бы неуместны. Несмотря на это, наши войска пробовали переходить в наступление, но их атаки оставались безрезультатными. Было бы правильнее с самого начала держаться здесь пассивной обороны. Русским тоже приходилось бороться с большими трудностями подвоза, и больших сил они не имели. Австро-венгерской армии это шло

больше на пользу, чем ее собственное сопротивление. Вследствие полнейшей небоеспособности наших союзников южнее Днестра, генерал граф фон-Ботмер должен был решиться в начале июля отвести правое крыло от Бучача приблизительно до устья Коропца. Благодаря тому огромному влиянию, которое генерал граф фон-Ботмер имел на вверенные ему австро-венгерские войска, все прочие русские атаки на его армию были отбиты.

В начальный период, когда русские атаки на австро-венгерские войска еще приводили к крупным успехам, и большая часть резервов главнокомандующего востоком и генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского была переброшена на австро-венгерский фронт. 13-го июня началась чрезвычайно сильная атака русских на армейскую группу Воирша. Она потерпела полное крушение. Имел место исключительно упорный бой. Весь фронт и генерал фон-Воирш израсходовали все резервы.

В то время мы все еще считались с возможностью атаки у Сморгони, или, как это опять начало обрисовываться, на старом мартовском поле сражения у Риги. Как прежде, так и теперь русские располагали в данных пунктах очень крупными силами.

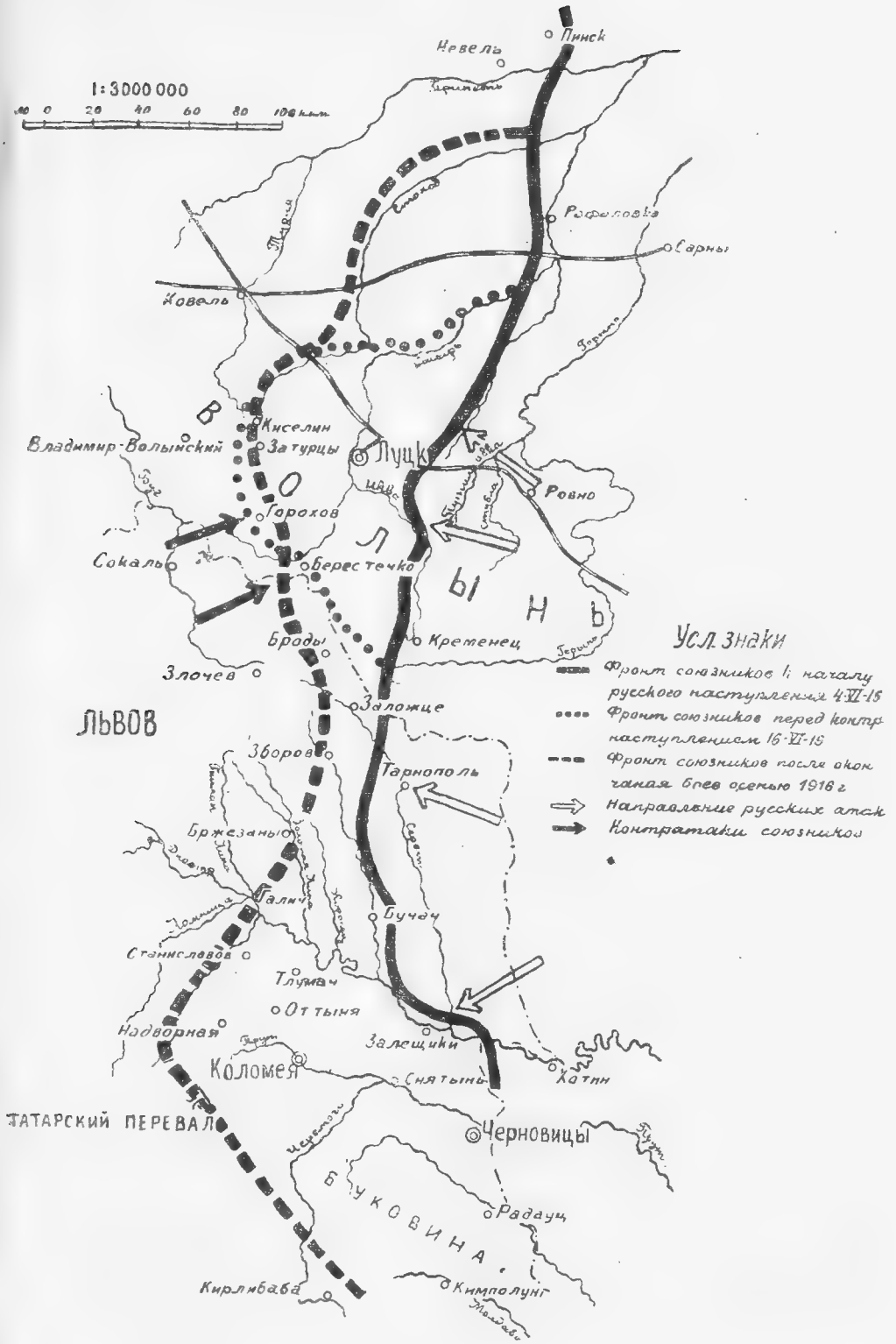
Несмотря на это, мы до крайности ослабили наш фронт, чтобы помочь южнее расположенным армиям. В резерве мы имели на всем растянутом фронте лишь отдельные батальоны. Я формировал батальоны из состава рекрутских депо, хотя мне было совершенно ясно, что если русские где-нибудь одержат настоящий успех, то это будет капля в море. Моя уверенность в наших войсках и в то, что они удержат даже редко занятые позиции, была безгранична. С развитием событий напряженное состояние продолжало расти.

Сначала русские на нашем фронте заметно ослаблены не были. Им предстояло решить, атаковать ли нас решительным образом, или предпочесть использование и закрепление успехов, одержанных ими на юге. Русские не могли сомневаться в том, что и мы, и Австро-Венгрия пошлем на юг подкрепления. Русские решили добиваться решительной победы на австро-венгерском фронте, но они располагали большим количеством резервов и могли одновременно энергично атаковать и нас, чтобы, по крайней мере, воспрепятствовать дальнейшей переброске сил на юг.

Германские и австро-венгерские войска постепенно развернулись по периферии Луцкого выступа, по Днестру и в Карпатах, и во второй половине июля почти повсеместно начали местные атаки. Тогда русские подвели подкрепления к районам прорывов и контр-ударами застопорили наши частные атаки.

В середине июля, после тяжелых боев, в которых австро-венгерские войска опять проявили лишь слабую боеспособность, русские принудили

Схема 8. Русское наступление 1916 г.



германцев отказаться от первоначально одержанных ими успехов на Луцком выступе. Они также продолжали наступать в юго-западном направлении вверх по Стыри. Генерал фон-Бем-Эрмолли был принужден отвести свое левое крыло и центр к галицийской границе. В Луцком же выступе русские атаки были отражены.

Южнее Днестра русские продолжали продвигаться к Карпатам.

Во время этих боев в обоих главных очагах боевых действий русские также произвели несколько сильных атак против фронта главнокомандующего востоком между озерами Нароч и Вишнев, у Сморгони, против фронта генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского — севернее и южнее Барановичей, и против фронта генерала фон-Линзингена в излучине Стыри. У графа Ботмера тоже происходили бои.

В начале июля почти по всему восточному фронту шла сильная борьба, а Англия и Франция достигли первых успехов на Сомме.

Мы выдержали атаки, и после несколько-дневных боев, окончательно их отбили. На австро-венгерском участке армейской группы Воирша произошел прорыв. Чтобы подпереть фронт, мы отправили туда все с таким трудом сохраненные резервы. Воирш удержался. С 8-го июля бои пошли на убыль.

Русская атака в излучине Стыри, восточнее Луцка, имела полный успех. Австро-венгерские войска были прорваны в нескольких местах, германские части, которые шли на помощь, также оказались здесь в тяжелом положении, и 7-го июля генерал фон-Линзинген был принужден отвести свое левое крыло за Стоход. Туда же пришлось отвести с участка, южнее Припяти, правое крыло фронта генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского, где была расположена часть армейской группы Гронау.

Это был один из наисильнейших кризисов на восточном фронте. Надежды на то, что австро-венгерские войска удержат неукрепленную линию Стохода, было мало.

Мы рискнули еще больше ослабить наши силы, на то же решился и генерал-фельдмаршал принц Леопольд Баварский. Несмотря на то, что русские атаки могли в любой момент возобновиться, мы продолжали выискивать отдельные полки, чтобы поддержать левое крыло фронта Линзингена северо-восточнее и восточнее Ковеля. Если бы последнее откатилось еще дальше, то трудно даже себе представить, что бы с нами случилось. Протекали очень тревожные дни. Мы отдали все, что могли, и знали, что если противник нас атакует, то нам неоткуда ждать помощи. Так и случилось. 16-го июля русские с чрезвычайной энергией атаковали со стороны рижской предмостной позиции непосредственно западнее Двины. Первым наскоком им удалось продвинуться. Прошел тяжелый промежуток времени, пока кризис разрешился. Это

удалось, благодаря храбрости войск и заботливости командования 8-й армии, которому приходилось оперировать отдельными батальонами и батареями.

Еще не закончились эти бои, когда в конце июля появились явные признаки того, что надо ожидать продолжения атак у Барановичей и на Стоходе. Мы с жутким опасением ожидали этих боев. Войска были истощены непрерывными боями, и должны были к тому же прикрывать длинные фронты. Австро-венгерские войска потеряли всякую веру в свои силы, и всюду нуждались в германской опоре.

До Стохода мы имели точное представление об остановке, но южнее картина была не столь ясна. Мы знали только, что теперь и генерал фон-Бем-Ермолли ожидает атаку у Бродов, и что русские продолжают решительно наступать между Днестром и Карпатами и уже перевалили через хребет. Генерал граф фон-Ботмер представлял как бы скалу в волнующемся море и в общем удерживался против дальнейших неприятельских атак.

Было ясно, что русские подготовляют новый могущественный удар, а мы исходили кровью на Соме; австро-венгерские войска испытывали сильный нажим на итальянском фронте. В воздухе пахло бурей, и нервы напрягались до крайности.

XIV.

В эти тяжелые и полные напряжения дни, переживаемые нами в начале июля в Ковне, мы поддерживали непрерывную связь с верховным командованием. Мы повторно указывали на необходимость установить единое командование на всем восточном фронте. В крайности дело могло итти и по-старому, но при перебросках резервов явно сказывалось, что они происходили бы с меньшими трениями, если бы на восточном фронте господствовала единая воля. Уже в конце июня генерал-фельдмаршал и я были вызваны в Плесс, чтобы изложить наши взгляды на обстановку на востоке. Положение, конечно, могло быть обрисовано только как крайне серьезное. Само собой разумеется, мы снова вернулись к вопросу о создании единого командования, и особенно настаивали на необходимости большего перемешивания австро-венгерских и германских частей. На спокойных участках фронта главнокомандующего востоком, также могли быть размещены австро-венгерские войска. Мы особенно подчеркивали то, что тогда обучение австро-венгерской армии, прежде всего пехоты, могло бы действительно быть поставлено в соответствие с последними требованиями.

Поездка в Плесс не дала никаких результатов в отношении урегулирования высшего командования на востоке. Сопротивление было еще слишком сильно. Зато верховное командование решило сформировать с помощью частей, взятых как с запада, так и с востока, три дивизии для австро-венгерского фронта. Приблизительно к началу августа

они уже должны были быть окончательно готовы в Польше. Начался обмен германских и австро-венгерских дивизий, который мы испрашивали. Мы получили уже истощенную в боях австро-венгерскую дивизию, которая сменила в 10-й армии 10-ю ландверную. Последняя была немедленно отправлена к генералу фон-Линзингену. Вторую обещанную австро-венгерскую дивизию, в виду критического положения на фронте, вывести не удалось.

В австро-венгерской армии было установлено следующее пополнение из запасных частей: все пехотные полки одновременно, через определенный промежуток, получали для пополнения маршевый батальон из запасных. Эти батальоны часто становились новым боевым батальоном полка. Полки, которые не несли потерь, иногда насчитывали от пяти до шести батальонов, вместо трех, а другие в то же время имели очень небольшой наличный состав. Надо было на месте урегулировать состав полков, но при многочисленности национальностей в австро-венгерской армии, это, конечно, было трудно осуществимо, и разница в наличном составе частей сохранилась и в дальнейшем. Серьезные опасения возбуждало весьма неудовлетворительное обучение маршевых батальонов в пехоте. Они поставляли лишь большое количество пленных. Мы должны были вмешаться в обучение маршевых батальонов, и сделали это. При этом нам попадались хорошие, вполне пригодные солдаты. Но офицеры, которыми располагала тогда австро-венгерская армия, не имели достаточной твердости и не были воспитаны в том строгом сознании своего долга, как мы это привыкли встречать в наших германских офицерах.

27-го июня нас еще раз вызвали в Плесс. В этот день пришло известие о падении Бродов. Это заставило австро-венгерское командование отчасти отказаться от своей прежней точки зрения, и оно согласилось, чтобы генерал-фельдмаршалу фон-Гинденбургу подчинился весь восточный фронт до пункта южнее Бродов. Армии генералов фон-Ботмера и фон-Пфлянцер-Балтина уже образовали фронт, которым командовал наследный эрцгерцог. Начальником его штаба был генерал фон-Зеект. Мы остались в подчинении германскому верховному командованию. Фронт эрцгерцога Карла остался, как был, в ведении австро-венгерского верховного командования. Заставить Австро-Венгрию принять окончательное решение еще не удалось. Но новая организация командования давала все же столь существенные выгоды, что я видел в нем крупный шаг вперед.

Мы сначала возвратились в Ковну. Я распростился с городом, в котором провел счастливое время мирной работы, а затем пережил столь критические часы. Я оставил в административном управлении много надежных сотрудников. Мой же военный штаб остался в прежнем составе.

Я предложил прежде всего посетить штабы армий, подчинявшиеся до сего времени австро-венгерскому верховному командованию, чтобы составить собственный взгляд на обстановку.

Новый пункт для размещения нашего штаба еще не был выбран. Оставаться в Ковне было невозможно, так как она была слишком удалена к северу. Мы решили временно жить в поезде.

Генерал фон-Эйхгорн взял на себя командование фронтом, в который входили армейская группа Шольца и 8-я армия, с сохранением непосредственного командования 10-й армией. 12-я армия вошла в состав фронта генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского.

Расширенное командование на восточном фронте.

Август 1916 года.

Схема № 8 (стр. 180).

I.

3-е или 4-е августа мы провели в Ковеле, где находился штаб генерала фон-Линзингена. Начальником штаба был полковник Хел, бывший начальник штаба 10-й армии. Он в июле принял новую должность, и для этих исключительно трудных условий нельзя было найти более подходящего человека.

Восточный фронт опять пережил тяжелые дни. Тем временем русское наступление разразилось; бои, казалось, будут длиться без конца. Русские сильно атаковали наши войска. Сменять истощенные части можно было лишь в очень тесных пределах. На восточном фронте было слишком много частей, укомплектованных старшими сроками службы, которые мы неохотно выдвигали на участки фронта, где развивался центр тяжести боевых действий.

Около Риги бои несколько затихли. Но 25-го июля русские атаковали севернее Барановичей. Они полагали, что встретят там австро-венгерские войска и одержат успех. Однако, русские были приостановлены германской контр-атакой, и атаки, которые они 25-го и 27-го июля вели с таким ожесточением, остались совершенно безрезультатными.

Бои на фронте генерала фон-Линзингена затянулись и на вторую половину июля. Они вполне никогда не затухали. Обстановка на фронте Линзингена была тяжелая, и он держался не твердо.

28-го июля началась большая русская атака вдоль Стохода, и с с неслыханной энергией продолжалась до вечера 1-го августа. Русские сосредоточили в данном пункте во много раз превосходные силы, которые они беспрерывно вводили в бой, не считаясь с потерями. Во многих местах наступали моменты кризиса. Германские ландверные части должны были выбивать противника, проникшего в австро-венгерские позиции. Даже германские войска, в виду своей растянутости, должны были несколько податься назад; их потери были тяжелы. Но в результате, введя все наличные силы, фронт удалось удержать.

К северу бои протянулись и на армейскую группу Гронау, которая с образцовым спокойствием сражалась, несмотря на незначительность и растянутость своих сил. Она с крайней осторожностью расходовала свой скудный резерв, и у нее всегда еще оставался запас, чтобы поддержать крайнее левое крыло генерала фон-Линзингена.

В этом штабе было, естественно, очень серьезное настроение, но чувствовалась твердая решимость. Было совершенно ясно, что русские, несмотря на огромные потери, вскоре надолго возобновят свои атаки. Русские располагали достаточным количеством людей, но они их расходовали слишком беспощадно. С такой тактикой они не могли достигнуть никакого успеха против нашего тонкого фронта. Штаб фронта надеялся, что ему и впредь удастся сохранить положение.

В Ковеле я видел генерала фон-Бернгарди, который командовал участком между и на железных дорогах Ковель—Луцк и Ковель—Сарны. Генерал фон-Бернгарди был страстным солдатом, глубоко проникнутым любовью к отечеству.

К вечеру мы прибыли во Владимир-Волынский, где помещался штаб 4-й австро-венгерской армии, который был подчинен генералу фон-Линзингену. Армия целиком пестрила германскими войсками. Командующий армией генерал фон-Терчанский, очень нервный человек, был проникнут идеей «австрийского престижа», вследствие чего чинил генералу фон-Линзингену много затруднений. Мы ужинали у него. Вдоль дороги генерал-фельдмаршала, от поезда до столовой, шпалерами стояли маршевые батальоны. Солдаты производили хорошее и бодрое впечатление.

Генерал фон-Терчанский удивительно откровенно высказывался о поведении австро-венгерских войск в последних боях. Перед нами открылась невеселая картина.

На следующее утро мы были во Львове, где помещался штаб 2-й австро-венгерской армии. Я был поражен красотой Львова и германским типом этого города.

Он представлял полную противоположность Кракову, который целиком носил характер польского города. В лице генерала фон-Бем-Эрмолли и начальника его штаба генерала Бардольфа мы встретили людей с ясным умом и правильным солдатским мышлением. Совместная работа с ними всякому германскому должностному лицу могла доставить только удовольствие. Они отнюдь не находились в заблуждении относительно слабой обороноспособности австро-венгерских войск. К концу июля, после русских атак, армия была отведена за Броды и Верхний Серет. Генерал фон-Бем-Эрмолли и генерал фон-Бардольф очень обрадовались, когда им была обещана присылка в ближайшие же дни сводного германского отряда. Они с уверенностью рассчитывали на продолжение неприятельских атак. Мы провели еще несколько часов в то-

варищеском кругу штаба армии и расстались с чувством, что по крайней мере управление армии стоит на требуемой высоте. На фронте же, несмотря на сильные позиции, с предстоящей русской атакой надо было ожидать серьезного кризиса, так как мы не имели возможности своевременно подвезти подкрепления.

Во Львове я также беседовал с генералом фон-Зеектом, который считал положение фронта эрцгерцога Карла южнее Днестра очень серьезным. Русские сильно надвинулись на позиции западнее Тлумач—Оттыния, а между Татарским перевалом и румынской границей отчасти уже достигли гребня Карпат. Мы были связаны на жизнь и на смерть с судьбой фронта эрцгерцога Карла, и его критическое положение нас естественно очень беспокоило. Если южнее Днестра фронт эрцгерцога Карла откатился бы еще назад, то это увлекло бы сначала его левое крыло, а затем и правое крыло нашего расширенного восточного фронта. Обстановка, слагавшаяся для фронта эрцгерцога Карла, не входившего в наше ведение, все время заставляла нас с нею считаться, и нам приходилось ему помогать. В данное время, по распоряжению верховного командования, на пути к нему с запада через Венгрию находилась 1-я пехотная дивизия, которая уже зимой 1915 года сражалась в Карпатах. Мне представлялось предпочтительным, чтобы 1-я дивизия была направлена севернее Карпат. Было мало вероятным, чтобы русские двинулись в Карпаты между нашим фронтом и р. Молдавой для охвата нашего крайнего правого крыла. Для такой операции сообщения были слишком плохи. Большая опасность здесь нам не могла угрожать. Таковую всегда оставалось возможным своевременно отпарировать, несмотря на невероятные железнодорожные условия в Венгрии. Но австро-венгерское верховное командование в Тешене опасалось вторжения русских в Венгрию. Раздававшиеся оттуда крики о помощи брали верх над чисто военными соображениями.

На обратном пути в Брест-Литовск, где на первое время должен был пребывать наш поезд, мы увиделись с генералами фон-дер-Марвицем и Лицманом, которые теперь командовали в пределах фронта Линзингена смешанными группами из германских и австро-венгерских войск. Они считали свое положение, в случае продолжения русской атаки, а этого они ожидали, весьма серьезным, в доказательство чего они изложили некоторые обстоятельства из последних боев. Генерал фон-дер-Марвиц и генерал Лицман были великолепными природными солдатами и неустрашимыми вождями; благосостояние и обучение войск ближе всего лежало к их сердцу.

Повсеместно мы слышали ту же песню: кризис на востоке еще находится в полном разгаре.

Я себе поставил две задачи: укрепление фронта и обучение австро-венгерской армии. Насколько я в этом отношении буду иметь успех, оставалось под сомнением.

II.

Размещение нашего штаба в поезде на Брест-Литовском вокзале было не блестяще. Нам было очень тесно и нехватало помещений для работы. Уже одни карты по своей величине требуют большого пространства, и к тому же приходилось еще и писать. Я удивлялся, как подполковник Гофман справлялся в своем так называемом салоне. Другие сотрудники штаба занимали еще меньшее помещение. К тому же солнце беспощадно нагревало крыши вагонов и делало пребывание в них нестерпимым. В виду этого я решил, как можно скорее расстаться с поездом, и предложил генерал-фельдмаршалу переехать в Брест-Литовск. Весь штаб страшно испугался моего предложения. Город был сожжен до тла, и о нем не могло быть и речи, цитадель же представляла маленькую тюрьму. Комендант крепости устроил себе в цитадели квартиру и канцелярию, но не имел достаточного количества рабочих сил, чтобы хоть несколько привести ее в порядок. Все там одичало и заросло, она была долгое время заброшена, и крапива достигла невероятных размеров. Воздух был сырой и спертый. Мы нашли в цитадели бараки, но в них отсутствовала какая-либо мебель. Но все эти соображения не помогли, раз решение было принято, и я распорядился о размещении нашего штаба в цитадели. Конечно, прошло довольно много времени, пока все было готовое, и мы смогли вырваться из поезда.

Я с удовольствием жил в Бресте, но из цитадели не выходил. Там росли прекрасные, редкой величины ивы, с ветками, низко опущенными к водам, омывающим цидатель; несколько коротких алей придавали цитадели уютность. Вне крепости все было опустошено. Нехудожественные, хотя и столь важные для нас, железнодорожные сооружения и пожарище города представляли мало привлекательности.

Я приказал снять с бараков обшивку, чтобы воздух непосредственно проникал и осушал сырые стены. Чтобы дать доступ воздуху и свету, было также спилено несколько деревьев и обрублена часть веток. Приведение в порядок цитадели меня развлекало.

Для укрепления австро-венгерского фронта требовались германские войска. Прежний фронт главнокомандующего востоком был уже настолько обобран, что в ближайшее время многого от него получить было невозможно. Только-что с трудом была отбита атака южнее Риги. Повторение атаки оставалось возможным. Но мы еще выделили под командованием генерала Мелиора небольшое число кавалерийских полков и смешанный отряд в составе трех батальонов и нескольких батарей. Они уже были обещаны 2-й австро-венгерской армии и немедленно к

ней отправлены. На весь фронт, чуть ли не в 1000 километров длины, мы имели в виде резерва одну кавалерийскую бригаду, усиленную артиллерией и пулеметами. Незавидное состояние, когда ежедневно надо быть готовым оказать помощь далеко расположенному участку! Это также свидетельствует на что мы, немцы, оказались способными.

Но и кавалерийская бригада оказалась предназначенной для 2-й австро-венгерской армии и должна была присоединиться к отряду Мелиора.

Верховное командование располагало на востоке еще и другими силами. Прибывал XV турецкий корпус. Вследствие кризиса на востоке, Энвер решил немедленно послать туда один армейский корпус из района Константинополя. Верховное командование предназначило его на усиление фронта Линзингена, и в начале августа сюда уже прибыли квартирьеры. Но в это время положение фронта эрцгерцога Карла побудило верховное командование перекинуть турецкий корпус, постепенно прибывавший редкими эшелонами, в Восточную Галицию. В пределах германской южной армии турки дрались хорошо, несмотря на то, что им приходилось ознакомляться и применяться к совершенно новым для них боевым методам.

Три дивизии, в июле предназначенные верховным командованием для восточного фронта, заканчивались формированием. Я с удовольствием немедленно бы их использовал, но верховное командование было против, так как считало их недостаточно подготовленными. Но уже через несколько дней, две из них были нам переданы, а третья отправлена на фронт эрцгерцога Карла.

Русские решили, что ничего не смогут поделать против германского фронта, и больше не возобновляли атаку севернее Припяти. Они все усиливали нажимы на Волынь и Восточную Галицию и перебрасывали туда новые силы. Уже в первой половине августа русские возобновили здесь наступление.

С 8-го по 10-е августа русские вновь атаковали на всем протяжении фронт Линзингена и правое крыло фронта Гронау, но были отбиты. С новым наступлением было покончено, но ожесточенные бои продолжались, главным образом, на Стоходе, восточнее и северо-восточнее Ковеля. Русским удалось в нескольких пунктах утвердиться на западном берегу Стохода. Это не имело решающего значения, но так как на фронте Линзингена господствовало большое напряжение и силы были израсходованы, то это тяжело давило на общее положение. Это заставило нас высадить у Ковеля кавалерию, находившуюся в нашем резерве.

Одновременно с атаками у Ковеля русские атаковали в Галиции 2-ю австро-венгерскую армию и фронт эрцгерцога Карла. Правое крыло 2-й австро-венгерской армии у Заложце было прорвано. Отряд Мелиора спас от катастрофы, но фронт был настолько не крепок, что мы его

отвели на Зборов. Две новые дивизии, которые были нам предоставлены, были введены здесь в бой, об'единенные под управлением 1-го армейского корпуса генерала фон-Эбена, и их как раз хватило, чтобы в результате тяжелых и продолжительных боев удержать за нами район Зборова. Для обороны участка по р. Серет они прибыли слишком поздно.

После того, как правое крыло 2-й армии потеряло участок по Серету, левое крыло армии Ботмера также должно было отойти. Последнему до сих пор удавалось удерживаться. Южнее Днестра русские вновь атаковали австро-венгерские войска у Тлумача, отбросили их и заняли Станиславов и Надворную. Здесь русские атаки имели успех, но в Карпатах германские войска генерала фон-Конта, в том числе 1-я пехотная дивизия, продолжали оспаривать победу.

Мне казалось особенно важным, во внимание к Румынии, исключить какое-либо отступление в Восточной Галиции, но события южнее Днестра делали неизбежным отход храбро сражавшейся армии генерала графа фон-Ботмера. Она отошла в связи с 2-й австро-венгерской армией на Золотую Липу, на участок Зборов—Бржезаны; ее правое крыло загнулось в направлении на Станиславов. Таким образом к середине августа поражение австро-венгерской армии стало совершенно явным. Политика Румынии становилась все двусмысленнее.

С середины августа расширенный фронт главнокомандующего востоком начал укрепляться. 2-я австро-венгерская армия получила еще из Ковеля наш кавалерийский резерв для занятия участка у г. Броды. Эта австро-венгерская армия теперь настолько была прослоена германскими войсками, что ее положение можно было считать обеспеченным. По своей численности австро-венгерские войска, конечно, имели возможность удерживать свои позиции и без помощи германских войск. Но по их организации и состоянию это было для них не по силам, и мы должны были притти на подмогу. Мы помогли, но германскую кровь, пролитую в рамках австро-венгерских армий, возместить уже было невозможно.

На фронте Линзингена организация войсковых частей постепенно приводилась в порядок, и начали образовываться резервы. Мы передали ему еще 1-ю ландверную дивизию из Митавы; русские также увели с севера много войск.

Начались работы по укреплению позиций, при чем мы должны были в большом масштабе снабжать 2-ю австро-венгерскую армию колючей проволокой; сообщения с тылом также были упорядочены. Надлежало создать все то, что предыдущей осенью было организовано на севере, когда армии главнокомандующего востоком перешли от наступления к позиционной войне. Условия для укрепления позиций были одинаковы. Везде приходилось начинать с начала. Устройство железнодорожной сети в общем, конечно, было легче, так как фронт не продвинулся

вперед, как на севере, а был оттеснен назад к своим же сообщениям. Но все-таки многое должно было быть упорядочено на железных дорогах, находившихся в эксплоатации австро-венгерских армий. Надо было приступить к постройке нескольких новых линий и создать непосредственно за фронтом армий сеть полевых и конных узкоколеек.

Для германских войск, находившихся при 2-й австро-венгерской армии, была устроена особая этапная организация во Львове, а в Венгрии—для дивизий, сражавшихся в Карпатах.

Началось обучение маршевых частей по нашим правилам, инспектирование их было вверено германским генералам. Полковник принц Оскар Прусский, которому было поручено обучение австро-венгерских маршевых частей в южно-германской армии, работал в этой области очень успешно. Германские бригадные командиры обучали австро-венгерскую артиллерию управлению огнем в условиях большого сражения; в прочих отношениях техника стрельбы австро-венгерской артиллерии стояла высоко. Начался также, правда в очень ограниченных размерах, обмен офицеров. В общем, поскольку это позволяла обстановка, было сделано все возможное, чтобы предохранить австро-венгерскую армию от таких погромов, какие она пережила в июне.

Было множество важной и мелкой работы, и часы быстро пролетали в Брест-Литовской цитадели.

27-го августа Румыния об'явила войну Австро-Венгрии. Двуединая монархия тем самым должна была расплатиться за одностороннюю политику Венгрии, а мы пожали плоды нашего невмешательства.

В 1 час дня 28-го августа начальник военного кабинета генерал фон-Линкер передал по телефону генерал-фельдмаршалу и мне приказ его императорского величества немедленно прибыть в Плесс.

В тот же день в 4 часа дня мы оставили Брест и больше не возвращались на восточный фронт, где протекли два года нашей крупной, дружной работы, увенчанной огромными успехами.

В должности первого генерал-квартирмейстера с 29 августа 1916 г. по 26 октября 1918 г.

Наступление Антанты осенью 1916 года.

(Карты VII и VIII).

I.

При нашем прибытии в Плесс 29-го августа около 10-ти часов утра мы были приняты генералом фон-Линкером. Он сообщил, что генерал-фельдмаршал назначен начальником генерального штаба действующих армий; я же буду вторым начальником. Я счел более удобным наименование «первый генерал-квартирмейстер», так как существование двух начальников казалось мне нецелесообразным. В то же время я определенно потребовал, чтобы ответственность за все решения и мероприятия лежала на мне в такой же мере. Его величество сказал во время приема, что он надеется на скорое преодоление кризиса на фронте. В том же духе высказался бывший в то время в Плессе имперский канцлер. Мысль о заключении мира им не высказывалась. Серьезность положения делала для него невозможным обсуждение этого вопроса. Осуществлению его мешала воля врага.

Я вполне отдавал себе отчет в том, насколько неблагодарно было мое положение. Я занял его, свято стремясь к тому, чтобы все мои действия и все мои мысли были посвящены доведению войны до победного конца. Только для этого были призваны генерал-фельдмаршал и я. Задача была невероятной трудности. Тяжелое чувство ответственности не покидало меня ни на минуту. Поле деятельности было для меня отчасти совершенно новым и, благодаря необыкновенной многосторонности, трудность работы была необычайна. Никогда еще судьба не возлагала на человека столь трудной задачи. Смиренно просил я всемогущего бога даровать мне силы для моего поста.

Положение дел в то время, когда генерал-фельдмаршалу и мне было поручено верховное командование, было крайне напряженное. Наша великая оборонительная война, которую мы до тех пор могли вести, применяя лучший военный метод—наступление, перешла в пассивную защиту.

Антанта напрягла все свои силы, чтобы нанести нам могучий и, как она думала, последний удар; она заставила нас вести оборонительную войну и в то же время вывела на сцену Румынию. Надо было ожидать, что она усилит свои атаки на западном фронте, в Италии, Македонии и южнее Припяти, в то время, как румыны, подкрепленные русскими, будут продвигаться в Семиградьи к открытому правому флангу нашего восточного фронта, или же из Добруджи в Болгарию. На одном из этих направлений нам готовился смертельный удар. Приходилось ждать оживления действий также и в Азии. Мы были втянуты в титаническую борьбу. Мускулы и нервы были напряжены до крайности; дело шло о том, чтобы спасти отечество от наивысшей опасности, как мы уже сделали это при Танненберге и под Лодзью, когда положение было проще, но не менее серьезно. Я в то время еще не отдавал себе отчета в том, насколько выступление Румынии задевало также наши экономические интересы. Те решающие военные мероприятия, которые были приняты в сентябре, были сделаны без учета этого обстоятельства.

В течение этой решающей борьбы Германия и ее союзники были отрезаны от всего мира самыми невероятными мерами насилия. Предоставленные самим себе, они противостояли великим европейским военным державам, которые располагали вспомогательными источниками всего мира. После того, как первый удар против Франции в 1914 году не удался, положение не изменялось. Наступило то, что предсказал генерал-фельдмаршал фон-Мольтке 14-го мая 1890 года.

«Когда разразится война, висящая над нашей головой как Дамоклов меч уже более 10-ти лет, то продолжительности ее и исхода нельзя будет предвидеть. Величайшие державы Европы вступят в борьбу, вооруженные как никогда. Ни одна из них не может одним-двумя походами быть настолько ниспроверженной, чтобы признать себя побежденной, быть вынужденной заключить мир на тяжелых условиях и не быть в состоянии воскреснуть, хотя бы через год, с тем, чтобы снова начать борьбу. Война эта может быть семилетней, может быть и тридцатилетней».

Громадное превосходство неприятеля в отношении численности и военного снаряжения должно было становиться все ощутительнее по мере того, как война продолжалась. У нас два первых года войны нанесли армии чувствительный урон: цвет ее погиб. Но она была еще полна сил и была в состоянии защитить от вторжения неприятеля не только пределы своей родины, но и территорию своих союзников на европейском театре военных действий.

В данный момент начал ослабевать только восточный фронт, потому что боевые силы австро-венгерской армии падали все больше и больше. Нам удалось поддержать их, но на это ушло много наших сил. Австро-Венгрия питалась германской кровью и германскими материальными

средствами. Особенно требовался уголь и подвижной состав для железных дорог. С Болгарией и Турцией дело обстояло приблизительно также: они пред'являли меньше требований на живую силу, за то больше нуждались в деньгах, военном снаряжении и средствах снабжения. Немцы должны были всем помогать, и делали это, не получая часто ничего взамен.

Правда, в некоторых отношениях союзники разгружали наши задачи. Без них война была бы немыслима. На них падала большая доля борьбы, но зато они считали своим правом пред'являть к нам все новые требования, хотя их достижения оставались часто далеко позади наших. Чем дольше продолжалась война, тем ощутительнее становились требования, пред'являемые к Германии ее союзниками, и вся неимоверная тяжесть войны ложилась на ее плечи.

Численность неприятеля постоянно росла: выступила на сцену Италия, все государства произвели новые формирования и привлекли к участию подвластные племена. Теперь прибавилась еще Румыния с ее 750.000 войск. Нас было значительно меньше, несмотря на вступление в союз Болгарии и Турции, и несмотря на все предпринимавшиеся нами новые формирования и переформирования. 10-ти миллионам врагов мы могли противопоставить на фронте только 6 миллионов человек.

Военное снаряжение армий Антанты достигло небывалой высоты. Сражение на Сомме ясно показало, как велико было превосходство неприятеля. Принимая в расчет ненависть Антанты и ее огромную волю к войне, голодную, душащую блокаду и враждебную, столь опасную для нас пропаганду лжи и подстрекательства, становилось ясно, что о победе можно было думать только в том случае, если Германия и ее союзники отдадут всех имеющихся у них людей и все свои экономические силы, и если каждый воин, идущий воевать, принесет с собой из дома несокрушимую волю к победе и убеждение, что армия должна победить для родины. Человек, переживающий на поле битвы бесконечно тяжелые часы, должен получать с родины приток душевных сил, чтобы быть в состоянии остаться на фронте и все пережить.

При таком положении дел и при нашем понимании сущности войны и стремлении неприятия уничтожить нас, генерал-фельдмаршал и я считали нужным довести до наивысшего напряжения физические, нравственные и экономические силы страны. И потому верховное командование пред'явило к имперскому правительству свои требования на людей, военное снаряжение и моральные силы.

В том же духе, насколько это было возможно, мы воздействовали на союзников. Австро-Венгрия уже увеличила возраст призыва в ополчение до 55 лет. Турция распространила воинскую повинность до 50 лет. Таким образом, обе страны до крайности исчерпали свою живую силу, по крайней мере, на бумаге.

При таком положении дел верховное командование более, чем когда-либо, должно было подумать о том, чтобы почерпнуть дополнительные силы из оккупированных стран. Это были важнейшие векселя верховного командования на будущее.

Начальник морского штаба высказался за неограниченную подводную войну, которая не считалась бы также с нейтральными судами в зоне блокады. Это была самая действительная помощь, которую флот мог оказать армии в ее тяжелой борьбе. Возможность вступить с неприятельскими морскими силами в открытый бой еще раз была под сомнением. Сделанная в августе попытка вызвать их на это оказалась безрезультатной. Неприятельские минные заграждения все больше суживали поле действия нашего линейного флота и затрудняли его применение. Вопрос о неограниченной подводной войне, по желанию имперского канцлера, обсуждался еще 30-го августа. Для генерал-фельдмаршала и меня было важно ,чтобы во время борьбы народов часть нашей вооруженной силы, заключающаяся во флоте, не оставалась в бездействии.

То, что Балтийское море оставалось свободным, и то, что во Фландрии имелся морской корпус, не являлось для нашей армии достаточной поддержкой со стороны флота. Между тем Антанте ее морские силы оказывали значительную помощь. С глубоким сожалением нам пришлось отказаться от неограниченной подводной войны, так как, по мнению канцлера, она могла привести к войне с Голландией и Данией; у нас же не было ни одного солдата для защиты от этих государств. Они могли двинуть свои, правда, не испытанные на войне силы на Германию и нанести ей смертельный удар. Мы были бы побеждены прежде, чем сказалось бы обещанное моряками влияние подводной войны.

Это обсуждение побудило пересмотреть положение наших границ с Данией и Голландией. Находившийся в Гамбурге штаб северной армии получил приказ создать на датской и голландской границах укрепленные позиции Генерал-губернатору в Брюсселе была послана просьба расширить, насколько это было возможно при имевшейся в его распоряжении рабочей силе, уже существовавшую в слабых зачатках постройку укрепленных позиций на северной границе Бельгии.

II.

На западном фронте кончалась борьба за Верден. Битва на Сомме в начале июля не привела Антанту к ожидаемому прорыву. С этого времени второе в 1916 г. сражение на истощение велось на обоих берегах Соммы с неслыханным ожесточением: бои следовали один за другим.

Верден стоил нам очень много крови. Положение наших атакующих частей становилось все более неблагоприятным. Чем дальше они продвигались, тем больше они вклинивались в поле воронок, тем больше их силы истощались не только боями, но и самым пребыванием во вновь

завоеванных участках и трудностями снабжения через обширные опустошенные полосы; французы, между тем, имели опору в ближайших постройках крепости. Атака еще продолжалась, поглощая много сил. Армия, совершившая под крепостью так много, пугалась продвижения

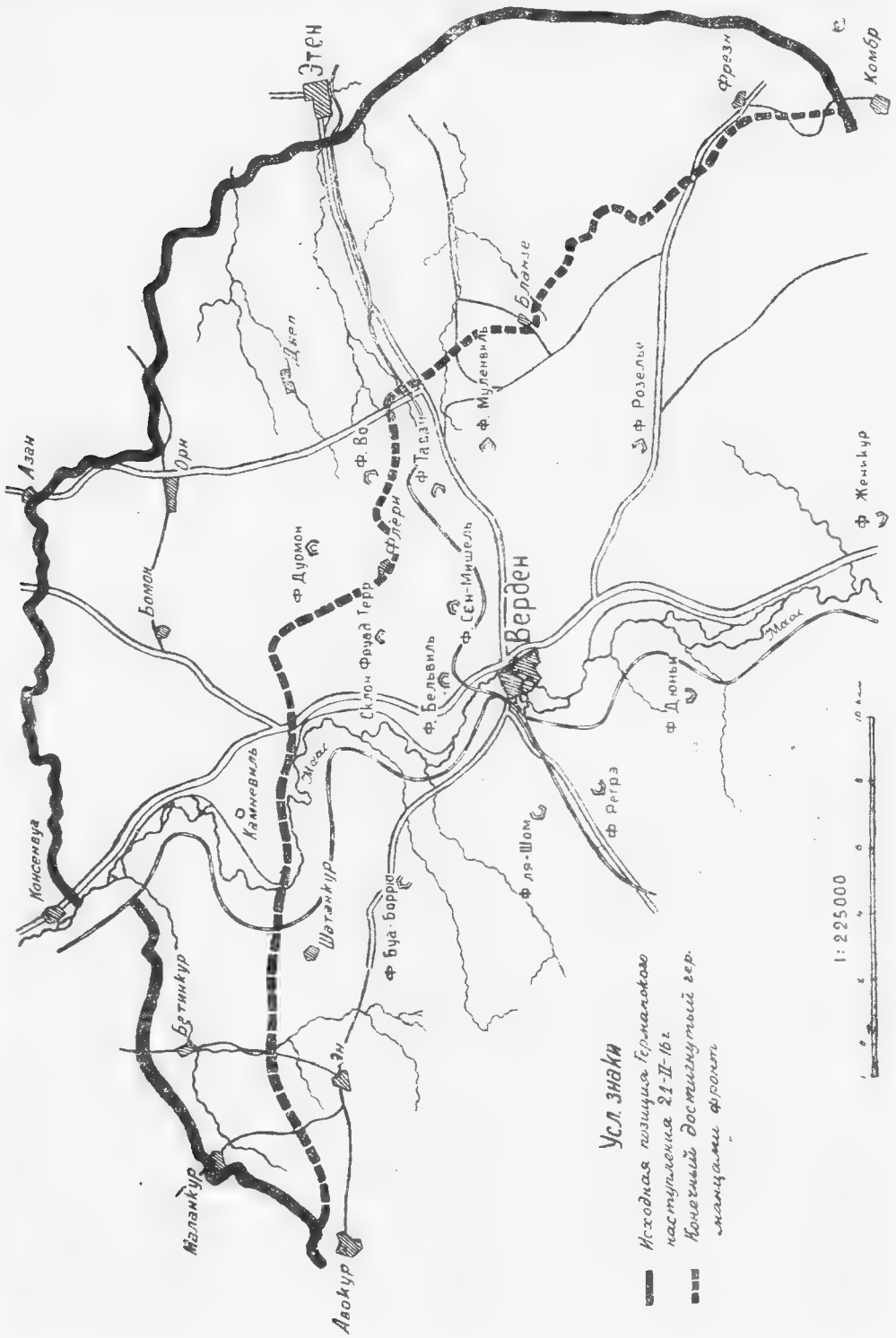


Схема 9. Верден в 1916 г.

вперед в район воронок. Командование тоже неохотно шло на продолжение активных действий. Германский кронпринц уже давно высказался за прекращение атаки.

В начале битвы на Сомме превосходство на земле и в воздухе было на стороне Антанты. Верховное командование было вначале застигнуто врасплох. Оно быстро подвезло подкрепления, но ему не удалось хоть сколько-нибудь сгладить перевес неприятеля в артиллерии, снарядах и аэропланах. Антанта врезывалась все глубже в германские линии. Мы потеряли много людей и снаряжения. В то время передовые окопы занимались еще густо. Блиндажи и подвалы наполнялись во время артиллерийского обстрела. Неприятель, шедший в атаку под защитой барабанного огня, доходил до окопов и деревень быстрее, чем гарнизон мог выбраться из своих подземелий. В результате наши солдаты часто попадали в плен. Трата физической и духовной энергии была невероятно велика, дивизии могли при таких условиях оставаться на фронте только по несколько дней. Они нуждались в частой смене, чтобы отдохнуть на более спокойном фронте. Оттянуть же их в резерв было невозможно, для этого у нас не хватало сил. Число свежих дивизий становилось все меньше. Вследствие недостатка артиллерии, приходилось при смене дивизий оставлять ее на месте. В свою очередь, сменяющие дивизии должны были оставлять свои батареи на прежнем месте и продвигаться на передовые линии без них. В результате, части перепутались. На западном фронте происходили формирования новых дивизий. В этом направлении делалось все возможное, но все это было еще только в периоде организации. Снарядов становилось все меньше. Верховное командование получало их от военного министерства специальными поездами. Я лично ежедневно распределял их между армиями. Я узнавал, в чем армии нуждались, и знал, что я мог дать. Это была очень печальная и мучительная задача.

Положение дел на западном фронте было такое напряженное, как я этого не ожидал; к тому же оно было для меня не совсем ясно. Это имело свою хорошую сторону. Иначе мне было бы еще труднее решиться отнять у находившихся в тяжелой борьбе западных армий еще несколько дивизий, чтобы направить их на восток, и взять там инициативу в свои руки для нанесения решительного удара Румынии.

Генерал-фельдмаршал и я собирались отправиться при первой возможности на западный фронт, чтобы на месте познакомиться с положением дел. Нашей задачей было сделать оборону там еще более организованной. Предварительно же мы собирали дивизии, предназначенные действовать против Румынии, и добились от его величества важного приказа—приостановить атаку Верденской крепости. Ее следовало прекратить еще тогда, когда она приняла характер сражения на истощение. Наши успехи не оправдывали потерь. С переходом к обороне нам, конеч-

но, приходилось также вести бой на истощение, поскольку противник нас к нему принуждал.

Положение дел на итальянском фронте также изменилось к худшему. На севере австрийские войска еще в июле отступили на высоты севернее Азиаго—Арзиеро; в августе, при новой атаке на Изонцо, австрийцам пришлось осказаться от находившихся давно в их руках позиций: Герц и часть расположенного к югу от него плоскогорья Карста, до Добердо, попали в руки итальянцев. Военная мысль и воля к победе австрийской армии потерпели крах и здесь. Генерал фон-Конрад, которого мы видели в первые же дни, выразил мнение, что армия, уже 15 месяцев защищающая границу, будет делать это и впредь. Больше он ничего сказать не мог. Это было само по себе мало утешительно.

Генерал-фельдмаршал принц Леопольд Баварский взял на себя командование германским восточным фронтом, я же оставил вместо себя полковника Гофмана; я знал, что он будет продолжать работу в прежнем духе. Войска, которыми командовал до того принц, перешли к генералу фон-Воиршу, сохранившему за собой и командование своей прежней армией. На продолжение боев на этом фронте мы смотрели довольно спокойно, хотя напряженное состояние отнюдь еще не разрешилось, особенно на фронте Линзингена.

Группа армий эрцгерцога Карла не получила еще устойчивости. Мы должны были ожидать здесь дальнейшего отступления.

После об'явления войны Румынией, Карпаты приобрели другое значение. Для обхода нашего южного крыла не требовалось больше пробиваться между Днестром и Молдавой; вся Румыния являлась теперь широкой базой для такого обхода, и он мог приобрести большое значение.

Австро-Венгрия ничего не сделала для защиты своего правого фланга и Семиградья ни в мирное время, ни во время войны. Пропускная способность скудной дорожной сети была ничтожна. Укреплений не было сделано, чтобы не «раздражать» Румынию. Зато Австро-Венгрия спокойно смотрела на то. как Румыния укреплялась у самой границы Семиградья.

В последний момент туда было переброшено немного войск; кроме того. были образованы батальоны из горнорабочих. Несмотря на это, всюду зияла пустота. На севере русские войска, в остальных частях румынские, продвигались через границу Молдавии и Валахии вниз к Дунаю, в Семиградье и Венгрию. Важнейшие горные проходы перешли без единого выстрела в неприятельские руки, Кронштадт и Петросены с их угольными копями были заняты еще 29-го августа. В Германштадте очень скоро появились румынские патрули. Орсова была занята неприятелем. Если бы румыны продолжали безостановочно продвигаться, то были бы окружены не только войска эрцгерцога Карла, но и дорога в сердце

Венгрии и к путям, связывающим нас с Балканским полуостровом, оказалась бы открытой: мы были бы побеждены.

Перед нами встала трудная задача удерживать западный и восточный фронты, несмотря на все неприятельские атаки, усилить армейскую группу эрцгерцога Карла и выполнить такое развертывание против Румынии, которое бы облегчало оборону и, в то же время, облегчало бы переход в наступление.

Задача оказалась тем более трудной, что фронт эрцгерцога Карла постоянно требовал новых подкреплений, которые предназначались, собственно, для Семиградья. Верховное командование должно было пойти на снятие все большего и большего числа дивизий с других участков. Выступление против Румынии отодвинулось. На западном фронте больше ничего нельзя было взять. Главнокомандующий востоком получил предложение выделить войсковые части из различных частей со слабо обеспеченного людьми фронта и образовать из них новые дивизии. Единственное, что для нас являлось твердо установленным, это решение использовать наше преимущество над Антантой в оперативном отношении и атаковать румынские войска в полевом бою. Где и когда удастся выполнить это решение, в начале сентября предвидеть было невозможно.

Для ближайшего выполнения наших намерений требовалось удержать фронт по обе стороны Карпат, от левого до правого крыла. Он должен был быть удлинен до Семиградья, вдоль р. Марош, выше и ниже Марош Вашаргели. В то же время мы должны были приняться за румын и со стороны Болгарии, как это предполагалось еще предыдущим начальником генерального штаба; правда, сил для этого назначалось немного.

Генерал-фельдмаршал фон-Макензен, после окончания похода в Сербию, передал верховное командование болгаро-македонским фронтом болгарскому верховному командованию, но сам остался на Балканском полуострове. При увеличившейся напряженности отношений с Румынией, он приступил к подготовке на случай открытия военных действий и 28-го августа принял высшее командование над германскими, австро-венгерскими, болгарскими и турецкими войсками на Дунае и границе Добруджи. В его распоряжении находились, однако, только некоторые части: австрийская дунайская флотилия западнее Орсовы, старое и довольно слабое болгарское ополчение по линии Дуная, сводный германский отряд, позаимствованный из германских частей в Македонии, под командой полковника Боде, около Рущука, одна болгарская пехотная дивизия там же и еще незначительные болгарские силы, протянувшиеся к востоку от железной дороги, ведущей из Болгарии в Добруджу. Несколько германских тяжелых батарей и одна турецкая дивизия прибывали двумя-четырьмя поездами ежедневно; на большее железные дороги Северной Болгарии были неспособны.

Позиция Болгарии по отношению к Румынии была очень двусмысленна. В то время, как Германия и Турция выступили на стороне Австро-Венгрии тотчас вслед за об'явлением Румынией войны, Болгария собралась сделать это только 1 сентября. Она не поставила при этом никаких опродоленных требований за свое выступление, в роде уступки ей Добруджи. Положение на Македонском фронте вызывало в то время известную сдержанность со стороны Болгарии.

По соглашению с генералом фон-Фалькенгайном и с союзниками, генерал-фельдмаршал фон-Макензен должен был с подчиненными ему войсками перейти Дунай в направлении на Бухарест. Генерал фон-Конрад особенно стоял за эту операцию, потому что от нее ждал соответствующего освобождения Семиградья. Результатом же ее было бы поражение слабой армии генерала фон-Макензена, на северном ли берегу Дуная, или же, вследствие перехода румын и русских через границу Добруджи, которая оказалась бы недостаточно защищенной. Генерал-фельдмаршал фон-Гинденбург и я отказались от этой операции и высказались за наступление генерал-фельдмаршала фон-Макензена в Добруджу. Это было в то же время наилучшим способом отражения возможного нападения на Болгарию со стороны Добруджи. Вопрос о переходе через Дунай мог быть поднят только тогда, когда операции против румынских армий в Семиградии развернулись бы шире. События показали, насколько он был опасен. Генерал фон-Конрад согласился с изменением плана очень неохотно, Болгария с радостью: ее тянула Добруджа. Энвер-паша был, конечно, согласен.

Генерал-фельдмаршал фон-Макензен получил соответствующие указания. Мы напали на Добруджу, в то время как на северном румынском фронте все было еще чрезвычайно неопределенно и грозило всякими опасностями.

III.

Главная масса болгарской армии стояла на греческой границе. Она была усилена германским командным составом, приблизительно одной германской дивизией и другими германскими частями, как-то: артиллерией, пулеметными, воздухоплавательными и телефонными частями. Кроме того, Болгария получала от нас, в меньшей мере и от Австро-Венгрии, деньги и большое количество военного снаряжения. Болгарские железные дороги были мало работоспособны. Мы должны были помочь и здесь, чтобы улучшить условия транспорта.

Антанта послала в Салоники вновь сформированную сербскую армию и свои собственные войска, но к действиям не приступала. Генерал Сарайль принял командование и начал с применения к Греции беззастенчивого насилия, формируя греческие отряды из сторонников Венизелоса.

ностью работ по постройке тыловых путей сообщения. Германским железнодорожным и рабочим частям пришлось взять работу в свои руки в чрезвычайно трудных условиях горной страны, и в течение долгих месяцев выполнить то, что должно было быть сделано еще до наступления на Флорину.

Болгарским главнокомандующим был генерал Жеков. Он был верен союзу, но ему не хватало школы полководческих талантов, которых требует современная война. Будучи безупречным человеком, он не был достаточно проницателен, чтобы устранить многообразные серьезные недочеты болгарской армии. Он запутался в узкой партийной политике и позабыл о войне. Его тогдашний начальник штаба Луков был человек с неясным мышлением и интриган; он виновник несчастия Болгарии и четверного союза. Проникнуть в психику болгарского народа было для меня трудно. Он казался мне настроенным националистически и готовым сражаться за гегемонию на Балканском полуострове.

Радославов действовал заодно с Германией по внутреннему убеждению. Его судьба была тесно связана с союзом. Он был очень настойчив в пред'явлении своих требований к Германии и в проведении своей великоболгарской политики. Он давал свободу развития всем тенденциям подобного рода, чтобы потом в своих требованиях опираться на волю народа. Притом он забывал, насколько он затруднял тем самым свое положение в случае возможных мирных переговоров. И он не раз'яснил народу требования, пред'являемые войной; возможно, что он сам их недостаточно понимал.

Царь также твердо стоял на почве союза. Это был небыкновенно умный человек, но умелые переговоры он предпочитал решительным действиям. У него всегда имелись в запасе различные комбинации, и он считал возможным оттягивать решения. При его большом уменьи ладить с народом, он в мирное время обходился этими качествами. Во время войны их оказалось недостаточно. В особенности я сожалел о том, что он не был солдатом и не имел на свою армию того влияния, какого требовало его высокое положение.

Наследный принц Борис, примерно воспитанный своим отцом, был человек военного склада, не по возрасту зрелый. У него было ясное понимание требований войны. Начальники, находившиеся в Болгарии, и я охотно вели с ним дела. Лучшего правителя Болгария никогда не найдет.

IV.

С уходом войск Антанты из Галлиполи, положение дел Турции изменилось к лучшему. Энвер-паша получил возможность предоставить часть своих войск в распоряжение германского верховного командова-

ния. Он сделал это, правильно поняв, что отныне и для Турции война решится на других театрах военных действий.

Правда, эти войска предварительно надо было обучить, обмундировать и вооружить, и это требовало времени. В конце июля—начале августа XV турецкий армейский корпус отправился в Галицию; теперь одна турецкая дивизия была послана в район Варны. Энвер взял эти войска из армии маршала Лиман-паши [1]), на которой продолжала лежать оборона Константинополя и Малоазиатского побережья.

Англичане оттеснили турок с Синайского полуострова. Они усердно строили теперь железную дорогу широкой колеи и водопровод. Надо было ожидать, что, как только постройка подвинется достаточно далеко вперед, неприятель вступит в Палестину.

Турецкие успехи при Кут-эль-Амара ни к чему не привели. Англичане готовили новый поход на Багдад, на этот раз, повидимому, серьезный. И здесь надо было рано или поздно ожидать новых военных действий. Оба предприятия должны были иметь успех, если бы англичане серьезно взялись за дело; повидимому, они так и собирались сделать. Но они должны были бы употребить на это тем больше войск, чем упорнее оказалось бы сопротивление турок. Таким образом, ценность турецкой армии косвенно получила для нас величайшее значение. Чем мужественнее Турция сражалась бы в Палестине и Месопотамии, и чем больше войск Англия должна была бы послать туда, чтобы достичь своих целей, тем больше облегчалось бы наше положение на западе. Правда, в индусских войсках Англия располагала силами, которые она лишь неохотно пускала в дело во Франции и применение коих в азиатской Турции нисколько не облегчало нас на западе. Все же и это требовало от британцев добавочного военного напряжения.

Турецкое продвижение в Персии в направлении Гамадана было лишь эпизодом и значения для войны не имело.

В восточной Малой Азии, к западу и к югу от линии Трапезунд—Эрзинджан—Муш, стояли друг против друга русские и турки, но действий никаких не предпринимали. Повидимому, состав обеих армий сильно растаял. Сколько там фактически было турок, я никогда не мог выяснить. Значительного русского наступления ожидать больше не приходилось; театр военных действий был для русских слишком неудобен.

Турецкая армия была истомлена. Она также еще не оправилась от Балканской войны, когда ей снова пришлось воевать. Она долго несла большие потери больными и ранеными. Хороший храбрый анатолиец исчез из рядов войск. Все бóльшая часть войск образовывалась из ненадежного арабского элемента, особенно в Месопотамии и Палестине.

---

[1]) Германский генерал Лиман-фон-Сандерс (пр. ред.).

Части войск не достигали больше штатной численности, их плохо кормили и еще хуже снаряжали. Особенно чувствителен был недостаток в годных офицерах. Опираясь на свое влияние, Лиман-паша пытался сформировать из своих дивизий новые годные боевые единицы. Он сделал все, что мог. Когда его отряды переходили из его рук под германское начальство, как это было в Галиции или против Румынии, то они оказывались сносными, даже хорошими; если же они попадали под турецкое начало, то очень скоро забывали все, чему научились при серьезной постановке дела у немцев.

Кроме денег, Турция получала от нас офицеров и технические отряды, а также и военное снаряжение, последнее в количестве, какое можно было доставить в Константинополь при имевшемся скудном числе поездов. Здесь снаряжались дивизии Лиман-паши. Дальнейший транспорт снаряжения в Палестину, Месопотамию и на Кавказский фронт был так ограничен, что снабжение находившихся там войск было очень скудное. Боеспособность слабых числом армий, вследствие этого, становилась еще ниже. Провозоспособность турецких дорог мы пробовали поднять, доставляя туда оборудование и технический персонал.

Позиция турецкого правительства по отношению к другим народностям оставалась прежней. Несмотря на мои настояния, Турция не делала ничего, чтобы покончить со своей прежней политикой по отношению к арабам. Возможно, что это было и поздно. Английские деньги сделали остальное. Арабы все резче восставали против турок. Удивительно, что, несмотря на это, Турция почти до конца войны удержала за собой Геджасскую железную дорогу и Медину.

Энвер-паша также прибыл в начале сентября в Плесс. Он был очень даровитый человек и производил необыкновенное впечатление. Он был верным другом Германии. Между ним и мной существовала горячая симпатия. У него имелось солдатское понимание ведения войны, но не было основ и знания военного ремесла; не было школы. Его большие военные способности не могли получить развития. Его верное чутье подсказало ему правильность посылки турецких войск в Галицию и против Румынии. Но, с другой стороны, он постоянно требовал военного снаряжения в таком количестве, какое никак не могло быть доставлено на место. Большая часть поездов через Софию в Турцию была занята углем, шедшим из Верхней Силезии в Константинополь. Я постоянно просил Энвера имевшего крупное значение, Талаата и других сановников, посещавших нас, поднять добычу угля в Турции, что было вполне возможно. Таким способом они освободили бы транспорт для военного снаряжения. Я беседовал с ними об огромном значении железных дорог для ведения войны и указывал им, каким образом Турция может помочь себе. Я не встретил большого понимания с их стороны, и навстречу моим пожеланиям они не пошли. Они продолжали предъявлять те

же требования, хотя должны были понимать, что их нельзя выполнить. Для своих угольных копей и железных дорог Турция не делала, можно сказать, ровно ничего.

Власть в Константинополе всецело находилась в руках младотурок.

Население стояло в стороне.

Картина, которую представляла собой Турция при моем вступлении в должность генерал-квартирмейстера, была мало утешительной; о Месопотамии и Палестине я мог думать только с опасением.

V.

Сношения наши с союзниками происходили при посредстве военных уполномоченных, поскольку невозможны были личные переговоры. С австрийским высшим военным управлением сношения поддерживал германский генерал фон-Крамон, который выполнял свою подчас трудную задачу с исключительным искусством и большим тактом. Благодаря ему наши отношения с австрийским верховным командованием становились все лучше. Австро-венгерский военный уполномоченный в германской ставке, фельдмаршал-лейтенант фон-Клепш, оставался больше в тени. Это также был чрезвычайно подходящий человек, всегда стремившийся к тому, чтобы не произошло какого-либо недоразумения, и всегда готовый действовать в таком духе, как этого требовало наше братство по оружию.

Переговоры с Болгарией велись, главным образом, через полковника, позже генерала—Ганчева, болгарского военного уполномоченного при нашем штабе. Это был необыкновенный умница, ловкий человек, отстаивавший болгарские интересы с большим умением, но не терявший при этом широкого понимания обстановки. Он был верным сторонником союза. После отречения Фердинанда от престола он сопровождал своего царя в Германию. Германского военного уполномоченного в Софии, полковника фон-Массова, царь ставил очень высоко. К его содействию часто приходилось прибегать, чтобы сглаживать недоразумения, легко возникавшие при своеобразном характере болгар.

Турецкий военный уполномоченный, генерал-лейтенант Цеки-паша, знатный турок и надежный друг Германии, чрезвычайно тактично и умело защищал интересы своей армии. Германский представитель в Константинополе, генерал фон-Лоссов, личный друг Энвера, был особенно хорошо знаком с турецкими порядками. Мы, естественно, часто к нему обращались. Так как при турецком верховном командовании начальником генерального штаба был немецкий генерал—сначала генерал Бронзарт-фон-Шеллендорф, позже генерал фон-Зеект,—то отношения с верховным командованием носили особенно дружественный характер. Как раз в то время, когда генерал-фельдмаршал и я прибыли в Плесс,

был поднят вопрос об общем военном руководстве четверным союзом в тактически-стратегических вопросах. Я горячо высказался за него, и, к моему удовлетворению, оно скоро было образовано. Его величество император получил право окончательного решения, генерал-фельдмаршал мог распоряжаться от его имени. На практике это руководство имело ограниченный характер: мы не знали точно внутренней ценности армий наших союзников и не могли поэтому отдать, например, приказ, чтобы на итальянской границе Австрии осталось столько-то дивизий. На практике приходилось прибегать к соглашению: как бы то ни было, принятое постановление придало германскому верховному командованию известный авторитет, что было очень полезно.

Таким образом, войной на западном фронте и на восточном, до самой Добруджи, руководили полностью генерал-фельдмаршал и я. Что касается войны с Румынией, то здесь пришлось прибегать к соглашению с союзниками, главным образом, с Австро-Венгрией. В ведении австро-венгерского верховного командования в Тешене находились войска эрцгерцога Карла и прибывающие в Семиградье части. Но они находились в такой зависимости от принимавшихся нами мероприятий, что фактически наше верховное командование сохраняло за собой единство руководства.

На итальянском и албанском фронтах распоряжался исключительно генерал фон-Конрад.

Положение дел на македонском фронте, в Болгарии и Турции требовало с нашей стороны огромного внимания, но мы не могли взять на себя здесь решающей роли.

Результатами организации общего военного руководства было то, что, в случае каких-либо спорных вопросов между собой, союзные верховные командования обращались к нам.

Болгарское верховное командование очень неохотно вступало в переговоры с турецким и австро-венгерским по вопросам, касавшимся Балканских дел, а последние в свою очередь охотнее сносились с нами, чем с болгарским верховным командованием.

VI.

Его величество император был верховным военачальником. Ему принадлежала высшая власть над войсками и флотом. Командующие армиями и флотом подчинялись ему.

По желанию его величества начальник генерального штаба армии самостоятельно руководил военными операциями. Для основных решений требовалось согласие императора. Командной власти начальник ген. штаба не имел.

Во главе верховного командования, таким образом, стоял император. Употребляя в моих воспоминаниях это наименование в применении к генеральному штабу армии, я не совсем точен, но следую обычному разговорному пониманию «верховного командования».

Начальник морского штаба, в качестве руководителя морской войны, был поставлен наравне с начальником генерального штаба армии. В отношении ведения морской войны он обладал такими же правами и имел те же обязанности, как мы в отношении сухопутной войны. Совместная работа генерального и морского штаба протекала всегда дружно. Генерал-губернаторы Брюсселя и Варшавы были подчинены непосредственно императору; в вопросах политических они зависели от имперского канцлера. В военных вопросах они следовали указаниям верховного командования, но, чтобы получить как-то лошадей из Варшавского генерал-губернаторства, потребовался приказ его величества.

Прочие оккупированные области подчинялись генерал-квартирмейстеру и, следовательно, верховному командованию. Настоящими хозяевами этих областей были командующие соответственными армиями.

Военные министерства Пруссии, Баварии, Саксонии и Виртемберга были поставлены наравне с нами. Их представители находились в главной квартире; для военных министерств федеративных германских государств это были военные уполномоченные по соответственным контингентам. Баварские представители часто сменялись. Под конец им являлся генерал фон-Гартц, еще позже генерал Кеберле. Саксония и Виртемберг были представлены генералами фон-Эйлитцом и фон-Гревеницом; последнего сменил подполковник Голланд. Эти господа защищали в то же время интересы своих контингентов перед верховным командованием. Понятно, что и в пределах германской армии дело не обходилось без трений. Когда в том или другом месте возникали затруднения, случалось иногда, что один контингент сваливал вину на другой. То на его долю приходилось слишком много потерь, то ему слишком редко представлялся случай отличиться.

Приходилось обсуждать с военными уполномоченными также вопрос о личном составе. Совместная работа с этими господами протекала дружно. Они видели, вероятно, что я отношусь к их интересам без всякого пристрастия. Я никогда не делал различия между всеми 4-мя контингентами. Все исполняли свой долг, у каждого были дивизии получше и похуже; только Виртембергские войска были все хороши. Такой же похвалы заслуживали и баденские дивизии, хотя они не образовывали отдельного контингента. Несмотря на разноплеменный состав, армия представляла одно целое. Нужна была длительная, разлагающая работа, чтобы вызвать известную враждебность между баварскими и прусскими войсками. Но и тогда это не затронуло штаб-офицерского состава.

Представителем прусского военного министерства был майор Штилер-фон-Гейдекампф; он горячо принимал к сердцу мои многочисленные заботы.

Военные министерства во многих областях выполняли наши требования, они были мне верными помощниками. Правда, когда требования войны глубоко затрагивали внутреннюю жизнь страны, стоящие во главе лица также не могли отделаться от общего настроения родины; они не могли с ним справиться и подчинялись ему, не давая армии того, в чем она так нуждалась.

С заместителями корпусных командиров мне приходилось иметь дело только по вопросу обучения в запасных частях. Они не получали никаких указаний от верховного командования. На основании закона об осадном положении, они были совершенно самостоятельны и, после того, как рейхстаг осенью 1916 года создал должность командующего войсками, подчинялись своим военным министерствам, как это имело уже место в Баварии.

Вследствие этого, для победоносного окончания войны, личность прусского военного министра получила необычайное значение. Его ответственность возросла, он должен был теперь настойчиво требовать от имперского канцлера, чтобы он укрепил дух народа в тылу, чтобы тыл не давил на настроение армии; он должен был выступать за сохранение на родине государственного порядка, в случае, если бы кто-нибудь вздумал на него посягнуть. Вот чего ожидала армия от прусского военного министра! Значение заместителей корпусных командиров упало вследствие политики имперского правительства, а также после установления должности командующего войсками. Этот закон к тому и стремился, в первую очередь он был направлен против них и их деятельности. Конечно, многоглавое толкование закона о собраниях, применении цензуры и во многих других случаях не годилось и только запутывало дело. Единый сильный правительственный авторитет был бы лучше. Но такого не было, а военный министр делу не помог.

По мере того, как имперский канцлер поддавался различным партиям, неопределенность, царившая в Берлине, передавалась в провинцию. Самостоятельность заместителей командиров корпусов падала все больше. Закон, создавший должность командующего войсками, мог бы пойти на благо, но стал для нас роковым.

Лицом, с которым верховное командование должно было сноситься, как с равным себе, был также начальник военного кабинета, ответственный только перед императором. Эта инстанция работала серьезно и добросовестно. Она составляла свои суждения только на основании докладов начальствующих лиц. По вопросу о командующих армиями и командирах корпусов она выслушивала также мои мнения. Помимо этого верховное командование не имело никакого отношения к личному составу, я нес моральную ответственность только за офицеров генерального штаба и за распределение между ними орденов. Я очень хотел бы, чтобы во главе военного кабинета стояли люди, хорошо знако-

мые с войной по личному опыту; тогда они знали бы условия, в которых приходилось работать офицерам. При данном же положении они работали по шаблону мирного времени и не давали сильным личностям возможности выявить себя.

Начальник военного кабинета распоряжался также раздачей орденов; для армии вопрос об орденах имеет немаловажное значение. И по этому вопросу он считался с отзывами командующих армиями. К сожалению, проходило много времени, прежде чем представленные к орденам получали их. После долгих усилий верховному командованию удалось провести отличительный знак для раненых.

Ведение колониальной войны лежало на статс-секретаре министерства колоний. Уже в мирное время между ним и генеральным штабом не было достаточного контакта по этому вопросу. В 1904 году генералу графу фон-Шлиффену специальным приказом было поручено руководство военными действиями в юго-западной Африке. Министерство колоний недостаточно заботилось о боевой готовности колоний. Польза, которую Франция сумела извлечь из своих колоний в военном отношении, не может быть достаточно оценена. В значительной степени война велась ею при помощи цветных войск, особенно летом 1918 года. Этого мы, конечно, никогда не смогли бы сделать, но все-таки могли бы получить от своих колоний большую поддержку. Кучки германских героев в Восточной Африке оттянули на себя большие силы. Неприятель лишился их для войны с Турцией и должен был заменить их другими частями, которые были, таким образом, потеряны для западного фронта. Я с интересом следил за борьбой в колониях и был поражен, что в юго-западной Африке борьба не велась энергичнее. В чем тут было дело, я не берусь решить. Недостаточная забота Германии об обороноспособности колоний не может быть единственной причиной. В восточной Африке осенью 1917 года, между Руфиджи и Ровума и затем на португальской территории, генерал фон-Леттов-Форбек дал на далекой чужбине блестящий пример германского мужества.

Верховное командование и имперский канцлер были равны в правах. Об'единение власти и здесь принадлежало его величеству. Наши сношения с императорским правительством вскоре приняли очень оживленный, но мало утешительный характер. Наши указания правительству на тот род помощи, которого мы ожидали от него и считали безусловно необходимым для достижения победы германского народа, не встретили заметного сочувствия.

Защита военных интересов во всех вопросах внешней политики, возникавших в связи с войной и заключением мира, служила также поводом для частных сношений, к сожалению, не всегда приятного характера.

Правительственный аппарат в Берлине производил необыкновенно тяжеловесное впечатление. Ведомства работали без взаимного контакта; левая рука часто не ведала, что творила правая. Бисмарк владел мением согласовать работу всех ведомств; имперским канцлерам военной эпохи это было не под силу.

Упрощение и улучшение наших взаимных отношений наступило в феврале 1917 года, когда имперский канцлер прикомандировал к верховному командованию своего личного представителя. Сначала это был помощник статс-секретаря фон-Штейн, который внес с собой свежую струю. Осенью 1917 года прибыл граф Лимбург-Штирум, образованный и умелый человек, горячо любивший родину. Сношения с ним доставляли мне истинную радость. Приблизительно с того же времени представителем верховного командования при имперском канцлере в Берлине был полковник, позже генерал фон-Винтерфельдт. Он самоотверженно и тактично выполнял свою трудную задачу.

Верховное командование было вынуждено сноситься еще с целым рядом министров, а по вопросам транспорта также и с правительствами отдельных государств, составлявших Германскую империю. Я сильно чувствовал отсутствие единой центральной власти; наше государственное многообразие давало себя знать. Когда высшие офицеры Баварии, хорошо понимавшие положение дел, выразили желание, чтобы было образовано единое имперское военное министерство, я мог только согласиться с ними и просил их пропагандировать эту мысль у себя на родине.

Теперь на очереди стоит вопрос о внесении единообразия в конституцию Германии, и можно лишь пожелать, чтобы этот вопрос, являющийся дальнейшим шагом к развитию нашей родины, был возможно скорее разрешен. Пусть лишь при этом не забудут, чем Германия обязана Пруссии и союзным государствам.

В нейтральных государствах, в распоряжении верховного командования так же, как и в мирное время, находились военные атташе. Они подчинялись своему послу, и политикой не занимались. О военных делах они сообщали непосредственно в генеральный штаб; послу посылалась копия сообщения. Ни к каким затруднениям такой порядок дел не приводил. По вопросам пропаганды военные атташе работали также в согласии с послами. Они получали в этом отношении указания от полковника фон-Гефтена.

Военные атташе в союзных странах выполняли подобные же задачи. И они были чужды политике. Они являлись, главным образом, офицерами связи между германским верховным командованием и высшими военными начальниками союзных армий.

VII.

5-го сентября генерал-фельдмаршал и я отправились в нашу первую поездку на запад. Через Шарлевиль, где все еще находилась ставка, мы направились в Камбрэ, где расположился штаб наследного принца Рупрехта Баварского.

Кронпринц приветствовал нас перед в'ездом в Шарлевиль. Почетный караул генерал-фельдмаршалу выставила рота знаменитого ударного батальона ф.-Рора. Впервые мне пришлось увидеть здесь сомкнутую часть в ударном снаряжении и в столь целесообразных стальных касках. На востоке они были еще неизвестны. Кронпринц был очень доволен приостановкой наступления на Верден; по его словам, это было его давнишней мечтой. Он коснулся еще других вопросов, и в беседе со мной также подчеркнул свое желание скорого мира. Но о том, каким путем его можно добиться от Антанты, он мне ничего не сказал.

В Шарлевиле генерал-фельдмаршал виделся с сотрудниками ставки. Разделение верховного командования на две группы и величина расстояния между Плессом и Шарлевилем сказались на общем положении дел чувствительным образом. Как ни хорошо была поставлена телефонная и телеграфная связь, она не могла заменить личных переговоров. Я охотно сосредоточил бы ставку на западе, только не в Шарлевиле, местоположение которого было неблагоприятно. В Бельгии и Франции германские войска несли на себе всю тяжесть войны, во всей ее неумолимости. Естественно, хотелось быть к ним ближе. Несмотря на это, верховное командование должно было оставаться в Плессе, так как операции против Румынии требовали тесной связи с генералом фон-Конрадом в Тешене. По этой причине ставка (частью) и была перенесена на восток. Она была размещена в Плессе, Каттовице и других местах.

7-го числа утром состоялось совещание в Камбрэ в то время, как на Сомме шел ожесточенный бой. Все находились под сильным впечатлением этих тяжелых боев.

Организация западного фронта была в тот момент неудачной. Об'единение армий во фронты было еще недостаточно развито. Фронт кронпринца Рупрехта был образован в августе, под впечатлением битвы на Сомме. В состав его входили: 6-я армия у Арраса, находившаяся до того под личным командованием самого кронпринца Рупрехта, и обе армии, находившиеся в бою, 1-я и 2-я, под командой генералов Фрица фон-Белова и фон-Гальвица. Фронт германского кронпринца сформировался раньше. Он состоял из 3-й армии у Реймса, 5-й у Вердена, во главе которой находился сам кронпринц, и армейских групп А и Б в Лотарингии и Эльзасе. В состав фронтов не входили: 4-я армия, под командой генерал-фельдмаршала герцога Альбрехта Виртембергского, на-

правом крыле всех армий, и 7-я под командой генерала фон-Шуберта, между обоими фронтами. Первоначально мы никаких изменений не произвели, только 7-я армия была подчинена кронпринцу Рупрехту; вслед затем был образован отдельный штаб фронта германского кронпринца. Верховное командование распоряжалось отныне только тремя инстанциями. Полная реорганизация западного фронта должна была быть предпринята лишь по наступлении перерыва в операциях.

Начальник штаба 4-й армии, генерал Ильзе, и начальники штабов кронпринца Рупрехта и германского кронпринца, генералы фон-Куль и фон-Лютвиц, дали обзор положения на своих фронтах. Полковник фон-Лоссберг, с присущей ему серьезностью, и полковник Бронзарт-фон-Шеллендорф, со своей обычной живостью, дополнили доклад о битве на Сомме генерала фон-Куля описанием внутренних моментов. Потеря территории, имевшая место до сих пор, сама по себе казалась мне маловажной, с ней можно было помириться. Гораздо важнее был вопрос, как в дальнейшем предотвратить отход и связанное с ним все большее ослабление наших сил. Мне надо было дать себе ясный отчет как в отношении наших и неприятельских сил, так и в том, насколько наши тактические взгляды оставались верными. Первое было просто, второе—чрезвычайно трудно. В стратегически-тактических вопросах взгляды бывают так же резко противоположны, как в политических и экономических, и переубеждать кого-нибудь здесь так же трудно; явления признаются, вызвавшие их основные причины оспариваются. Поэтому так трудно изменить их к лучшему. Консерватизм войск чрезвычайно велик. Как было в мирное время, так остается и во время войны.

Составившееся у меня предположение о положении дел у Вердена и на Сомме стало еще мрачнее на основании того, что мне пришлось выслушать. Единственным светлым пятном являлся германский героизм, с твердостью переносивший ради родины самые тяжелые моменты. Я не в состоянии передать слышанных мною потрясающих описаний боев. Самое прекрасное, что о них написано, принадлежит молодому офицеру испытанного гамбургского полка. Это—героическое стихотворение в прозе.

Для меня выяснились размеры той новой задачи, которая выпала на генерал-фельдмаршала и на меня, и какие затруднения мы вызвали бы для командования и для войск на западе, если бы продолжали их ослаблять для наступления на юго-востоке.

Могучая неприятельская артиллерия, хорошо ориентируемая аэропланами, подавила на Сомме огромным количеством снарядов нашу артиллерию. Обороноспособность нашей пехоты была до такой степени истощена, что предпринятая неприятелем массовая атака удалась. Мы расходовали не только наши моральные силы; кроме большого

числа убитых и раненых, мы потеряли много пленных и много военного снаряжения.

Высказанные настойчивые пожелания сводились к требованию усиленного снабжения артиллерией, снарядами, аэропланами и привязными аэростатами, а также к своевременному выдвижению многочисленных свежих дивизий для более частой смены сражающихся. Удовлетворение этих требований облегчалось приостановкой атаки на Верден; но приходилось считаться с тем, что по местным условиям Верден и в дальнейшем потребует много сил. Было возможно, что французы сами поведут из крепости наступление. Верден оставался открытой язвой, поглощающей много сил. Правильнее было бы оттянуть там позиции из района воронок. О местных трудностях борьбы около Вердена я тогда не имел еще правильного представления. Наряду с Соммой, крепость все еще требовала большого внимания; несмотря на это, 5-я армия должна была отдать много артиллерии и аэропланов. Еще беспощаднее приходилось поступать с другими армиями. Они должны были растянуть свои участки и выделить дивизии, артиллерию, аэропланы и привязные аэростаты для района, где шел бой. Конечно, таким путем образовались слабые пункты; с этим приходилось мириться, если мы хотели удержаться на Сомме. А отказаться от Соммы мы не могли, так как у нас не было подготовленных позиций в тылу. И, наконец, верховное командование могло рассчитывать на несколько новых дивизий, которые постепенно заканчивали формирование.

В отношении артиллерии и борьбы в воздухе положение дела в районе боя должно было постепенно улучшиться благодаря усиливающемуся снабжению; только со снарядами дело обстояло попрежнему печально, несмотря на то, что мы опустошили в этом отношении другие фронты.

Казалось, что по мере улучшения подачи дивизий удастся обставить фронт кронпринца Рупрехта таким образом, что ему не придется жить изо дня в день. Тогда можно было надеяться, что при смене и заступлении на участок дивизий удастся не нарушать их организации; в интересах внутреннего устройства и сохранения войск мне приходилось придавать этому величайшее значение. При настоящем положении дел страдали и люди и лошади. После того как верховное командование оказало нужную помощь, я стал решительно требовать, чтобы войсковая организация сохранялась. До настоящего момента сила обстоятельств не позволяла этого. Сверх особенного усиления войск, необходима была еще постоянная смена отработанных дивизий свежими. Одной из существенных обязанностей моего оперативного отделения было—всегда иметь под рукой дивизии, которыми можно было располагать для сражения на Сомме; это была трудная и ответственная задача. Нужно было хорошо учесть состояние войск, чтобы решить вопрос о

снятии частей со спокойного фронта и переброске их на более или менее важный участок сражения.

Подкрепления, которые удалось собрать для битвы на Сомме, невозможно было перебросить сразу. Железные дороги были сильно перегружены уже обычным подвозом и эвакуацией. Требовалось пустить сверх того еще огромное количество поездов. Раньше 2—3-х недель все требуемое не могло быть доставлено на место. Прежде, чем нам удалось бы выполнить это, успехи неприятеля могли перевернуть все наши расчеты и поставить перед нами новые задачи. Это находилось в руках судьбы и отчасти врага. Пока приходилось удовлетворять требования момента.

В области тактики следовало добиться того, чтобы снова выдвинуть на первый план активность в ведении артиллерийской борьбы так, чтобы неприятельская артиллерия и пехота были разбиты еще до начала атаки. Мы отказались от этого способа вследствие недостатка в орудиях и снарядах. Универсальным средством спасения казался заградительный огонь. Пехота требовала его. Но применение его вносило путаницу во многие здоровые представления. Несмотря на правильность его в теории, он часто оказывался несостоятельным под градом неприятельских снарядов. Наша пехота, доверившись защите заградительного огня, слишком легко забывала, что должна сама себя защищать.

Постоянное увеличение количества вводимых в бой орудий и комплекта снарядов являлось основой успешного применения артиллерии. Но на ряду с этим требовалось твердое руководство артиллерией высшим начальством и уверенная пристрелка при помощи воздушного наблюдения. Совместно со многими другими я высказался за сосредоточение руководства артиллерийским боем, главным образом, в дивизиях, на основании точных приказов высших штабов. Это вызвало возражения, но постепенно мысль была признана правильной. Каждый начальник дивизии должен был иметь в своем распоряжении артиллерийского штаб-офицера, специально для руководства этим родом оружия. Отсутствие таких специалистов было чувствительно.

Надо было также сблизить артиллерию с воздухоплаванием. Летчикам надо было привить любовь к пристрелке. Бой истребителей высоко в воздухе, открывавший возможность получить высокие отличия и быть поименованным в сообщениях ставки, был куда заманчивее и красивее, чем пристрелка артиллерии, которой все равно никому нельзя было угодить. Понимание высокого значения пристрелки могло развиваться лишь очень постепенно.

В то время летательные аппараты не применялись еще, как оружие против земных целей, так планомерно, как в 1917 и особенно в 1918 году, но уже во время битвы на Сомме неприятельские аэропланы, летавшие очень близко, производили своим пулеметным огнем на нашу

пехоту сильное впечатление. Впечатление это вызывалось не потерями убитыми и ранеными, а тем обстоятельством, что пехота оказывалась обстрелянной там, где до того находила укрытие. Это угнетающее впечатление было в первое время так сильно, что люди часто забывали использовать свои ружья и пулеметы, что было бы весьма целесообразно.

Исход каждого сражения, в конечном счете, решается пехотой. Я сам был пехотинцем, был им душой и телом, и сказал сыновьям: идите в пехоту. Они так и сделали; только позже их, как многих других молодых людей, потянуло из окопа к свободной деятельности летчика. Навсегда останется военной истиной красивое изречение строевого пехотного устава: «Пехота несет главную тяжесть борьбы и приносит величайшие жертвы, поэтому ей и высшая слава».

Бремя, лежащее на пехоте, огромно, это показала и настоящая война. Спокойно лежать под барабанным огнем неприятеля, на земле и в грязи, в сырости и холоде, без пищи и питья, или забившись в общую кучу в убежища, ямы и подвалы, ожидать там превосходного в силах врага, выходить из надежного укрытия в атаку на сеющего гибель врага, имея всегда перед глазами смерть—вот дело, достойное настоящих мужей. Оно становится возможным только при условии истинной дисциплины, созданной чувством любви к родине и глубоко запавшим в сердце велением долга. Слава велика. Но высшую награду дает гордое сознание того, что ты послужил родине больше, чем другие, дает чувство, что победа достигнута благодаря именно твоей храбрости. Люди, оставшиеся на родине, должны постоянно помнить об этом. Перед таким геройством им остается только молча обнажать голову, а не витийствовать.

При оценке работы нужно поставить на одну доску всех, сражающихся вместе с пехотинцем: сапер, спешенный кавалерист и телефонист имеют одинаковые права на славу. Ко всем им относится прекрасное изречение старого устава.

Я не хочу высказанным уменьшить значение работы других родов оружия. Ко всем им верховное командование относилось с одинаковой заботой и одинаковым уважением. Летчик также испытывает чувство победителя, и получает глубокое удовлетворение при мысли: вот где человек что-нибудь да стоит. Но ему не приходится переживать разжигающего влияния боя. Приблизительно тоже, что пехоте, приходилось переживать и артиллерии. Чем дальше шла война, тем больше росли ее потери, как при обороне, так и при наступлении; она все больше становилась главным лицом в борьбе, и главной опорой фронта. И все-таки артиллерия не может оспаривать у пехоты этого изречения. Артиллеристы правы, когда восстают против мнения, что пехота является главным родом оружия. К сожалению, этот взгляд по недосмотру нашел себе место в одном из уставов, предназначенном для артиллеристов. Главных

родов оружия не существует. Каждый имеет право на существование, потому что нужны все. Ни без одного из них нельзя обойтись.

То, что я услыхал к Камбрэ о нашей пехоте и о ее тактике и снаряжении, было для меня чрезвычайно важно. Работа ее протекала в слишком тесных и неподвижных рамках, это было ясно; она слишком цеплялась за отстаивание территории и в результате несла большие потери. Глубокие убежища и подвалы часто превращались в роковые ловушки. Я в первую очередь установил принципиальное требование—редко занимать передовые окопы, разрушить глубокие лисьи норы и оставить все окопы и участки, отстаивание коих не имело значения и могли лишь вызывать тяжелые потери. К остальным вопросам об улучшении и снаряжении пехоты можно было подойти лишь постепенно.

Преимущественное употребление ручных гранат создалось благодаря тому, что в окопном бою их можно было применять, пользуясь прикрытием и не оставляя его; употребление же ружья требует оставления прикрытия. В ближнем бою, когда люди внезапно сталкиваются лицом к лицу, как это бывало при наших поисках, а теперь и во время больших атак неприятеля, ручная граната оказывалась более с руки; для неопытного солдата ее употребление было проще, чем ружья, которое к тому же часто загрязнялось. Это было понятно; но, с другой стороны, пехота должна уметь своими собственными силами не подпускать в рукопашную свалку неприятеля, и бороться с ним на расстоянии. Когда дело доходило до рукопашного боя, то численное превосходство неприятеля легко получало решающее значение.

Из-за ручной гранаты пехотинец разучился стрелять. Его надо было снова обучить этому. Он опять должен был получить доверие к своему ружью; для этого ему надо было научиться владеть им. Указать это было легко, добиться же каких-либо реальных результатов бесконечно трудно. При коротком сроке обучения наших запасных это так и не удалось, несмотря на частые попытки. Оно было возможно только при длительном, настойчивом обучении в мирное время, в результате которого пользование ружьем в бою происходило чисто механически.

Сила неприятельской пехоты была в значительной степени увеличена применением машин; мы же работали почти исключительно людьми. У нас имелись все основания тщательно беречь их. И здесь надо было провести коренную реформу: центр тяжести огневого боя пехоты надо было перенести на пулемет. Пехота должна была получить новое оружие—легкий пулемет, для обслуживания которого пришлось бы выделить возможно меньше подносчиков. Пулемет, принятый в наших пулеметных командах, был для этого слишком тяжел.

Чобы быстро усилить огневое действие пехоты, по крайней мере на важнейших участках необ'ятных театров военных действий, надо было организовать особые пулеметные части—стрелковые отделения. Не-

которые ячейки для них уже имелись; теперь надо было дать им общее устройство и развить их.

Дальнейшее усиление боевой силы пехоты должны были дать минометы и бомбометы. Надо было развивать изготовление автоматического оружия.

И, наконец, надо было регламентировать подготовку ударных частей, выработанную опытом войны, и сделать ее общим достоянием пехоты. Учебные части и штурмовые батальоны оказывались очень ценными единицами и способствовали усовершенствованию подготовки. Это были образцы, к которым пехота усердно стремилась приблизиться. Особая инструкция должна была бы указывать, как этого достигнуть. Но таковая отсутствовала.

Ход битвы на Сомме многому научил нас и в отношении расположения и постройки укрепленных позиций. Глубокие лисьи норы в передовых окопах должны были быть заменены неглубоко расположенными убежищами. Большое значение приобрели бетонированные убежища, но постройка их требовала, к сожалению, много времени. Легко заметные линии окопов, в точности воспроизводимые аэроснимками, представляли слишком хорошую мишень для неприятельской артиллерии. Всю оборонительную систему нужно было эшелонировать в глубину, разредить и тщательно применять к местности. Широкие, густые проволочные заграждения уже не являлись надежными, хотя на спокойные периоды они были очень удобны. Под градом неприятельских снарядов они исчезали. Легкие, мало заметные проволочные препятствия в бою являлись более пригодными. Пехотные позиции на переднем склоне с широким обстрелом легко наблюдались неприятелем. Неприятельская артиллерия легко сносила их барабанным огнем, наше же артиллерийское наблюдение для охраны их часто было очень затруднено. Позиции на обратных склонах с небольшим обстрелом, при хорошем наблюдении нашей артиллерии, удавалось отстоять. Для серьезного боя они заслуживали предпочтения.

На первый план резко выступило решающее значение возможности артиллерийского наблюдения и необходимость считаться при выборе позиций, главным образом, с ним.

Итак, здесь тоже надо было созидать: многое изменилось, иногда даже в обратную сторону.

Все эти вопросы были едва затронуты во время совещания в Камбрэ. Получились только общие впечатления, которые, однако, показали мне, как настоятельно война требовала новых форм и как необходимы были нововведения в тактике и снаряжении. На востоке мы сражались и вели подготовку войск, следуя, главным образом, старой тактике, которая была изучена в мирное время; здесь нас встретили новые явления, и я был обязан считаться с ними.

Я особенно охотно занимался вопросами тактики и снаряжения. Они являлись одной из моих обязанностей в бытность мою в большом генеральном штабе в Берлине. Я уже тогда выступал по многим вопросам, которые теперь настоятельно требовали разрешения. Как уже раньше можно было предвидеть, они теперь, перед лицом врага, сделались для армии вопросом жизни и смерти, и требовали крайнего внимания. Эта ответственность перед армией была особенно тяжела. Если я, с одной стороны, вынужден был требовать пополнений, то, с другой, на мне лежала и более гуманная обязанность—сохранить жизнь германским солдатам.

Это побудило меня ближе познакомиться с вопросом о панцырях. Они были выданы в некоторых частях, но не получили одобрения, так как оказались слишком тяжеловесными.

Совещание в Камбрэ принесло несомненную пользу. Спокойное величие вождей и начальников штабов, которые на западе вот уже скоро два года вели оборонительные бои в большом масштабе, пока генерал-фельдмаршал и я на востоке выигрывали смелые наступательные сражения, произвело сильное впечатление. Я еще больше укрепился в своем намерении убедить имперское правительство дать на войну все то, что требовалось. Люди, военное снаряжение и моральные силы были жизненными вопросами для армии. Чем дольше продолжалась война, тем яснее это должно было сказываться. Чем больше требований пред'являла армия, тем больше должна была давать родина, тем величественнее становилась задача имперского правительства, в частности прусского военного министерства.

После совещания мы были приглашены на обед к баварскому кронпринцу. Он был солдатом по чувству долга, но его наклонности были другого рода. Он занял свой высокий военный пост и приступил к исполнению своих обязанностей с глубоким пониманием ответственности; опираясь на своих превосходных начальников штабов—в начале войны это был баварский генерал Крафт-фон-Дельмензинген, а теперь генерал фон-Куль,—он с честью выполнил те высокие требования, которые приходилось пред'являть к командующему армией и фронтом. Как и германский кронпринц, он склонялся к окончанию войны без аннексий и контрибуций; но он также не знал, согласится ли на это Антанта. Мои отношения с кронпринцем баварским были всегда хорошими.

Герцог Альбрехт Виртембергский, командующий 4-й армией, также присутствовавший здесь, являлся гораздо больше военным человеком, чем оба кронпринца. Я редко имел удовольствие встречаться с ним и особенно охотно вспоминаю наши интересные беседы. Это была яркая личность.

После обеда мы двинулись в обратный путь из Камбрэ через Бельгию. Генерал-губернатор фон-Биссинг сопровождал нас часть пути. Мы

условились с ним сократить наши оккупационные войска в Бельгии. Предстоявшая растяжка участков отдельных частей в различных местах западного фронта делала желательным выдвижение в некоторые пункты ополченских частей. Кроме того, мы просили его помочь нам в намеченном увеличении производства военного снаряжения.

На следующий день я по дороге переговорил по этому вопросу с г. Дунсбергом и Крупп-фон-Болен-Гольбахом. Я попросил их к себе в поезд. Они считали безусловно возможным, при существующем наличии сырья, повысить производство военного снаряжения, если только будет разрешен рабочий вопрос.

Рано утром 9-го сентября мы вернулись в Плесс. Я чувствовал себя теперь на своем новом посту, как дома, и ознакомился с предстоящей мне работой. Передо мной открылось грандиозное поле деятельности; оно требовало от меня многого, от чего я до этого стоял совершенно в стороне. Я должен был проникнуть глубоко в механизм войны и во все детали жизни родины, и в то же время ориентироваться в основных мировых вопросах.

Бывшее помещение, где работал штаб, в одном из флигелей княжеского замка—стало слишком тесно; новое помещение было устроено в здании, где помещалось управление имениями князя Плесского. Мы переехали в дом г. Нассе, управляющего князя. Началась регулярная работа.

VIII.

Как и следовало ожидать, атаки Антанты продолжались с неослабевающей силой в сентябре, октябре и еще позже. Особенно критическим месяцем был сентябрь. Это сильно затруднило нам начало операций против Румынии в Семиградьи.

Битва на Сомме, начавшаяся 1-го июля попыткой прорыва в крупном масштабе, преследовала ту же цель до середины июля с неослабевающей силой. До конца августа Антанта продолжала предпринимать крупные атаки на всех участках боевого фронта, пуская в дело большие силы; теперь основной задачей являлось истощение наших войск. После об'явления войны Румынией, наступление разгорелось с новой силой, Антанта опять приступила к планомерным попыткам прорыва. Это были одни из самых крупных боев всей войны; по количеству введенных в дело военного снаряжения и людей они превосходили все прежние атаки. Севернее Соммы натиск начался еще 3-го сентября и продолжался до 7-го. Неприятель все глубже врезывался в наши позиции. 5-го сентября французы повели наступление на широком фронте южнее Соммы; мы потеряли несколько селений.

На северном берегу бои уже 9-го числа начались с новой силой и продолжались до 17-го, мы были отброшены еще больше назад. Женши и Бушавен достались неприятелю. 17-е было большим боевым днем на южном берегу, нами были потеряны Берни и Деньекур. Южнее Соммы боевая

деятельность несколько затихла, но неприятельская артиллерия продолжала греметь. Севернее Соммы битва продолжалась. 25-го напряжение в столь обильной тяжелыми боями битве на Сомме достигло высшего предела—наши потери были велики; неприятель занял Ранкур, Морвиль, Гедекур, а также горячо оспаривавшийся Комбль. 26-го пал Тиепваль, являвшийся углом первоначального фронта. Дальнейшее неприятельское наступление 28-го числа не удалось.

Схема 10. Сражение на Сомме в 1916 г.

Требования от командного состава и войск были огромные. План смены дивизий, намеченный в Камбрэ, оказался недостаточным. Требовалась более быстрая переброска дивизий и специальных частей на фронт Соммы и более продолжительное пребывание там. Срок нахождения на более спокойном фронте для отдыха и обучения становился все короче. Войска постепенно изнашивались. Все висело на волоске. Нервное напряжение в Плессе было огромное; все время приходилось придумывать новые подпорки для фронта и проводить их в жизнь. Нужно было иметь железные нервы генералов фон-Гальвица, Фрица фон-Белова, фон-Куля, полковников фон-Лосберга и Бронзарта фон-Шеллендорфа, чтобы не терять голову, производить по намеченному плану переброску на место прибывающих резервов и, несмотря на все неудачи, не упускать из виду оздоровление общего положения. Но, прежде всего, для этого нужны были такие войска, какими были германские.

В октябре наступление в северной части поля битвы шло с неослабевающей силой. Неприятель еще увеличил свои силы. Мы несли потери, но все-таки усиление обороны уже давало себя чувствовать.

В районе воронок на северо-восточном фронте Вердена борьба продолжалась. Французы производили отдельные атаки, мы попрежнему оборонялись. Войска сильно терпели. Все-таки общая картина не менялась.

На итальянском фронте Австро-Венгрия между 14-м и 17--м сентября отразила седьмое наступление итальянской армии на Изонцо, а между 9-м и 13-м октября 8-ое наступление. Надо было ожидать дальнейших попыток того же рода.

На Македонском фронте Антанта во второй половине сентября повела встречный удар западнее озера Острово в направлении на Флорину и отбросила болгар на их первоначальные августовские позиции. Я надеялся, что эти позиции окажутся подготовленными, но новый главнокомандующий 11-й армией вывел меня из этого заблуждения. Оказалось, что болгары ничего не сделали. Положение создалось, конечно, серьезное, и полковник Ганчев усиленно обращал внимание на дурное впечатление, которое произвело бы падение Монастыря на его сородичей. На том еще более дурном впечатлении, которое его сородичи произвели на нас, он не останавливался. Помочь им в этот момент было невозможно. Но я пришел к заключению, что болгарскую армию необходимо передать в более твердые руки, и предложил поэтому образование особого фронта с германским начальством, но под болгарским верховным командованием. Последнее согласилось с моим предложением. Генерал Отто фон-Белов покинул Курляндию вместе с начальником своего штаба, генералом фон-Бекманом, и принял командование над вновь образованным фронтом в Ускюбе.

В первой половине октября положение болгарских войск на македонской равнине было серьезное.

На восточном фронте верховное командование сначала направило германские войска в район Мароша, чтобы дать здесь опору слабой австро-венгерской армии. Это было первое, что надо было сделать. Во-вторых, надо было упорядочить вопросы командования против Румынии и севернее Карпат. Так как генерал фон-Конрад придавал значение тому, чтобы командование в Семиградьи находилось в австро-венгерских руках, то в Венгрии был образован новый фронт под начальством эрцгерцога Карла; начальником штаба у него остался генерал фон-Зеект.

Прежний фронт эрцгерцога, за исключением войск, находившихся в Карпатах, перешел к генералу фон-Бем-Эрмолли, сохранившему за собой командование 2-й австро-венгерской армией. Образовавшийся таким образом фронт был подчинен главнокомандующему востоком. Наконец-то, севернее Карпат мы имели ясно сконструированное и соответствующее условиям командование, к чему мы так давно стремились. В настоящий момент оно стало насущной потребностью. Сильно истощенные германские дивизии армии генерала графа фон-Ботмера, которые долгое время отражали серьезное наступление русских войск, надо было заменить менее отработанными дивизиями прежнего района главнокомандующего востоком. Эта смена требовала длительной работы, так как надо было постепенно обменивать один эшелон на другой. Повсюду силы были так ослаблены, что, при напряженности военного положения, представлялось невозможным сразу увести с какого-нибудь участка целую дивизию. Это было тем более невозможно, что главнокомандующий востоком должен был давать все новые войска для румынского похода.

Во вновь образованный фронт эрцгерцога Карла вошли карпатские войска, собранные в одну армию под начальством командующего 7-й австро-венгерской армией, а также обе армии, которые должны были быть сформированы в Семиградьи. Северная—1-я австро-венгерская армия генерала фон-Арца, должна была развернуться по обе стороны Марош—Вашаргели, оттягиваясь к Клаузенбургу, южная — 9-я германская армия, генерала фон-Фалькенгайна, сосредоточивалась между Карлсбургом и Мюльбахом, имея небольшие отряды далоее к югу до Орсовы. Генералу фон-Фалькенгайну представился здесь удобный случай проявить на пользу отечества свои способности военачальника.

В конце августа и в начале сентября русские сильно теснили фронт эрцгерцога Карла в восточной Галиции и в Карпатах. Последствием был постепенный отвод армии генерала графа фон-Ботмера с Золотой Липы за р. Нараювку и дальнейшее отступление австрийских войск в Карпатах, а именно у Татарского перевала и на границе Буковины. В виду того, что стойкость этого фронта была предпосылкой к любой операции против румынских войск в Семиградьи, не оставалось ничего другого, как

присоединить к войскам Бем-Эрмолли и эрцгерцога Карла на Днестре и в Карпатах еще по крайней мере три дивизии из числа тех, которые направлялись с запада в Семиградье. С сердечным сокрушением я согласился на это. Я вспоминаю горькое чувство, которое явилось у меня тогда по отношению к австро-венгерской армии, когда я думал о нашем положении на западе и востоке и о том, что выпадало везде на долю наших войск. Но приходилось действовать, так как интересы были общие. После некоторых колебаний на фронте против русских, к середине сентября наше положение, наконец, укрепилось. Новые ожесточенные атаки западнее Луцка в направлении на участок Затурцы—Пустомыты, на участок Граберки западнее Бród и на высоты Зборова, а также на Бржезаны и наши позиции на Нараювке, остались безрезультатными.

Благодаря выдающемуся поведению германских войск, русские не могли добиться никаких заметных успехов и в боях на Карпатах близ Татарского перевала и на хребте к юго-востоку от Кирлибабы. Однако, к середине октября положение не было окончательно укреплено, и наступательная сила русских никоим образом не была еще сломлена. Их массовые наступления производились с прежней отвагой; там, где она оказывалась недостаточной, на помощь приходили поставленные сзади пулеметы. Стремление к победе на Волыни, в восточной Галиции и в Карпатах оставалось основным в русской ставке.

Развертывание на Мароше затянулось до конца сентября. Быстрое продвижение румын могло бы сразу его разметать. Большие успехи генерал-фельдмаршала фон-Макензена при его вторжении в Добруджу оттянули внимание румын; в ожидании перехода русских через Карпаты, румынская армия продвигалась вперед черепашьим шагом. Она задержала свое левое крыло на линии Орсова—Германштадт; в последнем пункте находилась сильная группа. Главные силы, в тесном контакте с русским левым крылом, продвигаясь со стороны Кронштадта и из пограничных гор Молдавии, распространялись с востока на запад.

Россия и Румыния намеревались, повидимому, спускаться в венгерскую равнину сплошным фронтом от Карпат до Дуная. Но для этого надо было двинуть через Карпаты крупные русские силы. Энергичным продвижением в наше расположение, румыны должны были бы с тыла открыть русским перевалы через Карпаты. Они сделали противное. Не понимая большой войны, они не использовали благоприятного положения, которое все время создавалось для них вследствие оттягивания дивизий к Днестру и Карпатам. Они продвигались лишь чрезвычайно медленно и теряли попусту время. Для нас же каждый день много значил. Русские также действовали нецелесообразно: они предпочитали устремляться на хребет Карпат, вместо того, чтобы через Молдавию нанести удар нашему открытому флангу. Вступление Румынии в войну произошло непланомерно. Возможность совместных действий не была обеспечена.

После того, как первая группа германских войск, взятая с западного фронта и предназначавшаяся для румынской операции, была оттянута в восточную Галицию и на Карпаты, нам предстояло перевести в Семиградье дивизии, которые давал главнокомандующий востоком. С ослаблением фронта приходилось мириться. При этом вряд ли можно было рассчитывать на прибытие этих войск в Семиградье раньше середины сентября. Плохое состояние венгерских железных дорог еще больше замедляло его.

Австро-венгерские войска прибывали также очень медленно. Генерал фон-Конрад не решался на сколько-нибудь серьезное ослабление фронта на Изонцо. Он освободил лишь несколько горных бригад из Тироля. Но прибыть на место они могли только очень не скоро. Я предложил поэтому командованию в Тешене несколько австро-венгерских дивизий из войск генерала Линзингена, которые не годились больше для боя с русскими. Они были приняты с благодарностью. Эти дивизии заполнили пустоту; для наступления они, впрочем, едва ли годились.

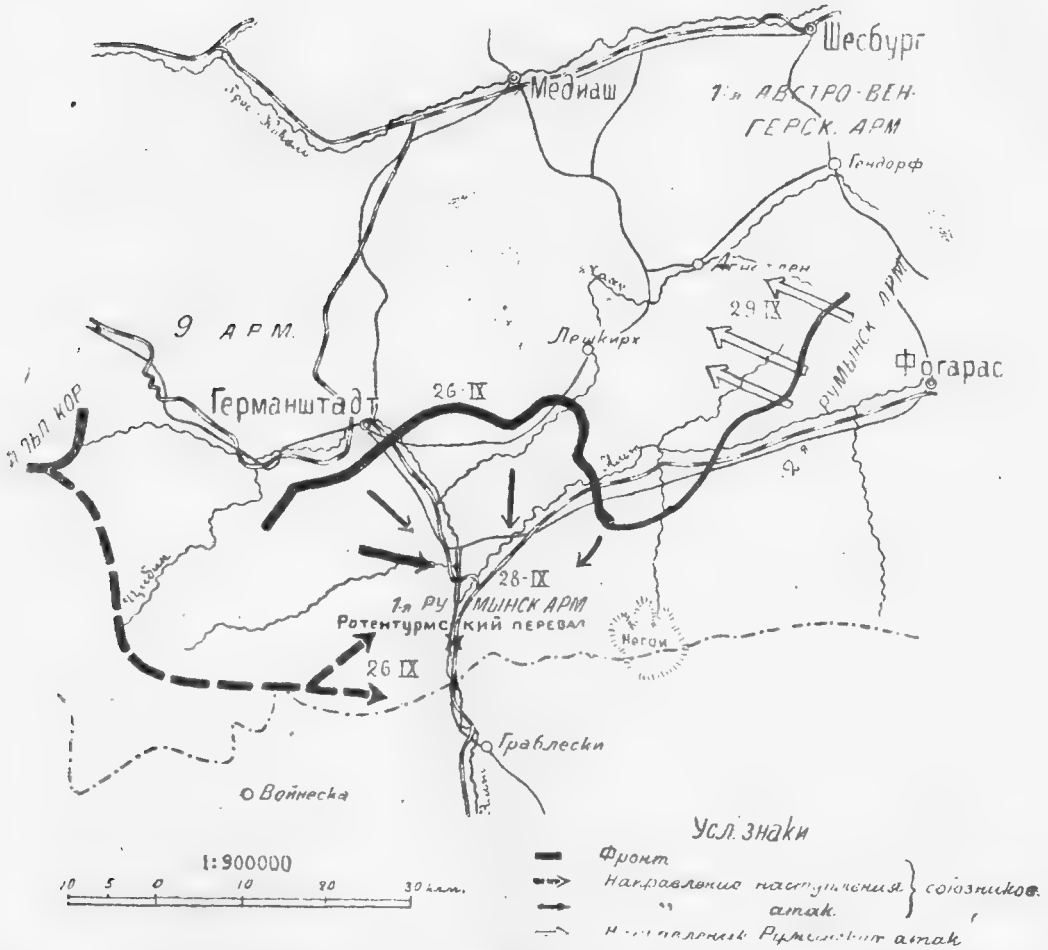
Во второй половине сентября наше развертывание в Семиградьи постепенно сгустилось, все же наши силы были очень незначительны по сравнению с неприятельскими. Все сводилось только к нескольким дивизиям. Боеспособность 1-й австро-венгерской армии была ничтожна. 9-я армия была пригодна к наступлению, и на ней лежал центр тяжести предстоящей операции.

Обе армии должны были вступить в дело, как только их развертывание закончится, а это ожидалось к концу сентября; 1-я армия направилась прямо на восток, минуя с севера Шесбург. 9-я армия должна была двигаться главными силами на Германштадт. Надо было атаковать румын и отбросить их к востоку. 9-я армия должна была при этом держаться своим правым крылом на северных склонах трансильванских Альп, чтобы перерезать сообщения находящейся в Семиградьи румынской армии с Валахией. Отсюда сама собой вытекала необходимость обеспечить правый фланг армии.

Если бы румыны форсировали переправу через Марош у Германштадта или севернее, то они могли бы охватить три дивизии 9-й армии в районе Мюльбаха со стороны Петросен через перевалы Вулкан и Чурдук. С этим приходилось считаться в первую очередь. Поэтому было важно, что мы отбросили через горы румынские войска, находившиеся около Петросен. 19-го сентября это было выполнено первыми прибывшими германскими частями. Когда же они были отозваны, чтобы принять участие в походе от Мюльбаха на Германштадт, оборона перевалов перешла в руки австро-венгерских войск. 25-го числа румыны вновь заняли перевалы, но значение их к этому времени умалилось.

Перед 1-й армией, румыны продвинулись в Гергенские горы, расположенные в излучине, которую образует верхнее течение Мароша, и оттеснили передовые части австро-венгерцев на Марош севернее Марош—Вашаргели. Дальше к югу они достигли приблизительно района Чекелы—

Схема 11. Германштадт 1916 г.



Удваргелы и района восточнее Фогараса. Две или три дивизии, группировавшиеся у Германштадта, остались на месте. Между Шесбургом и Германштадтом были разбросаны слабые австро-венгерские части, усиленные составленной для этой цели из 3-х кавалерийских полков семиградской кавалерийской бригадой.

Операции должны были начаться с разгрома генералом фон-Фалькенгайном Германштадтской группы. После занятия Ротентурмского перевала обе армии должны были двинуться на восток.

Удар на Германштадт удался. Альпийский корпус, охватывая неприятеля, продвинулся к 25-му сентября в район Ротентурмского перевала, после чего 9-я армия своими главными силами с обеих сторон ударила на Германштадт. Наши силы были слабы; бой длился до 30-го числа. Румыны оборонялись стойко и атаковали с юга альпийский корпус. Но главные силы румын двинулись слишком поздно и не могли уже предупредить полного поражения частей войск под Германштадтом.

Схема 12. Бои в Добрудже осенью 1916 г.

Альпийский корпус, усиленный прибывающими австро-венгерскими горными частями, взял на себя прикрытие правого фланга армии ж

районе Ротентурмского перевала. Генерал фон-Фалькенгайн немедленно двинулся в восточном направлении севернее горного хребта. Чтобы еще усилить натиск, 89-я германская дивизия 1-й армии, продвигаясь западнее Шесбурга, приблизилась к 9-й армии; одновременно вступил в бой генерал фон-Арц. Обе стороны, наступая, столкнулись.

Сначала румыны имели успех в центре. Но южнее Фогараса 9-я армия разбила их и блестящим броском через Гейстерский лес и Кронштадт отбросила к 10-му октября на Кимполунг, Синаю и Буцау в горы южнее Кронштадта. Напор 9-й армии был так силен, что румыны отступили и дальше к северу, а королевская 1-я армия от истоков Альта и Марош постепенно поднялась к пограничным горам Молдавии.

Между тем наступление на румын генерал-фельдмаршала фон-Макензена дало прекрасные результаты. В то время, как вдоль добруджской железной дороги к Добрику подвигались лишь слабые части, генерал-фельдмаршал с главными силами в первых числах сентября повел наступление на укрепленный Туртукай. Благодаря решившему дело содействию слабого германского отряда Боде, успех превзошел ожидания. Около двух румынских дивизий сдались после короткого сопротивления 6-го сентября. Благодаря быстроте действий, 9-го пала также Силистрия. Добрик был занят еще 4-го числа. Дальнейшее наступление было невозможно, так как вскоре к румынским войскам здесь прибавилась одна русская дивизия и одна дивизия, сформированная из австро-венгерских военно-пленных. В Софии беспокоились, как болгарские войска будут сражаться против русских. Это беспокойство не имело основания. Болгары не делали различия между русскими и румынами, но их годность к операциям и для наступления была невелика. 3-я болгарская армия временами причиняла много забот германскому командованию.

Генерал-фельдмаршал фон-Макензен примкнул свое левое крыло к самому Дунаю и сюда же перенес главный натиск. Он хотел оттеснить к Черному морю неприятельские силы, собранные на линии Кара-Омер—на 10 клм. северо-восточнее линии Добрика—озера Голтина. Находившийся на левом крыле германский отряд Боде смелым натиском прорвал эти позиции и последовал дальше вниз по Дунаю. Но болгары оказались недостаточно быстро под рукой, правда, и они перешли в наступление, но неприятель 15-го сентября отступил в порядке. 3-я болгарская армия упустила из рук большой успех. Неприятель получил возможность устроиться на позиции Расовая—Кобадым—Тузла, укрепленной еще до начала войны.

От попыток захватить и эти позиции скоро пришлось отказаться. Боеспособность находившихся на месте болгаро-турецких войск была недостаточной для этой цели. Надо было привести в порядок и улучшить тыловые сообщения, чтобы подвезти нужное для наступления снаряжение. Это требовало времени.

Генерал-фельдмаршал фон-Макензен еще во второй половине сентября возбудил ходатайство о присылке ему одной германской дивизии; без нее он не мог вести наступление. Сразу удовлетворить это ходатайство не оказалось возможным.

В то время, как приготовления к продолжению наступления шли полным ходом, мы получили 1-го октября неожиданное сообщение из Софии, что румыны большими силами перешли Дунай около Рахово, северо-восточнее Рущука. Части, занимавшие линию Дуная, были слабы, других войск здесь не было. Генерал-фельдмаршал фон-Макензен бросил в дело все, что он мог стянуть, и уже 3-го октября румыны были принуждены снова отойти на северный берег Дуная. Австро-венгерская дунайская флотилия оказала деятельную помощь. Какие цели преследовало румынское командование этим выступлением, осталось непонятным. Оно не могло изменить хода событий в Семиградьи и Добрудже.

К сер-дине октября общее положение улучшилось. На западном фронте оно продолжало быть весьма серьезным, но кризис удалось преодолеть благодаря полному напряжению имевшихся там сил.

На итальянском фронте были отбиты два крупных неприятельских наступления.

В Македонии приходилось еще опасаться новой неудачи.

Румынская армия получила чувствительный удар в Семиградьи и в Добрудже. Остальные участки восточного фронта держались.

План Антанты окончательно раздавить нас осенью 1916 года, казавшийся еще с шансами на успех в августе—сентябре, на ближайшее время потерпел крушение. Борьба на всех фронтах не была еще закончена. Что выдержит дольше, неприятель или мы, в то время это еще не было так ясно, как теперь, когда мы оглядываемся назад. Румыния не была еще разбита. Как сможем мы, спрашивал я себя, жить и вести войну без румынского хлеба и нефти, хотя нам и удалось отобрать у русских Галицийский нефтяной район у Дрогобыча.

С тех пор, как фельдмаршал и я вступили в верховное командование, мы сделали огромный шаг вперед, но оставалось шагнуть дальше; надо было продолжать удерживать фронты и победить Румынию, чтобы иметь возможность жить. Когда эта цель была достигнута, начался уже 1917 год, и мы не думали больше о перенесенной опасности наступления Антанты в 1916 году, но взирали на полное новых серьезных забот будущее.

IX.

Второй шаг, на который мы должны были решиться в середине октября, был чрезвычайно серьезен.

Трудно было нанести удар Румынии через пограничные горы или через Дунай, еще труднее — собрать новые войска для развития операций.

Мы, естественно, долго раздумывали, как следовало развивать дальше военные действия. Наиболее выгодной операцией было одновременное продвижение обоих фронтов, с направлением внутренних флангов на Галац, причем армия Макензена должна была продвинуться к устью Дуная, на участок ниже Галаца, а армии фронта эрцгерцога Карла на Серет, вверх от Галаца, при условии обеспечения внутренних флангов. Это привело бы к уничтожению главных сил румынских армий в Валахии и к оккупации района, изобилующего недостающими нам для войны материальными средствами. Эта прекрасная мысль пришла в голову как мне, так и другим причастным генералам.

Генерал-фельдмаршал фон-Макензен достаточно своевременно получил затребованную им 217-ю дивизию, чтобы воспользоваться ею для атаки неприятельской позиции Тузла—Кобадым—Расовая и для дальнейшего продвижения к устью Дуная.

Однако, чередующееся с сильными атаками сопротивление, которое армии фронта эрцгерцога Карла встретили в пограничных горах от Орсовы до Буковины, вскоре показало, что 9-я и 1-я австро-венгерские армии попали в тупик. Продолжение наступления здесь стало невозможным.

Надо было найти другие пути для осуществления задуманного плана. С помощью, правда, медленно прибывающих германских дивизий, генерал-фельдмаршал фон-Макензен должен был разбить неприятеля в Добрудже и преследовать его с частью войск; другая же часть должна была переправиться через Дунай южнее Бухареста. 9-й армии фронта эрцгерцога Карла предстояло спуститься на юг, в Валахию, через Трансильванские Альпы, после чего обе армии должны были разбить врага и стремиться к соединению.

Было еще не ясно, где именно генерал-фельдмаршал фон-Макензен перейти Дунай, около Туртукая, Рущука или Систова, а также через какой перевал, Ротентурмский или Чурдукский, генерал фон-Фалькенгайн, имея центр тяжести в Орсове, вторгнется в Валахию. Как бы то ни было, имевшиеся налицо силы против Румынии были недостаточны. Румынские войска были сильны. Надо было ждать прибытия помощи со стороны русских. Что в обеих армиях необходимо было сосредоточить для вступления в Валахию максимум сил, было само собой понятно.

Я охотно предоставил бы войска, которые удастся освободить с других фронтов, генерал-фельдмаршалу фон-Макензену, чтобы именно сюда перенести центр тяжести военных действий. Легче было перейти Дунай, чем горы, на которых, к тому же, уже выпал снег. Все внимание неприятеля было направлено туда же. Но условия железнодорожной сети Болгарии исключали возможность подкрепления генерал-фельдмаршала фон-Макензена. Пришлось принять решение захватить в первую очередь горные проходы и затем часть Валахии: после этого генерал-фельдмаршал

мог перейти Дунай, в противном случае, при его незначительных силах, он сам оказался бы в опасном положении.

Основная задача была ясна. Предстояло решить трудный вопрос, имелись ли вообще свободные для этой операции войска. Я переживал тяжелую внутреннюю борьбу. Затрата сил на обоих больших фронтах, восточном и западном, достигла крупных размеров, и бои там еще не закончились. Я закрывал глаза на все опасности, могущие возникнуть на других фронтах. Главнокомандующий востоком должен был опять отдать две—три пехотных и две кавалерийских дивизий. Из генерал-губернаторства Бельгии также была взята одна дивизия—7-я кавалерийская. С этими силами можно было рискнуть наступление и начать его около середины ноября; удастся ли оно при нашей слабости, было неизвестно.

Новое развертывание сил против Румынии началось в конце октября и начале ноября, и последующие события развивались своим порядком; бои на прочих фронтах в этот период не прекращались.

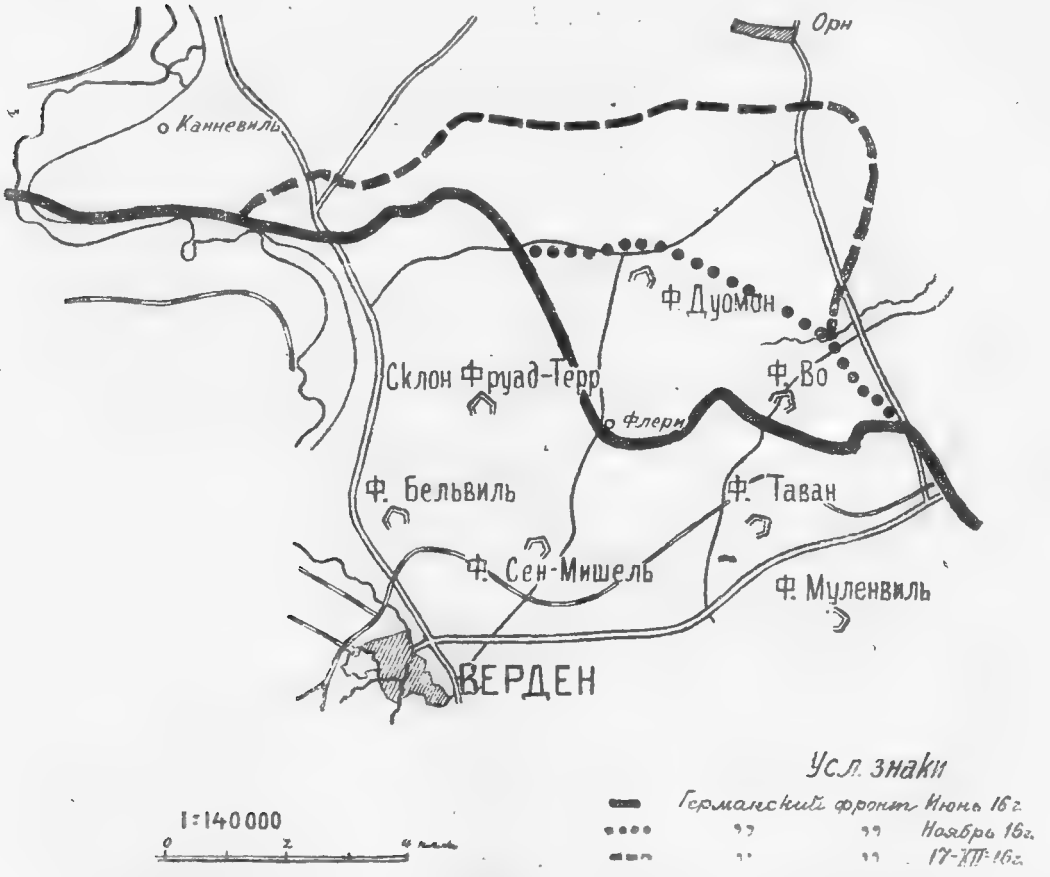
Битва на Сомме продолжалась весь октябрь с большим ожесточением. На северном берегу реки серьезнейшие бои происходили 13-го, 18-го и 23-го октября. Нашим войскам пришлось очень туго, но в общем они удержали свои позиции и наша оборона в результате окрепла. Было отбито также сильное наступление 5-го ноября между Бушавеном и Ле-Саром. Однако, в последующих ожесточенных боях французы опять имели успех. 13-го ноября наши позиции по обе стороны Анкра были захвачены и притом англичанами; это был особенно тяжелый удар, так как такой прорыв мы не считали возможным на участках, где наши войска занимали еще хорошие позиции. 14-го ноября англичане снова имели там успех. Большое сражение 18-го ноября протекло для нас в общем благоприятно, несмотря на введение в бой крупных неприятельских сил.

Бои велись также на южном берегу Соммы. Начиная с 10-го октября усилились атаки южнее Римской дороги, позже ожесточенный бой шел также к северу от нее. Мы имели здесь успех 29-го октября при атаке на ферму Мезонет. Он вызвал общую радость, несмотря на то, что сам по себе был незначителен; наконец-то и на западе у нас была удачная атака! Нужно понять настроение войск, которые могут, наконец, перейти в успешное наступление на том самом поле сражения, где по ним то и дело бил барабанный огонь неприятеля, и где войска до сих пор могли лишь обороняться и терпеть частые неудачи.

Когда затихла борьба на французском участке поля сражения на Сомме, вновь обострилось положение под Верденом. 24-го октября французы атаковали, мы потеряли форт Дуомон, а 1-го ноября должны были оставить и форт Во. Потеря была чувствительна, и еще чувствительнее был неожиданный для нас разгром нескольких дивизий. Напряженное положение на западном фронте было особенно тяжело, потому что

в это время еще не было закончено второе развертывание против Румынии. Верховное командование перенесло и это новое испытание, чтобы раз признанное правильным намерение разбить румынскую армию и занять Валахию привести в исполнение.

Схема 13. Бои под Верденом осенью 1916 г.



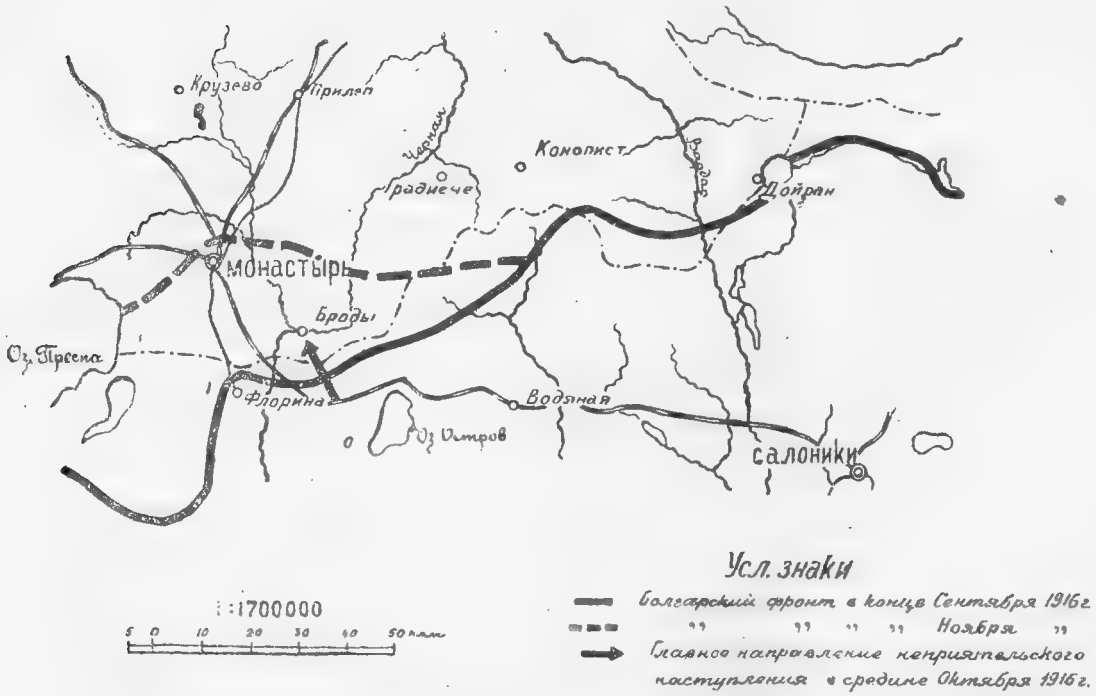
С тревожным чувством ждали мы, начиная с середины ноября, новых крупных атак неприятеля на Сомме и у Вердена, которые могли быть вызваны нашим вступлением в Румынию. Но ослабление боевых действий, начавшееся на южном берегу Соммы с начала ноября, и на северном—с конца месяца, продолжалось. У Антанты в то время не было, повидимому, достаточно сил и снаряжения, чтобы продолжать атаки.

Однако, 14-го, 15-го и 16-го декабря бои перед Верденом начались с новой силой. Французы повели наступление, чтобы успеть до конца года еще больше умалить одержанные нами в 1916 году под этой крепостью успехи. Это им удалось. Полученный нами удар был особенно

чувствителен. Мы потеряли много людей и важные позиции. Напряжение этого года оказалось слишком сильным. Необходимость обороняться, оставаясь на месте под сильным артиллерийским огнем неприятеля, и большие потери ослабили напряжение сил войска. Мы были совершенно истощены на западном фронте!

На итальянском фронте бои возобновились в начале ноября,—7-го числа 9-е наступление на Изонце в общем было отбито. Пока военные действия на этом участке затихли. У Италии также не хватило сил, чтобы помочь союзной Румынии. Расположенные там австро-венгерские войска были, в свою очередь, так обессилены, что не могли выделить новых частей для похода против Румынии.

Схема 14. Бои в Македонии осенью 1916 г.



Положение на македонском фронте развивалось в неблагоприятном для нас направлении. Тыловые сообщения позади македонской равнины и гор, по обе стороны р. Черной, были еще далеко не готовы. Слишком многое надо было наверстать. Германское командование армией вряд ли могло рассчитывать на то, что ему удастся упрочить положение болгарской армии в ее исходных позициях. Оно заблаговременно предприняло постройку тыловой позиции к северу от Монастыря, через равнину и через дико-пересеченные горы по обе стороны Черной.

Уже в середине октября Антанте удалось перейти р. Черную около Брод и занять важные горные позиции. Это побудило штаб 11-й армии оттянуть фронт к Монастырю. Когда же Антанта в середине ноября продолжала наступать, болгарские войска снова сдали и с боями отошли на позиции к северу от Монастыря. 18-го числа город был занят сербами. Стойкость болгарской армии была сильно расшатана. Три или четыре егерских батальона, которые предназначались в Орсову, пришлось перебросить дальше и двинуть в македонские горы. Никакого разговора не могло быть о дальнейшем освобождении болгарских войск для похода на Румынию. В тесной связи с нашим продвижением в Валахию, в конце ноября и начале декабря начались серьезные атаки Антанты на наши новые позиции, которые мы удержали в ожесточенной борьбе. Бои во второй половине декабря закончились также благополучно, при крайнем напряжении сил. Тыловые сообщения улучшились, можно было подвезти снабжение для войск; македонский фронт снова начал приобретать устойчивость; к сожалению, для этого потребовалась помощь нескольких, хотя и немногих германских батальонов, отсутствие которых в Румынии ощущалось, конечно, очень болезненно.

Тем временем Антанта, заняв в октябре Пирей и Афины, сделалась хозяином Греции, а также греческих железных дорог. Она требовала увеличения количества венизелосских войск. Где Антанта ни появлялась, всюду она черпала силы для ведения войны. Это стремление было решающим также в ее поведении по отношению к Греции.

Войска, настроенные в пользу короля, были в ноябре отозваны из Фессалии. Постепенно между Флориной и Валоной образовалась сплошная линия.

На восточном фронте в середине октября последовала еще одна сильная, но безуспешная атака со стороны русских к западу от Луцка, на фронте Пустомыты—Затурцы, потом атаки здесь затихли. На Нараловке они продолжались еще в ноябре. Русские, наконец, истощили свои силы. У нас хватило еще энергии, чтобы произвести несколько наскоро подготовленных местных наступлений; самое значительное из них было произведено на фронте Воирша 9-го ноября в точности по западному образцу и закончилось успешно. Но и наши силы пришли к концу.

В Карпатах, в тесной связи с боями в Румынии, русские атаки, начавшиеся в октябре, затянулись и на декабрь.

В то же время стало чувствоваться удлинение русского фронта к югу. Русские и румыны повели наступление на восточной, семиградо-румынской границе. Наше продвижение в Валахии усилило военные действия и вызвало массовые атаки русских, которые приводили к местным кризисам и вызывали сильное нервное напряжение. Особенно много пришлось на долю 1-й австро-венгерской армии в пограничных горах Восточного Семиградья до тех пор, пока баварские войска не укрепили здесь положения.

X.

Военные действия на всех фронтах в конце октября и начале ноября были еще в полном разгаре и окончание их совершенно не предвиделось, когда мы выполняли наше второе развертывание против Румынии. Это было не просто. В долгие дни, когда оно продолжалось, мы имели достаточно времени, чтобы передумать правильность решения. Успех санкционировал его. Но каков был бы приговор над походом в Румынию в случае его неудачи!

К середине октября, когда удалось преодолеть бесконечные затруднения, приготовления генерал-фельдмаршала фон-Макензена в Добрудже были закончены. Начальником штаба армии был генерал Таппен, который до конца октября был начальником оперативного отделения верховного командования, и теперь ревностно и осторожно принялся за выполнение своей новой ответственной задачи.

Наступление началось 19-го октября: К этому времени прибыла также 217-я пехотная дивизия. Она приняла участие в борьбе на решительном пункте, при штурме Топрайзара. Опять полилась германская кровь, так как союзники не доросли до требований, выдвинутых этой войной. Противник значительно увеличил свои силы и попытался в начале октября разбить германо-болгаро-турецкие войска в Добрудже; но его наступление не было достаточно дружным и энергичным, и он упустил таким образом момент, который мог использовать в благоприятном для себя отношении. Наступление генерал-фельдмаршала фон-Макензена, после тяжелых 3-дневных боев, привело к блестящему прорыву. Неприятельская армия в беспорядке отступала к северу через железно-дорожную линию Констанца—Черноводы. Преследование продолжалось без устали; 23-го числа наши части уже заняли Констанцу с ее богатыми запасами нефти; вскоре пали и Черноводы. Преследование было остановлено лишь в 20 км. севернее железнодорожной линии.

Поднят был, конечно, вопрос, не следует ли армии использовать успех и продолжать движение вперед в северном направлении до самого Дуная. Я ответил на него отрицательно, так как к тому времени безусловно выяснилось, что наступление эрцгерцога Карла в пограничных горах Семиградья попало в тупик. Если бы даже 3-я болгарская армия, несмотря на недостаточные тыловые сообщения, добралась до Дуная, она оказалась бы там изолированной. Она не могла бы действовать отсюда совместно с 9-й армией при вторжении последней в Западную Валахию. А это являлось основным условием удачного исхода всех операций. Как ни тяжело это было верховному командованию, пришлось дать генерал-фельдмаршалу фон-Макензену указание приостановить продвижение, подготовить переправу через Дунай южнее Бухареста и перейти его во второй половине ноября с возможно бо́льшими силами. Генерал-фельдмаршал фон-Макензен взял на себя ответственность за решение оставить

в северной Добрудже только совершенно ничтожные силы. Здесь они окопались, но находились, конечно, в большой опасности. Главные силы были двинуты в Рущук, частью походным порядком, частью пользуясь постепенно переходившей в эксплоатацию Добруджской железной дорогой, хотя провозоспособность ее и была невелика. Генерал-фельдмаршал фон-Макензен избрал местом переправы Систов—Зимницу. Нам очень понравилось, что район переправы уклонен так сильно к западу. Таким образом, Дунайская армия приближалась к частям 9-й армии, вторгавшимся в Западную Валахию.

Воротами для вступления в Валахию с запада и севера могли явиться район Орсовы, Вулканский и Чурдукский или Ротентурмский перевалы.

На Ротентурмском перевале и непосредственно южнее его альпийский корпус генерала Крафта-фон-Дельмензингена, усиленный двумя австро-венгерскими горными бригадами и взявший на себя после сражения при Германштадте обеспечение фланга продвигавшейся на Кронштадт 9-й армии, наткнулся на очень упорное сопротивление. Чтобы оттянуть на себя силы и облегчить армию, он перешел к активной обороне. В ожесточенных боях, в течение которых румыны часто переходили в контр-атаки, альпийскому корпусу до конца октября почти не удалось продвинуться южнее перевала. Ему пришлось вести здесь борьбу зимой в высоких горах со всеми ее характерными чертами и невероятными трудностями. Войска, в том числе и австро-венгерские горные бригады, сражались прекрасно; но развитие операции здесь требовало очень большого количества времени.

Попытка главных сил 9-й армии перевалить через самый высокий и широкий участок горного хребта, оборонявшийся сильными и находившимися на-чеку частями неприятеля, должна была так же застрять, как и наступление в октябре южнее Кронштадта. С большой неохотой мы передвинули участок, через который должно было направляться вторжение, к западу; его стратегическое значение благодаря этому уменьшилось, но в данный момент оно отступало на второй план. Дело заключалось в том, чтобы вообще, перейти где-нибудь горы. 9-я армия еще в конце октября сделала попытку продвинуться к югу от Вулканского и Чурдукского перевалов. Предприятие потерпело неудачу вследствие внезапной перемены погоды и бдительности неприятеля. Пришлось отвести войска назад, на гребень перевалов. Все же мы познакомились тогда до известной степени с местностью и получили впечатление, что преодолеть горы, в этом особенно узком месте, вполне возможно. Я считался также с тем, что Румыния никак не ожидает здесь повторения так дорого стоившего нам наступления. Таким образом, верховное командование решилось выбрать этот пункт местом перехода. Он был выгоднее района Орсовы и потому, что там предстояло захватить еще самый перевал.

Переход был основательно и до мелочей подготовлен, причем использован был приобретенный дорогой ценой опыт и усовершенствовано горное снаряжение войск. Особенное внимание было обращено на улучшение горных дорог и на заготовку запасов, чтобы можно было сразу двинуться на врага. Автомобили, приспособленные для движения по рельсам, также держались наготове; их предполагалось пустить в дело на румынских железных дорогах. Тыловые сообщения при наступлении в Валахии оставались, несмотря на все принятые меры, в очень трудном положении, пока в нашем распоряжении имелся один только Чурдукский перевал.

10-го ноября генерал Кюне закончил свои приготовления. Начало операции было назначено на 11-е. Группа, в составе 4-х пехотных и 2-х кавалерийских дивизий, под командой генерала графа фон-Шметтова, должна была начать энергичное продвижение всеми силами через Крайову, в сторону Альта. Затем она должна была развить удары в направлении Орсовы, а также на восток, в тыл обороны Ротентурмского перевала. На Орсову одновременно должна была наступать одна слабая бригада, под командой австрийского полковника Сциво, включавшая отряд германских самокатчиков. Получивши подкрепления, генерал фон-Крафт и войска южнее Кронштадта должны были продолжать атаки, которые они вели.

11-го ноября генерал Кюне добился полного успеха. Теперь принесло свои плоды октябрьское предприятие. Генерал Кюне перешел через горы. 17-го ноября в сражении под Таргу—Жиулуй разбил брошенные против него румынские дивизии и уже 21-го занял Крайову. 23-го генерал фон-Шметтов со своими кавалерийскими дивизиями находился у берегов Альта, восточнее Каракала. Мост через Альт в этом месте был в его руках. Дальше к северу, против Златины, добралась до Альта и пехота. Мосты здесь и выше были в дальнейшем разрушены.

В тот же день, под защитой густого тумана, генерал-фельдмаршал фон-Макензен занял около Зимницы северный берег Дуная. И здесь все было прекрасно подготовлено. Мы выбрали этот день, чтобы поставить армии в условия дружной совместной работы, при использовании всех оперативных возможностей. Как будто это удалось; тем не менее впереди нас ожидали новые затруднения.

Тем временем генерал фон-Крафт с боем углубился дальше в горы, но не достиг еще выходов из гор около Рымник-Валчея и к северу от Куртея-де-Аржис.

В тылу у генерала Кюне румыны, храбро сражаясь, начали отступление от Орсовы, вниз по Дунаю и продолжали его, держась самой реки. Окруженные со всех сторон, они только в начале декабря сложили оружие близ устья Альта. Надежда, что наступление частей румынских войск против дунайской армии со стороны Бухареста выручит их, не

оправдалась. При развитии операций восточнее Альта указано было продолжать наступление без задержек; внутренние крылья обеих армий должны были соединиться в направлении Бухареста. При этом, в целях обеспечения левого фланга дунайской армии, я придавал особенное значение быстрому переходу войск Кюне через Альт. Кроме того, 9-я армия должна была нажимом из равнины на север в сторону гор открыть горные проходы, лежащие к востоку; по ним должны были продвигаться на юг все новые войска.

Тотчас вслед за соединением обеих армий и установлением связи между ними генерал-фельдмаршал фон-Макензен должен был принять командование и над 9-й армией; дунайская армия подчинялась генералу Кошу, 9-я выбывала из фронта эрцгерцога Карла. Впредь до осуществления всего этого германское верховное командование оставляло за собой непосредственное руководство операцией.

Дунайская армия начала наступление 25-го ноября; 26-го она перешла Ведею и уже 30-го в упорном бою продвинула левое крыло через Нейловскую низменность, юго-западнее Бухареста; правое крыло продвигалось на одной высоте вниз по Дунаю.

27-го ноября альпийский корпус открыл себе выход из Ротентурмского перевала на равнину, 29-го вошел в Питешти, а на следующий день, имея центр тяжести севернее Аржиса, продвинулся к юго-востоку. Таким путем получило возможность выхода из гор правое крыло Кронштадтской группы, ведшие тяжелые бои к северу от Кимполунга.

Позади оказывались войска генерала Кюне. Его пехотные дивизии слишком упорствовали в своем стремлении перейти реку у Златина, вместо того, чтобы по примеру кавалерийского корпуса тотчас же перейти ее дальше к югу, около Каракала; это сэкономило бы время, несмотря на окольный путь. Они перешли Альт только 27-го ноября, и 30-го находились еще приблизительно в 80-ти километрах от левого крыла дунайской армии и правого крыла войск генерала фон-Крафта.

Румынское командование стремилось, задерживая войска генералов фон-Крафта и Кюне, атаковать дунайскую армию. Первоначально оно повидимому имело в виду удерживать перед этими группами горные проходы Куртея-де-Аржис и Рымник-Валчея и переправы через Альт; когда же это не удалось, оно сделало попытку задержать далее в тылу свою 1-ю армию, чтобы еще в последнюю минуту использовать обстановку на фронте дунайской армии.

1-го декабря левое крыло дунайской армии подверглось сильной неприятельской атаке непосредственно юго-западнее Бухареста, и было оттеснено назад. Перешедшие уже Нейлов германские войска были отрезаны. Положение было, без сомнения, очень критическое. Только одна турецкая дивизия, двигавшаяся во второй линии, помешала неприятельскому охвату. Румыны не развивали своего удара с достаточ-

ной силой; против них спешно двигалось правое крыло 9-й армии. 2-го декабря на поле сражения дунайской армии прибыла кавалерия 9-й армии. 3-го в связь вошла и пехота; таким образом, мы преодолели кризис. 4-го началась наша контр-атака; румыны искусно уклонились от нее.

Тем временем левое крыло войск генерала Кюне вступило в связь с войсками генерала фон-Крафта и оттеснило румынскую 1-ю армию дальше к востоку через Аржис. Дунайская и 9-я армии отныне находились на одной высоте. Операция была обеспечена.

Не легко было довести обе армии до тесного тактического взаимодействия. 1-го декабря, уже в последнюю минуту, это почти сорвалось. На войне приходится считаться с трениями всевозможного рода.

После того, как это осложнение было устранено, перед нами встало новое. Будет ли Бухарест защищаться, как крепость? Это было бы для нас очень неудобно, так как затянуло бы поход на Румынию. Наступила уже середина зимы. Мы должны были готовиться к будущему. Было сделано все ,чтобы ускорить взятие Бухареста. И все же у меня камень свалился с плеч, когда 6-го числа было получено донесение, что наши кавалерийские дивизии в ночь с 5-го на 6-ое декабря нашли северные форты крепости незанятыми и взорванными. 6-го мы вступили во владение Бухарестом, Плоэшти и Кампиной. Во всем нефтеносном районе румыны произвели самые основательные разрушения по приказу и под руководством англичан.

До этого момента русские еще серьезно не вмешивались в борьбу. Атаки русских 5-го декабря юго-восточнее Бухареста были незначительны. Нельзя понять, почему они допустили разбить румын в одиночку; они легко бы могли явиться в Валахию [1]). Наша победа там стала возможной только благодаря их отсутствию. Теперь же русские увеличили свои силы, испугавшись, повидимому, за свой собственный фланг. Они ослабили также войска в Добрудже, чтобы усилиться в Валахии.

При продолжении военных действий нами преследовалась цель нанести румынам еще бо́льший разгром, разбить тут же в период сосредоточения русских, которых с уверенностью надо было ожидать, и закончить поход, дойдя до линии: устье Дуная—Серет—Тротус. Это была кратчайшая линия, которой можно было достигнуть. Этого требовали также экономические условия продолжения войны.

Фронт Макензена должен был перенести центр тяжести действий на направление Баузео—Фокшаны; он должен был сломить возможное сопротивление неприятеля в равнине, охватывая его со стороны гор, и продвигаться вниз по обоим берегам Дуная.

---

[1]) Позднее начало переброски русских сил в Румынию представляет несомненно грубую ошибку русского верховного командования; слабость румынской железнодорожной сети и плохой стык с русскими железными дорогами затрудняли усиленне румынской армии, когда германский удар обнаружился полностью. (Прим. редакции).

Генерал фон-Конрад согласился, чтобы фронт эрцгерцога Карла позже присоединился своим правым крылом к наступлению на Тротус.

Бои восточнее линии Бухарест—Плоэшти получили другой характер, чем предыдущие. Наши войска устали и атаковали неприятеля только фронтально. Возможность охвата была незначительна, так как противник особенно усилился в горах. Русские появились вскоре в большом числе и дрались лучше румын. Подвоз боевых припасов, нужда в которых стала больше, чем прежде, замедлился, вследствие неудобных тыловых сообщений. Пошли сильные дожди, а около нового года ударили страшные морозы.

10-го декабря перед Дунайской и 9-й армиями румыно-русская армия занимала укрепленные заблаговременно позиции на Яломнице и около Мизилу, перед Бузео. На этот раз удалось еще быстро сломить сопротивление, перейти 12-го декабря Яломницу и 15-го, после упорного боя, занять Бузео.

Уже 17-го декабря армии нашего фронта оказались на равнине перед новыми сильными позициями между Дунаем, на высоте устья Кальматуя, и горами юго-западнее Рымник-Сарат. В горах к западу и северо-западу отсюда румыны примыкали вплотную к войскам, действовавшим против армий фронта эрцгерцога Карла.

Тем временем генерал-фельдмаршал фон-Макензен ввел в дело также 3-ю болгарскую армию, наступавшую по правому берегу Дуная. Она не встретила какого-либо серьезного сопротивления до самого устья, достигла его 24-го декабря и направила свои усилия против правобережных предмостных укреплений у Браилова, около Мачина и ниже по реке. В равнине к западу от Дуная фронт мог атаковать лишь после накопления достаточного количества боевых припасов. После очень ожесточенной борьбы, 9-я армия прорвала на Рождестве русско-румынские позиции и вынудила неприятеля отступить по всему фронту к верхнему [1]) Серету, главным образом, в направлении Браилова и Фокшан.

Однако, это нисколько не сломило сопротивление неприятеля к югу от Серета. Бои в Валахии продолжались еще и в январе. Наши войска настоятельно нуждались в отдыхе. Я был озабочен тем, как мне удастся вывести их из этого закоулка снова на главные театры военных действий. Было сделано все, чтобы возобновить эксплоатацию румынских железных дорог. Однако, их провозоспособность могла быть лишь незначительной. Принимались также меры, чтобы подготовить перевозку войск водным путем по Дунаю; при наступивших сильных морозах приходилось, однако, считаться с возможностью замерзания реки. Во всяком случае, несмотря на все подготовительные меры, обратный транспорт должен быть занять много времени. Наконец, 4-го января дунай-

[1]) По смыслу—к нижнему Серету. (Прим. редакц.).

ская армия, после новых тяжелых боев, заняла Браилов. Она достигла нижней части Серета до впадения Бузео. Вслед за Дунайской продвинулась к Серету и 9-я армия, с непрерывными боями, в которых русские особенно энергично потеснили нас 6-го января. 8-го она заняла Фокшаны и район к северу от города до Путны.

Наступление армий эрцгерцога Карла, начавшееся около Рождества, не привело ни к каким успехам в направлении Тротуса. Глубокое истощение войск, время года и ненастье торопили нас закончить кампанию. Линия, на которой стоял фронт Макензена, приблизительно соответствовала намеченной. Наступление было приостановлено. Армии окопались на достигнутом фронте.

Второй шаг румынского похода был сделан, и тем самым поход закончен. Он был богат доблестными подвигами наших храбрых войск и богат отважными решениями начальников, начиная с младших и кончая верховным командованием; но он изобиловал также серьезными заботами, которые выпадали преимущественно на меня. Мы разбили румынскую армию, но нам не удалось уничтожить ее. Мы достигли всего, к чему представлялась малейшая возможность, но были все-таки вынуждены оставить в Добрудже и в Валахии силы, которыми, до вступления в войну Румынии, мы могли располагать на восточном и западном фронтах, а также в Македонии. Несмотря на нашу победу над румынской армией, мы стали в общем слабее.

С окончанием похода на Румынию, бои осенью 1916 года были окончательно решены в нашу пользу. Мы добились успехов не только на полях Семиградья, Валахии и Добруджи, где они получили внешнее выражение, но также и в борьбе на западном фронте, на Изонцо, в Македонии и на востоке. Это было устремление всех наличных сил к одной цели—отражению натиска Антанты и сохранению за собой возможности существования. Наступление Антанты потерпело поражение, и богатые средства Валахии были в наших руках. Огромное превосходство Антанты в количестве людей и материальных средств разбилось о твердость наших войск и об уверенность и решимость нашего командования.

Во время оборонительных боев германские войска оказались на высоте, несмотря на многие неудачи; австро-венгерские войска оказались слабее русских; болгары много раз разочаровывали нас; турки дали то, чего мы от них ожидали.

В маневренных боях румынского похода германское командование снова выявило свое прежнее превосходство. Германские войска, увлекая за собой союзников и действуя свободно и самостоятельно, разбили сильного врага. Только там, где мы оборонялись, он мог добиться успехов, пуская в дело огромное количество технических военных средств; где техника не давила на нас, там превосходство оставалось на стороне немцев.

На всех частях огромного фронта германские войска и каждый

немец в отдельности приносили громадные жертвы, не останавливаясь, буквально, перед затратой последних сил. Только при этом условии были возможны успехи, за которые мировая история увенчает немецкого солдата лаврами. Теперь мы настоятельно нуждались в покое. Армия устала до крайности и до крайности была истощена.

Неприятель также, казалось, устал. Все-таки у него еще хватило сил для очень успешной атаки у Вердена. При его численном превосходстве он мог предоставлять своим войскам больше отдыха. Нам приходилось считаться с тем, что силы неприятеля восстанавливались быстро.

Общее положение в конце 1916 и начале 1917 г.

I.

Несмотря на то, что 1916 год закончился для нас столь благоприятно, перспективы на следующий год войны были крайне серьезны. Было несомненно, что Антанта и в 1917 году употребит все усилия, чтобы не только возместить свои потери, что являлось для нее вполне возможным, но чтобы усилиться еще больше и увеличить свое численное превосходство. Чтобы добиться окончательной победы, Антанте надо было атаковать наши еще не успевшие отдохнуть войска возможно раньше и еще ожесточеннее, чем осенью 1916 года.

Своих сыновей Франция уже отдала. Французские батальоны состояли уже только из 3-х рот, вместо 4-х, но еще имелся чрезвычайно большой людской запас в колониях, и Франция все шире и шире начинала его использовать.

Англия усовершенствовала и увеличивала свою армию.

Россия приступила к особенно обширным новым формированиям. Она оставила в своих дивизиях только 12 батальонов, а в батареях—по 6 орудий; из излишних 4-х батальонов и 7 и 8 орудий каждой батареи она сформировала новые дивизии. Такое переформирование значительно увеличивало ее силы.

Румынская армия переорганизовывалась и переобучалась заново французскими офицерами. Можно было предвидеть, что при духовном сродстве обоих народов и при влиянии Франции на мышление румын, в особенности на румынскую армию, французскому офицеру удастся не разойтись с психикой румынской армии и многого достигнуть.

Надо было ожидать также новых формирований из австро-венгерских пленных и греков, сторонников Венизелоса.

Германия и ее союзники ничего не могли сделать в противовес этому. Намеченное верховным командованием усиление артиллерии и предусмотренное формирование 13-ти новых дивизий не были полноценным приростом, так как для этих формирований приходилось ослаблять кадры уже существующих частей. Выставить новые пехотные батальоны было возможно лишь за счет имевшихся пополнений при

общем уменьшении штата батальона. Настоящее увеличение сил дало бы создание польской армии. Но скоро стало ясно, что создать ее не удастся. Таким образом, не оставалось ничего другого, как получить от Германии и союзных государств тот максимум людского материала, какой был возможен.

Численное превосходство неприятеля становилось все опаснее, вследствие все более развивающейся военной промышленности государств Антанты. Вся промышленность работала исключительно на военные потребности. Законы и распоряжения о принудительной работе были изданы и приняты без серьезных возражений. Рабочих сил имелось достаточно. Недостатка в сырье не было, продуктивность труда оставалась прежней, жизнь в государствах Антанты шла обычным порядком. Моря были открыты для них. Северо-Американские Соединенные Штаты помогали теперь в широком масштабе и создавали новое. Техническое снаряжение армий Антанты достигло такого совершенства и силы, которого раньше не имело. На западе это проявилось с беспощадной ясностью. Сражения 1916 года на востоке обнаружили и здесь весьма значительное повышение технических военных средств, проявившееся особенно в обилии снарядов. Россия частично перенесла свою военную промышленность в Донецкий каменноугольный бассейн и значительно развила ее. Япония снабжала все усерднее. С окончанием постройки Мурманской железной дороги и техническим усовершенствованием Сибирской, должен был возрасти также ввоз из Японии, Америки, Англии и Франции. На всех театрах военных действий Антанта имела возможность усилить свое численное превосходство тем громадным плюсом, который давали усовершенствования во всех областях военной техники и нанести нашим войскам еще больший ущерб, чем это имело место на Сомме и под Верденом.

Для поднятия сил наша промышленность могла и должна была много сделать. Можно было предвидеть, что пройдет много времени, прежде чем слово претворится здесь в дело. Было неосмненно, что наша военная промышленность, несмотря на ее огромные достижения, не была в состоянии, даже при двойном числе рабочих, сравняться с неприятелем, пока могучая его промышленность будет продолжать работать без помехи, в условиях мирного времени. Таким образом, при создавшемся положении сравняться в силах было невозможно.

Если мы уступали неприятелю в числе и материальных средствах, то особенно важное значение приобретала для нас подготовка войск к оборонительному бою. Ясно было, что при данном положении надо было снарядить, организовать и обучить армию для оборонительного боя, употребив на это максимум энергии. Все необходимое было сделано. Мы знали, однако, что неприятель скоро приспособится к нашим новым приемам. Наше преимущество было только временное.

Верховное командование должно было считаться с тем, что огромное превосходство неприятеля в отношении численности войск и военного снаряжения будет чувствоваться в 1917 году еще острее, чем в 1916 году. Приходилось опасаться, что в различным местах наших фронтов скоро разгорятся «битвы на Сомме», которые в случае длительности окажутся не под силу даже нашим войскам, в особенности, если неприятель не даст нам возможности отдохнуть и накопить военное снаряжение. Наше положение было чрезвычайно затруднительным и почти безвыходным. О наступлении думать не приходилось, мы должны были держать резервы наготове для обороны. Нельзя было надеяться также на то, что какое-либо из государств Антанты выбудет из строя. Наше поражение казалось неизбежным в случае, если война затянется. К тому же основы нашей экономики не отвечали требованиям войны на истощение. Силы на родине были подорваны. С тяжелой заботой мы думали о материальной поддержке нашего существования, а также о наших духовных силах. Мы не действовали на психику враждебных нам народов посредством голодной блокады и пропаганды. Виды на будущее были чрезвычайно серьезные. Успокаивающим образом действовало только гордое сознание, что до сих пор нам удалось оказать отпор превосходящему нас в силах неприятелю и повсюду выйти за границы нашей родины.

II.

Генерал-фельдмаршал и я вполне сходились в оценке серьезности положения. Она создалась у нас не сразу, но развилась постепенно, начиная с принятия нами верховного командования, в конце августа 1916 года. В результате такого взгляда, еще в сентябре было отдано распоряжение о постройке на западе больших тыловых позиций: позиции Зигфрида по линии Аррас — западнее Камбрэ — Сен-Кантен — Ля-Фер — Вальи-сюр-Эн, чтобы срезать обширную дугу Альберт—Руа—юго-западнее Нуайона — Суассон — Вальи-сюр-Эн, в которой битва на Сомме пробила широкую брешь, и позицию Михель, чтобы срезать по линии Этен—Горц выступ Сен-Миель, к югу от Вердена. Эти стратегические позиции давали выгоды сокращения фронта и экономию сил; использование их было планомерно подготовлено. Вопрос о том, состоится ли отход на них и какое из них будет сделано употребление в сентябре 1916 года оставался, конечно, открытым. Прежде всего их надо было построить. Понадобились обширные мероприятия. Я пред'явил к родине крупные требования на рабочую силу. Нужда в ней была покрыта только на западе; нам пришлось отказаться от постройки соответственных позиций на востоке.

Постройка позиций, подготовка армии к оборонительным боям и пред'явление требований на новое напряжение родины—все это были чрезвычайно важные военные мероприятия. Они могли отсрочить реше-

ние, если бы правительству удалось побудить весь народ жить только интересами войны. Привести к благоприятному исходу войны они никак не могли. Будущее оставалось поэтому очень туманным, между тем солдат никогда не должен рассчитывать на случай; таким образом, вопросы мира и подводной войны приобретали для нас исключительное значение. Вопрос шел о мире, о поражении в случае отказа от применения неограниченной подводной войны и о возможности победы при помощи такой войны, причем мы должны были перейти на море в наступление, и обороняться на суше.

Обозначение «неограниченная» подводная война не совсем точно, как и определение «беспощадная» подводная война.

В сентябре 1916 года мысли имперского канцлера были заняты мирным посредничеством президента Вильсона. В Германии оно было во многих кругах чрезвычайно непопулярно, так как одностороннее покровительство, оказываемое Америкой государствам Антанты, вызывало все увеличивающееся чувство горечи. Имперскому правительству было нелегко не обращать внимания на такое настроение. Несмотря на это, имперский канцлер предложил его величеству дать указание посланнику графу Бернсторфу, чтобы он побудил президента Вильсона выступить перед державами с предложением мира в ближайшее же время, во всяком случае, до его переизбрания, которое должно было состояться в начале ноября. Я был вполне с этим согласен и в душе радовался, хотя и относился скептически к успеху такого предложения, зная решимость врага уничтожить нас. Их перспективы на 1917 год были настолько благоприятнее наших, что я сомневался в успехе мирных шагов президента Вильсона, хотя и надеялся на них. С большим напряжением я ждал, последует ли такое предложение в октябре со стороны президента. Однако, день его переизбрания в ноябре и весь ноябрь прошли, а он на это не решился. Отныне я больше не расчитывал на его посредничество.

Тогда граф Буриан внес предложение, чтобы четверной союз выступил активно и со своей стороны поднял перед врагом вопрос о мире. И этот шаг вызвал во мне такое же скептическое отношение, но попытку следовало сделать. Мы должны были только избегать всего, что могло быть истолковано, как показатель нашей слабости. Это подействовало бы угнетающе на армию и народ и понудило бы Антанту удвоить свои усилия, чтобы разбить нас. Я действовал по этому вопросу вместе с канцлером, поскольку он привлекал меня к участию в нем. Чтобы не вызвать у неприятеля ложного представления, что нас толкает на этот шаг слабость, я просил подождать с ним, пока поход на Румынию будет так или иначе закончен. 6-го декабря пал Бухарест, и я счел тогда военное положение настолько укрепленным, что у меня не было больше возражений против выступления с мирной нотой. Трудовая повинность

гражданского населения, сделавшаяся к тому времени законом, также подчеркивала твердую решимость продолжать борьбу в случае, если наше предложение будет отклонено.

Его величество император отнесся к вопросу о мире с полным вниманием. Ясно видно было, что он глубоко чувствовал свою ответственность и долг—как можно скорее дать мир всему миру. 12-го декабря четверной союз выступил с мирным предложением. О возможных с нашей стороны мирных условиях последовал обмен мнений, результат которого выразился в инструкции, данной 29-го декабря графу фон-Бернсторфу.

Вся пресса Антанты отнеслась крайне отрицательно к вопросу о возбуждении мирных переговоров. Очень скоро выяснилось, что на возможность какого-либо взаимного понимания с Антантой рассчитывать не приходится. Она связала себя соглашениями и тайными договорами, которые можно было осуществить только при условии нашего полного поражения. 30-го декабря последовал ответ Антанты; он устранял всякое сомнение в ее воле к уничтожению. Возражение, будто тон нашего предложения с самого начала исключал возможность успеха, не выдерживало критики. Общее наше положение требовало, чтобы мы говорили уверенным тоном. Наши войска сделали невероятно много. Что они должны были бы подумать, если бы мы разговаривали иначе. Мирное предложение не должно было пойти во вред боевой силе армии, и оно не повредило ей, так как оставалось пока изолированным, и так как дух армии стоял высоко. Если Антанта честно хотела мира, который был бы справедлив и принес примирение, то она должна была бы пойти на переговоры и пред'явить затем свои требования. Если бы переговоры ни к чему не привели вследствие желания аннексий со стороны германского представительства, тогда Антанта могла бы, указав на наши требования, снова увлечь свои народы на борьбу. Мы же в этом случае совсем не могли бы больше заставить сражаться германский народ, который и тогда уже жаждал мира. Еще менее согласились бы итти с нами дальше наши уставшие воевать союзники. Этот простой ход мыслей показывает с несомненностью, что, делая мирное предложение, мы стремились к справедливому и примиряющему миру.

Отказ Антанты в данном случае, и во всех других, более поздних, ясно показывал, что она не хочет никаких переговоров, которые бы свидетельствовали перед всем светом о нашей готовности к миру. Она боялась вызвать своим согласием ослабление воли к уничтожению в собственном лагере и хотела условиями мира окончательно ослабить нас и сразить.

Между тем президент Вильсон обратился 18-го декабря к воюющим государствам с нотой, чтобы «узнать мнение всех воюющих государств об условиях, на которых война могла бы быть закончена». Президент

хотел, повидимому, сравнить требования обеих сторон и согласить их на чем-нибудь среднем. Он думал о мире без победителей и побежденных. Нота была передана 21-го. Имперское правительство было осведомлено об этом намерении Вильсона еще в ноябре. Вероятно, долгие колебания президента заставили правительство сомневаться, действительно ли президент приведет свое намерение в исполнение. Впрочем, я недостаточно подробно знаком с тогдашними соображениями правительства.

Правительства четверного союза уже 26-го декабря ответили предложением созыва в ближайшем будущем с'езда представителей воюющих государств в каком либо нейтральном пункте. Они уклонились от предложения Вильсона, так как хотели вести переговоры с противником непосредственно. Возможно, что при этом они считались также и с настроением Германии против Америки. Однако, поведение Антанты было непримиримо. Ее ответ от 12-го января был подтверждением ноты от 30-го декабря, только в нем, пожалуй, еще резче сказывалась ее воля к уничтожению. В нем чувствовалась железная воля Ллойд-Джорджа, который в начале декабря стал и формально во главе правительства Англии. Следует снова и снова перечитывать ответ Антанты на наше мирное предложение и на ноту Вильсона. Многие составят себе тогда более ясное суждение о возможности добиться мира, не вынужденного для одной из сторон.

Таким образом, обе попытки приблизить мир провалились. По воле Антанты война должна была продолжаться. Она должна была решиться только силой оружия. Пароль был «победа или поражение». Отсюда вытекала необходимость дальнейшего колоссального вооружения и сохранения нашей воли к войне, как это и имели в виду наши предложения, а также необходимость применения всех средств борьбы, которыми Германия располагала.

III.

При тех взглядах на общее положение, которые имелись у генерал-фельдмаршала и у меня, и при нашем, к сожалению оправдавшемся, скептическом отношении к успеху мирных переговоров, мы давно уже включили в круг наших размышлений вопрос о подводной войне, и притом в наиболее острой форме подводной войны в запретных для плавания зонах.

Неограниченная подводная война являлась последним средством закончить войну победоносно, не затягивая ее до бесконечности. Если подводная война в такой форме могла стать решающей,—а флот надеялся на это,—то она при нашем военном положении становилась долгом по отношению к германскому народу.

Как я уже упоминал, 30-го августа мы высказались против неограниченной подводной войны, присовокупив, что время для нее еще не наступило. Выяснив наше мнение, имперский канцлер фон-Бетман

прибавил к этому, что в дальнейшем решение вести подводную войну с установлением запретных зон он ставит в зависимость от соответствующего заявления генерал-фельдмаршала. Неограниченная подводная война будет начата, если генерал-фельдмаршал этого пожелает. Приблизительно то же самое имперский канцлер сказал 28-го сентября в рейхстаге. Между тем, вопрос о целесообразности подводной войны привел к серьезному разногласию среди политических партий и вызвал чрезвычайно сильное возбуждение. В то время, как правые партии очень живо высказывались за нее, левые, стоящие близко к правительству, так же страстно отстаивали противоположное мнение. Благодаря замечанию г-на фон-Бетман, верховное командование впервые было вовлечено в политическую борьбу самим правительством для его поддержки. Я глубоко об этом сожалел. Этого не должно было быть. Верховное командование стояло до сих пор вдали от всякой политики, и никоим образом не желало вносить в это изменений. Тем неприятнее генерал-фельдмаршалу и мне было волнение, вызванное господином фон-Бетманом. Фактически на верховное командование все больше и больше возлагалась ответственность за ведение неограниченной подводной войны или за отказ от нее.

В начале октября мы беседовали о неограниченной подводной войне с начальником морского штаба и взвешивали возможность приступа к ней. Во время последовавшего, по предложению канцлера, письменного обмена мнений мы 5-го октября снова просили его установить, на ком будет лежать ответственность. 6-го октября канцлер раз'яснил нам, что хотя решение по вопросу о неограниченной подводной войне является прерогативой военной власти императора, тем не менее, в виду того, что такая война затрагивает интересы нейтральных стран, она относится к области иностранной политики. Поэтому он, канцлер, является единственным ответственным по конституции лицом, которое не имеет права переложить свою ответственность на кого-либо, но, конечно, мнение генерал-фельдмаршала будет иметь особенное значение для его будущей позиции в этом вопросе. Эта точка зрения была неопровержима. Генерал-фельдмаршал вовсе не был в состоянии взять на себя ответственность, лежащую на имперском канцлере, да и никогда этого не хотел; я вполне разделял его точку зрения. Однако, заявление имперского канцлера являлось значительным уклонением от прежних взглядов, которые об'яснялись предположением, что мы являемся противниками подводной войны.

В октябре 1916 года началась крейсерская подводная война, причем суда останавливались и обыскивались. Она дала хорошие результаты, и внесла беспокойство в экономическую жизнь неприятеля. Это говорило в пользу подводных лодок. Но приходилось учитывать бы-

стрый рост средств неприятельского противодействия и уменьшение результатов крейсерства подводных лодок.

В оценке политического и экономического значения для войны операций подводных лодок в различных их формах нам приходилось полагаться на мнение начальника морского штаба и имперского канцлера. Верховное командование находилось в постоянных сношениях с этими лицами по этим вопросам и по вопросу о целесообразности неограниченной подводной войны.

После наших побед в Румынии, верховное командование перестало опасаться вмешательства в войну против нас Голландии и Дании. Во всяком случае, рисковать не следовало: в случае необходимости мы должны были начать подводную войну с установлением запретных зон не раньше, чем поход на Румынию будет закончен, и войска успеют вернуться оттуда в Германию и подойти на западный и восточный фронты. Можно было предвидеть, что это произойдет не раньше начала февраля. Само собой разумеется, что надо было сначала подождать результата мирных попыток президента Вильсона, возникших по инициативе имперского правительства, а также последствий нашего мирного предложения. Если бы представилось вероятным окончание враждебных действий, тогда и такая подводная война оказалась бы ненужной. Тогда все предположения отпадали. В конце декабря или начале января вопрос о результате наших мирных попыток должен был выясниться. И это обстоятельство указывало на то, что в случае необходимости начать подводную войну ее следовало отложить до первых чисел февраля.

Имперское правительство отказалось от своих прежних опасений за позицию Голландии и Дании; со стороны Швейцарии, Испании, Норвегии и Швеции также не ожидалось каких-либо осложнений. Зато правительство довольно определенно учитывало возможность участия Северо-Американских Соединенных Штатов в войне против нас. Верховное командование должно было считаться с этими соображениями, высказанными ответственными инстанциями. Вступление Америки обозначало для Антанты в первый же год усиление на пять-шесть дивизий, позже, в случае, если бы подводная война не оказала своего действия, оно дало бы серьезное, могущее сыграть роль значительного фактора, увеличение неприятельских сил. Что Америка, в случае вступления в войну, будет создавать такую же вооруженную силу, как Англия, и что Антанта всемерно будет толкать ее на все новые вооружения, было несомненно. Относительно роста военной промышленности Соединенных Штатов у меня особых опасений не было. И сейчас уже она полным ходом работала на Антанту.

Начальник морского штаба, друг имперского канцлера, но горячий защитник неограниченной подводной войны, с уверенностью рассчитывал на то, что уже в течение полугода она окажет решающее влияние на всю войну. Потеря тоннажа и уменьшение заокеанского ввоза вызо-

вут в Англии экономические затруднения, которые исключат возможность продолжения войн. Он ссылался при этом не только на свое собственное убеждение, но также и на мнение выдающихся представителей германской промышленности. Недостаток тоннажа уменьшит размеры военных перевозок и, прежде всего, сократит доставку многочисленных военных грузов во Францию, многие из них пострадают и непосредственно. Число имевшихся на-лицо подводных лодок было достаточно для этой цели, постройку новых, для пополнения, можно будет, по мнению имперского морского министерства, усилить до максимума, и потери будут с избытком покрываться. Правда, в 1916 году, после принципиального отказа от подводной войны, постройка подводных лодок шла с недостаточной энергией. Вопрос о личном составе может быть разрешен. Его можно будет взять, преимущественно, из состава второй эскадры, состоящей из более старых судов, но и другие суда также смогут отдать офицеров и инженеров со средним служебным цензом.

Само собой понятно, что боеспособность флота также не должна была понижаться дальше известного уровня. Он должен был представлять такую силу, чтобы, несмотря на постоянное усиление неприятельского флота постройкой новых судов и возможное присоединение Соединенных Штатов, ведение подводной войны было обеспечено. Флот должен был открывать лодкам путь через пояс неприятельских минных заграждений. Он должен был оставаться настолько внушительным, чтобы всякая попытка неприятельского флота прервать сообщения в Балтийском море была заранее исключена.

Начальник морского штаба надеялся об'явлением неограниченной подводной войны одновременно оказать устрашающее действие на нейтральное судоходство, которое до того времени работало преимущественно на Антанту. Ему было ясно, что для этого необходима безусловная поддержка политических центров, отсутствие которой он впоследствии по временам чувствовал.

Мы обсуждали техническое выполнение транспорта войск из Америки во Францию и организацию подвоза. По расчету наших моряков, для перевозки армии с обозами и запасами требовалось, по крайней мере, 5 регистровых тонн на человека. Этот расчет подтвердился осенью 1917 года, при экспедиции на Эзель. Обсуждение давало благоприятные для нас результаты. По расчетам выходило, что перевозка миллиона американских солдат в течение не слишком большого времени потребовала бы 5-ти миллионов тоннажа [1]). При необходимости снабжения западных держав, этот тоннаж было невозможно выделить даже временно.

---

[1]) Ошибка прусского генерального штаба заключалась в том, что американские войска весной 1918 г. были переброшены в Европу без обозов и запасов, почти исключительно с носимым снаряжением, а все прочие получили из французских и английских запасов. Это позволило уменьшить в несколько раз размер требуемого тоннажа. (Прим. редакции).

В оценке экономического значения подводной войны имперское правительство колебалось. Лишь постепенно, после того, как подводная война уже началась, министерство внутренних дел встало на благожелательную точку зрения, к которой присоединился и имперский канцлер.

Хорошо зная все условия войны и высоко оценивая энергию неприятеля, я не считал непреложными цифровые данные морского министерства о предполагаемых результатах неограниченной подводной войны. Я сознавал особенную трудность оценки факторов экономики и транспорта. Я полагал возможным рассчитывать на решительные результаты в течение года, т.-е. раньше, чем Америка успеет выступить со своими вновь сформированными войсками на театре военных действий. До тех пор я надеялся при помощи уже принятых и намеченных мероприятий удержать на суше прежнее положение, если подводная война, расстроив хозяйственную жизнь неприятеля, ослабит его военную промышленность и уменьшит ввоз снарядов во Францию. В этом я видел самую важную задачу на ближайшие месяцы.

Под глубоким впечатлением положения дел на западном фронте, полученным при моем об'езде в середине декабря, я выразил эту мысль в телеграмме, посланной в Берлин; в то время у меня не было уже больше надежды на успех мирного предложения. 23-го декабря генерал-фельдмаршал в длинной беседе с имперским канцлером высказался за необходимость неограниченной подводной войны; 24-го декабря канцлер выразил свою готовность приступить к обсуждению этого вопроса, как только получится ответ Антанты и наши мирные попытки придут к определенному концу. При этом имперский канцлер, повторяя изложенные им 6-го октября мысли, еще раз высказал точку зрения, что неограниченная подводная война является актом высшей политики, за которую он один несет полную и нераздельную ответственность. Наше отношение к этому вопросу осталось прежним. Имперский канцлер должен был нести свою ответственность, мы несли нашу. В телеграмме к г-ну фон-Бетману, генерал-фельдмаршал, желая оградить права верховного командования, высказался следующим образом: « . . . . . что хотя ваше превосходительство, как имперский канцлер, претендуете на исключительную ответственность, тем не менее я, конечно, всемерно и с полным сознанием ответственности за победоносный исход войны, и в дальнейшем буду стремиться, чтобы в военном отношении делалось все, что я считаю нужным». Отстаивание своего мнения в этом серьезном и ответственном вопросе, в полном сознании своего высокого положения, являлось таким же правом и долгом верховного командования, как и имперского канцлера. При разногласии решение принадлежало бы его величеству.

Предвидя, что ответ Антанты на наше мирное предложение и на посредничество Вильсона окажется отрицательным, имперский канцлер уже в конце декабря прибыл в Плесс для совещания. Ни к какому решению мы не пришли. Окончательное совещание состоялось под председательством его величества 9-го января, после получения ответа Антанты на наше предложение, причем мы с уверенностью ожидали такого же отношения Антанты к шагам президента Вильсона. Начальник морского штаба защищал приведенные выше взгляды; он считал, что неограниченная подводная война уже через несколько месяцев решит дело войны, и высказался за нее. Генерал-фельдмаршал изложил наше понимание положения, и также высказался за нее. Имперский канцлер остановился на влиянии, которое такая война может оказать на нейтральные государства, особенно на Северо-Американские Соединенные Штаты. Он считал возможным и вероятным вступление в войну только Америки, и боялся, что Антанта создаст затруднения в деле снабжения Бельгии. Наше мирное предложение он считал потерпевшим неудачу. Других мирных возможностей, в роде новой попытки Вильсона—его попытка от 18-го декабря считалась ликвидированной—или сепаратного мира, он не предусматривал, также как и возможности перемены нашего политического положения вследствие крушения одного из наших врагов, как это случилось затем с Россией. Последнее ставило бы нас в совершенно другие условия и, конечно, резко видоизменило бы наши взгляды. Имперский канцлер вполне сходился с нами в оценке нашего военно-политического положения. Но тогда как мы считали себя обязанными спокойно и решительно учесть вытекающие из него тяжелые последствия, имперский канцлер, по своему характеру, колебался и закончил приблизительно так: «Итак, решение начать беспощадную подводную войну находится в зависимости от той действительности ее, которую мы можем ожидать», и далее: «если высшие военные власти считают подводную войну необходимой, то я не в состоянии возражать против нее», и еще: «если у нас есть шансы на успех, то мы должны действовать».

Таким образом, имперский канцлер, с полным сознанием своей политической ответственности, высказался за неограниченную подводную войну так же, как и другие советники его величества. Император присоединился к этому мнению и приказал начать неограниченную подводную войну 1-го февраля, с тем, чтобы нейтральным судам, застигнутым в заградительной зоне, была дана возможность покинуть ее, а находящимся на пути туда,—закончить плавание.

Тогда имперский канцлер, в согласии с начальником морского штаба, выработал ноты к нейтральным государствам, об'являющие запретными зонами воды, окружающие Англию, западные берега Франции

и Средиземное море. Эти ноты должны были быть переданы 31-го января.

Начальник морского штаба дал более подробные указания для ведения войны в запретных зонах, при этом он принял во внимание несколько пожеланий министерства иностранных дел, клонившихся к тому, чтобы уменьшить опасность разрыва с Америкой. Само собой понятно, что это соответствовало также и нашим желаниям.

Верховное командование со своей стороны приняло на всякий случай некоторые меры предосторожности на северном фронте, хотя имперский канцлер и не опасался за позицию Голландии и Дании.

Укрепление позиций в северном Шлезвиге сильно подвинулось вперед. Мы могли ограничиться здесь незначительным усилением пограничной охраны небольшим количеством кавалерии. Временно туда был переведен штаб одного корпуса, чтобы изучить местные условия. На германо-голландской границе пограничная охрана была сведена в дивизии и подчинена штабу корпуса, расположившемуся в Мюнстере. Укрепление позиций до сих пор велось здесь в очень небольших размерах. На бельгийско-голландской границе сделано было также немного. Не хватало рабочих рук. В остальном наши оборонительные мероприятия разрабатывались только на бумаге. Освобождающиеся в Румынии войска должны были осуществить их только в случае нужды, вообще же они предназначались для усиления западного фронта. В первую очередь они перебрасывались в Бельгию.

IV.

В середине января верховное командование получило из министерства иностранных дел копию заявления графа Бернсторфа от 10-го января, в котором он говорил, что меморандум о вооруженных торговых судах «приведет к крушению мирное посредничество президента Вильсона». Это меня поразило. Об особом посредничестве президента больше не было и речи. Между тем граф Бернсторф в своем донесении от 10-го января мог подразумевать только шаги, сделанные президентом 18-го декабря, на которые Антанта ответила официально только 12-го января, разрешив вопрос, как мы этого ожидали. По-моему ничего нового не произошло. Имперский канцлер был того же мнения. 16-го января, в ответе графу Бернсторфу, он высказался в таком духе: «Мы решили пойти на риск (разрыва и возможной войны с Соединенными Штатами)». Эта телеграмма не успела еще вероятно попасть в руки к графу Бернсторфу, как он сам телеграфировал в министерство иностранных дел: «Если военные соображения не являются безусловно решающими, крайне желательна отсрочка (неограниченной подводной войны), Вильсон надеется добиться мира на основе предложенного нами равноправия всех народов».

Статс-секретарь министерства иностранных дел, передавая эту телеграмму, прибавил, что он ходатайствовал перед начальником морского штаба об установлении предположенных посланником льготных сроков для нейтральных судов, с целью уменьшить опасность разрыва с Америкой. Я уже сказал, что мы на это согласились. Значит, министерство иностранных дел в этой телеграмме Бернсторфа не усмотрело никакой перемены общего положения. В противном случае статс-секретарь указал бы на это.

Для меня не была ясна вся переписка правительства с посланником, так как я был знаком только с отдельными документами из нее.

Я стоял в стороне от переговоров с Соединенными Штатами. Имперский канцлер и статс-секретарь министерства иностранных дел жаловались на затруднительность сношений с посланником и вызванные этим обстоятельством неясности. Их долгом было использовать всякую возможность, чтобы избежать разрыва с Соединенными Штатами, несмотря на неограниченную подводную войну.

29-го января имперский канцлер фон-Бетман и статс-секретарь д-р Циммерман, неожиданно для меня, прибыли в Плесс. Мы были вызваны к императору для совместного совещания. Дело шло о новом мирном посредничестве президента Вильсона. Имперский канцлер прочел составленную им инструкцию графу Бернсторфу, в которой он высказывался за мир на условиях status quo ante.

Насколько я помню, в качестве основы для возможных мирных переговоров, когда представится случай, должны были быть сообщены президенту Вильсону следующие условия:

«Возвращение оккупированной Францией части Верхнего Эльзаса.

Установление границы Германии и Польши с Россией, которая обеспечивала бы их в стратегическом и экономическом отношениях.

Возврат колоний в форме соглашения, которое обеспечило бы Германии колониальные владения, соответствующие численности ее народонаселения и ее экономическим интересам.

Возврат Франции оккупированных Германией французских областей, но при условии исправления границы, согласно стратегическим и экономическим интересам Германии и финансовой компенсации.

Восстановление Бельгии, с известными гарантиями для безопасности Германии, которые подлежат установлению путем переговоров с бельгийским правительством.

Экономическое и финансовое возмещение при обмене завоеванными обеими сторонами областями, подлежащими возвращению при заключении мира. Возмещение убытков пострадавшим от войны германским предприятиям и частным лицам.

Отказ от всех экономических соглашений и мероприятий, которые послужили бы препятствием для нормальной торговли и сношений после окончания войны и заключения соответствующих торговых договоров.

Свобода морей».

Это были единственные условия, которые доводились Германией до сведения неприятеля и разрабатывались при моем участии.

Отсрочки неограниченной подводной войны имперский канцлер не потребовал. Посланник был уполномочен сделать заявление, что имперское правительство согласно отдать приказ о приостановке подводной войны, как только будет иметься основа для успешных мирных переговоров. Генерал-фельдмаршал и я согласились с этим.

Все это разыгралось необыкновенно быстро в одном из покоев императора. Подарки ко дню рождения еще стояли тут же; у меня осталось в памяти прекрасное изображение крейсера «Эмден». Сейчас я уже не могу изложить более подробно обстоятельства и ход этого дипломатического шага. После окончания обсуждения я высказал генерал-фельдмаршалу свои опасения по поводу способа, которым мы привлекались к соучастию в таких крайне важных решениях. С одной стороны, у нас не было вполне ясного представления о положении дел, с другой— мы разделяли моральную ответственность.

31-го января в Вашингтон была передана нота с об'явлением подводной войны в запретных зонах, а также, как мне помнится, инструкция имперского правительства от 29-го января.

После 9-го января не явилось никаких новых военных соображений, которые могли бы побудить генерал-фельдмаршала или меня изменить нашу точку зрения на крайнюю необходимость подводной войны.

По докладу начальника морского штаба в Вене, австро-венгерское правительство также приняло решение вести своими подводными лодками неограниченную войну. Я с благодарностью приветствовал этот дружественный шаг нашего союзника и был в нем уверен. Подводная война могла иметь значение только при условии ее развития также и в Средиземном море, где условия складывались особенно благоприятно: нужно было топить как можно больше судов. Генерал фон-Конрад также высказался за участие Австрии. Когда граф Чернин в 1918 году сказал, что он согласился на неограниченную подводную войну, чтобы избежать конфликта с Германией, то это явилось для меня новостью. Никто не думал оказывать на Австро-Венгрию военного давления.

Для оценки настроения на родине, важное значение для меня получил отчет о заседании рейхстага 27-го февраля, из которого следовало, что германский народ, после крушения наших мирных попыток, почти единогласно присоединился к правительству. Вождь социалистов

большинства, г. Шейдеман, хотя и отклонил ответственность за подводную войну, но заявил следующее:

«Весь мир поймет глубокое удовлетворение, которое мы почувствовали, когда правительство предложило мир всему миру, приводя доводы, близкие к нашим. Когда же противники, в их пресловутом ответе Вильсону, беззастенчиво разоблачили свои стремления к захвату и уничтожению, тогда вся страна поднялась с твердой решимостью защищать родину до крайности. Тогда весь народ высказался как один: все лучше, чем такой мир. Все, конечно, знали, что противники примут германское приглашение на конференцию не без ломания и сопротивления, не без указания на свои силы, не без нащупывания и предварительных совещаний; но такой грубой и вызывающей речи, какую они повели, такой безумной, издевающейся над всеми фактами, мирной программы, какую они выставили, ожидали, вероятно, только очень немногие, и этой новой кровавой вины перед человечеством, которую они взяли на себя грубым отказом от мирного предложения Германии, они никогда не смоют с себя. Ллойд-Джордж является крестным отцом решения имперского правительства начать подводную войну. Обострение подводной войны было решено, собственно говоря, конференцией союзников в Риме. После того, как решение было принято, после того, как дело было пущено в ход, мы можем только пожелать от всей души, чтобы оно скорее дало нам мир. Мы, вооружившись до зубов, верим, что наша народная сила осуществит то, что еще сегодня кажется невозможным нашим противникам. Честь, существование, свобода, экономическое развитие страны должны выйти незатронутыми из этой ужасной борьбы».

Это заявление говорило о высоком под'еме и являлось призывом к борьбе до крайности с волей противника уничтожить нас. О, если бы это стало действительностью!

V.

21-го ноября 1916 года император Франц-Иосиф почил вечным сном. Им об'единялись все народы двуединой монархии. Правда, новой жизни он не смог вдохнуть в нее. Для этого советники, которых он себе избрал, не были достаточно сильны. Он был верным другом союза, хотя и не смог никогда забыть 1866 года, когда Пруссия и Австрия боролись за гегемонию в Германии.

В начале апреля 1916 года в Ковно праздновался 50-летний служебный юбилей генерал-фельдмаршала фон-Гинденбурга. Я сказал краткую речь, и упомянул при этом, что генерал-фельдмаршал в первый год своей службы принимал участие в походе 1866 года. Как только мои слова были где-то напечатаны, имперский канцлер фон-Бетман написал, что моя речь произвела в Вене неприятное впечатление, так как я упомянул в ней про поход 1866 года. Он просил меня помешать

ее воспроизведению. Это оказалось невозможным. Отношение двора в Вене так же поразило меня, как и письмо из Берлина. Поход 1866 года оставил глубокое впечатление на императоре Франце-Иосифе. Он потерял тогда веру в свою армию и никогда больше не мог всем сердцем отдаться ей, хотя и работал для нее и высоко держал старые традиции единой армии.

Его кончина была для нас невозместимой потерей.

Убитый наследник эрцгерцог Франц-Фердинанд не был тем деятельным человеком, каким его так часто считали. Фактически он по натуре был человеком колеблющимся и нерешительным и никоим образом не был другом Германии. Его величество германский император положил много труда на то, чтобы повлиять на него и его супругу в смысле более дружелюбного отношения к Германии. Его смерть была трагична, последствия его убийства стали роковыми; оно привело Австрию через четыре года войны к тому состоянию, которое русские—инициаторы войны—поставили себе целью; правда, Россия сама при этом погибла. Убитый наследник не был тем человеком, который мог бы после смерти престарелого императора сохранить бразды правления двуединой монархии в своих руках. В течение войны центробежные силы слишком возросли. Повсюду господствовала неурядица; дух народа и войска во многих местах был плох. Усталость от войны росла, жажда мира все увеличивалась. Нужен был особенный человек, чтобы возвратить двуединой монархии волю к войне и вдохнуть новую жизнь в австро-венгерскую армию.

В первый раз я видел императора Карла, в бытность его эрцгерцогом, в декабре 1914 года. Он производил необыкновенно юное впечатление. В начале ноября 1916 года я снова встретился с ним; он развился и стал мужественнее. По военным вопросам он высказывался очень ясно. Однако, бремя его высокого положения делалось ему не под силу. Он проникся беспокойством. Он стремился ко многому, и многим и во многом уступал. Он понимал внутренние политические трудности двуединой монархии, думал о союзе народов Австрии с домом Габсбургов во главе, но не думал в то же время побудить Венгрию вести менее эгоистическую политику и заставить ее уничтожить заграждение вывоза продовольствия в Австрию. Характерным для его образа действий было помилование чешских вождей, которые открыто выступали против монархии. Этот акт обнаружил его боязнь чешского движения и всю слабость правительства и монархии. Единственным последствием этого было оживление сепаратистских стремлений народов и сильное недоверие немцев, верных своему старому императорскому дому. Армия также была оскорблена в своих чувствах и, прежде всего, опять-таки немецкие офицеры и солдаты, сражавшиеся с давно испытанной храбростью за свою династию и двуединую монархию. Бесконечно много их немецких братьев полегло на кровавом поле из-за перехода чехов на сторону врага.

Император не был убежденным сторонником союза, но был верен Германии. Он хотел мира; но стремясь ускорить его, он в письмах к своему шурину принцу Сиксту зашел слишком далеко.

Император Карл уделял особенно много внимания своим обязанностям верховного военачальника австро-венгерских армий. По его желанию, постановления о верховном военном руководстве четверным союзом были изменены и несколько ослаблены. Он не был солдатом по натуре но все-таки хотел отдать армии свои лучшие силы.

У императрицы Циты, имевшей большое влияние на своего супруга, были ярко выраженные политические симпатии. К сожалению, она была настроена против нас и находилась в руках клерикалов, которые не были нашими друзьями.

Министром иностранных дел сделался граф Чернин, умный и светский человек, образованный и любезный, стоявший много выше господ из Вильгельмштрассе. Но в общем он шел теми же путями, как и имперский канцлер в Берлине. Он искал мира, но только сообща с Германией. Он был верен нам, это мы должны за ним признать. При этом он проявил себя очень горячим и необыкновенно умелым защитником интересов двуединой монархии. Со своим государем он держался со спокойной уверенностью. Несмотря на это, он покрывал помилование императором чехов и его неясную национальную политику. Он остался на своем посту, хотя не одобрял указа, который, являясь признаком начинающегося распада двуединой монархии, должен был затруднить мир и укрепить надежды Антанты на победу.

Я лично чувствовал к графу большую симпатию и охотно беседовал с ним. К сожалению, он слишком легковерно повторял сплетни Вильгельмштрассе о моей «диктатуре». Часто я доказывал ему полную необоснованность этого мнения. При его понимании войны я не удивился политическому признанию, сделанному им 11-го декабря 1918 года.

Начальником генерального штаба австро-венгерской армии вместо генерала фон-Конрада, получившего командование тирольским фронтом, был назначен генерал фон-Арц. Отношения между мной и генералом фон-Конрадом проникались все большим доверием; поэтому я лично сожалел об уходе его с занимаемого им поста.

Отношения с генералом фон-Арцом сделались еще сердечнее. Он был убежденным другом Германской империи и германской армии. Во время летнего похода 1915 года он в составе 11-й армии командовал VI австро-венгерским армейским корпусом, в тесной связи с германскими войсками, и вел его так, что заслужил у немцев уважение как для себя, так и для своего корпуса. В качестве командующего 1-ой армией в Семиградьи, он достиг с ней всего, чего можно было ожидать при ее составе. Он содействовал дружной совместной жизни находившихся в его армии германских и австро-венгерских войск, за обучение коих он взялся

очень серьезно. Не будучи, может быть, таким гибким в умственном отношении, как генерал фон-Конрад, он был солдатом с здоровыми понятиями, старался поднять австро-венгерскую армию и получить для нее от родины все нужное. Он делал все возможное, но не добился ничего решающего. Он рос по мере того, как продолжал занимать свой пост.

Начальником оперативного отделения генерал фон- Арц назначил генерала фон-Вальдштеттена, способного и честолюбивого офицера, который заслуживал доверия своего начальника и австро-венгерской армии.

Дружная совместная работа с австро-венгерским командованием была в дальнейшем обеспечена.

Основы дальнейшего ведения войны и военный аппарат.

I.

Война возлагала на нас обязанность собрать и использовать все силы до последнего человека. Будут ли они брошены в сражения или пойдут на работы в тылу, понадобятся ли они для военной промышленности или для какой-нибудь другой работы в запасных частях или в государстве—это являлось безразличным. Конечно, человек мог работать на отечество только на одном месте, но нужно было целесообразно использовать его силы. Государственная служба стояла особняком. Распределение же остальных сил между войском, флотом и тылом производилось верховным командованием по соглашению с соответствующими государственными учреждениями. Только оно и могло иметь хотя бы приблизительное представление о нем. Даже прусский военный министр имел недостаточные и односторонние сведения о силах, выставленных против врага, и о наших военных потребностях.

До сих пор полевая армия пополнялась выздоравливающими, число которых было очень велико благодаря прекрасной постановке санитарного дела, очередными призывами новобранцев, а также путем постоянных переосвидетельствований. Мы были принуждены посылать на фронт девятнадцатилетних; брать еще более молодых было невозможно. Условия годности были понижены. Значительная часть имевшихся до сих пор в нашем распоряжении людей была уже призвана. Надо было, однако, попытаться не только фактически привлечь к работе в армии всех, находившихся в нашем распоряжении, но и обеспечить себе новый приток сил. В особенности желательно было уменьшить количество опротестованных [1]). Одновременно нужно было добыть рабочую силу для тыла, где производилась имевшая чрезвычайно важное значение постройка укрепленных позиций, а также для отечественной военной промышленности.

---

[1]) Под „опротестованием“ надо понимать призванных по воинской повинности, но оставленных на своей мирной работе, как незаменимых специалистов. (Примечание редакции).

Выражение «годный для гарнизонной службы» всегда резало мне слух. Почему солдат, «годный для гарнизонной службы» и посланный в действующую армию, не мог в момент величайшей опасности носить оружие наравне с «годным для военной службы». В этом термине «годный для гарнизонной службы» солдат видел, однако, какую-то охранную грамоту. Верховное командование не сумело приспособить это понятие к потребностям войны и устранить дурное влияние этого выражения. Приказ, изданный военным министром осенью 1918 года, появился слишком поздно. Между тем, им уже заблаговременно пересматривались условия годности к военной службе. Кроме квалификации «годный к гарнизонной службе в действующей армии и в тылу» появилась и квалификация «работоспособный».

Порядок переосвидетельствования и контроля на родине казался мне также небезупречным. То и дело слышались жалобы на увиливание от службы самого непозволительного свойства. Я предложил военному министерству принять строжайшие меры; этого требовала справедливость. И тем не менее, у меня не получилось уверенности, что дело идет так, как это было необходимо для поддержания настроения в армии и тылу.

По закону часть населения оставалась необязанной службой государству. Эта обязанность лежала до сих пор только на мужчинах от 17-ти до 45-ти лет. Но перед лицом железной необходимости такое ограничение казалось мне неуместным.

Уже в сентябре 1916 года верховное командование впервые обратилось к имперскому канцлеру с требованием поголовной мобилизации. Оно все определеннее становилось на ту точку зрения, что во время войны силы каждого индивидуума принадлежат государству, что поэтому каждый немец в возрасте от 15-ти до 60-ти лет является военнообязанным, и что эта повинность, хотя бы и с ограничениями, должна быть распространена и на женщин. Ее можно было бы выполнять или на фронте с оружием в руках, или в виде трудовой повинности, в самом широком смысле этого слова, в тылу. Она ни в каком случае не должна была распространяться только на тех, кого мы обычно называем рабочими, хотя и касалась их больше всего.

Введение трудовой повинности для нужд войны имело то громадное моральное значение, что оно обязывало каждого немца к службе отечеству в это трудное время; это вполне соответствовало древнему германскому правосознанию. Оно могло бы иметь еще крупный практический результат в том отношении, что нормировка заработной платы переходила в руки государства.

Одной из самых вопиющих несправедливостей этой войны, которую ощущал солдат, было то, что он, ежедневно рискующий своей жизнью в окопах, оплачивался гораздо хуже какого-нибудь рабочего, живущего

в спокойных условиях. В то время, как рабочий зарабатывал для себя, своей жены и детей, солдат должен был со страхом думать о своем будущем и о своей семье. Поддержка семьи государством нисколько не сглаживала этой разницы. Тяга из армии на родину, легко об'яснимая стремлением к личной безопасности, находила свое идеологическое обоснование в семейном чувстве. Это же чувство удерживало многих на родине и заставляло считать службу в армии наказанием. Все это создавало крайне нездоровую атмосферу.

Мне хотелось, чтобы жалованье солдат на фронте было повышено, а ставки рабочих держались на среднем уровне; однако, существенного повышения оплаты солдата, в виду противодействия берлинских властей, достигнуть не удалось. Это естественно привело бы также к значительному понижению военной прибыли. Заработная плата и прибыль должны находиться в тесной зависимости друг от друга. При этом мы с'экономили бы значительные суммы, что пошло бы на пользу нашим финансам и сохранению нашего капитала. Я не скрывал от себя трудности этой задачи, при общем повышении цен, происходившем вследствие недостатка сырья. Но я надеялся, что родина сумеет разрешить ее и найти пути к оздоровлению условий. Закон о трудовой повинности мог бы стать орудием для этого.

Одного введения всеобщей военной и трудовой повинности было недостаточно; надо было позаботиться о рациональном использовании трудобязанных, чтобы их силы не были потеряны для государства.

Я, конечно, отдавал себе отчет в том, что такое мероприятие представляет энергичное вторжение в государственную, экономическую и частную жизнь; не надо было также забывать, что слишком сильное вторжение становилось тормозом. Несомненно, должны были явиться протесты, хотя бы наши требования и соответствовали железной необходимости войны. Эгоизм и страсть к наживе успели уже широко распространиться. Но вопрос шел о том, чтобы показать народу путь к победе. Он должен был ясно понять положение и сам решить свою судьбу. Рейхстаг, а вместе с ним весь народ, должны были разделить ответственность. 30-го октября 1916 года мы обратились к имперскому канцлеру с особой просьбой о содействии в этом направлении. Я надеялся, что правительство будет готово защищать великую мысль о всеобщей военной повинности и тем самым заставить народ подумать, какие еще силы он может отдать отечеству. Народ, не стоящий на узко-эгоистической точке зрения, должен был бы отвлечься от мыслей о внутренних политических интересах и, всецело отдавшись войне, претворить в жизнь мероприятия, предложенные верховным командованием.

Правительство не пошло по этой дороге. В то время у меня еще была бесконечная вера в германский народ и в германских рабочих. Война была для всех нас вопросом жизни. Рабочие также должны были

познать это, и тогда, казалось мне, поняв великую опасность, угрожавшую им и отечеству, они могли найти общую почву с верховным командованием и дать еще больше, чем давали до сих пор. Германский рабочий сделал уже многое и мог сделать еще больше. Подобно тому, как войско, сильное своей выдержкой и любовью к родине, в серьезные минуты способно на величайшие подвиги, точно также народ, при твердом руководстве и ясном понимании грозящей отечеству опасности, может в течение долгой войны сплоченно и стойко держаться. Минуты под'ема проходят, это естественно; дисциплина и сознательность должны стать на их место. Я нисколько не сомневаюсь в том, что этого можно было достигнуть.

Правительство могло пойти навстречу и не вводя нового закона. Законы об осадном положении и о повинностях во время войны давали полную возможность получить нужные человеческие силы, нужна была лишь решимость дать им ход; но у правительства не было для этого достаточно сильной воли. К тому же применение этих законов приводило к голому насилию, от которого я, по зрелом размышлении, не ожидал ничего хорошего. Мне представлялся более желательным закон, за который стоял бы весь народ и который засвидетельствовал бы всему миру нашу решимость бороться до конца. Это я также высказал канцлеру.

Наконец, спустя два месяца, после новых многочисленных настойчивых и томительных напоминаний верховного командования, правительство в ноябре решилось на внесение в рейхстаг закона об обязательной вспомогательной службе, который и был принят 2-го декабря. Это было ни рыба ни мясо; а мы хотели чего-то цельного. Проект закона слишком далеко отошел от основной мысли о всеобщей служебной повинности, которую мы выдвигали в сентябре, и не давал гарантий наилучшего использования трудовой повинности. На практике этот закон, в особенности по способу его проведения в жизнь, являлся ублюдком, не имевшим ничего общего с нашим требованием поставить весь народ на службу отечеству, и тем самым дать пополнение для армии и рабочие руки для фронта и тыла. Из текста всего закона только первый параграф напоминает о том, к чему стремилось верховное командование.

Закон не распространялся на женщин, а последних было достаточно для того, чтобы заместить работу мужчин и освободить их для фронта.

Несмотря на все это, сначала и я горячо приветствовал новый закон. Друзья и враги оценили его, как симптом нашей решимости воевать до конца, гораздо выше, чем он стоил в действительности. В связи с нашими успехами в Румынии, это должно было оказать сильное влияние.

С чувством скорби я следил за ходом заседаний в рейхстаге. Впервые за всю войну мне представлялась эта возможность, хотя это

входило в мои обязанности, как первого генерал-квартирмейстера. Верховное командование должно было познакомиться с настроением народа, имевшим решающее значение для исхода войны. Положение правительства в таком сложном вопросе, как рабочий, было безусловно трудное. Нужно было проводить твердую военную политику, а не уступчивую внутреннюю. Почему оно не поставило совершенно ясно и определенно вопрос об ответственности всего народа за исход войны? Правда, некоторые партии в рейхстаге, даже в этот трудный момент, не почувствовали обязанности подчинить свои особые интересы общему благу. Правительство и рейхстаг, так же, как и большая часть народа, еще не проникнись пониманием сущности современной войны, которая требует напряжения всех сил без остатка; ими также всегда оставалось непонятым значение их сотрудничества для конечной победы, несмотря на то, что верховное командование постоянно подчеркивало, что от этого зависит жизнь или смерть Германии.

Вскоре выяснилось, что закон о вспомогательной службе являлся не только неудовлетворительным, но и вредным. Для солдат особенно чувствительно было то, что призванные на вспомогательную службу оплачивались в тех же самых отраслях производства и должностях гораздо выше, чем мобилизованные по прежним законам и работавшие в качестве откомандированных. Это ненормальное положение обострялось еще тем, что опротестованные оплачивались, как свободные рабочие, т-е. как призванные на вспомогательную службу. Это было и обидно и несправедливо. Эти противоречия проявлялись еще резче на этапах. Части, возвращавшиеся с фронта после тяжелых боев, встречали там призванных на вспомогательную службу и женщин, которые, оставаясь в обстановке мирного времени, получали во много раз больше, чем солдаты. Это сильно огорчало людей, ежедневно подвергавших свою жизнь опасности и переносивших крайние лишения, и еще усиливало общее недовольство условиями оплаты труда. Применение в этапном районе труда призванных на вспомогательную службу, в виду высокой оплаты, становилось обоюдоострым оружием. В этих условиях было что-то чрезвычайно нездоровое.

Таким образом, мероприятия, к которым было приступлено в сентябре для привлечения всех имевшихся человеческих сил, дали очень незначительный результат. Мы не сумели в достаточной степени извлечь ценный материал, имевшийся в нашем народе: частью он ускользнул, частью остался без применения. Многое из того, что должна была получить армия, осталось в стране. Стремления верховного командования потерпели неудачу. Оно пришло к убеждению, что германский народ перестал жить здоровой жизнью.

Чтобы подчеркнуть высокое значение военной работы и трудовой повинности, я возбудил вопрос об учреждении креста за вспомогатель-

ную службу. Я получил его одним из первых, и при том исключительном значении, которое я придавал этой работе, о которой так заботилось верховное командование, я носил его с такой же гордостью, как и другие военные ордена, хотя и с некоторой грустью. Я думал о последствиях закона о вспомогательной службе, который меня все более и более разочаровывал.

Чтобы дать растущей промышленности необходимых специалистов, верховное командование принуждено было черпать много сил из состава армии и тем самым ослаблять ее. За одну только зиму 1916—1917 г.г. было отпущено 125.000 человек, которые должны были вернуться в армию, как только в них минует небходимость. Я многократно возбуждал вопрос о том, чтобы военные власти и промышленники как можно скорее приступали к подготовке лиц для смены рабочих-специалистов и использовали для этой цели инвалидов и женщин. Конечно, многое в этом направлении было сделано, но все же работа не везде велась с той настойчивостью, какой требовало наше положение.

К тому же опротестованные получили право перехода из одного предприятия в другое, и контроль над ними стал невозможен.

Развитие промышленности дало армии колоссальные материальные силы. Но это стоило ей многих человеческих сил. Чем больше людей приходилось отдавать и чем сильнее становилась нужда в них при возраставшем усилении неприятеля, тем больше верховное командование считало своим долгом перед родиной, перед армией и перед каждым отдельным солдатом на фронте настаивать на том, чтобы работа в стране шла полным ходом. Армия не должна была больше лишаться людей. Понижение производительности труда, которое нельзя было об'яснить безоговорочно одними внешними причинами, и стачки были явлениями, наносившими непосредственный и тяжелый ущерб боеспособности страны. Они были преступлениями по отношению к солдату на фронте, и имперский суд смотрел на них, как на измену родине. Часть германских рабочих, руководство коими не исходило из государственных соображений, ослепленная и искусственно взвинченная, ввергла в неисчислимые бедствия родину, товарищей и самих себя; это навсегда останется тяжелым обвинением против этой части рабочего класса.

Правительство должно было постараться воздействовать на рабочих, раз'ясняя им всю серьезность положения; но в случае необходимости, оно не должно было останавливаться и перед насильственными мерами.

Верховное командование не могло не знать, что при опротестованиях были случаи попустительства, вызывавшие во всех такое же озлобление, как и «окапывание в тылу». Я не раз просил военное министерство прекратить это безобразие.

Само собой разумеется, что при таком стесненном положении наша мысль обратилась к оккупированной территории. Военное мини-

стерство занялось этим вопросом. Применение бельгийских рабочих в Германии уже началось. Верховное командование просило генерал-губернатора удовлетворить требования военного министра и промышленности, и тем более настаивало на своей просьбе, что в то время правительство, несмотря на нашу нужду в людях, не провело даже еще закона о вспомогательной службе.

Отправка бельгийских рабочих в Германию отвечала интересам самой Бельгии, где безработица достигла высокой степени. Количество отправляемых было еще увеличено после переговоров с центральными учреждениями в Берлине. Вначале отправка производилась в слишком больших размерах и иногда имели место жестокости, которых лучше было бы избегать. Большею частью в них были виноваты сами бельгийцы, часто из каких-либо соображений указывавшие, как на безработных, на таких лиц, которые вовсе ими не были. Генерал-губернатор положил конец этим жестокостям, как только они дошли до него. С течением времени много бельгийских рабочих ушло в Германию, причем никаких жалоб больше не было слышно. Мы привлекли бельгийцев к работе также и в оккупированных областях. Конечно, бельгийская эмигрантская пресса и пропагандистская литература Антанты подняла, как и следовало ожидать, дикий вопль; но то, что такие разговоры поднялись у нас, свидетельствовало о крайней незрелости суждений о войне. Военные власти действовали не по произволу, а исполняя свой долг перед отечеством.

Польша и другие области, как уже оккупированные нами, так и занятые впоследствии, также доставляли рабочие силы, однако, не в том размере, какой нам был желателен. Всюду мы до крайности щадили население и совсем не были склонны подавлять его гордым видом завоевателя; мы были слишком об'ективны и это было нам не по сердцу.

Военнопленные имели громадное значение для всего нашего военного хозяйства; мы не были бы в состоянии его поддерживать, если бы у нас не имелось большого числа русских, взятых в плен на востоке. Соответственно и потери войск пленными являлись не только чувствительной утратой наших сил, но и увеличением рабочей силы в военном хозяйстве противника. При взятии пленных нам каждый раз приходилось решать, следует ли использовать их в производстве и на работах в оккупированных местностях, или направлять в Германию. И здесь мы широко принимали во внимание интересы родины, даже когда армия испытывала острую нужду в рабочих силах.

II.

Рука об руку с попыткой получить из Германии людские силы, шла разработка программы производства военного снаряжения, для которого предназначалась часть этих сил. Прежде всего, нам требова-

лись орудия, снаряды и пулеметы, а также многое другое в повышенном количестве.

Орудия были нужны не только для вооружения новых частей, но также и для перевооружения с целью замены старых образцов новейшими, и, наконец, для пополнения очень сильной убыли в них. В боях под Верденом и на Сомме большое количество орудий пришло в негодность не только из-за неприятельского обстрела, но и вследствие изнашивания их от нашей усиленной стрельбы.

Тяжелая артиллерия была хорошо снабжена орудиями навесного огня. Орудий настильного огня не имелось в соответствующем количестве, а нам таковые были необходимы, так как огонь, направленный далеко в тыл противнику, был для него весьма чувствителен. Он мешал каждодневному снабжению передовых частей, их смене, а во время самого боя затруднял передачу приказов и использование резервов.

Также был усилен огонь самой тяжелой артиллерии. Его величество император особенно настаивал на том, чтобы флот отдавал орудия с боевых судов, выбывших из строя. Эти тяжелые настильные пушки находились еще в слишком большой зависимости от железнодорожных путей и потому были слишком связаны с определенными пунктами. В деле подвоза снарядов механическая тяга получила более широкое применение.

В полевой артиллерии вводились пушка и гаубица большей дальнобойности.

Нужно было определить ежемесячную потребность изготовления орудий, которая отвечала бы всем требованиям. Оценить ее было очень трудно. Для тяжелой артиллерии мы приблизительно подошли к правильной норме, а для полевой потребовали слишком много. Как только мы в этом убедились, мы понизили наши требования; тем не менее, это внесло некоторое замешательство. Производство не может перестраиваться в один день. Каждое изменение требует времени и это отражается на производительности. В виду этого введение новых образцов требовало каждый раз крайней осторожности. По этим причинам мы не так горячо взялись за введение особого пехотного орудия, как это бы следовало по выяснившейся впоследствии его незаменимости.

Для отражения танков служила полевая пушка образца 1906 года, которая их пробивала. Надо было только иметь ее для этой цели в достаточном количестве.

Увеличение количества выстрелов зависело в данный момент от увеличения производства пороха, которое, в свою очередь, стояло в тесной связи с добычей или изготовлением нужного сырья. Сера и азот имели особенное значение. Было чрезвычайно трудно составить себе ясную картину положения этого производства. Мы стремились к тому, чтобы приблизительно удвоить количество пороха, изготовлявшегося до

сих пор. Мало-помалу это было достигнуто, несмотря на многие затруднения, сильные взрывы и недостаток угля. Когда мы осуществили программу производства пороха, почувствовался недостаток в стали. Таким образом, мы натыкались на целую цепь препятствий, прежде чем нам удалось добиться намеченного нами повышения производства выстрелов.

Особого внимания требовало снабжение войск различными родами снарядов. Они были столь разнообразны, что требовалось большое искусство со стороны командиров батарей, чтобы в них разобраться, а начальствующим лицам было трудно доставить в соответствующие места как раз те снаряды, которые там были нужны. Устройство оставляло желать лучшего. Трубки, употреблявшиеся в мирное время, были слишком сложны, нужно было изобрести что-нибудь лучшее. Но нам приходилось, в виду недостатка сырья, экономить медь и латунь, и это мешало нашим планам. Несмотря на работу артиллерийской испытательной комиссии, мы только много спустя получили такие трубки, которые были совершенно безупречны, и благодаря которым гранаты разрывались над почвой, как только касались ее. Осколки разлетались непосредственно над землей, не зарываясь в нее. От шрапнели мы скоро отказались. Войска были недостаточно обучены для такой тонкой стрельбы. Повсюду предпочтение отдавалось гранате с чувствительной трубкой.

Параллельно с увеличением снарядов должно было увеличиваться и применение газов. Выпускание газа из цилиндров все больше выходило из употребления. Войскам оно было попрежнему противно. Вместо этого на первый план выдвигалось употребление газовых снарядов. Наш желтый крест был средством борьбы, которое наводило страх на неприятеля. Среди наших войск очень долго держалась боязнь самоотравления газом, она начала исчезать только позже. Тайный советник Габер имеет большие заслуги по руководству использования газов для боя.

Дымовые снаряды также были пущены в дело.

Пехота получила легкий пулемет, но он мог бы быть проще и легче. Он требовал слишком большого числа подносчиков. но для колебания не было времени; нужно было приступить к изготовлению, которое затянулось на многие, многие месяцы. Каждая пехотная рота должна была получить сначала 4, а потом 6 легких пулеметов.

Наши тяжелые старые пулеметы были хороши и ценились армией. Артиллерия очень скоро получила их для самозащиты при неприятельских прорывах и для отражения аэропланов.

Было увеличено снабжение пехоты бронебойными пулями (со стальным сердечником), очень пригодными для борьбы с аэропланами и танками; кроме того, военное министерство приступило к изготовлению нового автоматического оружия для пехоты, а также ружей большого калибра, приспособленных для борьбы с неприятельскими танками.

Большое внимание уделялось изготовлению грузовиков. Конский состав становился все хуже и пополнялся очень туго. Грузовики нужны были, чтобы заменять лошадей. Правда, и здесь мы натыкались на затруднения с горючим для моторов. Грузовики нужны были также для перевозки войск. Благодаря своей грандиозной промышленности, Антанта получала все бо́льшую возможность не только подвозить на грузовиках резервы, но и в широких размерах доставлять войска с места расквартирования на поле сражения и обратно. Это давало огромную экономию физических и духовных сил армии. Нам приходилось быть довольными, если нам в самых экстренных случаях удавалось перебрасывать войска на грузовиках.

Для постройки танков время у нас еще не настало.

Особое положение занимало производство аэропланов. Враждующие армии соперничали друг с другом в изготовлении истребителей, обладающих наибольшей скоростью под'ема и полета. Происходило постоянное состязание, причем наша воздухоплавательная промышленность часто оказывалась победительницей. Как раз в 1918 году у нас были великолепные типы летательных аппаратов; наши летчики обязаны своими успехами в воздухе как этим аппаратам, так и своему мужеству.

В предыдущем я остановился только на некоторых важнейших военных средствах, производство которых требовало сильного увеличения. Но, в действительности, нужно было думать обо всем, все средства были важны. Колючая проволока, например, была так же нужна, как патроны для пехоты. Надо было выяснить относительную важность различных средств борьбы и предполагаемый об'ем их применения для того, чтобы определить размер их изготовления. Вся программа требовала большой учитывающей умственной работы, в которой полковник Бауер, моего штаба, принял выдающееся участие. Лишь после многократных обсуждений в Берлине, она была установлена и получила название «программы Гинденбурга», хотя программа верховного командования выставляла требования не только на военное снаряжение, но и на человеческий материал и моральные силы.

Осуществление программы Гинденбурга требовало, само собой разумеется, значительного срока; уже ее введение вносило беспокойство, которое сначала тормозило работу, вместо того, чтобы способствовать ей. Предстояло также преодолеть массу естественных трений. К тому же, как мы скоро разобрались, заводы, строившие в мирное время паровозы и переведенные всецело на военное производство, должны были быть возвращены к прежнему производству. Наши средства сообщения, безусловно, нуждались в основательном обновлении. Работу этих заводов должны были взять на себя другие, необходимо было использовать всю промышленность возможно лучше. Увеличение производства требовало расширения построек, на что опять-таки нужно было время.

В других местах приходилось приостанавливать фабрики или совсем их закрывать. Это было огромным вмешательством в экономическую жизнь, тем более чувствительным, что приходилось многое наверстывать.

Потребовалось значительное время, прежде чем началась работа по программе Гинденбурга; еще некоторое время ушло, пока сырье превратилось в военное снаряжение. Приходилось также проверять программу на опыте и ограничивать. Мы стали яснее видеть, и убедились, что невозможно получить необходимые рабочие силы, не затронув запаса пополнений армии и флота. Позже раздались голоса, что вся программа Гинденбурга была ошибкой, и что верховное командование должно было спокойно предоставить военному министерству работать дальше, последнему нужно было поставить только задания. Генерал-фельдмаршал и я должны были считаться с той обстановкой, которую мы нашли, т.-е. с недостаточным обеспечением армии военным снаряжением, несмотря на присутствие военного министра в ставке и на то, что об этом все говорили. Само собой разумеется, что планомерная, соответствующая важности задачи перестройка нашей мирной промышленности на военную ногу, подготовленная еще в мирное время, или планомерно проведенная в течение первых двух лет войны, была бы значительно лучше, чем такое внезапное разбухание военного производства. Но верховное командование не оказалось в таких идеальных условиях и было вынуждено действовать. Всегда происходит одно и то же: сначала работа идет неудовлетворительно, критика указывает на это, но не находит конкретных уязвимых пунктов; когда же что-то начнет получаться и даже вырастает огромное здание, то критики находят, за что зацепиться. Часто они правы; задним числом легко во всем ориентироваться. Однако, самой большой ошибкой являются бездействие и упущения; они хуже, чем возможные ошибки в методах работы. «Программа Гинденбурга» действительно оказалась программой; она дала больше, чем другие части великой программы, на которые мы не могли оказать такого влияния.

В конце-концов промышленность наладилась. «Программа Гинденбурга» стала событием, благодаря энергичной деятельности управления по изготовлению оружия и снарядов, выросшего из прежнего артиллерийского отдела. Во главе управления стоял генерал Купет, прекрасно знакомый с техническими и промышленными вопросами. Рядом с ним в том же направлении работали его выдающиеся помощники, люди огромной воли—майор Штадтлендер и полковник Вурцбахер. Армия знает, чем она обязана этому управлению и людям, стоявшим во главе его.

Промышленность помогла вести войну; это навсегда останется славной страницей ее истории. Уяснив себе пред'являемые к ней требования, промышленность, с присущей ей энергией, взялась за исполнение возложенных на нее задач, добиваясь при этом с каждым днем лучших

результатов. Стремление промышленников получать от государства соответственное вознаграждение, при том риске и тех финансовых затратах, которые вызывались нашими заданиями, являлось таким же законным, как право рабочего требовать от них высокой заработной платы. Соблюдая интересы солдат, я, конечно, отбрасывал преувеличенные расценки и эгоистические вожделения. Это было обязанностью правительства — обращать внимание и принимать меры, чтобы неимоверные требования программы Гинденбурга не ухудшали наших экономических условий. Налоги могли только отчасти уравнять положение. Прибыль, граничившая с ростовщичеством, не могла быть терпима. В интересах поддержки настроения на родине и в армии, я глубоко сожалел о том, что нам не удалось ее искоренить. Я часто пытался достигнуть этого в интересах ведения войны. Спекуляция за счет войны представляет отвратительное явление, приносящее своим разлагающим влиянием неисчислимый вред.

Между тем, по предложению верховного командования, была предпринята реорганизация внутри военного министерства.

В качестве центрального органа для всей военной промышленности было организовано военное управление. Департаменты запаса и работ разрабатывали вопросы о рабочей силе, отдел военного сырья ведал вопросом о сырье, и, наконец, вопросы производства входили в компетенцию вышеупомянутого управления изготовления оружия и снарядов. Надежды, которые я возлагал на военное управление в отношении изыскания человеческих сил, не оправдались. Повидимому и это управление рассматривало все относящиеся сюда вопросы исключительно с точки зрения внутренней политики, вместо того, чтобы на первое место поставить требования войны. Я надеялся также, что ему удастся сблизить рабочих и предпринимателей. Желание такого взаимного сближения имелось во многих местах.

Разрешение вопроса о производстве облегчилось бы, если бы военному управлению с самого начала была подчинена вся военная промышленность, включая сюда и работающую по инженерным техническим средствам, по изготовлению автомобилей и, особенно, для флота. Однако, в этом отношении не было проявлено достаточно энергии.

Мы также старались оживить военную промышленность в оккупированных областях и генерал-губернаторствах. Это было возможно лишь в ограниченных рамках. Препятствием служили колебания военного положения, с которыми приходилось считаться, и недостаток рабочих рук. Временами к тому были и другие причины. Так, например, бельгийские рабочие крупных заводов ручного оружия в Льеже и его окрестностях заявили, что будут работать только при условии получения гарантий, что изготовленное ими оружие не будет применяться германскими солдатами на западном фронте. Дать такую гарантию было невозможно.

Нам приходилось поэтому неоднократно перебрасывать попадавшие в наши руки машины, пригодные для военной промышленности, на германские фабрики и заводы, где они могли быть использованы для нужд войны.

III.

Заготовка сырья и его распределение в Германии находилось в верных руках полковника Кета, который в своей области действовал в соответствии с духом этой войны. Он оказал большое влияние на получение сырья из оккупированных областей. Доставка сырья из союзных государств и нейтральных стран находилась в руках особого отдела прусского военного министерства, с которым полковник Кет также работал в тесном контакте. Уголь и горючее для двигателей внутреннего сгорания были выделены из его ведения.

Полковник Кет давал армии то, в чем она настоятельно нуждалась, сделать больше, при нашем общем положении и нашей зависимости от заграничных стран, было невозможно. Снабжение сырьем было на долгое время обеспечено. Однако, население терпело нужду во многом. Ему не хватало одежды и обуви. Цены на них были ужасающие, и сыграли решающую роль во вздорожании жизни и связанных с ним последствиях. Я был этим сильно озабочен. В интересах войны, верховное командование не могло относиться к этому безучастно, и оно сделало соответственное представление правительству, правда, безрезультатно.

Мы были наказаны за нашу зависимость от заграничного ввоза. Поэтому мне казалось особенно важным производство суррогатов волокнистых веществ. Я поручил полковнику Шмидт-Редеру заняться этим вопросом. Этот офицер вступил в сношения с правительственными учреждениями и с представителями промышленности. Ему принадлежит главная заслуга в том, что было достигнуто. Я надеюсь, что его работа принесет еще пользу отечеству. Если германский народ научится производить продукты, которые он до сих пор получал извне, то это послужит источником неисчерпаемых благ для его будущего.

Для получения отдельных видов сырья образовался целый ряд военных обществ. Были ли они полезны и насколько,—я не могу сказать. Несомненно то, что они вносили чрезвычайно сильное недовольство.

Основным вопросом поддержания экономической жизни в стране являлось положение транспорта. Он, в свою очередь, зависел от паровозов, вагонов и персонала, и находился в тесной связи с добыванием угля. Министр фон-Брейтенбах сделал очень много во всех отношениях для удовлетворения потребностей армии. Персонал и подвижной состав были перегружены, особенно сильно износились паровозы. Возвращение заводов к постройке паровозов и вагонов на первое время несколько улучшило положение. Верховное командование оказало министру об-

щественных работ дальнейшую помощь, отпуская людей, хотя и неохотно, в виду того, что это ослабляло армию. Но это являлось неизбежным, так как было необходимо разгрузить железнодорожный персонал. Во многих отношениях мы были подготовлены лишь к непродолжительной войне, теперь нам приходилось здесь, как и в других областях, перестраиваться для ведения длительной войны. При этом наши военные требования к отечественным железным дорогам оставались очень высокими. Мы взяли в свое распоряжение бельгийский железнодорожный парк, а также паровозы и вагоны в Северной Франции, но этого было недостаточно. Захваченный русский подвижной состав не мог быть использован из-за более широкой колеи.

К тому же наши союзники являлись тяжелым бременем для наличного состава наших паровозов и вагонов. Много сотен германских паровозов и несколько десятков тысяч германских вагонов находилось в движении на австро-венгерских железных дорогах. Болгария и Турция, в свою очередь, получали от нас железнодорожную материальную часть, а также персонал. В последнее время мы захватили подвижной состав в Румынии, но неприятель успел отправить в Молдавию несколько тысяч германских вагонов и оставил их у себя. Оккупированные нами области, с их большими расстояниями, требовали для обслуживания железных дорог целую армию людей и большое количество материальных средств.

Верховное командование обратилось через посредство начальника полевых железных дорог к министру с целым рядом предложений, с целью различными мероприятиями, как, например, сокращением железнодорожного сообщения, достигнуть большего урегулирования его в Германии. В том же духе велась работа в оккупированных областях. То, что не удалось тогда и что было даже невозможно в полном размере по условиям нашей экономической жизни, впоследствии пришлось проводить под гнетом условий перемирия и революции. Насколько положение транспорта было напряженным, видно из того, что пороховые заводы и заводы взрывчатых веществ, от которых все зависело, по целым дням бездействовали. Железные дороги не доставляли им угля, хотя он и имелся. Дело дошло до того, что я приказал ежедневно мне докладывать о снабжении пороховых заводов.

Начальник полевых железных дорог полковник фон-Ольдерсгаузен и начальник его штаба майор фон-Штокгаузен были люди, исполнявшие свои широкие задачи с большим пониманием дела. Они все время находились в самых тесных сношениях с военными железнодорожными учреждениями союзников и с министрами путей сообщения государств германского союза. Многообразие германских железнодорожных управлений существенно затрудняло дело. Мы страдали от того, что не создали большего единообразия еще до войны и не побуждали к тому же

союзников. Бавария, например, имела гораздо меньше тяжелых паровозов по отношению к протяжению ее железнодорожной сети, чем Пруссия. Баварский паровоз требовал других запасных частей, чем прусский. Многого можно было достигнуть и не затрагивая конституции.

Положение транспорта также страдало от того, что управление судоходством по каналам и рекам не было централизовано. Оно не получало того развития, которое настоятельно требовалось. С течением времени этот пробел должен был быть пополнен. Был создан особый отдел судоходства. По моей просьбе, имперское военное министерство оказало помощь персоналом.

Условия сообщений, бывшие зимой 1916—17 года очень плохими, впоследствии улучшились. Зимой 1917—18 г.г. положение опять стало напряженным, однако, не в такой мере, как в предыдущем году. Министр общественных работ со своей стороны старался использовать все, что было возможно, для поднятия транспорта.

Уголь и железо являются основой всей военной промышленности. То и другое мы имели у себя в стране. Рудные разработки в Лонгви и Бриэ, бельгийский угольный бассейн, части северо-французского и польского угольных районов, последним из которых мы заведывали сообща с Австро-Венгрией, значительно улучшили наше положение и по отношению к нейтральным странам. Мы приступили к разработке угля на северо-востоке Сербии. Мы пробовали также побудить Турцию лучше использовать свои источники. Мы давали уголь нашим союзникам и взамен получали только от Австро-Венгрии богемский бурый уголь для Саксонии и Баварии. В обмен на уголь и железо нейтральные страны давали, кроме всего прочего, продовольствие и деньги для улучшения нашей валюты, а также лошадей. Таким образом, уголь и железо фактически являлись силой.

Зимой 1916—17 года, нужда в угле в Германии значительно возросла. Это сильно понизило настроение и побудило к решительным мерам. Снабжение Германии углем не было урегулировано, добыча его сильно уменьшилась. Как я уже говорил, в феврале 1917 года я предложил имперскому канцлеру назначить особого комиссара по угольной промышленности. Только тайному советнику Штутцу удалось внести порядок в угольный вопрос, т.-е. преодолеть по крайней мере самые главные трудности и несколько урегулировать распределение угля для домашнего отопления, освещения и транспорта, для сельского хозяйства и промышленности, для железных дорог и флота. Мне было чрезвычайно тяжело, по его докладам в мае и июне 1917 года, ослабить армию еще на 50.000 человек, особенно имея в виду большое наступление Антанты на Западном фронте, и связанные с ним колоссальные потери. Об этом надо помнить при чтении истории того периода. Верховное командование взяло на себя эту ответственность, чтобы создать из родины

прочную базу ведения войны во вражеской стране. Я еще раз подчеркиваю здесь, что такое ослабление войск все снова и снова возлагало на верховное командование обязанность по отношению к солдату на фронте—неустанно настаивать на поднятии производительности труда и на использовании рабочих сил в Германии. Отечество не вернуло армии этих сил; производительность труда на родине даже понизилась. Это было, конечно, чувствительным ударом.

Железо не имелось в таком изобилии, как уголь. Было затруднительно производить достаточное количество стали, особенно твердой. Мы получали железную руду в большом количестве из Швеции, существенное значение имела для нас также руда в Поти, в Закавказье. Для производства стали требовался еще, кроме того, лом. Мы очень много вывозили его из оккупированных областей. Не одно фабричное здание должно было, вследствие об'явленной нам блокады и гребований войны, пасть жертвой нашей военной промышленности, чтобы дать нам старое железо на изготовление стали для орудий и снарядов. Постепенно производство стали сделалось достаточным. Надо было распределять сталь для дальнейших назначений, например, для орудий, снарядов, колючей проволоки; в особенности нужно было обеспечить часть, которая должна была пойти на ремонт железных дорог.

На ряду с углем, железом и сталью, очень серьезное значение для общего хода войны имело горючее для подводных лодок, грузовиков и аэропланов, а также смазочные материалы. В этом отношении мы зависели от Австро-Венгрии и Румынии. Так как Австро-Венгрия не могла нам дать достаточно нефти, и все попытки поднять ее добычу оставались безуспешными, то румынская нефть получила для успешного ведения войны решающее значение. Однако, несмотря на доставку нефти из Румынии, топливный вопрос оставался крайне серьезным и сильно затруднял ведение войны и жизнь внутри Германии. В 1918 году запасы Кавказа открыли нам благоприятные перспективы. Наше собственное производство бензола не могло быть непосредственно повышено в общих рамках нашей военной промышленности. К тому же бензол был не пригоден для подводных лодок и аэропланов. Если мы в конце войны все же решились дать летчикам бензол для летательных аппаратов, то это произошло исключительно из-за недостатка бензина, хотя сознавали, что таким путем мы понижаем их работоспособность и создаем для них новую опасность. Приходилось все время контролировать состояние запасов и их расходование войсками. Приходилось все больше ограничивать движение легковых автомобилей, движение грузовиков также пришлось сокращать в спокойные времена, чтобы иметь возможность более широко ими пользоваться в критические минуты. Пред'являть требования на еще большее количество нефти для армии я не мог.

В Германии нужда в нефти была велика. Страна не получала достаточно керосина на зиму. В деревнях проводили долгие зимние вечера в темноте—это сильно понижало настроение. Характерно для отношений в Германии, что об этих неудобствах говорилось очень мало. Одно время расстройство транспорта приходилось относить частью на счет плохого качества смазочного масла для паровозов, легко замерзавшего при морозе. Движение частных автомобилей в Германии почти совсем прекратилось. Весь топливный вопрос долгое время оставался крайне серьезным. Он требовал непрерывного внимания. Мое желание, чтобы армия и флот снабжались единообразно, осуществилось лишь осенью 1918 года. Заготовка горючего для армии и страны была об'единена. Она сосредоточилась в руках начальника полевой автомобильной тяги.

Верховное командование все время поднимало вопрос об усовершенствовании всех способов производства суррогатов горючего. Однако, много естественных затруднений стояло на пути к осуществлению такого усовершенствования и исключало его возможность.

Сырье для окопов, преимущественно дерево, получалось все в большем количестве из оккупированных областей. Но Германия также должна была его поставлять.

Вопроса о сырье я мог касаться только в основных чертах. Тем не менее он требовал большой вдумчивости; все время мне надо было быть в курсе дела, чтобы правильно принимать отдельные, крайне важные решения.

Оккупированные области должны были поставлять сырой материал. Это лежит в самой природе войны. Постепенно, благодаря твердой организованности в этом отношении, многое было достигнуто. Верховное командование обратилось к обоим генерал-губернаторам с просьбой продолжать настаивать в том же духе. По существу, работа повсюду велась на одинаковых основаниях. Несомненно, что это было связано с жестокостью по отношению к населению, но несомненно также и то, что этих мероприятий избежать было нельзя.

Что во многих случаях мы могли бы действовать практичнее — с этим согласится всякий разумный человек. И здесь—и власти и каждый в отдельности стояли перед новой задачей, охватить которую при постоянно меняющихся требованиях затянувшейся войны было чрезвычайно трудно. Однако, несмотря на все пред'являвшиеся нам требования, мы действовали очень осторожно по сравнению с тем, как мы поступали на родине. Германия должна была отдать свои церковные колокола, Бельгия же их сохранила, по ходатайству перед его величеством имперского канцлера графа фон-Гертлинга.

Оккупированные области несомненно помогли нам существенно не только армии, но и всей стране. Привлечение оккупированных областей к делу снабжения стоило нам значительного числа людей, как и

наша отечественная военная промышленность. Приходилось мириться с этим, чтобы иметь возможность существовать.

Участие союзников в снабжении Германии сырыми материалами было проведено военным министерством, главным образом по расчету требующегося для производства или в уплату за уже предоставленное им Германией военное снаряжение. Военное министерство заведывало также медными рудниками в Боре, в северо-восточной Сербии, оказавшими нам громадную помощь. Верховное командование принимало в этом участие только в тех случаях, когда Болгария или Турция, по старым балканским традициям, были слишком медлительны в отдаче сырья и нуждались в подбадривании для того, чтобы выполнить взятые на себя обязательства.

В деле снабжения сырьем наука поддерживала всеми своими достижениями армию. За это ей спасибо.

Во всех вопросах, касавшихся поднятия наших сил на родине, мне оказывали существенную помощь полковник Бауэр и майор фон-Гербау. Они работали образцово.

IV.

Продовольственный вопрос имел равно большое значение для населения и армии, для людей и лошадей.

Работоспособность солдат на фронте чрезвычайно зависит от продовольствия. На ряду с отпусками оно имеет решающее значение для настроения войск. Мне пришлось поэтому отнестись к вопросам продовольствия с полным вниманием.

Упадок настроения среди немецкого народа в значительной степени зависел от питания. Организм не получал продуктов, нужных для поддержания его физических и умственных сил, в особенности не хватало белков и жиров. В широких кругах почувствовалось некоторое понижение физической и духовной сопротивляемости, вызвавшее недостойное истерическое настроение, которое, под влиянием неприятельской пропаганды, еще усиливало пасифистское мышление многих немцев. Летом 1917 года я впервые охватил во всей широте эту опасность и испугался; здесь крылся необычайно ослабляющий момент. Это явление крылось в сущности человеческой натуры. Сильное патриотическое чувство могло его ослабить, но истребить его окончательно можно было только улучшением питания.

Необходимо было больше продовольствия. Мы должны были получать его извне и озаботиться сохранением существующих запасов, но прежде всего нам следовало повысить наше производство. Это было самое главное.

Овладение Валахией дало некоторые ощутительные результаты. Дальнейшие улучшения должны были дать другие меры. Необходимость силосования соломы и дерева для питания животных, а, может быть, и

людей все снова и снова отмечалась верховным командованием, точно также, как и заготовки лиственного сена. Подобно тому, как нам приходилось извлекать из народа все возможное, чтобы вести войну, мы должны были стараться с помощью науки, поддерживавшей нас и в этом отношении, добыть из природы все, что могло бы быть переработано для питания людей и животных.

Необходимость предохранить пищевые вещества от порчи привела, между прочим, к сушке картофеля,—я был ее большой сторонник.

Для поднятия урожайности требовалось, во-первых, получение достаточного количества искусственного удобрения, и, во-вторых, сохранение на него умеренных цен.

Верховное командование содействовало этому всеми возможными средствами. Это было тем важнее, что вследствие уменьшения скота и недостатка в соломе—естественное удобрение становилось все меньше, между тем как интенсификация хозяйства получала все большее значение. Мы добывали фосфаты в оккупированных областях северной Франции и Бельгии, и все время поддерживали перед имперским канцлером и финансовым управлением необходимость расширения фабрики производства азота (Мерзебург).

Установление цен было задачей центральных учреждений. Оно сильно страдало под влиянием соображений внтренней политики. При травле, поднятой социал-демократами против сельского хозяйства и аграриев, сделавших хлеб слишком дорогим для бедных людей, и при общих тяжелых условиях жизни правительство не решилось своевременно и с нужной дальновидностью регулировать максимальные цены. Сельское хозяйство, считаясь с высокими издержками производства и с необходимостью нового обзаведения после войны инвентарем, часто было лишено возможности работать по установленным ценам. Запасов для населения не хватало, и сполна получить их нельзя было, в виду низких цен. К тому же предназначенные к этому, но недостаточно компетентные органы не могли справиться со своей задачей. Их деятельность часто раздражала и вызывала недоумение. В результате население не получало даже назначенного ему пайка, который и так был слишком мал для полного поддержания жизненных сил. Город и деревня, поскольку это было возможно, стали прибегать к самопомощи, торговля из-под полы и спекуляция получили широкое распространение. Вскоре в этом направлении не было уже никакого удержу.

Состоятельные люди доставали себе не только все необходимое, но и много излишнего. Хотя их потребление не имело вначале большого значения для питания народа в целом, но факт сам по себе вызывал озлобление.

Широким массам, особенно среднему классу, а в том числе и находившимся на жалованье служащим и офицерам, приходилось очень

туго. Под давлением нужды меньшая часть поддавалась искушению и устраивалась как могла, большая же часть буквально умирала с голоду. Это еще увеличивало те затруднения, которые обрушились на средние классы. И все-таки этот класс, попираемый со всех сторон, выполнил свой долг до конца; к сожалению, его голос не раздавался.

С рабочими считались. Они повышали свою заработную плату в зависимости от цен вольного рынка, не останавливаясь перед стачками. Конечно, значительной части рабочих приходилось тоже не легко. Все же, в противоположность среднему классу, они в общем имели возможность существовать.

Вопрос о торговле из-под полы получил величайшее значение для внутренней политики. Значение это все возрастало по мере того, как война продолжала приковывать к себе все меньше внимания, и чем сильнее на первый план выступали природные инстинкты, не встречавшие ни в чем противодействия. Торговля из-под полы и спекуляция приняли с течением времени отвратительные формы и разрушающе действовали на строй наших мыслей. Наша система принудительного хозяйства, в связи с твердыми ценами, оказалась непригодной. Производительность не повышалась, урожай становился все меньше и меньше, в силу целого ряда внешних условий, как недостаток мужских рабочих сил и удобрения и неблагоприятная погода. Многократные предложения имперскому канцлеру со стороны верховного командования искоренить торговлю из-под полы, а также чрезмерную предпринимательскую прибыль и заработную плату, как этого требовало сохранение нашей боеспособности—остались безрезультатными.

Получалась какая-то дурацкая игра: боязнь слишком высоких максимальных цен на сельскохозяйственные продукты, фактически привела к вздорожанию всей жизни и к углублению пропасти между городом и деревней. Недовольные элементы сумели все использовать. Неприятельская голодная блокада торжествовала, она обедняла нас не только физически, но и морально.

Мой личный взгляд на принудительную систему хозяйства в Германии был таков, что ее следует отменить как можно скорее, относительно некоторых продуктов даже сейчас же, и заменить ее свободной торговлей. На ряду с этим мне казалось крайне необходимым тесное привлечение на помощь правительству потребительской и производственной кооперации. Но, к сожалению, она не везде еще получила достаточное распространение. Прежде всего надо было повысить цены на отдельные продукты и устанавливать их своевременно, чтобы сельская промышленность могла ими руководствоваться. Генерал-интендант держался того же взгляда и защищал его перед продовольственным управлением военного времени. Повидимому, Англия с ее системой обеспечения минимальных цен действовала успешнее, так как чрезвычайно повышала производительность.

Сельский хозяин работал. В особенности много дали крупные землевладельцы. И тут отечество вновь должно признать, что, подобно тому, как армия является оплотом порядка, так сельское хозяйство есть фундамент нашей экономической, а также политической жизни. Нам следовало принять это во внимание еще до войны, тогда многое стало бы для нас легче. Наверстать потерянное является теперь одной из самых главных задач государства; вести интенсивное хозяйство есть долг каждого сельского хозяина.

Я часто и вполне откровенно беседовал по этим вопросам с обоими президентами продовольственного управления военного времени, господином фон-Батоцким и господином фон-Вальдовым. При всем их несходстве, в обоих чувствовалось глубокое сознание величайшей ответственности, железное понимание долга и глубокий патриотизм.

Армия часто помогала стране. Несмотря на большую физическую работу, которую ей приходилось нести, она была обставлена нисколько не лучше, чем мирное население. По моему глубокому убеждению, армия и народ во всех отношениях являлись единым целым. Верховное командование всегда действовало в таком духе. В Германии приходилось сталкиваться со взглядом, что армия и народ являются двумя раздельными организмами, с различными желудками. Этот взгляд был для меня печальным доказательством того, как мало страна понимала войну. С тяжелым сердцем верховному командованию часто приходилось временно уменьшать порции мяса, хлеба, картофеля и жиров для войск, а также овса и сена. Мы делали это, чтобы поддержать народ и сохранить в нем способность продолжать войну. Но зато мы встречали в продовольственном управлении военного времени полное понимание нужд армии и признание, что солдат на фронте заслуживает величайшего внимания.

Даже получая полностью установленный паек, солдат часто не имел достаточного питания. Пища была слишком однообразна. Мне часто приходилось слышать жалобы на этот счет со стороны командующих армиями, но помочь им в каждом отдельном случае я не мог. Запасные части в тылу не получали достаточного количества продовольствия и это давало повод к крупным недоразумениям.

Вкусовые вещества становились все реже.

Лошадям приходилось особенно плохо, их кормили совершенно недостаточно. Дача сухого фуража была слишком мала, снабжение сеном представляло все время большие затруднения.

Полевому интендантству, воспитанному в мирных условиях, пришлось в начале войны преодолевать большие трудности. Его личный состав был также слишком мал. Позже оно справилось со своей ответственной задачей. Его работа, полная самопожертвования и отрече-

ния от личных интересов, приносила большую пользу ведению войны и солдатам на фронте.

Совместная работа органов верховного командования с директором департамента управления военного министерства, генералом фон-Овеном, моим соратником по Льежу, и продовольственным управлением военного времени, протекала всегда очень хорошо. В основе ее лежало стремление итти друг другу навстречу. Грехи довоенного времени—недостаточность экономической подготовки и вытекающее отсюда отсутствие каких-либо крупных запасов, были уже непоправимы.

Позже мы облегчили снабжение страны, давая грузовики и подводы, главным образом, для разгрузки железнодорожных станций больших городов. Мы помирились с тем, что таким образом создавались затруднения для армии. Количество отпусков на время жатвы значительно превышало норму. Снабжение страны картофелем улучшилось благодаря более легкому получению железнодорожных вагонов.

Оккупированные области облегчали наше продовольственное положение. Этапные инспекции привлекли их особенно к мясным заготовкам и руководили сельскохозяйственным производством. Там, где войска оставались подолгу, они усердно работали во время посева и жатвы. Однако, это давало мало результатов вследствие частых передвижений. Германия, Австро-Венгрия и Константинополь продержались в 1917 году исключительно благодаря Румынии.

Забота о прокормлении Бельгии была с нас снята, благодаря мероприятиям Антанты.

Нейтральные страны, как Дания, Голландия и Швейцария, доставляли значительное количество продовольствия. Закупка товаров производилась посредством наших германских организаций—мы не прибегали к помощи местных частных лиц, как это делала Антанта, доставлявшая им, таким образом, заработок. Справедливо или нет, но это вызвало сильное неприязненное чувство и недовольство среди союзников и в нейтральных странах, а впоследствии также и внутри страны.

Продовольственное положение в Австро-Венгрии все время было крайне напряженное. Венгрия была обеспечена. Правда, она взяла на себя обеспечение очень значительной части австро-венгерской армии, но это не помогало Австрии, которая голодала. Чешские крестьяне не хотели снабжать нуждающиеся районы, населенные немцами. К этому присоединялась тяжеловесная австрийская система управления, благодаря которой, несмотря на все драконовские распоряжения, нечего было и думать о фактическом собирании запасов и их правильном распределении. Я никогда не забуду, как один высокопоставленный австрийский чиновник просил меня помочь ему против Венгрии в разрешении продовольственного вопроса. Часть австро-венгерской армии голодала точно так же, как немецкая Австрия, в особенности Вена.

Положение в Болгарии было лучше, несмотря на отсталость сельского хозяйства, но система управления никуда не годилась. Устройство тыла армии было плохо, снабжение армии продовольствием построено на устаревших принципах. Армия часто терпела нужду. Однако, можно было надеяться, что в конце-концов Болгария справится своими силами.

Турецкая продовольственная система совершенно прогнила, сельское хозяйство находилось в первобытном состоянии, железный плуг был абсолютно неизвестен. Министр земледелия барон фон-Шорлемер пытался поднять турецкое сельское хозяйство, но у турецкого правительства не было ни правильного понимания, ни нужного глазомера. Были затребованы тракторы для обработки обширных пространств, но никто не думал о радикальном изменении всей системы для того, чтобы таким образом действительно добиться поднятия урожайности. Таким образом, Турция, в особенности Константинополь, нуждались в поддержке и помощи.

Осенью 1916 года возникла мысль образовать центральный орган продовольствия для четверного союза под германским руководством. Эта мысль казалась соблазнительной. Но системы продовольствия в четырех союзных государствах были слишком различны по своим основам, —невозможно было бы вести их по одним и тем же продовольственным принципам. В конце-концов все жили бы на счет Германии. Совершенно правильно эта идея была похоронена.

V.

Выше уже неоднократно указывалось на важное значение Румынии, или вернее Валахии, для ведения войны. Теперь нам надо было взять то, в чем мы нуждались, и доставить это потребителям. В Румынии и в Добрудже было введено упорядоченное управление. Так как немцы сыграли выдающуюся роль в сокрушении Румынии, то я стремился к тому, чтобы это управление сосредоточилось в немецких руках. При своеобразии наших союзников и их деловых приемов, это давало наилучшую гарантию продолжительного обеспечения наших военно-экономических интересов. Наши союзники согласились с нами.

Утверждение Болгарии во всей Добрудже не отвечало нашим интересам. Коренные болгарские земли, отданные Румынии только после второй балканской войны, были немедленно, по договору осени 1915 года, взяты Болгарией в свое управление. Пока-что она этим удовлетворилась. Предоставление остальной части Добруджи и вместе с ней магистрали Черноводы — Констанца означало бы, при тогдашнем мировом положении, передачу Болгарии также третьего и последнего мирового торгового пути между центральной Европой и Турцией; Болгария и так уже держала в своих руках контроль над путями через Салоники и

Софию. При такой монопольной позиции Болгарии наша торговля с Турцией должна была бы сильно пострадать. Она уже достаточно страдала от эгоистического поведения Австро-Венгрии. В Добрудже германские интересы совпадали с турецкими и австрийскими. Тем не менее, в вопросах, касавшихся Болгарии, Вена всегда занимала по отношению к нам неопределенную позицию. Трудно было поэтому предвидеть, как отнесется к этому австро-венгерское верховное командование. В известной степени мои намерения противоречили интересам Болгарии. Все же я получил удовлетворение в том отношении, что все союзники согласились на учреждение в Добрудже германского этапного управления. Оно было подчинено штабу фронта генерала фон-Макензена и простиралось на область, начинавшуюся от южной границы старой Румынской Добруджи и до линии, проходившей приблизительно на 20 километров севернее железной дороги Черноводы—Констанца. Остальная часть оставалась районом действий 3-й болгарской армии и находилась, таким образом, под управлением Болгарии.

В очень скором времени болгары доставили массу затруднений германским властям в Добрудже, во главе которых стоял генерал Курт фон-Унгер. Они пред'явили свои требования также и к верховному командованию. Я остался непреклонным перед желанием болгар захватить управление этапной областью и встретил в этом отношении поддержку со стороны других германских учреждений, смело боровшихся с эгоистическим образом действий наших союзников. Естественно, что управление страной должно было страдать от этого, но генерал фон-Унгер и его германские этапные коменданты заботились о том, чтобы богатые запасы нефти из Констанцы, а также остальное сырье регулярно вывозилось из этапной области и, таким образом, находило применение, соответствующее нашим интересам и интересам наших союзников. Хозяйство в стране велось так, как это только было возможно при трудных обстоятельствах. Если болгарская армия не получила из Добруджи всего того продовольствия, которое можно было оттуда извлечь, то вина лежала исключительно на ней самой и на болгарском правительстве.

Население этапной области до конца войны находилось под нашей защитой. Полная передача Болгарии южной части этой области, на основании Бухарестского мира, так и не состоялась.

Мы выговорили себе право закупать сырье в области, находившейся в сфере действий 3-й болгарской армии. Болгары считали, что это вредит их интересам, и причиняли нам много затруднений.

Управление Валахией было организовано при значительном участии Австро-Венгрии. Это, конечно, было неудобно. Нам приходилось, однако, мириться с этим по той простой причине, что у Германии не хватало сил для того, чтобы сделать все самой. Австро-венгерские органы во многих случаях делали нам жизнь нелегкой. Австро-Венгрия боялась

усиления германского влияния в Румынии, и с своей стороны пыталась собственными силами добиться всякого рода преимуществ. Болгария тоже затрудняла управление, действуя вначале очень эгоистично и произвольно. Турция была лойяльна.

Управление носило название «Военного Управления» и было подчинено генерал-фельдмаршалу фон-Макензену, и тем самым верховному командованию, а не императору непосредственно, как генерал-губернаторы; влияние министерства иностранных дел сохранялось. Военным губернатором был назначен генерал Тюльф-фон-Чепе-Вейденбах, управлявший некоторое время в начале 1915 года оккупированными в то время частями Польши, поскольку они не входили в войсковой район. Начальником его штаба сначала был генерал фон-Бергман, потом полковник Генч, бывший во время румынского похода обер-квартирмейстером штаба Макензена и прекрасно ориентировавшийся в технике управления и в экономических вопросах.

Военному губернатору были подчинены германский и австрийский этапные коменданты.

Военное губернаторство охватывало не всю Валахию, узкая полоса оставалась этапной областью и войсковым районом 9-й и Дунайской армий. Но вся область управлялась по одному принципу.

Румынские чиновники и судьи в большинстве случаев остались на местах; там, где они ушли, их удалось заменить румынами же. Благодаря этому задачи управления оказались более простыми, чем в свое время в области главнокомандующего востоком, и носили преимущественно экономический характер. В сущности только экономические вопросы и имели значение для войны. В связи с этим и подбирался штаб военного губернатора и назначались этапные коменданты.

Сельско-хозяйственных продуктов всякого рода, в особенности пшеницы и кукурузы, а также гороха, бобов, слив, яиц и вина, оказалось в наличности очень много. Осенний урожай был тотчас же использован. Принимались все меры, чтобы заинтересовать население в поднятии производительности. Засев озимой пшеницы был важен, так как нам приходилось рассчитывать на румынское зерно для критического периода до венгерского урожая в июле и нашего—в августе. Огородничество также имело для нас большое значение и было организовано по возможности целесообразно. Количество скота чрезвычайно уменьшилось за время войны. Он употреблялся теперь для обработки земли. Поэтому вывоз мяса было очень ограничен.

Сбор сельскохозяйственных продуктов военное управление производило совместно со служащими центрального закупочного общества, работавшего там еще до об'явления румынской войны. Однако, стремление его действовать самостоятельно встречалось недоброжелательно.

Найденные нами в Румынии запасы нефти были незначительны,

буровые вышки всюду оказались капитально разрушенными; скважины—забитыми с большим искусством. Английский полковник Томсен искусно выполнил возложенную на него задачу затруднить нам использование нефтяных источников. Правда, его работа не имела для Антанты решающего значения, все же она сильно уменьшила снабжение нефтью нашей страны и армии. Недостаток нефти на родине отчасти должен быть отнесен на его счет. Военное управление привлекло в страну знатоков нефтяной промышленности Румынии и энергично принялось за осуществление своей второй важнейшей задачи—восстановления добычи нефти, как путем очистки скважин, так и путем нового бурения, а также восстановления и пуска в ход заводов по очистке нефти. Добыча нефти увеличивалась, но медленно.

Многие лица в Вене, нетерпеливые в нужде и недоброжелательные к нам, находили, что сбор урожая и восстановление нефтяной промышленности происходят недостаточно быстро. В феврале 1917 года из Вены посыпались по этому поводу жалобы, нашедшие отзвук также и в Берлине. На один момент я усомнился, действительно ли работа ведется целесообразно. Однако, по собственному опыту в Ковно я мог судить о трудностях, которые приходилось преодолевать в Румынии, и потому не дал себя ввести в заблуждение. И действительно, в апреле жалобы замолкли и заслуги управления получили всеобщее признание.

Распределение запасов продуктов Добруджи и Валахии происходило на основании особых соглашений между союзниками. Установление распределения нефти не представляло особых затруднений. Наоборот, распределение сельскохозяйственных продуктов Валахии являлось одной из самых неблагодарных задач генерал-квартирмейстера Гандорфа—его спокойный и уравновешенный характер и широкий взгляд на все области военного хозяйства делал его особенно подходящим для этой работы. Болгария была исключена из получения румынских запасов, она получила урожай Добруджи. Турция получила только незначительную долю, так как ей были обещаны большие запасы, находившиеся в Добрудже. Таким образом, вопрос по существу заключался в соглашении между Германией и Австро-Венгрией, вернее только Австрией. Представители Австрии выступили с колоссальными требованиями; мы взяли с них пример и пред'явили не меньшие. После ожесточенных прений и здесь была найдена золотая середина, которая привела к соглашению и в конце-концов удовлетворила обе стороны. Разумеется, к совещанию были привлечены представители нашего управления продовольствием военного времени, с которыми еще предварительно велось принципиальное обсуждение. Только в особенно критических случаях приходилось прибегать к решению верховного командования.

Для вывоза зерна, нефти и прочего можно было в общем снова воспользоваться теми путями сообщения, по которым вывоз из Валахии

шел еще до об'явления войны Румынией. Для этого были восстановлены румынские железные дороги, на что потребовалось некоторое время. Судоходство по Дунаю было возобновлено немедленно. Австро-Венгрия смотрела на Дунай, как на свое исключительное владение. Полковник фон-Ольдерсгаузен отстоял наши интересы. Германское общество пароходства по Дунаю и баварский Ллойд нашли обширное поле деятельности.

Наш транспорт всегда справлялся с поставленными ему задачами. В виду ожидания увеличения вывоза нефти, были приняты меры для усиления постройки цистерн и наливных барж. От Плоэшти до Джиурджиу был проложен нефтепровод. К началу войны он уже имелся, но недостроенный.

Точно также, как в свое время в областях главнокомандующего востоком, так и здесь германское военное управление и все учреждения, которым приходилось принимать участие в управлении Валахией, были проникнуты пониманием исключительного значения их работы для ведения войны, а также той пользой, которую, мы все надеялись, они принесут в будущем, по заключении мира.

VI.

За четыре года войны германский народ чрезвычайно много перенес и выстрадал и в тылу и на фронте. Война глубоко потрясла народное сознание и основы его морали.

Удушающая голодная блокада, а также неприятельская пропаганда, которые в борьбе с германской расой и германским духом были тесно связаны между собой, лежали на нас тяжелым бременем, и чем дольше продолжалась война и их воздействие, тем сильнее они давили на нас. Блокада оказывала свое действие. Пропаганда находила в Германии благоприятную почву. Теперь она обратилась непосредственно к солдату на фронте, который также стал восприимчив к ней. Мало-помалу блокада и пропаганда начали колебать нашу духовную боеспособность и расшатывать веру в конечную победу; жажда мира, столь законная сама по себе, приняла формы, граничившие со слабостью, раскалывавшие наш народ и понижавшие дух армии.

На этой почве выросли ядовитые растения. У многих исчезло всякое национальное чувство, всякая мысль о родине. Собственное «я» выступило на первый план. Все большее и большее распространение получали спекулянты военного времени всех родов; среди них далеко не последнее место занимали политические спекулянты, пользовавшиеся несчастьем государства и слабостью правительства для получения личных и политических выгод. Наша духовная боеспособность понесла неизмеримый ущерб. Мы потеряли веру в самих себя.

Мысль о революции, распространяемая неприятельской пропагандой, и большевизм нашли в Германии подготовленное состояние умов

и с помощью независимой социал-демократической партии завоевали себе почву в армии и флоте. Ложное учение скоро начало привлекать к себе широкие массы. Германский народ в глубине страны и на фронте получил смертельный удар.

Когда я занял пост первого генерал-квартирмейстера, Германия находилась в начальной стадии этой эволюции, предвидеть своеобразие и пути которой было невозможно. Одно было неоспоримо ясно: столкнувшись с такими явлениями, мы не имели права бездействовать.

В борьбе с голодной блокадой теперь кое-что было сделано, — мы прорвали ее в Румынии. Найдутся ли для этого еще другие возможности и как мы их используем—этого никто не знал.

Перед лицом неприятельской пропаганды мы чувствовали себя, как кролик перед удавом. Неприятель действовал здесь с исключительной ловкостью и размахом, сильно действующими на массы идеями, работая в тесной связи с руководителями войны и не стесняясь в средствах.

Германский народ, еще не понявший искусства и значения молчания, таким образом, сам показывал ей дорогу, слишком откровенно высказываясь в печати, речах и действиях.

Он сам заклеймил «прусский милитаризм», хотя этот «прусский милитаризм»—дух бескорыстной верности долгу, растворение отдельного человека в идее государства—создал Пруссию и привел Германию к ее блестящему развитию. Прусский милитаризм и блестящее развитие Германии приобрели равное значение. Внешние черты милитаризма были приняты за его сущность, а исходящая из него национальная сила не нашла себе признания. Надо было одухотворять его вместо того, чтобы с ним бороться. Даже высшие правительственные чиновники во время войны с упреком бросали это слово мне в лицо; можно ли было упрекать в таком случае многих в том, что они считали добрым делом выступить против «милитаризма», хотя не сумели бы даже точно определить это понятие. Правда, многие знали, чего они добивались этой борьбой: она была направлена против авторитета.

Антанта прекрасно знала силу «прусского милитаризма». Она знала очень хорошо, почему она боролась с ним. Она также знала, что делала, восстанавливая немцев против офицерства, являвшегося, в конечном счете, носителем государственной власти. Она не сомневалась в успехе, восстанавливая в особенности южную Германию против Пруссии, поднимая травлю против императора, как сивмола единства государства, а также против германского кронпринца и суля германскому народу золотые горы, если он освободится от императорского дома и других династий.

Позже неприятельская пропаганда занялась также и моей особой. Надо было, чтобы народ усомнился в действиях верховного командова-

ния, надо было поколебать веру в конечный успех войны, надо было разрушить доверие к человеку, который старался оказать сильное противодействие интересам Антанты.

Неприятельская пропаганда, пользуясь нашими демократическими взглядами, сумела очернить в Германии и во всем мире нашу форму правления, заклеймить ее, как самодержавную, несмотря на то, что наш император не обладал той полнотой власти, какая есть у президента Северо-Американских Соединенных Штатов, и хотя избирательное право в рейхстаг—в важнейшее представительное учреждение в империи—гораздо демократичнее, чем во многих других странах.

Неприятельская пропаганда все определеннее преследовала цель разрушения единства Германской империи, отдаления Германии от ее правящего дома, а династий и правительства от народа: это был политический развал.

Она вполне отдавала себе отчет в том, как слова: «мир соглашения», «разоружение после войны», «союз народов» и т. п. подействуют на германский народ в его бедственном положении и при его аполитичном и антивоинственном настроении. Слишком охотно он погнался за этими прекрасными, но ложными призраками, обманывая себя сознательно и бессознательно.

При таком положении дел пропаганда о том, что германское стремление к мировому владычеству вызвало войну и мешает заключению мира, упала на слишком благоприятную почву.

Между тем, в действительности, германское правительство после Бисмарка вообще не преследовало никаких других целей во внешней политике, кроме сохранения мира. Оно стремилось, может быть, к расширению германских колоний. О мировой политике оно едва ли помышляло, в Багдад оно пошло, не отдавая себе ясного отчета [1]). В нашей жизни, направленной на внешнее, ставившей мираж выше действительности, мы после 1870—71 гг. переоценивали наши силы и недооценивали силы наших врагов. Мы распространились по всей земле, не укрепившись в Европе. После приобретения имперских провинций и создания Германской империи, германский народ был насыщен. Расширение колониальных владений и усиление мирового значения, при помощи увеличения рынков для сбыта, стали для него необходимостью, но этого можно было достигнуть только силой. Он же добивался своих прав путем мирного соревнования. Немцы, неопытные в делах и не разбиравшиеся в политических доктринах, не понимали, что другие народы не сумеют провести грань между их стремлениями и стремлениями к мировой гегемонии.

---

[1]) Целью германского империализма в войне было захватить Малую Азию, Месопотамию, Бельгийское и Французское Конго, Португальские колонии, Марокко, обеспечить за собой влияние в Турции и овладеть железной дорогой Берлин—Багдад. (Примечание в. пол. ред.)

Сохранение мира являлось великой задачей. Подобно тому, как наша оборонительная война могла быть выиграна только посредством нападения, точно так же мы могли сохранить мир только с помощью ясной и твердой политики, следующей по определенному направлению. Этого не было в германской политике. Она проявляла себя неожиданно и резко. Враждебно настроенные народы воспользовались этим, чтобы сплотиться против нас, об'единились против нас и те, которые раньше не могли сговориться между собой. С другой стороны, мы проявили неуверенность и неустойчивость. Это также не дало нам друзей.

Многих немцев это беспокоило, и они часто высказывали в резкой форме свои многообразные опасения. В противоположность правительству, они проявили большую дальновидность. Однако, это были лишь частные мнения, которые значили у нас не больше, чем в других странах. Во время войны это положение не изменилось. Военные цели правительств и народов Антанты всегда шли гораздо дальше, чем мечтания отдельных немцев. Теперь мы это чувствуем на своем теле.

Для планов о мировом господстве нужно сильное национальное самосознание. Но мы его не приобрели, несмотря на создание империи в 1871 году; правительство после Бисмарка не продолжало его культивировать. Наоборот, оно слабело в той же мере, как терялась наша сила воли. К тому же в нашем сознании мы слишком определенно оставались союзом государств, и по вопросам внутренней политики действовали слишком обособленно друг от друга. Мы вышли на мировой простор слишком рано [1]), без национального самосознания, и наш дух всемирного гражданства, пропитанный чуждыми влияниями, не сумел найти равнодействующую между национальным и интернациональным мышлением и между отечественными и мировыми интересами.

Ни план мирового господства, ни национализм германского правительства не нарушали мира до 1914 года и не препятствовали ему и после 1914 года, как это утверждала неприятельская пропаганда. Но ведь она и не стремилась говорить правду, она хотела лишь поколебать сплоченность и боеспособность германского народа и распространить выгодные для нее идеи.

Наконец раздался лозунг о праве наций на самоопределение. Эта проблема казалась подкупающей по своей истинности, но осуществить ее без насилия невозможно во всех тех многочисленных случаях, когда различные нации смешаны на одной территории. Этот лозунг ударил по Австро-Венгрии больше, чем по нас, но впоследствии он глубоко потряс и Германию тем толкованием, которое было продиктовано страхом и ненавистью, и нанес нам смертельный удар тем об'яснением, которое ему дали немцы перед лицом врага.

---

[1]) В смысле конкуренции с другими державами Германия „на мировой простор“ вышла позже других стран. (Примечание редакции).

В конце-концов с начала 1918 года это было уже вполне ясно выражено:—на-ряду с пропагандой политической революции все определеннее пропагандировалась революция социальная. Война была об'явлена делом рук верхних 10.000 за счет рабочего класса, победа Германии—ее несчастьем.

Неприятельская пропаганда и большевики, стремившиеся к мировой революции, в Германии преследовали одну и ту же цель. Англия преподнесла Китаю опиум [1]), враги внесли к нам революцию, а мы приняли яд и распространяли его, как китайцы распространяют опиум.

Все сильнее разрушая пропагандой германский народ, германскую армию и флот, Антанта сумела сохранить в своих странах и своих войсках полную решимость к войне и возбудить против нас нейтральные государства.

Наша виновность в войне, бельгийские зверства, дурное обращение с пленными, наша политическая аморальность и коварство, наша лживость и грубость, господство произвола в Пруссии-Германии, порабощение германского народа,—все это было богатым материалом для пропаганды, искусно подобранным лживым врагом и ловко использованным против нас во всем мире. На ряду с этим лозунг о борьбе демократии против милитаризма, самодержавия и юнкерства, о борьбе за цивилизацию и за свободу малых народов и тому подобные идеалистические фразы должны были оказать огромное влияние на неясные умы. Общественное мнение всего мира находилось всецело под их влиянием. Так, например, для американских солдат война сделалась крестовым походом против нас.

В нейтральных странах мы оказались перед своего рода духовной блокадой. Путь к душе нейтральных народов был для нас закрыт. Мы не сумели его открыть. Мы одни поступали несправедливо, все действия Антанты с точки зрения морали имели оправдание и само собой разумелись. Германия насиловала весь мир, только политика Антанты преследовала поистине нравственные цели, направленные к счастью и свободе мира. Мы потеряли всякий кредит в нейтральных странах (теперь они, надо думать, разобрались в положении дел), а кредит противников необычайно возрастал. Конечно, у нас были также и друзья, но они не имели влияния.

Такая же работа велась в союзных государствах. Целью являлось разделение Германии и ее союзников.

Пропаганда была испытанным и могучим английским средством борьбы. Благодаря ей Ост-Индская компания достигла блестящих резуль-

---

[1]) Англия, да и другие страны определенно культивировали в Китае курение опиума, сознательно отравляя этим китайцев. Сравнение здесь конечно неверное—обычное для реакционеров объяснение революции неприятельской пропагандой. (Примечание в. пол. редакц.)

татов при завоевании Индии. Пропаганда создала в Англии школу. Англия была единственным государством, которое уже давно, вполне сознательно и с поистине широким размахом, пользовалось этим вспомогательным средством политической и военной борьбы для своей национальной политики, стремящейся захватить весь мир в сферу своего влияния.

«Держать чужие государства под угрозой революции—стало уже довольно давно ремеслом Англии», сказал Бисмарк еще 60 лет тому назад. Он думал при этом о речи, произнесенной Каннингом 12 декабря 1826 года, когда во время публичного заседания нижней палаты премьер-министр грозил, что Англия имеет в своем распоряжении «мешок Эола» и может в любую минуту снять узду с революционных сил. Он сказал: «Если мы примем участие в какой-либо войне, под наши знамена соберутся все беспокойные, все, имевшие основание быть недовольными, или недовольные без основания тех стран, с которыми мы будем враждовать».

Еще до войны внимательным наблюдателям стала заметна пропаганда, которую вели наши теперешние враги. Уже тогда они начали планомерную работу. Ей в первую очередь Англия и Франция были обязаны успехами своей политики, между тем как наше мировое положение благодаря ей было подорвано. Предложенное русским царем разоружение было делом ее рук, точно рассчитанное на безрассудное легковерие многих наших общественных кругов. Сюда же относится и распространение в английских сферах книги Бернгарди. Лучше было бы, если бы она не была написана. Рейтер должен был помочь отрезать нас от всего мира. Влияние на мировую прессу стран, вошедших ныне в состав Антанты, ускользнуло, повидимому, от внимания наших политических руководителей, хотя эта опасность достаточно часто отмечалась, точно так же, как не замечено было влияние французских культурных кругов на идейную жизнь важнейших городов в нейтральных странах.

Масонские ложи всего света уже давно работали под влиянием Англии, и таинственное могущество этого сильнейшего из всех тайных союзов использовалось на службе англо-саксонской, следовательно, для нас—международной политики. Только прусские местные ложи остались свободны от этого влияния.

Во всех неприятельских странах были созданы сильные пропагандистские организации, находившиеся под руководством опытных государственных и политических деятелей. Они повсюду работали по одному плану, об'единив свои силы, следуя ясным указаниям и располагая огромными денежными средствами. Они имели филиальные отделения в нейтральных государствах и работали, пуская и там корни со всей беззастенчивостью, свойственной Антанте. Специальные организации занимались оживлением национальных стремлений, так, например, в Польше и

в Латвии, а также, без сомнения, и среди народностей двуединой монархии, главным образом, среди чехов и южных славян.

Между тем как на театре военных действий инициатива почти до самого конца оставалась в наших руках, в борьбе умов неприятель с самого начала вел атаку единым сомкнутым по всей линии фронтом и нашел себе союзников не только во множестве дезертиров в нейтральных государствах, но, к сожалению, встретил поддержку и в самой Германии.

Вся пропаганда находилась в Англии в руках лорда Бивербрука с тремя директорами, из которых лорд Нортклиф обрабатывал неприятельские страны, Киплинг—Англию и колонии, а лорд Ротермер—нейтральные страны. Англия специализировалась, главным образом, в области экономической и политической пропаганды, а военная и культурная пропаганда составляла неот'емлемое владение Франции. В этом типично выявляется мышление наших врагов. Америка, помогавшая первоначально только деньгами,—она взяла на себя 50% всех расходов на пропаганду,—позже также выступила с активным участием.

Италия, Бельгия и остальные союзники также развили оживленную деятельность на американские деньги.

Внутреннее революционизирование Германии все определеннее становилось конечной целью американской и английской пропаганды.

Ллойд-Джордж знал, что он делает, когда по окончании войны выразил лорду Нортклифу благодарность от лица Англии за проведенную им пропаганду. Он был мастером массового гипноза.

Постепенно мы были так искусно опутаны неприятельской пропагандой, устной и письменной, шедшей к нам из нейтральных государств, главным образом через сухопутную границу Голландии и Швейцарии, а также из Австро-Венгрии и изнутри самой Германии и, наконец, воздушным путем, что в скором времени многие перестали различать, что являлось неприятельской пропагандой и что было их собственным ощущением. Пропаганда была для нас тем чувствительнее, что нам приходилось вести войну не многочисленными, а хорошими батальонами. Значение массы на войне бесспорно, без солдат вообще невозможна никакая борьба, но не в одной массе дело—важен дух, ее оживляющий. Это одинаково чувствуется в общественной жизни, как и на поле сражения. Мы боролись против всего мира и могли делать это со спокойной совестью, пока морально мы были способны к войне. До тех пор мы имели шансы на успех и, что то же самое, могли не покоряться уничтожающей воле неприятеля. С исчезновением нашей моральной боеспособности все совершенно изменилось. Мы уже не боролись до последней капли крови. Многие германские мужи уже больше не хотели умирать за свое отечество.

Разложение внутри страны, в соединении с его влиянием на нашу боеспособность, борьба на внутреннем фронте и против духа войск

были, во всяком случае, главными средствами, которыми Антанта стремилась нас победить после того, как она потеряла надежду победить на поле сражения. На этот счет у меня не было никаких сомнений.

Один дальновидный политический деятель Антанты весной 1918 года высказался следующим образом:

«Общий и основной взгляд руководящих государственных деятелей Антанты в Лондоне и Париже сейчас таков, что германская армия на Западном фронте непобедима в военном отношении. В то же время всякому ясно, что Антанта победит, и победит благодаря внутренним отношениям в Германии и нейтральных державах, которые должны привести к падению монархии. Не позже осени этого года в Германии начнется революция. Для нас совершенно ясно, что в Германии существуют влиятельные силы, для которых нет ничего хуже военной победы Людендорфа».

Это вполне совпадает со словами депутата ландтага Штребеля, редактора «Vorwärts», сказавшего в 1915 году:

«Я открыто признаю, что полная победа государства не отвечала бы интересам социал-демократии».

Мне не хотелось опубликовывать этих слов. Но истина остается истиной, а эти слова истинны.

VII.

Ответственность за настроение внутри страны лежала на имперском канцлере. Верховное командование охотно взяло бы на себя непосредственно просвещение народа. Но, согласно закону, оно всегда обращалось к имперскому канцлеру и просило его о воздействии.

Ему нужно было уничтожить причины, к сожалению, слишком законного недовольства народа, вызванного, главным образом, всеми крайностями и уродствами военной промышленности. Ее отрицательные явления не могли не возбуждать сильного недовольства, и ослабляли дух широких общественных кругов в такой степени, что это наносило неисчислимый вред нашей боеспособности. Жажда наживы и наслаждений, мысль о собственном «я» заглушали все благородные побуждения, но и нужда также их притупляла. Солдатам, находившимся на фронте, в окопах, приходилось опасаться, что другие отнимут у них их прежнее положение и заработок. Оглядываясь назад, приходится с глубоким волнением видеть, как исчезали германская любовь к правде и честности, требование личной безупречности и растворения в мысли о родине, и как вырастало нечто совсем другое, чуждое германской психологии; личное благополучие стало высшим законом жизни.

Имперский канцлер должен был показать германскому народу, куда он идет, должен был раз'яснить ему всю серьезность положения. Правительство должно было постоянно указывать народу на важность того, что стояло на карте, и на то, что сносный мир может быть дости-

гнут только поражением врага, иначе условия мира будут нам навязаны. Только победа спасет нас от такого мира и даст иной.

Наша политическая и моральная незрелость и несамостоятельность, мешавшая нам распознать пустоту громких фраз и невыполнимых обещаний, составляли и составляют наше несчастье. Я все время надеялся, что германский народ преодолеет фразерство, громкие слова и политическую лживость, и сумеет создать мировоззрение, отвечающее суровой действительности. Я ошибся. Фразы, громкие лозунги и преступная фантасмагория овладевали умами все больше и больше по мере того, как все резче разгоралась внутренняя политическая борьба и углублялась пропасть между сословиями, между городом и деревней. Интересы партии и ее цели вскоре приобрели большее значение, чем интересы отечества. Широкая масса буржуазии с ее многоголовием, отсутствием дисциплины и уверенностью в том, что она все знает лучше других, шла своим собственным путем и держалась в стороне, полная духовного чванства, боязливой выжидательности и бесхарактерности [1]). У нея также не хватало чувства ответственности перед отечеством. Она не думала о том, какой неизмеримый вред она наносит таким образом родине и себе. Необузданность и беспринципность более широких народных кругов и подпольная работа независимой социал-демократической партии не встречали противовеса в буржуазии. Печальной нелепостью является то, что германские мужи, в другое время умевшие ясно мыслить, в трудные дни апатично позволили затуманить свои головы и отнять у себя то, чем они жили до сих пор. Таким образом буржуазия также повинна в падении нашей страны.

Фундамент, на котором покоилась наша могучая армия, получил глубокие трещины. Источник, который должен был обновлять оборонительные силы, замутился.

Наши имперские канцлеры военного времени не сделали ничего для того, чтобы исцелить раны и просветить народ. У них не было творческой мысли, они не сумели об'единить народ и вести его так, как это делали великие диктаторы Клемансо, Ллойд-Джордж и Вильсон. То, что верховное командование могло дать посредством патриотического просвещения и распространения нашей заграничной пропаганды также и на территорию родины, являлось жалкими крохами. Душа германского народа оставалась без руля и без ветрил, предоставленная всем хлынувшим на нее впечатлениям. Одурманенная и не от мира сего, она погналась за неуловимыми призраками. Таким образом, было слишком понятно, что она склонилась на сторону тех, которые в своем роковом заблуждении или в преступной и достойной проклятья злонамеренности су-

---

[1]) Здесь ярче всего выражена принадлежность Людендорфа именно к юнкерству, к помещикам—классу, интересы которого расходятся с интересами промышленной буржуазии. (Примечание редакции).

лили ей исполнение заветных желаний, и не понимала людей, которые ясно видели всю опасность такого способа действий и, озабоченные нашим будущим и движимые святой любовью к стране наших отцов, все снова и снова требовали от нее крайнего напряжения сил. Роковая судьба превратила этих людей в «военную свору», хотя они горячо жаждали мира.

Пресса являлась точным отражением партийной суеты, раскалывавшей германский народ, и его душевной эволюции во время войны. Только часть прессы осталась себе верна, другая часть, будь то из идеализма или партийных, а может быть, и корыстных соображений, приняла мировое исправление, выдуманное сторонниками соглашательского мира, за непреложный факт, и отступила от своих взглядов 1914 года. И, наконец, были газеты, которые стыдились своего поведения осенью 1914 года и всяких мыслей о выгодном мире. Воспоминание о таких мужественных чувствах было для них тягостно. Благодаря им, во время войны Германия опротивела самим немцам, и они делали все, чтобы разрушить веру в германские силы. К этому примешивался призыв к борьбе с государственным авторитетом и порядком, к которому вскоре присоединилось об'явление войны нашему общественному строю. С глубокой патриотической скорбью я следил за этим поворотом. Это были крайне серьезные симптомы, на которые нужно было обратить внимание, чтобы предупредить тяжелую опасность для хода войны, «мене текел» для моральной боеспособности германского народа, а также и германской армии. Все это и многое другое было открыто взорам неприятеля, который, конечно, очень охотно делал свои заключения.

В августе 1914 года вся пресса по внутреннему убеждению встала на точку зрения оборонительной войны и нашла в защиту ее красивые и решительные слова. К сожалению, часть ее впоследствии изменила свои взгляды. Она проглядела, что и оборонительная война не могла закончиться соглашательским миром, а лишь победой, если мы не хотели быть разбитыми и стать жертвой невыносимых условий. Мысль о соглашении с противником преобладала в этой части прессы точно так же, как и в правительстве, и в народе; она была сильнее мысли о победе со всеми вытекающими из нее тяжелыми требованиями к и без того страдающему народу. Многие из самых распространенных газет стали глашатаями нового мировоззрения, основанного на примирении народов. Они резко нападали на тех, которые не решались поверить в стремление врага к миру, и во всяком случае не хотели ослаблять нашу собственную боевую силу прежде, чем это стремление выявится с несомненностью, и которые считали поэтому необходимым сохранить меч острым, а руку, владеющую им, как можно более сильной.

В связи с этим получила распространение еще другая идея. Война вообще не может быть решена только военным путем, т.-е. силой оружия.

Безусловно, совместная работа военных вождей с правительством необходима, чтобы углубить последствия военных успехов. Но последнее слово остается за оружием. В этом нет никакого сомнения. Неужели воля врага к уничтожению была действительно так мало очевидна, неужели психика и речи какого-нибудь Ллойд-Джорджа и Клемансо были неизвестны? Зачем продолжать борьбу, если она была не нужна для того, чтобы выиграть войну или предупредить поражение? Неужели нельзя было составить себе понятие о настроении духа человека, который уходил от своего домашнего быта, от жены и детей и хорошего заработка навстречу нужде и опасности. когда это, в конце-концов, было бесполезно, и он только ставил на карту будущее свое и своей семьи?.. Неужели нельзя было понять человека, который ночью, рискуя жизнью, должен был пробираться через взрытое снарядами поле туда, где его ожидал ад, или сегодня, накануне долгожданного отпуска, должен был сражаться, а может быть, и умереть? Были изобретены идеи, которым надлежало осчастливить весь мир, мысли блуждали в далеком будущем, а суровая действительность была позабыта. О душевной муке солдата, которому приходилось жертвовать жизнью, перестали вспоминать.

Мы думали обо всем, что только возможно. Нам же следовало думать только о войне.

У прессы также не хватало средств руководства, так образцово поставленного у неприятеля. Лишенная руководства, она легко могла превратиться не только в бесполезное, но прямо во вредное оружие для ведения войны. Тот факт, что она не принесла вреда в чисто военных вопросах, а, наоборот, с усердием, которому следовало отдать справедливость, следовала данным ей указаниям, показывает ее добрую волю подчиниться твердому руководству, основанному на взаимном доверии. Конечно, существовали отдельные непокорные головы, но в общем пресса исполняла мою просьбу и освещала военные события в том или ином духе, за что я могу ее только поблагодарить. Понятное желание удовлетворить жажду читателя в новостях нередко вело к тому, что даже чисто военные сообщения, служившие исключительно целям неприятельской пропаганды, проникали из неприятельской и нейтральной прессы в германскую. Когда к этому присоединились еще столь излюбленное известной частью нашей прессы сенсационное изложение и заголовки таких сообщений, тогда наши враги не могли желать для себя лучших помощников в деле пропаганды. От меня далека мысль искать причины таких ошибок в злой воле или любви к сенсациям. Частью здесь имел значение недостаток понимания, еще чаще, вероятно, чрезвычайно тяжелые условия жизни, лишившие редакции многочисленных опытных сотрудников, благодаря чему они были перегружены работой.

Под влиянием создавшегося впечатления, я обратился в декабре 1916 года к имперскому канцлеру с просьбой создать при имперской кан-

целярии и непосредственно под его наблюдением орган, который об'единял бы прессу всего государства во всех областях. Руководство ею со стороны министерства иностранных дел всегда казалось мне неудачной идеей, так как таким образом министерство иностранных дел получало влияние на внутреннюю политику, чего лучше было бы избежать. Конечно, интересы этого министерства должны быть представлены и приняты во внимание, но решающее, отвечающее всем надобностям руководство могло исходить только от имперского канцлера, у которого, согласно конституции, сходились все политические пружины и который должен был устанавливать между ними равновесие. В начале ноября 1916 года я, по желанию имперского канцлера, предоставил в его распоряжение подполковника Дейтельмозера, в надежде на то, что последний, после отставки тайного советника Гаммана, создаст нечто цельное. Задача, возложенная на подполковника, не оправдала моих надежд. Мои требования сводились к следующему: руководство всеми компетентными в деле прессы гражданскими властями авторитетным лицом, непосредственно подчиненным имперскому канцлеру, дружная совместная работа этого органа с управлением печати военного времени и отделом прессы морского штаба, ограничение функций отдела прессы министерства иностранных дел одними вопросами внешней политики; взамен этого, углубление его работы во вражеских, нейтральных и союзных газетах и, наконец, защита экономических интересов прессы и содействие им со стороны центрального органа.

Требования эти были отклонены имперским канцлером фон-Бетман-Гольвегом.

Единое руководство прессой дало бы возможность воскресить решительное настроение германского народа. Но для реальных результатов отечественного просвещения оно должно было вестись в более непосредственной форме, так, как велась пропаганда наших врагов. К нему следовало присоединить свободное слово государственных деятелей и руководящих умов и устную агитацию. Надо было ежедневно указывать каждому немцу, будь то мужчина или женщина, что́ для Германии значит поражение. Картины и фильмы должны были проповедывать то же самое. Изображение грозящих опасностей подействовало бы иначе, чем мысли о всяких военных прибылях, чем разговоры и писания о соглашательском мире. И, что не менее важно, это избавило бы нас от тяжелой опасности и послужило бы делу заключения мира. Я попробовал и это—и вызвал большое недовольство.

Саксонская, Вартембергская и Баденская пресса заняла особую позицию, но старалась согласовать свои действия с нашими. Баварская пресса, чем дальше, тем в большем числе вопросов шла своей особой дорогой.

Сношения с прессой еще значительно затруднялись тем, что у нее не было единого представительства. Ее организация была так же неясна,

как организация органов имперских учреждений, долженствующих регулировать работу печати. Нам приходилось иметь дело с «комитетом печати», образованным из представителей берлинской прессы, с союзом германских газетных издателей и с имперским союзом германской прессы. Но и эти организации не спелись между собой. Мы натыкались на несогласия между редакторами и издателями и на многое другое, что говорило об их розни. Я сожалел об этом, так как таким образом исключалась возможность сильного и единого выявления нашего общественного мнения. Я всегда очень высоко ценил влияние прессы и не только столичной, но и провинциальной.

Я лично всегда был рад представителям прессы, поскольку моя служба позволяла мне их принимать.

Сношения верховного командования с газетами шли через управление печати военного времени. Оно образовалось в октябре 1915 года из отделений, возникших с началом войны при замещающем большой генеральный штаб управления и занимавшихся просмотром германских и заграничных газет и цензурой. В 1917 году к этому присоединилась еще организация отечественного преподавания.

В управление печати военного времени были включены для связи представители важнейших гражданских учреждений Германии и Пруссии; на ряду с ним существовал отдел прессы морского штаба. Со всеми этими учреждениями управление печати военного времени работало всегда в самом тесном контакте.

Следуя данным ему указаниям, управление печати военного времени воздерживалось от всякого политического воздействия на германскую прессу. Все утверждения противоположного характера так же ложны, как и то, что оно специально проводило особую политику верховного командования.

Выдающееся положение управления печати военного времени об'ясняется его твердой организацией, составом сотрудников и отсутствием всякой единой имперской организации. Печать это также сознавала, но ее недовольство относилось не столько к управлению печати военного времени, сколько ко всем тем ведомственным органам печати, которым не хватало твердой организации и руководства.

Многократные несправедливые нападки рейхстага на это управление об'ясняются почти исключительно незнанием области его деятельности. Они показывают лишь, насколько верховное командование было лишено всякой возможности, с имеющимися у него средствами, добиться повышения нашей боеспособности. Управление печати военного времени существовало, и можно было нападать на него, но никто не доискивался основной причины и забывал на замену его требовать, вместе со мной, крупной имперской организации.

Имевшие место два раза в неделю совещания с членами берлинской и представленной в Берлине провинциальной прессы, в которых, кроме управления печати военного времени, принимали участие также представители морского штаба и всех ведомств, удовлетворяли потребностям только части печати. В виду этого в различных частях империи от времени до времени представители имперских учреждений делали доклады представителям провинциальных газет.

Важной задачей управления печати военного времени было изучение прессы нейтральных и воевавших с нами государств.

На фронте армейские газеты приобретали все больше значения. Для снабжения их материалом служили бюро полевой печати высших штабов, которые в то же время должны были сообщать мелкой и средней прессе Германии об особенно геройских подвигах отдельных офицеров и солдат на фронте.

В оккупированной части Франции и в лагерях военно-пленных выдающимся образом работала «Gazette des Ardennes», которая точностью своих сообщений и своей беспристрастностью заслужила внимание и уважение даже противника.

В том же духе велся «Русский Вестник», издававшийся на русском языке под руководством военного министерства.

Военные корреспонденты крупных германских ежедневных газет были сконцентрированы в штабах военной прессы западного и восточного фронтов и, насколько позволяло военное положение, информировались возможно быстро и подробно о всех последних событиях, без всякого давления на свободу их мнений. Насколько было возможно, они принимали участие в жизни войск и штабов.

На ряду с ними имелись известные военные писатели, работавшие над общими обзорами войны.

Высший орган цензуры в управлении печати военного времени заботился о равномерном военном контроле над прессой в Германии и исполнении всех правил цензуры, устанавливаемых верховным командованием. С этой же целью он поддерживал связь с управлениями печати в оккупированных областях. Точно также от времени до времени он устанавливал общую линию поведения с отделами военной печати наших союзников.

Цензурные распоряжения верховного командования пресекали все, что могло повредить ведению войны. Но на этом они и ограничивались. На ряду с этим высший орган цензуры сообщал военным властям на родине директивы, даваемые имперскими учреждениями. Это приводило к тяжелым недоразумениям и невозможным положениям. Не раз случалось, что военные власти выдавали такие политические указания, переданные через аппарат высшей цензуры, за мнение верховного командования, что естественным образом вновь вызывало недовольство про-

тив нас. Проведение надзора за печатью являлось обязанностью не высшего органа цензуры, а исключительно военных властей. По предложению высшей военной власти (военного министра) он только сообщал ему свое мнение и передавал факты, требовавшие, на его взгляд, внимания со стороны министра.

Таким образом верховное командование не имело возможности принять непосредственные меры против какой-либо газеты,—оно могло лишь обратить внимание имперского правительства, в частности военного министра, а в неотложных случаях замещающего штаба корпуса, когда оно считало поведение той или иной газеты вредным для ведения войны.

По закону политической цензуры не существовало. Это было ошибочно и являлось источником заблуждений. Правительство само часто обращалось к высшему органу цензуры с предложением издать то или иное постановление. Когда я яснее разобрался в этом деле, я высказался против такого использования военной цензуры и положил ему конец.

Подчинение высшего органа цензуры верховному командованию было неудачно. Оно создалось вследствие обращения генерального штаба к самопомощи в начале войны. Всякая цензура должна была вызывать недовольство, и оно должно было тем громче проявляться, чем шире распространялось пасифистское настроение и чем больше стеснений встречали внутренние политические течения. Верховное командование от этого сильно страдало. Учреждение осенью 1916 года должности военного главнокомандующего в качестве начальника всех военных властей внутри страны до известной степени облегчило мое положение по отношению к печати. Но, к сожалению, осенью 1917 года военный министр отказался от руководства военной цензурой.

Правительства наших союзников держали прессу в руках крепче, чем мы. Но в Болгарии и Турции она не имела того значения, как в Германии и Австро-Венгрии. Союзники также ввели у себя сильную политическую цензуру.

В Австро-Венгрии правительство не заботилось о том, чтобы каким-нибудь образом поднять воинственное настроение своих народов и вдохнуть в них активность. В своей последней борьбе за существование правительство двуединой монархии ни в какой мере не было руководителем своих народов.

Настроение болгар и турок мало проявлялось, но в Болгарии все-таки значительно больше, чем в Турции. Болгарское правительство также не справилось с руководством своим народом.

Особенно болезненно ощущалось то, как мало признания встречала Германия в союзной прессе. Наша верность Нибелунгов действительно не была пустым звуком. Пролитая на чужой земле германская кровь должна была вызвать по крайней мере благодарность. Я часто указывал на это верховному командованию союзников. Наконец, подполковнику Николаи

удалось заключить известное соглашение по вопросу о помещении в печати четверного союза военных сообщений, что частично улучшило положение. Поездки представителей прессы союзников также предназначались для раз'яснения положения дел, но их результаты были ничтожны.

И здесь нашему правительству не хватало энергии. Ему следовало позаботиться о просветительной работе широкого масштаба в союзных странах, чтобы таким путем придти на помощь отечеству и на время после войны.

Постепенно неприятельская военная пропаганда создала себе опорные пункты в союзных государствах.

VIII.

Хорошо поставленная пропаганда должна далеко обгонять развитие политических событий. Она должна расчищать дорогу для политики и подготовлять общественное мнение незаметно для него самого. Прежде чем политические намерения превратятся в действия, надо убедить мир в их необходимости и моральной оправданности. Цель, поставленная пропагандой, должна явиться естественным психологическим выводом. Мы не пользовались пропагандой вне своих пределов, вряд ли даже знали о существовании таковой, хотя на нашей территории работа против определенных лиц велась очень искусно. Наши политические цели и решения казались часто грубыми и нелогичными, так как они преподносились миру с поражающей неожиданностью. Широкая и дальновидная пропаганда шутя могла бы изменить это впечатление.

Кроме нежелания вести пропаганду в мирное время, у нас не было для нее и предпосылок. У нас не было мировой телеграфной агентуры с собственной сетью кабелей и радиостанций. Попытки помочь этому еще не претворились в дело. Нам не доставало руководящей газеты с сильной национальной основой, которая имела бы на заграничные страны такое же влияние и такое же значение для родины, как «Times» в Англии, »Temps» во Франции и «Новое Время» в России. Все эти три газеты уверенно стояли на почве резко национальных взглядов. Газеты, из которых заграница непосредственно знакомилась с Германией, преклонялись перед интернационализмом, заявляли себя принципиальными противниками нашей формы правления и давали одностороннюю и ложную картину германского мышления, нашей сущности и наших порядков.

Надо было наверстать упущенное в деле пропаганды, начать борьбу на вражеских внутренних фронтах и вести ее всеми силами в пользу энергичного развития подводной войны, на которой вскоре остановилось наше решение. Мы не имели права отказываться от таких действительных средств борьбы.

Из разговоров с руководящими людьми я понял, как мало признавалась даже теперь, во время войны, необходимость пропаганды с помощью

больших, популярных в массах и жизнеспособных идей. Правительство стояло по отношению к ней в нерешительном раздумьи. Оно все еще не понимало сущности пропаганды. Оно отказывалось от нее потому, что считало ее слишком базарно-крикливой, между тем как правильная постановка пропаганды состоит в том, что ее существование не замечается: она работает бесшумно. Чувствуя свою собственную неспособность, правительство считало более или менее безнадежным всякое широкое и сильное противодействие с нашей стороны неприятельской пропаганде. Такой взгляд или слова: «наше дело справедливое, нам не нужно защитников» не разрешали вопроса; у нас были все основания, чтобы приступить наконец к делу, чтобы не только упорно защищаться, но и перейти от обороны к нападению. Только таким образом мы могли отплатить противнику и не пойти ко дну в великой борьбе народов.

При вступлении в верховное командование я нашел лишь очень скудные зачатки пропаганды, которые не заслуживали названия организации.

Бюро Эрцбергера я оставляю в стороне, так как не знаком с его деятельностью. Позже оно прекратило свое существование.

Летом 1916 года верховное командование пред'явило правительству требование создать твердую организацию пропаганды. После преодоления многих препятствий, особенно со стороны министерства иностранных дел, в июле при последнем был организован военный отдел.

На ряду с этим отделом, задуманным с чисто военными целями, министерство иностранных дел обещало создать для экономической и политической пропаганды подобные же учреждения. Только на этих условиях начальник штаба действующих армий основал военный отдел. Все три отдела должны были, по директиве министерства иностранных дел, вести широкую активную пропаганду, переходящую в наступление против пропаганды Антанты и не ограничивающуюся, как прежде, слабым отпариванием неприятельской лжи. К сожалению, политическая и экономическая пропаганда министерства иностранных дел ограничилась работой в прессе и изданием брошюр; большей частью эта работа выливалась лишь в воздействии на газеты путем опровержений и об'яснений политических событий и использования неприятельских промахов. Это было каплей в море и не имело никакого значения.

В военном отделе министерства иностранных дел полковник фон-Гефтен постепенно создал большую саму по-себе организацию. Она была подчинена верховному командованию, но финансировалась главным образом министерством иностранных дел, которое получило за это право совместного обсуждения и установления основных директив; этим своим правом министерство иностранных дел, надо сказать, совершенно не воспользовалось.

Полковник фон-Гефтен является человеком, стоящим духовно необычайно высоко и пламенно любящим родину; одушевляемый идеальными порывами, он во всякое дело вносит огромную энергию, обладает творческой способностью и уменьем увлекать за собой сотрудников. Все, что было сделано в области пропаганды, является, главным образом, результатом работы его и его помощников.

С помощью слов и иллюстраций, а главным образом путем фильм, полковник фон-Гефтен старался укрепиться в нейтральных странах.

Устной пропаганде придавалось главное значение. Передача новостей от одного к другому—самое опасное, а потому и самое лучшее средство пропаганды. Мысль висит в воздухе, а откуда она — никто не знает.

Пропаганда иллюстрациями и фильмами облегчалась благодаря созданию графического отделения и управления плакатов и фильм, в дальнейшем Всеобщего Акционерного О-ва фильм. Фильма является прекрасным воспитательным средством для народа, и полковник фон-Гефтен намеревался применять ее и после войны, его военная организация имела это в виду. Картина и фильма, а также графическое изображение в форме плаката действуют настойчивее и резче, чем письменное слово, и потому сильнее влияют на массы.

На ряду с этим шла печатная пропаганда при помощи телеграмм, радио и корреспонденций, пропаганда брошюрами и докладами, а также работа через бюро нейтральных военных корреспондентов. В первую очередь полковник фон-Гефтен пытался путем быстрой передачи информации пробраться во враждебную нам печать нейтральных стран.

Художественная пропаганда также поощрялась. В этом направлении мы, может быть, переусердствовали. Министерство иностранных дел придавало ей особенное значение и пользовалось ею еще раньше.

При посольствах нейтральных и союзных стран, а также в оккупированных областях на востоке, полковник фон-Гефтен создал свои органы—военные заграничные бюро, которые обрабатывали и распространяли материал, полученный из центра, в духе, соответствующем особенностям данной страны. Они работали в полном согласии с послом.

Нечего было и думать о том, что полковнику фон-Гефтену одному удастся добиться того, что было упущено за долгие годы мира и войны, чтобы бороться с неприятельской пропагандой и ее влиянием в нейтральных странах и незаметно внедриться в неприятельские государства. Островное положение Англии и Америки делало это невозможным. Воротами для проникновения во Францию являлись Швейцария и Испания, но с Испанией мы имели плохую связь. Следовательно оставался только узкий проход через швейцарскую границу. Швейцария также являлась единственным путем в Италию.

Германская пропаганда с трудом удерживала свои позиции, несмотря на все старания, и ее достижения были недостаточны в сравнении с величиной задачи. Нам не удалось существенно повлиять на неприятельские народы. Сильно воинственное правительство беспощадно заглушало там всякое зарождающееся чувство мягкости и слабости, всякий намек на мысль о мире, в особенности «соглашательском мире».

В нейтральных и союзных государствах мы также не достигли ничего существенного.

Мы пробовали вести пропаганду и на неприятельском фронте. На востоке русские сами работали над своим несчастьем [1]), и там наша деятельность имела второстепенное значение. Стойкость солдат на западном фронте еще не была поколеблена настроением на родине, и пропаганда, которую мы начали постепенно там вести, не имела никакого успеха.

Совсем другая картина получилась бы, если бы полковника фон-Гефтена поддерживала сильная воля имперского канцлера и все могущество его высокого поста. Я часто предлагал ему создать что-нибудь цельное. Орагнизация имперского учреждения германской пропаганды становилась неоспоримой необходимостью. Я придавал этому тем большее значение, что пропаганда посредством выступлений государственных деятелей становилась все действительнее. Лорд Нортклиф был прав, утверждая, что речь английского государственного деятеля приносит Англии 20.000 фунтов; 50.000 фунтов, если немцы ее перепечатают, и 100.000 фунтов, если они на нее не ответят. Барабанный огонь выступлений неприятельских государственных деятелей не вызвал с нашей стороны никакого серьезного отпора и еще меньше мы думали о том, чтобы его заглушить. Военный отдел министерства иностранных дел не мог организовать такой борьбы, это могло сделать только имперское учерждение, обладающее особым авторитетом. Наконец, в августе 1918 года, в этом направлении была сделана слабая попытка, и было создано нечто крайне несовершенное, но это было уже слишком поздно.

При таких условиях нельзя было достигнуть совместного выступления Австро-Венгрии и Германии в деле об'единенной пропаганды, образцовый пример которой давала Антанта. Мы все это рассматривали, как наше внутреннее дело, касающееся только нас, или отчасти Австро-Венгрии, вместо того, чтобы понять, что мы составляем один организм, против которого враг поднял угрожающую руку для нанесения сокрушающего удара.

Армия не нашла себе союзника в лице сильной, идущей из глубин страны пропаганды. Одерживая победы на полях сражений, Германия оказалась бессильной в борьбе с психикой неприятельских народов.

---

[1]) Если бы в Германии произошло такое же „несчастье“ т.-е. пролетарская революция, то Германия не была бы так раздавлена, как сейчас, и сумела бы оказать сопротивление Рурской оккупации. (Примечание в. полит. редакц.).

IX.

Осенью 1916 года армия получала с родины только незначительную поддержку в отношении моральных сил. Пока это еще не вызывало дурных последствий. Войско устало и было сильно истощено, но дух его и настроение были хороши.

Между армией и тылом поддерживалась тесная взаимная связь.

Отпуска давались настолько широко, насколько это было возможно. Количество отпускных всегда было меньше, чем этого желали армия и я. Совершенно независимо от военного положения, состояние транспорта исключало возможность отпусков в таком размере, в каком я бы охотно их разрешил. Кроме того, их приходилось ограничивать в напряженные моменты войны.

Раненые и больные также передавали родине вести из армии, а армия, в свою очередь, получала сведения о родине от приходивших к ней пополнений и возвращавшихся раненых и больных.

Доставка писем, газет и пакетов была поставлена хорошо, выбор газет на фронте был ничем не ограничен. Запрещены были только несколько органов независимой социал-демократической партии. Впрочем, запрещение газет входило в права командующих армиями. Я знаю только немногие отдельные случаи, когда они воспользовались этим правом.

В то время в армии прибывало еще достаточное количество пополнений. Однако их надо было употреблять не только для пополнения существующих боевых единиц, но приходилось пользоваться ими и для формирования новых дивизий, как это ни было нежелательно. Это было необходимо для приобретения оперативной свободы, в виду ожидавшегося натиска противников на западе и востоке. Сформированные таким образом, правда за счет существующих батальонов, 13 дивизий должны были к весне 1917 года быть уже боеспособными.

Окопная война привела к тому, что войска, которым не хватало специальных рабочих сил, устраивали всевозможные собственные мастерские. Эти мастерские были, конечно, связаны с местами и занятые в них команды продолжали оставаться в них и после ухода дивизий. Это приводило к недоразумениям всякого рода, от которых страдали все. Поэтому солдаты каждой дивизии, занятые в мастерских, были выделены в отдельную оседлую хозяйственную роту. Этим самым они исключались из своих прежних частей. Численный состав наиболее пострадавших батальонов вследствие этого еще уменьшился; общее уменьшение штатного состава становилось необходимым и потому, что молодые ротные командиры не могли сколько-нибудь удовлетворительно справиться с ротой в 200 человек ни в бою, ни на отдыхе.

В дивизиях была учреждена должность начальника артиллерии. Были сформированы многочисленные новые части полевой и тяжелой артиллерии. Была создана особая армейская полевая артиллерия, кото-

рая, не входя в состав дивизий, должна была на важнейших участках усиливать артиллерию. 9 батарей дивизии были недостаточны даже при ширине фронта в 2—3 километра. Потребность в артиллерии возрастала до громадных размеров.

На ряду с переформированием шло перевооружение.

Воздушные боевые силы, главным образом авиация, получили дальнейшее развитие. Они приобрели такое распространение, что оказалось необходимым подчинить их особому командиру воздухоплавательного корпуса, который, в свою очередь, был подчинен начальнику генерального штаба. Первым командиром воздухоплавательного корпуса был генерал фон-Геппнер. Испытанный начальник штаба армии и строевик, он, по мере своих сил содействовал развитию этого оружия будущего. Начальником его штаба был полковник Томсен, до того самостоятельно руководивший воздушными боевыми силами. Несмотря на усилия генерального штаба до войны, мы выступили в нее недостаточно подготовленными к борьбе в воздухе. Огромной творческой энергии полковника Томсена и действовавшего в тылу подполковника Зигерта Германия и германская армия обязаны успешным развитием во время войны воздушного флота. Теперь главное значение придавалось увеличению числа летчиков-истребителей и их снабжению хорошими боевыми аппаратами. При этом другие виды военной авиации также не были позабыты. Много внимания уделялось и воздушным бомбометным флотилиям.

Дирижабль был исключен из числа боевых средств армии. Он представлял из себя слишком удобную мишень. Морское ведомство еще сохраняло его.

Оружие для стрельбы по аэропланам было усовершенствовано и увеличено в числе. Противоаэропланная оборона фронта, а также и тыла была широко организована. Это тоже вело к уменьшению количества людей и военного снаряжения на фронте.

Окопная война не давала простора кавалерии. Еще раньше было приступлено к созданию из кавалерийских полков кавалерийских стрелковых полков силой в 1 батальон и к расформированию эскадронов ландштурма и ландвера. Лошади были крайне необходимы для новых артиллерийских формирований и для обозов. Убыль лошадей в армии была чрезвычайно велика, а ввоз из нейтральных государств очень незначителен. Германия и оккупированные области не могли возместить потерь. Наше коневодство было слабо по многим пунктам. Тип нашей кавалерийской лошади оправдал себя во время войны, но наша упряжная лошадь не была достаточно породистой и ее разведение недостаточно развито. Тяжеловозы совершенно не выдерживали лишений войны.

Верховное командование должно было решиться сгруппировать и прикрепить к армиям транспорты и обозы, распределенные прежде по дивизиям. Обременение железных дорог, при постоянной смене дивизий

во время оборонительных сражений, слишком увеличивалось вследствие необходимости перебрасывать также транспорты и обозы. Я очень сожалел, что приходилось осуществлять эти мероприятия, так как служебный контроль и хозяйственное попечение лучше обеспечивались дивизиями, чем армиями.

Постройка укрепленных позиций на западе была планомерно организована и проверялась с точки зрения новых взглядов на необходимость расчленения всех оборонительных сооружений в глубину и строгого применения их внешних очертаний к местности. На восточном фронте постройка укреплений скорее могла оставаться при старых формах. Кроме постройки обеих крупных стратегических позиций, на западе предстояла очень большая работа на всех фронтах, в особенности во Фландрии, восточнее Арраса и у Вердена, где было необходимо углубить существующую систему позиций и укрепить Эльзас-Лотарингский фронт, где до сих пор было сделано очень мало. При постройке позиций армии проявили большую энергию; солдаты понимали, что дело идет о спасении их жизней. Рабочих сил, полученных из Германии, не хватало, чтобы осилить многочисленные работы на растянутых фронтах; это заставляло нас, к сожалению, привлекать к постройке позиций [1]) и войска; таким образом, терялось время для отдыха и обучения; создавался неизбежный конфликт между двумя необходимостями. Армии хотели как можно больше строить, это им было ближе всего. Подполковник Ветцель и я подчеркивали необходимость обучения войск. Приходилось прибегать ко многим компромиссам.

Для подготовки армий к крупным предстоящим оборонительным боям было издано наставление «Оборонительный бой». Большая заслуга в этом деле принадлежит полковнику Бауэру и капитану Гейеру, обладавшим особенно глубоким пониманием тактики и ясным способом изложения.

В резком противоречии с существовавшим прежде методом обороны, концентрировавшейся в резких, легко заметных линиях, теперь была организована далеко эшелонированная в глубину оборона, подвижная в ее гибких формах. Конечно, по окончании сражения позиция должна была оставаться в наших руках, но пехотинец не мог больше говорить: «здесь я стою и здесь умру», он получил право избегать сильного неприятельского огня, принимая в известных пределах по всем направлениям. Утраченной линией надо было вновь завладеть контр-ударом.

Отделение, значение которого резко отмечалось многими дальновидными военными начальниками еще до войны, определенно стало основной боевой единицей пехоты. Значение унтер-офицеров, как начальников отделений, таким образом, сильно увеличилось. Тактика индиви-

---

[1]) Вопрос идет, очевидно, о тыловых позициях. (Примечание редактора).

дуализировалась все больше и больше. Повышение требований к младшим начальникам и отдельным солдатам, при постоянном ухудшении обучения, пополнения офицеров, унтер-офицеров и солдат и связанном с ним падении дисциплины, являлось рискованным предприятием, успех которого вызывал сомнение у многих опытных начальников.

В моем штабе шла кипучая работа; я лично также углубился в тактические вопросы, проработал их и сделался защитником новой тактики. Все, чему битва на Сомме научила в отношении использования артиллерии и аэропланов, а также совместного действия всех родов оружия, было включено в новое наставление. Оно стало учебником для всей армии и для войск наших союзников, поскольку условия на их фронтах это допускали. Без такого ограничения применение наставления представляло опасность, так как его требованиям могли удовлетворить только войска, если и не первоклассно обученные, то все-таки проникнутые чувством бескорыстного самопожертвования и истинной дисциплины.

«Оборонительный бой» нашел свое дополнение в «Наставлении для обучения пехоты во время войны», составленном в штабе армии генерала Фрица фон-Белова. Это наставление свидетельствует о глубоком понимании этим выдающимся генералом нашей пехоты. В моем штабе было выработано еще много других наставлений для специальных родов войск и укрепления позиций. Наставление для обучения артиллерии в ту зиму не было еще закончено. Его главнейшие пункты содержались в «Оборонительном бою». В течение войны выяснилось, что «искусство стрельбы» не потеряло своего значения, наоборот, его нужно было во многом еще углубить. Для этой цели инспектор артиллерии при ставке издавал для войск особые артиллерийские ежемесячники по вопросам техники стрельбы и обращения с материальной частью.

Во всех областях в армии царила оживленная умственная жизнь. Между нами и войсками происходил самый тесный обмен мыслей. Армия получала все лучшее, что ей можно было дать.

Наставления, оставаясь только на бумаге, были бесполезны,—они должны были перейти в плоть и кровь офицеров и солдат. Мы создали особые курсы для старших строевых начальников и офицеров генерального штаба в Валансьене для уяснения взглядов на оборонительный бой. Нечто подобное устроил и германский кронпринц в Седане.

При армиях были организованы всевозможные учебные курсы, особенно для подготовки молодых офицеров к должности командира роты и для унтер-офицеров.

Сохранение и укрепление дисциплины ложится в основу всех родов войск, без дисциплины армия существовать не может. И теперь она должна была образовать противовес многим неизбежным явлениям в жизни войск. Условия расквартирования на фронте становились все

неблагоприятнее, вследствие постоянных смен и переброски частей. Опасность «самопомощи» усиливалась. Уменье различать свое и чужое часто исчезало. Обмундирование и снаряжение ухудшались, сохранение их в порядке становилось поэтому все труднее. Много разных причин, в том числе недостаток света в убежищах, приводили к маскированию внешним видом. Солдат опустился. Военная жизнь оказывала свое действие на людей. Сильные характеры укреплялись, но таковые были редки; мораль широких масс должна была пострадать тем больше, чем дольше продолжалась война. Ни один мыслящий солдат не мог не видеть этого. Так было во всех войнах. Тем сильнее становилась потребность в укреплении чувства долга и дисциплины моральной поддержкой с родины, которая для этого должна была сама быть сильна. Манера солдат держать себя в общественных местах и отдавать честь является верным внешним признаком состояния войск. И здесь далеко не все, что приходилось наблюдать, обстояло благополучно.

Пехота обучалась новым медотам боя и стрельбы; повсюду размножались курсы для отделенных и ротных командиров.

Подготовка пулеметчиков была поставлена очень широко, для особых пулеметных отделений был устроен отдельный учебный плац.

Артиллерия работала над усовершенствованием в стрельбе и по корректированию огня летчиками на наших учебных артиллерийских полигонах. Понижение уровня, явившееся результатом многочисленных новых формирований, надо было преодолеть тщательным обучением на всех частях фронта.

Минометные части, саперы и войска связи также получили особые школы и учебные плацы, где они упражнялись по своей специальности и где, в то же время, мог быть произведен показ офицерам других родов войск.

Войска должны были обучаться беспрерывно как на позициях, так и позади фронта. Жизнь армии получила уклад, к которому мы привыкли в мирное время. Повсюду замечалось серьезное стремление подготовить армию для ее трудных задач и возместить ее потери.

На родине работа велась на тех же основах, но там предпосылки были неблагоприятны, состав обучающих был слишком стар. Довольствие было недостаточно, запасные части слишком тяготели к родине и слишком мало были связаны с армией. Я всегда стремился, насколько это было возможно, перенести обучение запасных во фронтовые рекрутские депо. Начало было положено. Впоследствии в этом направлении было сделано еще больше.

Все начальники и я стремились, конечно, к тому, чтобы работа не переутомляла войска. Физический отдых является непременным условием сохранения дисциплины, и только при достаточном отдыхе солдат может постепенно оправиться от своих тяжелых душевных пере-

живаний. Необходимо было позаботиться о хороших помещениях для него. В пустых бараках восстановление сил невозможно. Меблировку жилищ мы должны были брать у населения. К сожалению, мебель не всегда оставалась на месте,—уходя, войска захватывали ее с собой. Развлечениями, которые можно было им доставлять, являлись: военная музыка, которую очень любили, всякого рода физические игры, кинематографические и другие представления, а также библиотеки.

Ряды унтер-офицеров мирного времени поредели; значительная часть их, как и офицеров, полегла на полях сражения, другая часть получила назначения в новых формированиях или несла на родине службу по обучению солдат. Унтер-офицерам, произведенным на фронте, нехватало школы в отношении командования и заботливости о подчиненных. Жизнь в окопах сглаживала различие рангов, что вредило дисциплине; опасность ослабления авторитета устранить было нельзя. Большинство унтер-офицеров оставалось образцовыми младшими начальниками в бою и надежными помощниками офицеров; они добросовестно выполняли свой трудный долг и заслуживают особой признательности отечества.

Офицеры вполне отдавали себе отчет в возложенной на них серьезной задаче воспитывать и учить войска. Этому тоже нужно поучиться. В мирное время офицер должен был прослужить 12—15 лет, прежде чем он становился ротным командиром. За это время необходимые способности—знание службы, уменье обращаться с людьми, заботливость о подчиненных — успевали перейти ему в плоть и кровь. Теперь молодые люди после одного-двух лет службы должны были командовать ротой. Некоторые сумели справиться, другим же не хватало опыта. Уменье командовать ротой тоже является дарованием, вытекающим из воспитания и житейского такта. Усердие и храбрость не всегда могут его заменить. В тылу и на фронте шла работа по подготовке ротных командиров, но раздававшиеся в частях жалобы на неопытность ротных командиров были глубоко справедливы. Мы стояли перед очень серьезным явлением. Возникала опасность исчезновения образцовых отношений между офицерами и солдатами. Примерный офицер мирного времени, на которого так много нападали, погиб, его могила поросла зеленой травой. За короткое время войны невозможно было воспитать в молодых офицерах столь же высокие качества, основательные знания и чувство ответственности по отношению к подчиненным, какие создавались в течение долгого мирного времени. Вся наша система построения армии не могла получить более блестящего оправдания, чем то, которое дала эта война. Известный социал-демократ, депутат, посетивший меня в Ковно в качестве газетного корреспондента, особенно подчеркнул в разговоре со мной, как резко ему пришлось изменить свое мнение о кадровых офицерах. Они заботились о солдатах с большим пониманием дела и

всецело ему отдавались. Офицерам запаса это давалось труднее. Я был рад этому меткому публичному признанию.

При таких условиях надо было прибегать чаще к производству в офицеры хороших унтер-офицеров мирного времени. Местами это имело место. Мой прежний полковой писарь в Дюссельдорфе уже осенью 1914 года стал офицером в полевом полку.

Вследствие неудовлетворительной подготовки и недостаточного опыта ротных командиров, особенно в вопросах внутренней службы, роль батальонных командиров становилась значительнее, чем в мирное время. Но батальонными командирами очень часто были офицеры запаса, которые, естественно, не обладали достаточно глубокими познаниями как раз в отношении внутренней службы, хотя их зрелый возраст давал им большую уверенность в действиях. Война ставила и им, достигшим уже зрелого возраста, совершенно необычайные требования, выдвигая их все время на передовую линию в течение оборонительных боев. Их здоровье и нервы подвергались жестокому испытанию. В качестве руководителей в бою офицеры запаса действовали столь же блестяще, как и кадровые батальонные командиры.

На командиров полков ложились самые трудные и разнообразные задачи; они несли во всем непосредственную ответственность за свои части и были ответчиками перед высшим начальством за поступки и настроение, успех или неуспех, удачу и гибель каждого отдельного члена их полка. Личность, воля и уменье командира полка отражались на внешнем поведении и внутреннем состоянии их частей, в особенности офицеров. Он должен был подчинить своему идейному влиянию как офицеров, так и солдат; он являлся для них примером и опорой, верным советчиком и другом во время отдыха и в бою.

В условиях окопной войны его воздействие на солдат и офицеров было затруднено, но все-таки он и тут ставил на них печать своей индивидуальности. Сильная убыль в полковых командирах вследствие ранений приводила к их частой смене. Часто у них не хватало времени, чтобы успеть создать внутри полка обстановку взаимного понимания. С другой стороны, имелись командиры полков, оставшиеся очень долго на этой должности—почти всю войну. Были командиры полков, которым после тяжелых боев приходилось 3—4 раза заново пополнять полки. Это превышало человеческие силы. Ведь каждый раз они оставляли на поле битвы часть своего сердца.

После командира полка самую крупную роль играл начальник дивизии, как в мирное время командир корпуса. При многочисленных перебросках войск в позиционной войне невозможно было в ущерб делу сохранять корпусную организацию, как ни стремилось к этому верховное командование. Дивизии становились все самостоятельнее, и вследствие этого начальник дивизии приобретал все большее значение. У него схо-

дились все нити сверху и снизу, как во время сражения, так и по вопросам обучения и управления. Он стал воспитателем войск. Приходилось чрезвычайно внимательно относиться к подбору начальников дивизий.

Офицер генерального штаба представлял из себя нечто удивительное. Его задачи становились все труднее, по мере технического усложнения войны. Недостаточно было знать все роды войск и понимать их применение. Он должен был быть хорошим артиллеристом, и в то же время иметь ясное представление о применении аэропланов, службе связи, о вопросах подвоза и тысяче других вещей, а также справляться с отдельными деталями, для которых у начальника не хватало времени. Разрабатывавшиеся приказы становились все многостороннее и длиннее, несмотря на стремление излагать их кратко. Чем больше усложнялась военная техника, тем больше приказы становились, к сожалению, художественными произведениями, требовавшими большого уменья и знания. Это было неизбежно, чтобы аппарат работал как следует. Разносторонность работы часто заставляла офицеров генерального штаба сосредоточивать многое в своих руках. Приходилось, однако, требовать, чтобы из-за этого не страдала самостоятельность других инстанций и не отступала на задний план личность начальников. Я не мог одобрить ни того, ни другого.

Начальник оставался начальником. Он был ответственным наставником и руководителем своей части и должен был непрерывно наблюдать за ней. Офицер генерального штаба был его советником и помощником и отвечал за то, чтобы механизм двигался без трений и без задержки. Задачи того и другого были различны. У обоих имелось достаточно широкое поле действий; оба сообща должны были заботиться о войсках. К тому же офицер генерального штаба при дивизии не нес личной ответственности, между тем как начальники штабов корпусов и армий несли ее во всем об'еме, возможном в условиях военной жизни. Уменье оставаться в тени и неустанно работать требовалось от каждого офицера генерального штаба.

Выбор и подготовка офицеров генерального штаба были трудной задачей. Я брал только офицеров, знакомых со строевой службой. Выучку мирного времени не могли заменить ни военный опыт, ни обучение на особых курсах, устроенных для офицеров генерального штаба в Седане. Войска жаловались иногда верховному командованию особенно на их молодость, но, в общем, их уважали. Генеральному штабу требовалось много офицеров, которые тем самым отнимались у войск. Мне приходилось брать молодежь, чтобы армия не теряла слишком много офицеров, годных на должности командиров отдельных частей. Я встретил между ними много умных, искренних и мужественных людей, которые знали свое дело и выполняли его с тактом. Вышеупомянутый социал-демократический вождь, во изменение своих прежних взглядов, назвал

в разговоре со мной офицера генерального штаба душой ведения войны. Так оно и было.

После войны мне говорили, будто генеральный штаб из личных соображений неправильно мне доносил, и в течение долгого времени рисовал положение дел в розовом свете. Это утверждение не соответствует действительности и оскорбительно для генерального штаба, которому армия должна быть столь благодарна.

Я всегда отдавал все свое внимание не офицеру генерального штаба, а всему офицерству. Оно всегда казалось мне столпом армии. В одном из моих последних докладов в октябре 1918 года я высказал мнение о решительном значении офицеров для возрождения страны.

Наши офицеры исполнили свой долг. Их огромные потери красноречиво свидетельствуют об этом. Тот факт, что многие офицеры были слишком неопытны, не может являться упреком для них. Это зависело исключительно от условий войны и огромных потерь. И эти неопытные офицеры умели храбро итти на смерть. В бою, нужде и опасности солдат всегда обращался к своему офицеру, как бы он ни был молод, и брал с него пример. Пусть офицеры не сумели найти верного тона с подчиненными, пусть даже отдельные офицеры были глубоко виноваты перед ними,—на поведение офицерского корпуса в целом это не может бросить тени. Все было так хорошо, как только могло быть при данных условиях войны.

За долгое время позиционной войны опека над младшими начальниками приняла опасные размеры. Это было чрезвычайно уродливое явление, находившее себе об'яснение в необыкновенно сильном развитии телефонных сообщений, а отчасти в неопытности младших начальников. Каждый начальник нуждается в просторе для своей работы. Я все время воздействовал на командный состав и на генеральный штаб в том смысле, чтобы в этом отношении не применялись какие-либо ограничения, противные самому существу войны.

Подготовка армии для обороны являлась для верховного командования колоссальной работой. Я получил удовлетворение в том отношении, что штабы армий западного фронта разделили точку зрения, которая лежала в основе наших мероприятий.

К исходу января 1917 г., конечно, ничего не было еще доведено до конца. Новые формирования и реорганизация были в полном ходу. Армии начинали лишь постепенно крепнуть. Части слишком сильно пострадали. Основные положения новых наставлений были усвоены, но не сделались еще общим достоянием войск. Военное снаряжение все еще хромало. Напряженное состояние на западном фронте не было окончательно ликвидировано, несмотря на все усилия и усиленную работу.

По таким же принципам, как на западе, велась усердная работа на востоке и в Румынии. Изменение их, соответственно потребностям дан-

ного театра военных действий, было предоставлено главнокомандующему востоком и генерал-фельдмаршалу фон-Макензену. Состояние находившихся там войск было в общем такое же, как и на западе.

Были сделаны шаги по обучению австро-венгерской армии. Ее силы росли медленно.

Генерал фон-Белов принялся также за болгарскую армию, но язык и народные чувства болгар отделяли их от нас. Вследствие недоверия болгар к германской опеке, нам было трудно завоевывать там почву. Все же стойкость болгарских войск начала повышаться, хотя их командование не делало для этого ничего существенного.

Из всех турецких командующих армиями один Лиман-паша работал с известным успехом над обучением армии. Турецкие дивизии в Галиции и Румынии были обучены по германскому образцу. Их состояние было удовлетворительное, но на остальных театрах войны оно продолжало оставаться на низком уровне, несмотря на все усилия турецкого генерального штаба.

Верховное командование испробовало все, чтобы улучшить военный аппарат. Попытка усилить его количественно путем образования польской армии, чтобы сравняться с неприятелем, потерпела тем временем полное фиаско.

X.

В четверном союзе витала мысль об использовании для ведения войны способных носить оружие освобожденной нами от русского ига Польши. Она приходила мне в голову и раньше, и я оказывал содействие набору в польский легион. Правда, дело шло плохо. Организация польского легиона, состоявшего преимущественно из галицийских поляков, должна была остаться в прежнем виде, русские же поляки держались совершенно особняком.

В первый период войны Польша рассчитывала получить самостоятельность при помощи России. Изданный великим князем Николаем Николаевичем манифест обещал восстановление королевства в прежних границах под скипетром русского царя и, без сомнения, произвел глубокое впечатление на всех поляков. Теперь военное положение совершенно изменилось. Только идя вместе с центральными державами, они могли рассчитывать на самостоятельность своего народа, при условии, что Россия будет разбита. Нам надо было стремиться к этому по военным соображениям. Мне казалось возможным, что Польша отдаст своих сынов, чтобы освободиться от России. В этом, как и во многом другом, ее интересы совпадали с интересами центральных держав.

Когда я занял 29-го августа пост первого генерал-квартирмейстера, между имперским канцлером и бароном фон-Бурианом, общим министром иностранных дел двуединой монархии, уже состоялось 11-го августа в Вене соглашение, по которому Германия и Австро-Венгрия обязы-

вались создать самостоятельное польское королевство с наследственной монархией и конституционным образом правления, с единой армией, руководство которой должно было лежать в руках Германии. Оба монарха должны были об'явить в ближайшем будущем о своем намерении основать это национальное государство, осуществление конституции которого предполагалось на некоторое время отложить. Вильна также была обещана Польше, границы которой предполагалось отодвинуть возможно дальше на восток, поскольку это удастся осуществить в мирном договоре.

Будущая Польша должна была войти в союз обеих империй и соответственно ориентировать свою иностранную политику.

Обе центральные державы взаимно гарантировали находившиеся в их владении польские земли и обсуждали исправление границ за счет русской Польши, необходимое в целях обеспечения военных интересов их территории. Эти исправления должны были ограничиться лишь самым необходимым в военном отношении. Г-н фон-Бетман много раз спрашивал меня осенью 1914 года и в течение 1915 г. о моих взглядах на проведение границы.

Взгляды на экономическое будущее Польши расходились. Г-н фон-Бетман мечтал о таможенном союзе с Германией. Граф Буриан находил это требование чрезмерным и стремился к таможенной самостоятельности Польши.

По обоюдному желанию было установлено возможное смягчение таможенного и транспортного разграничения между территориями, находившимися в германском и австро-венгерском управлении.

Особых оговорок, на случай маловероятного сепаратного мира с Россией, сделано не было.

Было ясно, и за это говорит характер как г-на фон-Бетмана, так и барона Буриана, что этому соглашению предшествовали очень долгие обсуждения, вероятно еще с 1915 года.

Как бы то ни было, 5-го апреля 1916 года имперский канцлер заявил, что польский вопрос выдвинулся в порядок дня, и Германия и Австро-Венгрия должны найти его решение.

Варшавский генерал-губернатор тоже занялся вопросом о создании польской армии и пришел к необычайно благоприятным выводам.

Таким образом, по соглашению между руководящими государственными деятелями, было решено основание польского королевства с собственной армией. Генерал-губернатор Польши считал образование польской армии не только возможным, но и открывающим, по его наблюдениям, большие перспективы. Чрезвычайно напряженное военное положение делало уравнение сил более чем необходимым для четверного союза. На верховном командовании лежал долг—дать дальнейшее течение вопросу о создании польской армии. Всякое промедление было бы ошибкой; ведь вопрос все время шел о победе или поражении, о смерти

или жизни германского народа. Над будущими днями будут довлеть свои заботы. Наше военное положение в начале сентября слишком рельефно подчеркивало нам окружавшую нас опасность.

Вскоре в Плессе состоялся ряд совещаний по польскому вопросу с ответственными за политику и ведение войны в Германии и Австро-Венгрии лицами и с генералом фон-Безелером, причем для меня представлял интерес только вопрос о польской армии, как новом источнике сил для ведения войны.

Генерал фон-Безелер остался на своей доброжелательной точке зрения, хотя генерал фон-Конрад настойчиво предостерегал от всякого оптимизма. Основной предпосылкой полного успеха генерал фон-Безелер считал провозглашение королевства и образование в Польше единого управления с присоединением Люблинского генерал-губернаторства к Варшавскому. Только тогда поляки увидят, что центральные державы серьезно приступили к осуществлению польских планов. По-моему также в этом заключалась суть дела. В интересах образования польской армии, я горячо выступил против барона Буриана в защиту соединения обоих генерал-губернаторств. Руководящие государственные деятели не пошли на слияние. Для барона Буриана стремления двуединой монархии и боязнь внутренних осложнений стояли выше интересов ведения войны. Проект соединения обоих генерал-губернаторств, защищавшийся верховным германским командованием и генералом фон-Безелером, был положен под сукно. Несмотря на это, генерал фон-Безелер считал возможным создать армию, если центральные державы провозгласят образование польского королевства. Он предложил сформировать сначала 4—5 дивизий, основанием которых должен был явиться польский легион. Он рассчитывал предоставить их в распоряжение верховного командования в апреле 1917 года и приступить тогда к дальнейшим формированиям. Это было немного, но можно было надеяться на большее. Война могла тянуться еще годы. Приходилось итти навстречу всякой возможности притока новых сил. Военная обстановка повелевала согласиться на предложение генерала фон-Безелера. Верховное командование вступило на путь, возможность которого доказывал фон-Безелер [1]).

После этого имперское правительство перешло к выполнению программы г-на фон-Бетмана и барона фон-Буриана по созданию польского королевства, а мы с генералом фон-Безелером и австро-венгерским верховным командованием обсуждали вопрос о сформировании польской армии.

Помощник статс-секретаря Ваншаффе просил меня высказать министру фон-Лебелю мое мнение о необходимости польской армии. Я исполнил его просьбу, и в частном письме мотивировал эту необходимость железными требованиями войны на человеческий материал.

---

[1]) Людендорф, обычно выдвигающий на первый план свою личность, очерчивает свое отношение к польскому вопросу чисто пассивно; в этом месте своих воспоминаний, повидимому, он не вполне искренен. (Прим. редакции).

Я не знаком с подробностями дальнейшего хода дела в Берлине. Имперский канцлер и генерал фон-Безелер горячо выступили там в защиту создания польской армии и образования польского королевства. Однако, у многих немцев появились большие сомнения относительно создания польского королевства. Немедленно из Берлина распространились слухи о том, что этот план принадлежит мне. Я неоднократно просил правительство раз'яснить ход событий, но, несмотря на мои просьбы, не нашлось, к сожалению, ни одного государственного деятеля, который бы дал правильное освещение вопросу. Как и по вопросу о подводной войне, верховное командование осенью 1916 года снова вовлекалось в политические разногласия, против своей воли, и на этот раз в форме, искажавшей действительное положение вещей. Можно ли удивляться, что это возмущало меня и как человека? Все работавшие со мной знают, что я был всегда готов к откровенной беседе и охотно выслушивал все возражения, но зато требовал безусловной правдивости.

Имперский канцлер привлек меня еще к составлению воззвания об основании польского королевства.

Воззвание было неясно—я это высказал.

Провозглашение королевства, состоявшееся 5-го ноября, как и все мероприятия, принимавшиеся к образованию польской армии, было ударом впустую. Очень скоро нам стало ясно, что генерал фон-Конрад правильно оценивал положение. Мне пришлось окончательно отказаться от всякого увеличения наших сил польскими войсками. Генерал фон-Безелер признал теперь свою ошибку. Таким образом, вопрос об организации польской армии потерпел окончательное крушение. Отныне верховное командование заняло отрицательную позицию в вопросе об образовании национального польского войска, мысль о котором всплывала время от времени и отстаивалась генералом фон-Безелером и австро-венгерским правительством. Вооружение Польши, при ее неясной позиции, казалось нам опасностью, бороться с которой мы считали своим долгом, как раньше считали долгом попытаться получить за счет Польши приток сил.

Бесконечно много времени и сил ушло на эти бесплодные переговоры, единственный интерес которых лежал в упорстве, с которым австро-венгерские государственные деятели отстаивали в Польше свои цели против нас.

Образование польской армии отпало по политическим причинам. Польша предпочитала, повидимому, добиться своей цели, опираясь на Антанту, против Германии и Австро-Венгрии. Людей у Польши было достаточно, даже после выделения рабочих сил в Германию и Австро-Венгрию. Вопрос о людях в этом смысле вообще не играл никакой роли при обсуждении создания армии. Ясно, что мы и дальше продолжали добывать в Польше рабочие силы в возможно большем количестве и пользоваться средствами страны.

Если теперь стараются связать нынешнее положение дел в Польше и в наших восточных провинциях с попыткой восстановления польского королевства, то в этом заключается большое преувеличение. Эти явления наступили бы и без провозглашения королевства, и без попыток образовать польскую армию,—они об'ясняются исключительно историческими причинами, сильным польским национальным самосознанием и постоянными противоречиями интересов Германии и Польши.

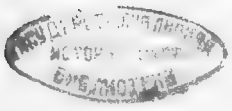
При разговорах о создании польского королевства и образовании польской армии мы обсуждали также возможность сепаратного мира с Россией. Указывалось на затруднения, которые, естественно, создадутся для него благодаря польским проектам центральных держав. Сепаратный мир с Россией всегда имел особое значение в мышлении германского народа; еще осенью 1914 года я получил «доверительное» известие о присутствии в Берлине графа Витте. Конечно, это было фантазией. Англия и Франция слишком прочно держали Россию в своих руках. Штюрмер уже давно стал председателем совета министров. Теперь опять заговорили о возможности мира при его содействии. И мне, конечно, мир с Россией был бы гораздо приятнее, чем вся польская армия, тем более с польским королевством, к которому я, как уроженец Познанской провинции, относился в глубине души отрицательно. Польская армия могла дать нам лишь несколько дивизий, значение которых совершенно отпадало бы перед фактом выхода России из числа врагов Германии. В этом очень просто было убедиться арифметическим подсчетом. Не стоит терять на это время. Беда была в том, что и в этом случае одни желания и надежды не могли дать мира, а дальше пожеланий и надежд имперское правительство и дипломаты не шли. Они, вероятно, и сами чувствовали, что не имели почвы под ногами, иначе они не выступили бы в августе с польской программой, резко направленной против России. И теперь дело ограничилось размышлениями о мире, какие можно было вести каждый день. О сколько-нибудь конкретной возможности вступить с Штюрмером в какие-либо сношения не было и речи, точно так же, как и о каких-либо самых отдаленных попытках последнего [1]). В возможность мира с Россией никто не верил. Военное положение в сентябре и октябре было неподходящим, даже если Антанта в октябре и поняла, что большое наступление осенью 1916 г. не удалось. 21-го октября имперский канцлер высказался в том духе, что в настоящий момент не имеется никаких видов на сепаратный мир с Россией, так как последняя находится в слишком большой зависимости от Англии.

---

[1]) Граф Чернин дает определенные указания на начало таких сношений в конце 1916 г. и начала 1917 г., прерванных (вызвавших) февральской революцией. (Примечание редакции).

Чтобы создать для верховного командования основы дальнейшего ведения войны и усилить военный аппарат, мне надо было глубоко вспахать обширное поле. Я, конечно, не мог сам повсюду итти за плугом и сеять. Там, где я находил разумных сотрудников и такое же серьезное понимание войны, вырастало доброе семя; часто, однако, оно росло скудно, и поле не приносило плодов; а иногда вырастали плевелы и заглушали хорошие ростки.

Конец первой части.



ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие к русскому изданию 3

Предисловие 6

Мой образ мыслей и действий 7

Сущность войны. Армия и родина. Мое отношение к политическим вопросам. Генерал-фельдмаршал фон-Гинденбург. Жизнь в штабе. Мои сотрудники.

Льеж 25

Работа в генеральном штабе в мирное время. В должности командира полка и бригады. Обер-квартирмейстер 2-й армии. Бой у Льежа. Взятие фортов.

В должности начальника штаба на востоке с 22-го августа 1914 г. по 28-е августа 1916 года.

Танненберг 38

Вызов на восток. План сражения. Сражение. Развертывание против Ренненкампфа. Бои у Мазурских озер. Образ действий русской армии. Изменение обстановки на западе.

Осенняя кампания 1914 года в Польше. 63

В австро-венгерской ставке. Развертывание в Верхней Силезии. Район наступления. Наступление на Вислу. Бой на Висле. Отступление от Варшавы. Отступление к германской границе. Главнокомандующий востоком. Сосредоточение всех сил. План операции. Бои в северной Польше.

Зимнее сражение в Мазурии, февраль—март 1915 года. 94

Начальник штаба южной армии. План операции. Сражение. Результаты сражения. Русская контр-атака. Окончательное освобождение Восточной Пруссии.

Летняя кампания на русском фронте 1915 года. 112

План решительной борьбы на востоке. Вторжение в Литву и Курляндию. Галицийский прорыв. Формирование Нарева. Бои восточнее Вислы. Взятие Ново-Георгиевска. Наступление в восточную Польшу. Переправа через Неман. Атака Неманской армии. Исход летней кампании.

Ставка главнокомандующего востоком в Ковне с октября 1915 по июль 1916 года 139

Время затишья. Мировое положение осенью 1915 года. Исторические впечатления. Укрепление фронтов. Страна и население. Задачи администрации. Административные округа. Административное устройство.

Борьба и кризис на востоке. 167

Предположения на кампанию 1916 года. Бои у озера Нароч. Война на море. Русские атаки. Переговоры в ставке.

Расширенное командование на восточном фронте, август 1916 г. 186

У вновь подчиненных начальников. Возобновление русского наступления

Стр.

В должности первого генерал-квартирмейстера с 29 августа 1916 г. по 26 октября 1918 года.

Наступление Антанты осенью 1916 года. 193

Германия и ее союзники. Основание положения для румынского похода. Ведение войны Болгарией. Ведение войны Турцией. Общее военное руководство. Военное и политическое руководство в Германской империи. Впечатления на западном фронте. Сражения на Сомме и первые бои с румынами. Момент, предшествующий решению в Румынии. Поход в Валахию.

Общее положение в конце 1916 и начале 1917 г. 244

Превосходство противников в людях и военном снаряжении. Вопрос о мире. Вопрос о подводных лодках. Мирное посредничество президента Вильсона. Император Карл и его советчики.

Основы дальнейшего ведения войны и военный аппарат. 262

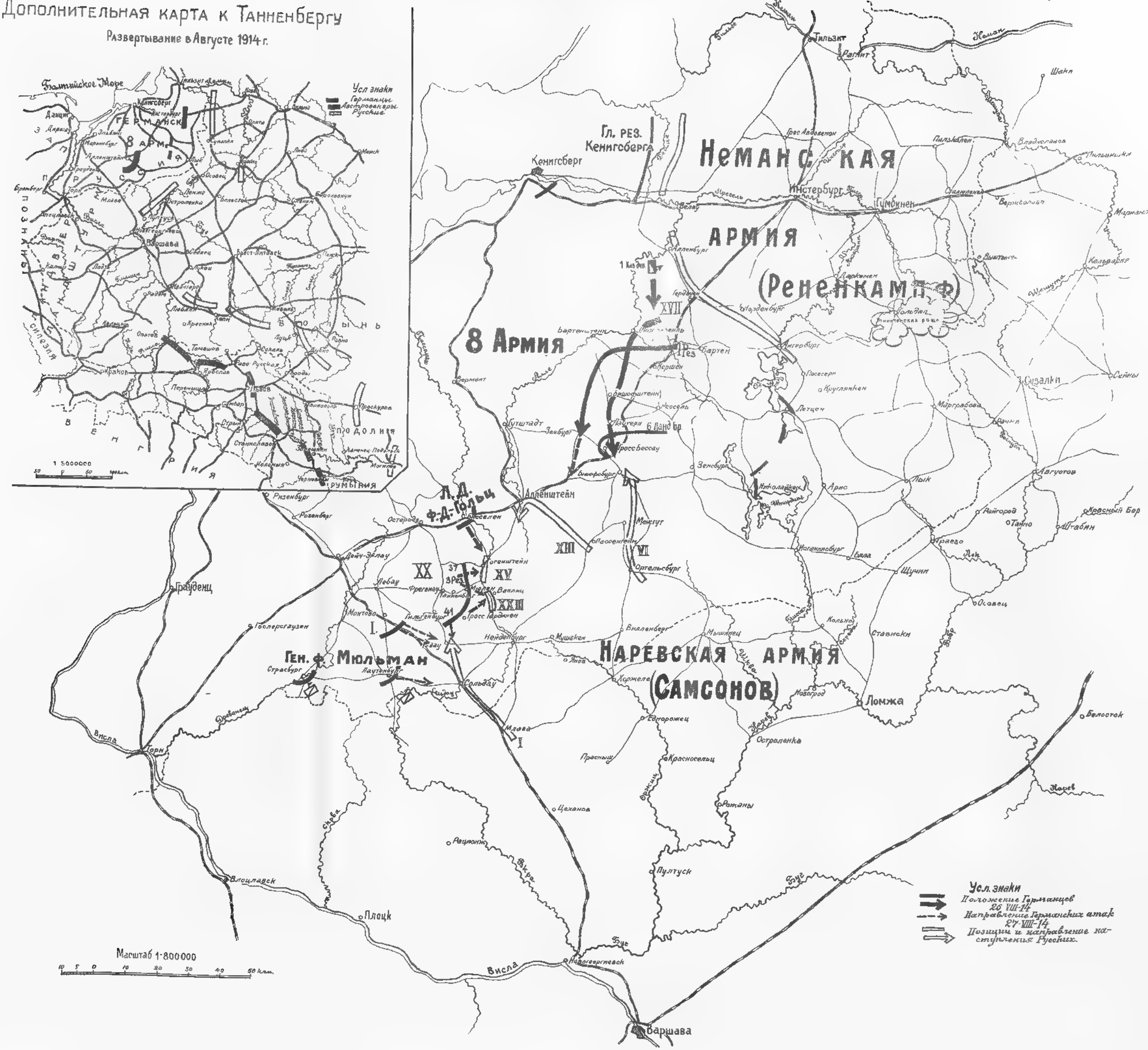
Закон о принудительной вспомогательной службе. Программа Гинденбуга. Снабжение сырьем. Продовольственный вопрос. Значение Румынии для дальнейшего ведения войны. Борьба на внутреннем фронте. Духовное разложение народа и руководство печатью. Пропаганда. Войска и начальники. Польская армия.

Опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Следует читать.
29	17 снизу	обер-квартермейстером	обер-квартирмейстером
43	6 снизу	пехотних	пехотных
46	9 снизу	25-го и 25	25-го и 26-го
57	23 снизу	фронет	фронте
91	18 снизу	очерченой	очерчен
116	3 снизу примечание 1	Филькенгайн	Фалькенгайн
119	19 и 20 сверху	Я глубоко сожалею, что на запрос трудности, нельзя было рассчитывать. Я глубоко сожалею на запрос	Я глубоко сожалею, что на запрос верховного командования не мог высказаться в пользу этой операции
121	17 сверху	русксом	русском
130	2 и 3 сверху примечание 1	как совершенно не развитой в умственном отношении человек.	как совершенно неразвитого в умственном отношении человека.
148	6 сверху	заотиться	заботиться
175	8 снизу	довоеенный	довоенный
195	10 снизу	неприятия	неприятеля
198	6 сверху	врасполох	врасплох
202	10, 11, 12, 13, 14	Болгарская армия и сама Болгария хотели вести войну постольку, кой державой Солканского полуострова. Во имя этого сражалась болгар поскольку это отвечало их национальному стремлению сделаться великой державой Балканского полуострова. Во имя этого сражалась болгар конских войнах.	Болгарская армия и сама Болгария хотели вести войну постольку, поскольку это отвечало их национальному стремлению сделаться великой державой Балканского полуострова. Во имя этого сражалась болгарская армия, не излечившаяся еще от ран, полученных в обоих балканских войнах.
207	8 сверху	генерал-ввартирмейстера	генерал-квартирмейстера
211	7 снизу	ождиали	ожидали
212	4 сверху	мением	умением
214	1 сверху	всих	всех
217	10 и 11 снизу	пебедителя	победителя
218	3 снизу	Чобы	Чтобы
231	15 снизу	перейти	перейдет
240	1 снизу примечание 1	усиленне	усиление
242	12 сверху	шар	шаг
252	3 снизу примечание 1	прочие	прочее
273	1 снизу	форнте	фронте
278	1 сверху	евлика	велика
280	21 сверху	внтренней	внутренней
282	6 сверху	яляется	является

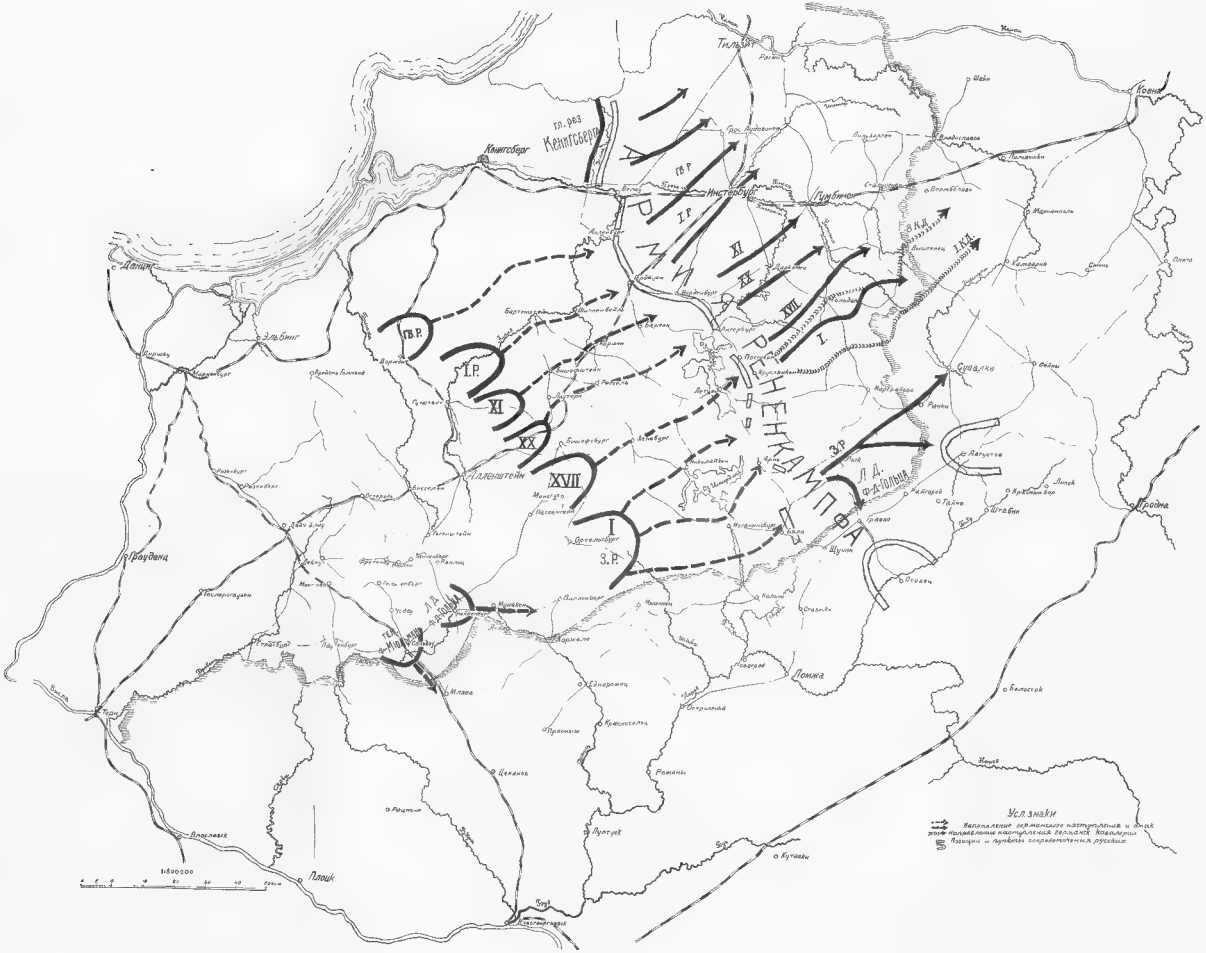
ТАННЕНБЕРГ. 1914.

Карта I.



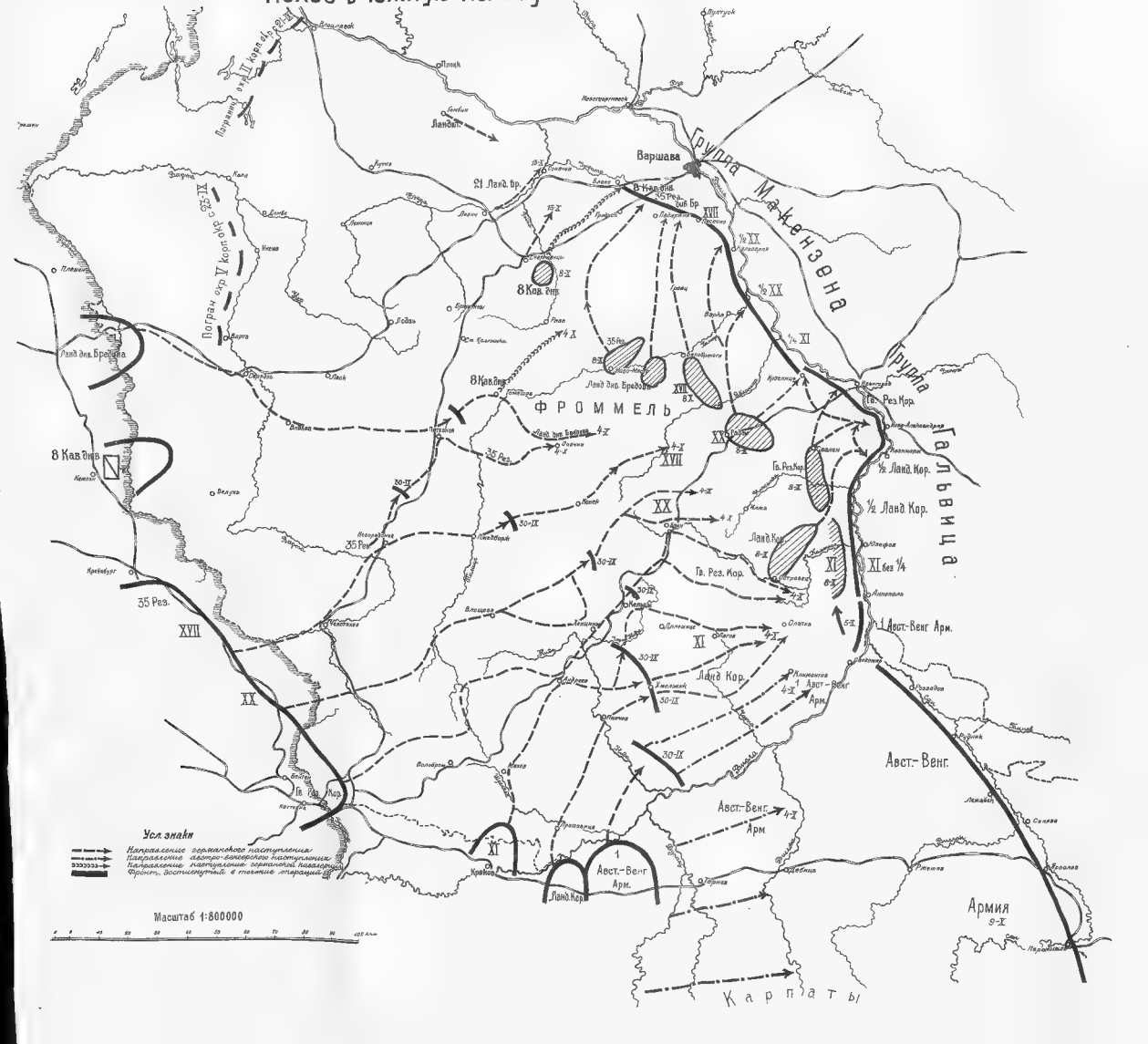
СРАЖЕНИЕ В МАЗУРСКИХ ОЗЕРАХ 1914

Карта II



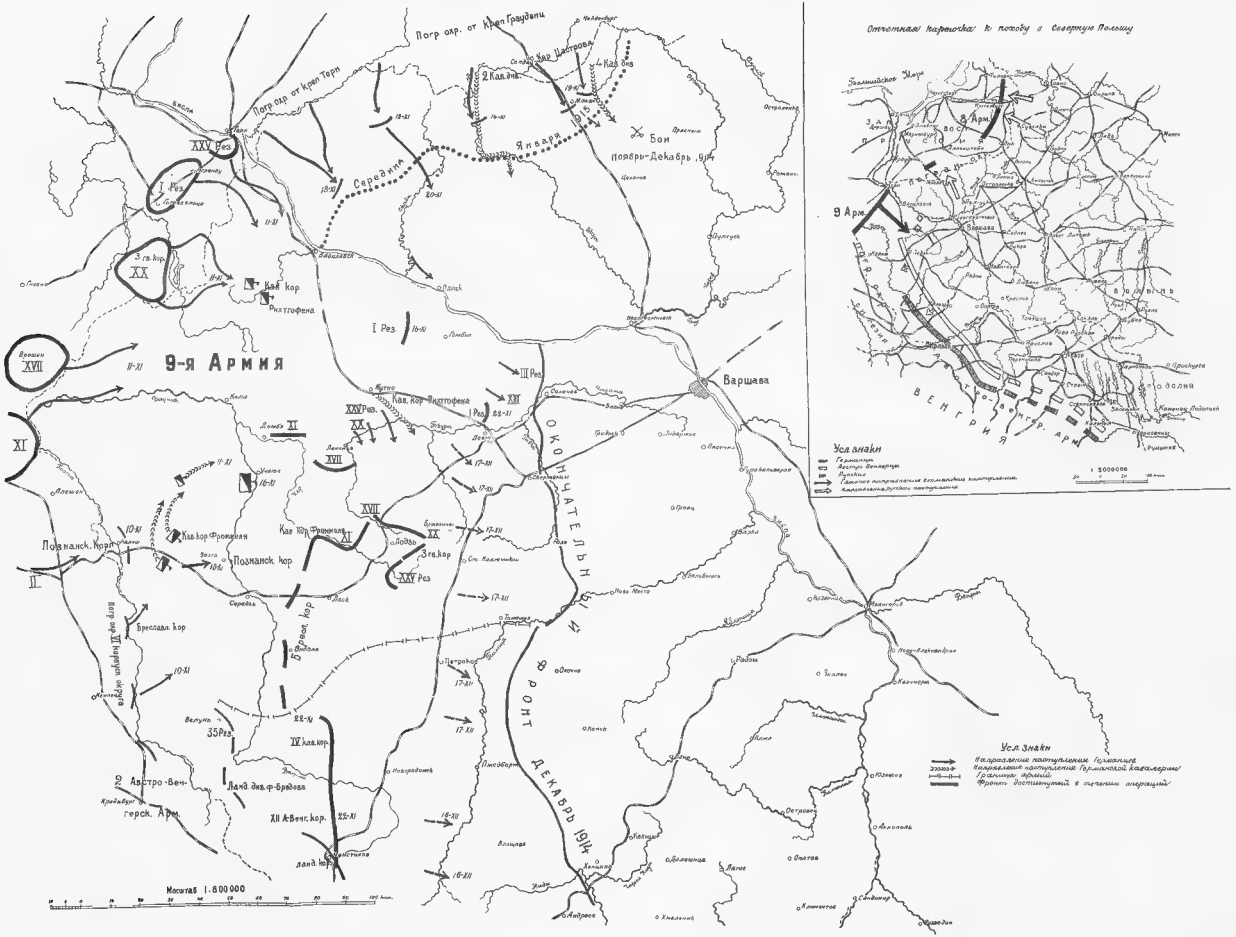
Поход в Южную Польшу. Осень 1914 г.

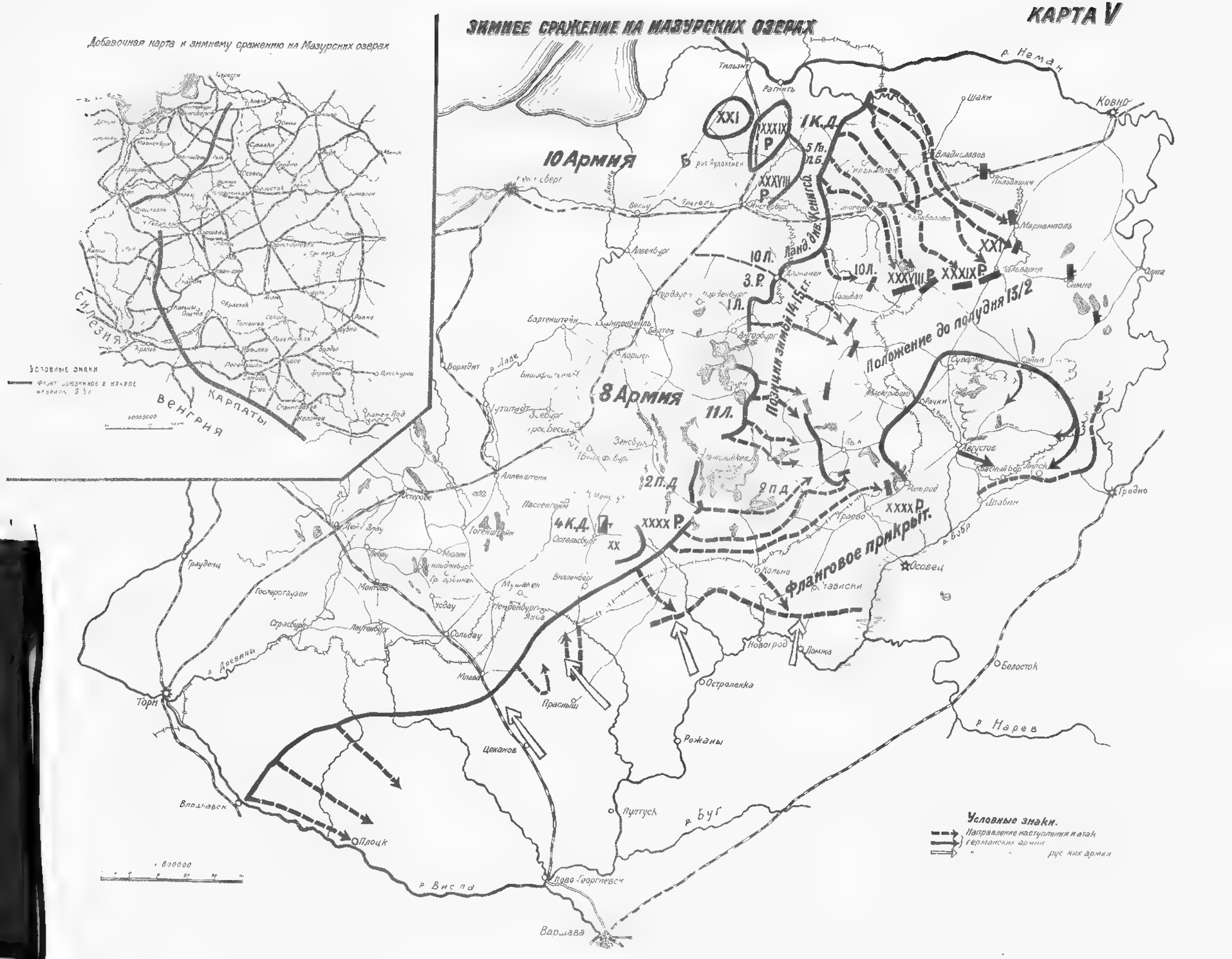
Карта III



Карта IV

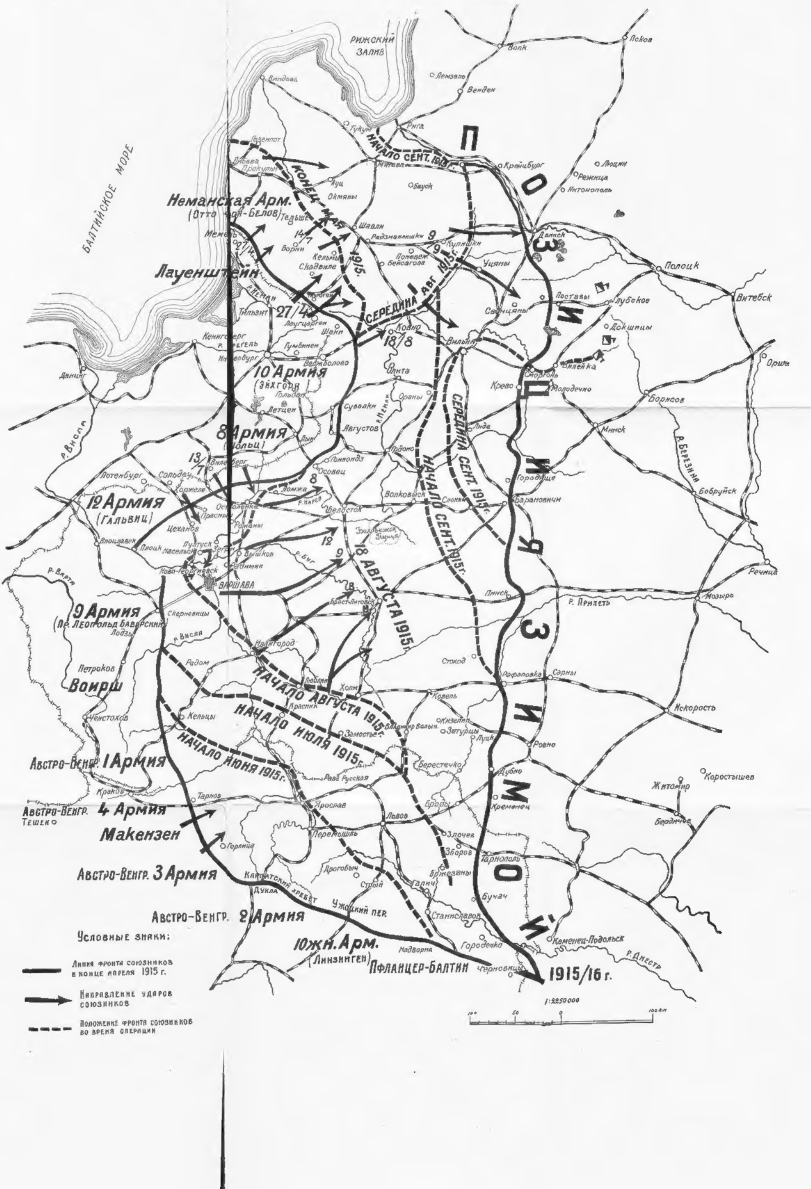
ПОХОД В СЕВЕРНУЮ ПОЛЬШУ. ОСЕНЬ 1914.




КАРТА V
ЗИМНЕЕ СРАЖЕНИЕ НА МАЗУРСКИХ ОЗЕРАХ
Добавочная карта к зимнему сражению на Мазурских озерах
Силезия
Венгрия
Карпаты
Условные знаки
10 Армия
8 Армия
XXI
XXXIX Р
XXXVIII Р
1 К.Д.
Ланд. див. Кенигсб.
10 Л.
3. Р.
1 Л.
11 Л.
2 П.Д.
2 П.Д.
4 К.Д.
XX
XXXX Р.
XXXVIII Р.
XXXIX Р.
Позиции зимой 14-15 гг.
Положение до полудня 13/2
Фланговое прикрыт.
р. Неман
Тильзит
Рагнить
Шаки
Ковно
Владиславов
Инстербург
Мариамполь
Кальвария
Симно
Алленбург
Гольдап
Ангербург
Сувалки
Сейны
Августов
Липск
Гродно
Штабин
Райгрод
Граево
Кольно
Осовец
Стависки
Новогрод
Ломжа
Белосток
Остроленка
Рожаны
Пултуск
Прасныш
Цеханов
Млава
Сольдау
Найденбург
Остероде
Алленштейн
Вормдит
Торн
Грауденц
Страсбург
Влоцлавск
Плоцк
Ново Георгиевск
Варшава
р. Висла
р. Буг
р. Нарев
р. Бобр
р. Древенц
Условные знаки.
Направление наступления и атак германских армий
русских армий
1:800000

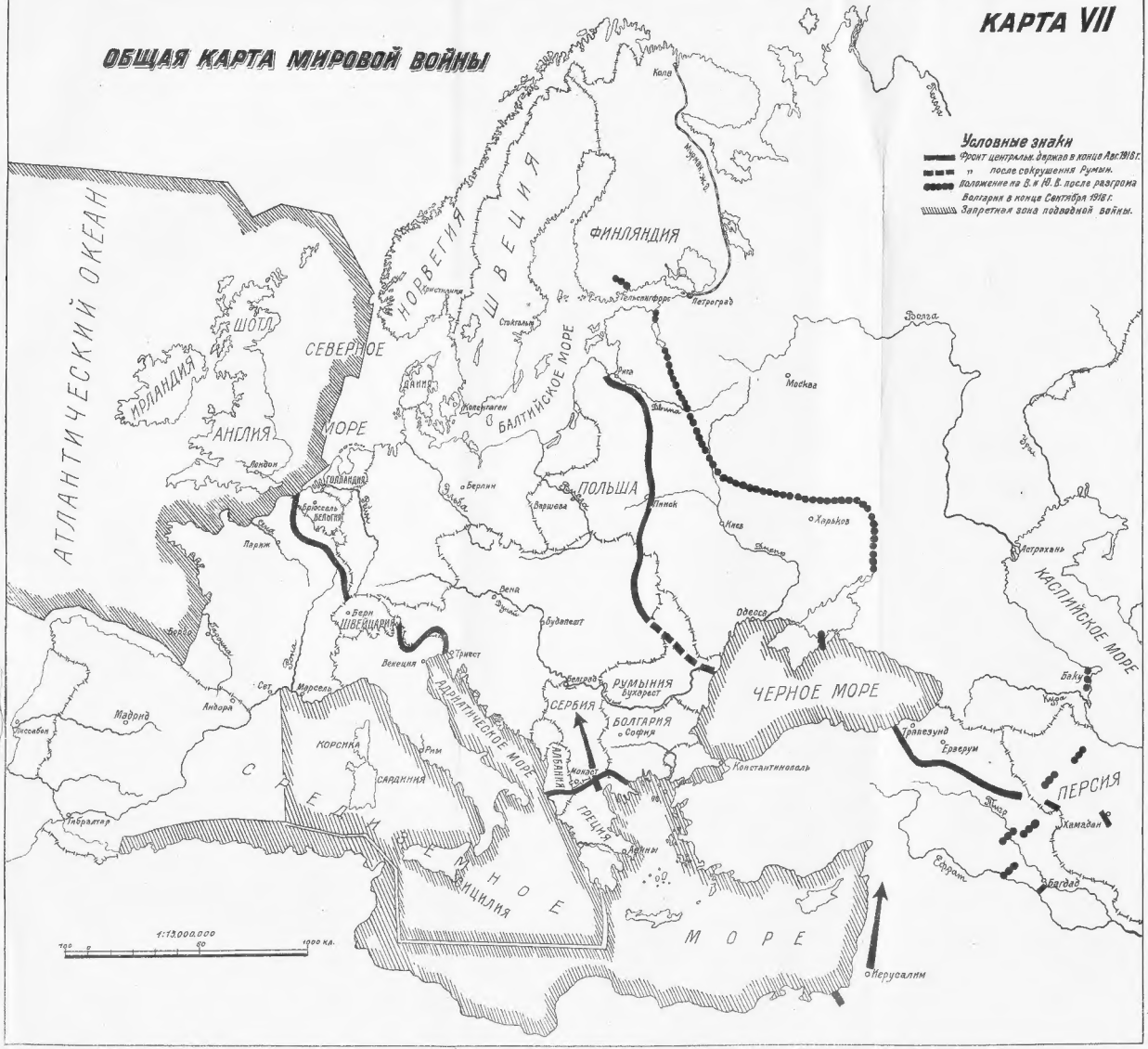
КАРТА VI

ЛЕТНЯЯ КАМПАНИЯ 1915 г. НА РУССКОМ ФРОНТЕ



КАРТА VII

ОБЩАЯ КАРТА МИРОВОЙ ВОЙНЫ



КАРТА VIII

1916 г. ПОХОД ПРОТИВ РУМЫНИИ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА